Годы в броне

Давид Абрамович
Драгунский

SHOUT
SHARE
IT

- Драгунский Давид Абрамович

Драгунский Давид Абрамович
Годы в броне

Драгунский Давид Абрамович
Годы в броне
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск Д. А. Драгунский в годы Великой Отечественной войны командовал сначала отдельным танковым батальоном, а затем - танковой бригадой. В своих воспоминаниях он показывает мужество и высокое боевое мастерство советских танкистов. Правдиво нарисованы образы видных военачальников Советской Армии, командиров частей и подразделений, политработников и рядовых воинов.

Содержание

Дипломы получате после войны
Прощай, академия!
Встреча с Полем Арманом
Первый поединок
Генерала принимают в партию
Ошибка
Мы будем в Берлине!
Здравствуй, юность!
Фронтовые дороги
Осенью сорок первого
Перемены в моей судьбе
Снова на фронт
Под Киевом
Смерть - не сметь!
На реке Тетерев
Спасибо, товарищи медики!
Опять в строю
Дорогами наступления
Боевая тревога
На польской земле
На оперативных просторах
Правнуки Кутузова
В конце войны
Перед последним броском
Тельтов-канал
В Берлине

Вперед, на Прагу
Идут победители
Примечания
Подвигам павших и живых посвящается эта книга
Автор
Дипломы получите после войны
Прощай, академия!

Война застала меня в крепости Осовец, на одной на дальних точек нашей западной границы. В этом гарнизоне размещались части 2-й белорусской дивизии, в которой мы - слушатели старшего курса Военной академии имени М. В. Фрунзе проходили сборы и стажировку. Мне повезло: я вновь оказался в родном полку, в котором начинал свою службу красноармейцем. Тогда он располагался в живописных лесах неподалеку от Минска.

С тех пор прошло восемь лет. Из новобранца и рядового 2-й роты 4-го стрелкового полка я превратился в командира и слушателя академии.

Попав из Москвы в приграничную зону, я и мои товарищи острее почувствовали приближение надвигающейся грозы. Наша казарма стояла почти у самой границы, по другую сторону которой (мы уже знали это) притаились фашистские войска.

В те дни в районе Белостока и Гродно стояла ясная, солнечная, теплая погода. Лето вступало в свои права, и полевые занятия на наших курсах шли по утвержденным графикам. В субботу, 21 июня 1941 года, нашу группу занесло в лесные дебри: отрабатывалась тема "Действия войск в лесисто-болотистой местности". По плану мы должны были заночевать в осовецких лесах. Однако для нас не осталась тайной странная озабоченность начальника курса генерала Якуба Джанбировича Чанышева и его заместителя по политической части Александра Петровича Чепурных. Посовещавшись между собой, они вдруг отменили занятие. Мы возвратились в свою крепость.

В гарнизоне в предвыходной день все шло как обычно. Широко распахнул перед нами свои двери Дом Красной Армии. В большом зале крутили кинокартину. В боковом крыле - в столовой и у буфета - толпились любители пива.

Последняя предвоенная ночь ничем не отличалась от предыдущих, хотя все, кто находился в Осовце, давно чувствовали приближение войны.

Странно все же устроен человек. Готовишься месяцами к какому-то неизбежному событию, но вот оно наступает, и кажется, что все произошло внезапно.

Так случилось и со мной, когда вблизи нашей казармы разорвались тяжелые снаряды, а над городком появились

немецкие самолеты.

Из шокового состояния меня вывела непрекращающаяся стрельба зениток. Вражеский снаряд развоpотил угол казармы. Одеваясь на ходу, мы выскочили на улицу, где уже раздавались команды командиров. Войска оставляли гарнизон и уходили занимать оборону на подготовленных позициях.

Выбравшись из горящей крепости, слушатели несколько часов ожидали решения командования. Во второй половине дня нам объявили, что мы должны вернуться в Москву, в свою академию. Колонна машин со слушателями оставила горящий Белосток.

Дороги на Слоним и Барановичи забиты нескончаемым потоком беженцев. Это были в основном женщины и дети, старики и больные. На тележках, велосипедах и пешком двигались они на восток.

Фашистские стервятники не щадили эту беззащитную массу людей, с бреющего полета они в упор расстреливали женщин и детей. Плач, стоны, проклятия фашистским извергам слышались на дорогах. Огромные столбы пыли заволакивали небо. Нещадно палило солнце. Нечем было дышать. Не было воды, чтобы утолить жажду. Обессилевшие люди падали на обочины дорог. Многие больше так и не поднимались...

Миновав Барановичи, Минск, Смоленск, мы через несколько дней добрались до Москвы.

* * *

Наша академия жила войной, и только войной. Родная Фрунзевка напоминала бурлящий поток. В классах и аудиториях, в читальных залах и коридорах шумно и гневно обсуждались тревожные сводки Совинформбюро.

В просторном вестибюле во всю стену висела карта Советского Союза. Синие флажки на ней передвигались все дальше на восток. Видя это, трудно было заставить себя спокойно заниматься в академии.

"Немедленно уйти на фронт!" Эта мысль сверлила мозг, не давала покоя.

Могли ли мы, питомцы академии, выращенные и воспитанные нашей партией и комсомолом, в эти тяжелые для Родины минуты оставаться в стороне?! Заявления а рапорты подавались на имя начальников курсов и факультетов. Просьбы сыпались к наркому обороны. Мой рапорт мне вернули с резолюцией: "И до вас дойдет очередь. Вы проявляете недисциплинированность и невыдержанность. Начальник академии генерал-лейтенант Веревкин-Рахальский".

С этим отказом я носился по коридорам академии, возмущался, грозил написать жалобу.

И я был не одинок. Такие же резолюции получили многие слушатели. А наш старший преподаватель полковник Павел Степанович Мерзляков за проявленное всей группой во главе с ним самим "фронтовое настроение" наработал строгое внушение.

И все же наш выпускной курс постепенно таял. Одних направляли сразу в действующую армию, а других посылали в тыл формировать новые подразделения и части. Посчастливилось пехотинцам, кавалеристам, артиллеристам, саперам и связистам. Нам, танкистам, не везло. Спрос на нас был невелик: не хватало танков.

Занятия чередовались с дежурствами на крыше десятиэтажного дома. Пришел и мой черед в первый раз встать на вахту. Ночь была на редкость темная и безмолвная, совсем не похожая на предвоенные московские ночи. Город-великан погасил свои огни и сурово притаился внизу. Одиночные звезды сверкали в безоблачном небе. Между ними шарили прожекторы.

Дежурить мне посчастливилось с однокурсником и другом Володей Беляковым. Мы проговорили ночь напролет. Вспоминали общих друзей, ушедших в действующую армию, анализировали последние сводки Совинформбюро, мысленно переносились с одного участка фронта на другой.

Коротка летняя июльская ночь, но нам она показалась бесконечной. Быстрыми серыми тенями скользили машины с затемненными фарами. Замаскированные уличные фонари, занавешенные окна домов придавали улицам безжизненный вид. Вдали вырисовывались темные силуэты высоких зданий. Володя Беляков вдруг повернулся ко мне, глаза его сурово сверкнули:

- Скажи, только не виляй, неужели они докатятся до Москвы?..

Что мог я ответить? В те минуты я думал о том же.

Володя крепко сжал мою руку.

- Слушай, Дима, - произнес он непривычно торжественным голосом, - дадим друг другу клятву, что пройдем всю войну рядом, плечом к плечу, как шли до сих пор.

Его настроение сразу передалось мне.

- А если придется умирать, - продолжил я его мысль, - то умрем, как положено мужчинам и солдатам. Клянешься?

- Клянусь! - сказал Володя и обнял меня. - А Паша Жмуров? - вдруг спохватился он.

- Приведем и его к присяге! - пошутил я.

- Когда-то теперь зажгутся огни Москвы? - с грустью спросил мой друг.

- Зажгутся! - уверенно ответил я. - Обязательно зажгутся!

Ночь подходила к концу. Скоро стало совсем светло. Свежий

ветерок разогнал сон. Солнечные лучи постепенно рассеяли гнетущие мысли. Мы сдали дежурство и медленно направились в Хамовнические казармы, где находилось общежитие нашей академии.

Прошел месяц. Огонь войны со страшной силой полыхал над просторами Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии.

Очередная сводка Совинформбюро сообщала, что на фронте обозначилось еще одно направление - смоленское.

Синие флажки передвинулись дальше к востоку. Я молча отошел от карты и уныло побрел в аудиторию. В большом вале лекцию читал полковник Евгений Варфоломеевич Леошеня. Тема: "Инженерное обеспечение наступления стрелкового корпуса". Тягуче медленно, не повышая голоса, лектор излагал основы наступательного боя: "Основным видом боя является наступление. Оно, и только оно, приводит к полному разгрому врага и к победе над ним..." Плохо вязались слова лектора с последней сводкой! Подумать только - Смоленщина в огне! Мысли мои блуждали вокруг дорогих мест. Там, между Смоленском и Брянском, я родился, и теперь война вплотную подошла к моему дому. Я думал о судьбе отца, матери, сестер. Надо было принимать какие-то меры к их спасению. Решил сразу после занятий дать телеграмму родным, чтобы обязательно эвакуировались - ведь фашисты их не пощадят. Братьям моим повезло. Все трое на фронте, в действующих войсках, а я, хоть и имею боевой опыт, вынужден сидеть в Москве и заниматься только одним: ежедневно слушать лекции о наступлении и обороне. Дело в том, что наша кафедра стала в те дни более почтительно относиться к обороне. Не обошлось даже без крайностей: некоторые преподаватели начали возносить оборону до небес.

Резкий звонок прервал мои раздумья. Все заволновались: в зал стремительно вошла секретарь нашего курса Ольга Петровна. Звонким голосом она стала называть фамилии слушателей:

- Майор Григорьев Василий Андреевич, майор Федоров, капитан Коткин Григорий Михайлович, старший лейтенант Драгунский Давид Абрамович, в отдел кадров!

От неожиданности я вздрогнул. Неужели свершилось? Володя Беляков и Павел Жмуров, сидевшие рядом, вскочили с мест, стали обнимать и поздравлять меня.

Так каждый из нас воспринимал весть об отправке на фронт.

Григорьев, Коткин, Федоров и я сидели в разных углах лекционного зала. Все четверо сразу поднялись. По установившимся традициям нас пропустили вперед. Прощальным взглядом я окинул своих однокурсников. Медленно, словно

торжественным маршем, мы шли по залу.

В коридоре нас покинуло внешнее спокойствие - стремглав побежали в отдел кадров. До чего краток приказ, а ведь в нем определена судьба человека! Григорьев назначен командиром танкового полка, майор Федоров начальником штаба этого полка. Я и Коткин - командирами батальонов. К вечеру мы должны выехать на Западный фронт.

Как угорелые носились мы с бегунками по различным службам. Наконец бегунки с двадцатью подписями заполнены, расчеты с академией закончены и мы предстали перед начальником академии генералом Николаем Андреевичем Веревкиным-Рахальским.

Стройный, подтянутый, он внимательно наблюдал за нами сквозь пенсне. А мы сидели за длинным столом немного усталые и взволнованные.

Как ни рвались мы на фронт, но в ту минуту трудно было расставаться с преподавателями и слушателями, с крепко полюбившейся академической семьей.

Я удивился, когда начальник академии обратился ко мне:

- Видите ли, товарищ Драгунский, в жизни не следует опережать события. Я знал, что вы были недовольны моим ответом, даже резко осуждали меня за отказ, но в такой час не будем ссориться... Желаю всем вам хорошо воевать. Мы верим, что питомцы академии имени Михаила Васильевича Фрунзе достойно проявят себя на фронте.

Мы встали. Торжественно прозвучали ответные слова, произнесенные майором Григорьевым. Потом генерал вышел из-за стола, пожал нам руки, тепло попрощался и уже вдогонку произнес:

- А насчет дипломов не беспокойтесь. Дипломы получите после войны. Мы засчитаем вам успешные действия на фронте и рады будем поставить отлично...

Хлопоты, связанные с нашим отъездом, закончены. Чемоданы уложены, громоздкие вещи розданы. Володе Белякову я подарил свою подушку. Он был явно не в духе, фыркал и отказывался. Володе предстояло остаться в стенах академии и по-прежнему слушать лекции, участвовать в семинарах, решать тактические задачи.

- Замучили вы меня своими подарками, - в сердцах сказал он. - Кто ни уезжает, обязательно сует мне подушку, одеяло и всякое барахло. Скоро открою магазин "Пух и перо".

- Да пойми, дружище, не тащить же все это с собой.

Мы считали Володю богатым человеком: он имел двенадцатиметровую комнату на Трубной площади. Поэтому

ненужные вещи, как правило, оставляли у него. Сегодня Беляков выглядел особенно взвинченным. Причиной наверняка был мой отъезд на фронт. Ведь с ним и с Павлом Жмуровым нас связывали долгие годы дружбы и совместной работы.

...Впервые мы встретились много лет назад под Минском, в 4-м стрелковом полку 2-й белорусской дивизии. Я пришел в армию из деревни Ахматово Калининской области. Беляков и Жмуров приехали из Ногинска, где по окончании средней школы работали на "Электростали".

В минских лесах мы крепко подружились. Вместе нам было легче переносить длинные переходы, форсированные марши и тяготы солдатской службы.

Однажды нас вызвали в канцелярию. Командир роты Баранулько объявил приказ командования:

- Решено направить вас в танковую школу. Надеюсь через несколько лет увидеть вас достойными командирами Красной Армии...

Слова ротного вмиг сокрушили мои заветные планы: я мечтал, отслужив в армии, податься в Москву и поступить в МГУ на литературный факультет.

Осенью 1933 года всех троих направили в Саратовскую Краснознаменную бронетанковую школу. А через три года мы успешно окончили ее.

То было хорошее время. Помню позднюю осень 1936 года. Железнодорожный экспресс Москва - Владивосток увозил нашу группу на восток. Павел Жмуров, Володя Беляков и я вместе со Славой Винокуровым и Андреем Барабановым были назначены в один танковый батальон. Девять суток мчал нас поезд. Часами мы простаивали у окна вагона. Мимо, как на киноэкране, проплыли Ярославль, Свердловск, Красноярск, Чита, Хабаровск...

Позади остались Уральский хребет, барабинские степи, забайкальские озера, дальневосточная тайга... В канун Нового, 1937 года мы прибыли к месту назначения. Здесь перед нами открылась новая, овеянная романтикой страница неведомой доселе военной жизни.

Танкисты 32-го отдельного танкового батальона приняли нас в свою дружную семью. Служили мы в разных ротах, но жили в одной комнате. Поздно вечером возвращались домой, и наша маленькая комнатушка наполнялась шумом и весельем. Павел рассказывал о случаях, происшедших с ним в тайге, Володя делился неудачами на полигоне. Меня после тридцатикилометрового лыжного пробега клонило ко сну. Но вдруг оживал наш серый, запыленный, репродуктор. Сиплый голос начальника клуба врывался в комнату: "Сегодня в 21.00

состоится репетиция драматического кружка, после чего будут танцы".

Толкая друг друга, мы спешно одевались, брились, обливались "Шипром" и мчались в наш маленький, тесный, прилепленный к таежной сопке клуб. С первыми звуками вальса "На сопках Маньчжурии" прочь улетала усталость...

Нелегким был путь моего командирского становления. Люди у меня во взводе подобрались отменные. Водители танков Петр Никифоров и Ибрагим Валеев считались танковыми асами, на их счету значилось несколько сот часов вождения боевых машин по крутым сопкам и таежным дебрям. Командиры танков Анатолий Кузнецов, Евгений Богатое и Андрей Швайковский были признанными танковыми снайперами, поражавшими цель с первого выстрела.

Да и танки Т-26 по тому времени были неплохими. Казалось, все бы должно быть в порядке, но тем не менее на первых порах далеко не все ладилось у меня во взводе. Теперь я понимаю, что во многом был виноват сам - допускал неоправданную резкость, не хотел учиться у младших командиров, считая, что это зазорно для лейтенанта. Не знаю, как сложилась бы моя судьба дальше, не вмешайся мои начальники. Присматриваясь к молодым командирам, в том числе и ко мне, они сразу заметили мои недостатки. Основательно повозились со мной и командир батальона майор Михаил Васильевич Алимов, и батальонный комиссар Яков Иванович Ефимов, и секретарь парторганизации Суслов. Труды их, видимо, не пропали даром. Через год я уже командовал танковой ротой и даже одним из первых на Дальнем Востоке в составе экипажа успешно провел свой танк под водой через реку. Это было 13 июня 1938 года. На глазах у всей нашей 32-й стрелковой дивизии мой танк, оборудованный двумя трубами, замазанный суриком и солидолом, вошел в бурную реку Суйфун (Раздольная) и спустя 15 минут пребывания под водой вышел на противоположный берег. Тогда я и получил первую награду. Командир дивизии майор Николай Эрастович Берзарин наградил членов экипажа именными часами.

Однажды в воскресный день я со своей ротой отправился на реку.

День выдался хороший, лов рыбы оказался удачным. В котле варилась тройная уха. Запах душистого перца и лаврового листа приятно щекотал ноздри. Аппетит разыгрался не на шутку. Вокруг костра образовалось плотное кольцо людей. Вытащенные из-за голенищ солдатских сапог ложки, как штыки, засверкали в воздухе. Но... долгожданная уха так и осталась несъеденной. Прибежавший дежурный встревоженно сообщил: "Батальону

объявлена тревога". На сей раз она оказалась не учебной, а настоящей, боевой. Через несколько часов мы мчались к советско-маньчжурской границе.

Пройдя свыше двухсот километров по тридцатиградусной жаре, мы оказались в районе озера Хасан лицом к лицу с японскими самураями.

Первая атака вражеских позиций 2 августа 1938 года оказалась неудачной. Три наших танка были подбиты и два сожжены. Вместе с ротой я откатился на исходные позиции.

События в районе озера Хасан многому научили нас. Попытка сбить японцев без разведки, без серьезной подготовки, на "ура" не имела успеха. Враг оказался более хитрым, чем мы наивно полагали. Он хорошо окопался, занял две сопки - Заозерную и Безымянную и пристрелял все подступы к ним. Стоило только нам показаться, как противник открывал огонь.

Через камыши, по болоту танкисты подобрались вплотную к вражеским позициям. Были разведаны все тропинки. Через болото проложена гать. Каждый водитель танка определил свою дорожку. Установили указки, ориентиры.

6 августа начался генеральный штурм неприятельских позиций. Красноармейцы, увлеченные примером своих командиров, воодушевленные героизмом коммунистов и комсомольцев, дружно пошли в атаку.

3-я рота, которой я командовал, наступала на высоту Безымянную. Вместе с нами шла сотня танков. Тысячи пехотинцев ползли и карабкались на кручи сопок. На головы врага сыпались фугаски, сброшенные бомбардировщиками Героя Советского Союза Павла Васильевича Рычагова.

Бои шли на подступах к высотам, на берегу озера Хасан, на самих сотках. Перевалило за полдень, а бои не прекращались.

В танке стояла неимоверная жара, нечем было дышать, снарядные гильзы обжигали руки. Через прицел я видел только ярко-голубое небо. И вдруг что-то рвануло в машине. Мелкие осколки иголками впились в щеки и нос. Дым и грязь пеленой застлали глаза. Танк развернулся влево, стал окатываться вниз. Я схватил водителя за плечо, закричал: "Остановись!" Напрасно! Неуправляемая машина помчалась вниз и, зарывшись по башню в болото, застыла в мертвой судороге.

Только выскочив из танка, я понял, что произошло. Передо мной стояли окровавленные члены экипажа. Среди них не было водителя Андрея Сурова. В танк попало два японских снаряда - первым водителю оторвало ногу, вторым пробило голову. Вышла из строя коробка перемены передач. В правом борту нашего Т-26 зияли две круглые рваные пробоины.

11 августа наши войска завершили полный разгром захватчиков на сопках Заозерная и Безымянная. Кусочек нашей родной дальневосточной земли был освобожден...

Весной 1939 года мы с Павлом Жмуровым и оправившимся от ранения Володей Беляковым переступили порог Военной академии имени Фрунзе.

В одинаковых темно-синих бриджах, в коверкотовых гимнастерках, со сверкающим на груди у каждого орденом Красного Знамени - такими появились мы в лекционном зале академии. "Три танкиста, три веселых друга - экипаж машины боевой", - шутили однокурсники.

Годы совместной учебы в академии пролетели незаметно. Лекции чередовались с практическими занятиями. Военные лагеря, стажировки в войсках, общественная работа, лыжные тренировки, коллективное посещение московских театров - все это заполняло жизнь каждого из нас. И вот сегодня мы должны расстаться. Встретимся ли еще когда-нибудь?..

Молча подошли к автобусу. Шофер открыл дверцу и пригласил нас войти. Накрапывал дождь. Из окна автобуса я видел, как Володя и Павел сняли фуражки и стали медленно махать ими над головой.

Быстро вступал в свои права вечер. В машине было темно, и никто не заметил, что по моему лицу пробежала непрошеная слеза.

Покинув Хамовнический плац, автобус промчался по Садовому кольцу и влился в поток машин, плывших по мокрому асфальту Ленинградской магистрали.

Свет фар образовал две длинные узкие полоски, разрезавшие сгущавшуюся тьму. Крупный дождь выбивал барабанную дробь на стеклах и железном кузове машины. Прижавшись к сиденьям, мы ушли в свои мысли, каждый молча прощался с Москвой.

Немало радостных страниц моей юности было связано с этим городом, хотя детство мое прошло в селе Святск на Брянщине, где жила наша бедная еврейская семья, в которой было двенадцать детей.

...Мое родное село примостилось у самой границы России и Белоруссии. В двухстах метрах от Святска простираются белорусские перелески. Разделяет эти республики ручеек, протекающий по западной окраине нашей улицы. А чуть дальше вклинился к нам кусочек Черниговщины. И получалось, что наши святские петухи, в соответствии с поговоркой, кричат одновременно на три губернии.

Густые сосновые и еловые леса образуют летом зеленые острова в обширных полях. А зимой все покрывает глубокий снег.

В это время года мороз разрисовывает диковинными узорами окна нашего покосившегося домика. А внутри - тепло и уютно. Мать, братья, сестры занимаются своими делами, отец строчит на старенькой швейной машинке "Зингер". Когда мать ставит на стол большую миску с вареной картошкой, мы, дети, быстро расхватываем горячие картофелины, макаем их в соль и с удовольствием уплетаем.

Я помню себя с малых лет. Удивительно уютно было в нашем маленьком доме, особенно зимой. А весной... Лишь только растает снег, наш Святск, с его огородами-палисадниками, утопает в зелени, кустах малины, крыжовника, смородины, в высоком бурьяне и чертополохе. Среди лета необозримые поля вокруг покрываются белым и розоватым цветением картофеля.

Не зря называли нас - жителей деревень и местечек "картошниками". Картошка была нашим хлебом, нашим мясом, нашей первейшей и главной пищей.

Святск считался большим селом. Здесь жили русские и поляки, белорусы и украинцы, несколько десятков еврейских семейств. И не случайно, видимо, колхоз, созданный в тридцатые годы, назвали "III Интернационалом".

В старину в наших краях смешанные браки почти не встречались. Зато после революции Ивановы роднились с Гореликами, Соломыкины - с Рахлиными, Усовы - с Германами, Драгунские - с Тихомировыми.

Отношения между жителями села были дружеские. Один почитал другого. Объяснялось это тем, что в течение многих веков здесь жили работящие люди. Русские преимущественно сапожничали. Украинцы любили бондарное дело, мастерили повозки и сани. Белорусы занимались землепашеством. Евреи из рода в род становились портными или скорняками.

Мой отец тоже являлся потомственным портным. Мастерством он не блистал, зато был большим тружеником: мог за один день обслужить со своей старенькой швейной машинкой, которую постоянно таскал с собой, целую деревню. А когда после сбора урожая наступала пора свадеб, он был желанным гостем в любом доме, так как славился остроумием и мог, как никто, провозглашать здравицы...

Деревни, окружающие Святск, были строго поделены между четырьмя портными - братьями Драгунскими.

Отец обслуживал бедные деревушки. Он уходил на заработки сразу на несколько дней и возвращался домой на субботу только вечером в пятницу.

Когда я немного подрос, то частенько убегал в конце недели в деревню, где работал отец, а в пятницу мы вместе возвращались

домой.

Ах как я любил эти дни! С утра до вечера валялся с деревенской ребятней у реки или бродил в лесу. Мы прыгали с крутого берега в реку, качались на ветвях, нависших над водой, собирали орехи и ежевику, наведывались в чужие сады и огороды, за что отец не раз лупил меня. "Таскать из чужих садов яблоки - это каждый шалопай может! - приговаривал он при этом. - Ты лучше попробуй сам посади яблоню или грушу!"

А ночью, когда я засылал рядом с ним в сарае на пахучем сене, отец клал руку мне на голову и мягко поглаживал волосы. Я притворялся спящим и улыбался в темноте. Я понимал: отец любит меня, хотя и дал вечером взбучку. И я тоже любил отца: его нельзя было не любить. Он был добр и прекрасно относился к людям. Соседи знали, что у Абрама Драгунского всегда можно одолжить несколько копеек, что он никогда не откажет в просьбе.

Отец ценил людей по их труду, он не выносил бездельников и святош. А нас, детей, с малолетства учил своему ремеслу.

- Они будут хорошими портными, - не раз говорил он матери. - Лучшими, чем их отец. Они не станут бить баклуши, можешь быть в этом уверена.

Мать улыбалась, слушая его, но думала о своем: ей очень хотелось, чтобы нам, детям, повезло в жизни больше, чем им с мужем. Она во всем была верной помощницей отца, хотя забот с двенадцатью детьми вполне хватало. Мама родила одиннадцать сыновей и дочерей, а двенадцатым был ее маленький братишка Сеня, оставшийся на руках после смерти матери. Отец считал Сеню родным сыном, и мы все любили его как родного.

Отец мой был человек простой и бесхитростный, вечно озабоченный, как прокормить семью. Но судьба наградила его тонкой душой и обостренным чувством прекрасного. Женился он на девушке-красавице. Я навсегда запомнил мать молодой, стройной, улыбчивой, доброжелательной, неутомимой и ласковой. Запомнил, что окружающие называли ее красавицей Рахилью.

Когда мы подросли и стали немного разбираться в жизни, то долго не могли понять, как это наша мама, такая красивая, умная, образованная (мы были убеждены, что она знает все на свете, хотя ей удалось закончить только 3 класса), решилась выйти замуж за простого портного. А жили родители, несмотря на бедность, очень счастливо. И не только потому, что любили друг друга: мать была бесконечно благодарна отцу за его человечность...

Семьдесят четыре человека насчитывал род Драгунских. Это была целая династия портных. И проживали они из поколения в

поколение в Святске. Забегая вперед, скажу, что из всех нас в живых остались только двое - я да старший брат Зиновий, проживающий ныне в Москве...

В школу я пошел, когда мне исполнилось десять лет. Но учился без особого интереса. Отец частенько говаривал матери, что из меня не выйдет никакого толку, что голова у меня пустая и, видно, мне на роду написано быть портным.

Учеба действительно не прельщала меня. Все чаще и чаще ходил я с отцом по деревням. Хотя проку от меня было мало, он охотно брал меня с собой: в доме становилось меньше одним едоком.

И все же мама заставила меня учиться. Постепенно я полюбил школу, учителей, и особенно преподавателя литературы Николая Александровича Жданова. Я втайне завидовал тем, кто учился лучше, кто знал и понимал больше, чем я. Это заставило меня подтянуться.

Моим лучшим другом с первых классов был Гриша Сапожников. Именно благодаря ему я пристрастился к книгам. Читал до поздней ночи, делал заметки, рассказывал о прочитанном младшим братьям, сестренке, маме...

Наша дружба с Гришей Сапожниковым сохранилась на долгие годы, и оборвала ее гибель Гриши. Накануне войны он был председателем сельсовета. В сорок втором фашисты расстреляли многих жителей Святска. Григорий Сапожников погиб вместе с моими родными, сестрами, дядьями, племянниками. Его имя выгравировано на одном из мраморных надгробий, поставленных на могилах этих мучеников...

Семилетку я закончил в шестнадцать лет. Несколько месяцев ушло на диспуты: продолжать мне учебу или сесть за швейную машинку? Когда мои соученики узнали, что я не подал документы в Новозыбковскую среднюю школу, они целой ватагой ворвались в наш дом и атаковали моих родителей. Услышав, что меня хотят сделать портным, Гриша Сапожников не побоялся возразить моему отцу:

- Стать портным? Не такое уж это достижение. У Давида большие способности, он должен учиться!

На другой день к нам домой зашел Н. А. Жданов. Мать угостила моего учителя чаем и горячими картофельными оладьями. Попивая чаек, Николай Александрович пытался убедить моих родителей и всю семью, собравшуюся за столом, что я должен продолжать учебу.

Держа обеими руками стакан с чаем, он обвел взглядом всех моих братьев и сестер и, обращаясь к отцу, проникновенно сказал:

- Поймите меня правильно... Вовсе не обязательно, чтобы все ваши дети стали портными... Время сейчас совсем другое. Советской власти нужны грамотные и образованные люди, особенно выходцы из трудовых семей. А Давид паренек с головой. Он по натуре активен, полон энергии. Не зря товарищи выбрали его секретарем комсомольской ячейки. Не обрубайте крыльев своему сыну. Пусть летит, он вырастет орлом!

На другой день я отвез свои документы в Новозыбков, в среднюю школу номер один.

Несмотря на большие трудности, школу я все же закончил. О возврате в Святск не могло быть и речи. В 1929 году я попытался поступить в Гомельский железнодорожный институт, но получил двойку по математике. Не теряя времени, забрал документы и безбилетником добрался до Москвы.

Поступить в вуз мне так и не удалось, но особенно не переживал из-за этого. За дни пребывания в Москве я убедился, что человек здесь не пропадет. Случайно встретил земляка - бывшего секретаря Новозыбковского уездного комитета комсомола Бардадына. В Москве он работал в Краснопресненском райкоме комсомола. Бардадын сунул мне в руку пятирублевку и дружелюбно сказал:

- Наведывайся ко мне. Работой мы тебя всегда обеспечим.

И он сдержал слово.

По путевке Краснопресненского райкома комсомола я стал работать в Мосстрое. Так началась моя трудовая жизнь.

Работал с удовольствием. Сначала с утра до вечера таскал наверх по шатким лесам "козу" с несколькими десятками кирпичей. Потом стал бригадиром землекопов, затем возглавил бригаду, о работе которой писала "Комсомольская правда". Вечера проводил в библиотеке имени Гоголя на Красной Пресне. Времени хватало на все, и я твердо верил, что смогу стать литератором, о чем мечтал еще в школе.

В тридцатом году мне исполнилось двадцать. Вскоре меня выбрали депутатом райисполкома от Красной Пресни. В том же году был принят кандидатом в члены Коммунистической партии.

В один из зимних дней меня вызвали в Краснопресненский райком партии, который находился тогда на Миусской площади. Партия направляла в сельскую местность пятьсот коммунистов-москвичей с задачей улучшить работу на селе. Я оказался в числе тех, кому было доверено заниматься этим важным делом.

- Поезжай, товарищ Драгунский. Мы доверяем тебе, - напутствовал меня секретарь райкома.

На другой день я отправился в путь, в деревню Ахматово, Молоковского района, Калининской области, лежащую в

пятидесяти километрах от ближайшей железнодорожной станции Красный Холм.

Многие мои ровесники, наверное, помнят, какие это были тяжелые годы, особенно в деревне, как слабы и немощны были только что организованные колхозы.

И все же настал радостный день - 7 мая 1931 года, когда крестьяне деревни Ахматово начали посевную.

Через год меня выбрали секретарем партийной организации, в которую входили коммунисты шестнадцати окрестных деревень. Большая ответственность легла на мои плечи. А мне было тогда только двадцать два года.

Зимою тридцать третьего года я был призван в Красную Армию. Поскольку я закончил среднюю школу, предстояло служить только год. Таков был в те времена закон.

Я был уверен, что, когда отслужу, передо мною распахнутся двери Московского университета или института, который облюбую. В армии я числился в передовых, и командиры охотно дали бы хорошую характеристику. Но судьба сложилась иначе.

Летом наша часть стояла в лагере под Минском, в Красном Урочище, на том месте, где теперь находится Минский автомобильный завод. Утром - мы еще не успели закончить упражнение по физкультуре - прибежал запыхавшийся солдат и выпалил одним духом:

- Раз-два, и не задерживаться ни на минуту! Командир четвертого стрелкового полка Бобков приказал, чтобы ты немедля явился к нему!

В домике у Бобкова находился комиссар полка Медведев. При моем появлении он поднялся и сразу обратился ко мне:

- Мы хорошо знаем вас. Знаем, что вы были добросовестным рабочим, что справились с заданием в деревне. А потому решили послать вас учиться в Саратовскую бронетанковую школу.

В первую минуту я не совсем понял, о чем идет речь: всеми своими мыслями находился уже в Москве. И почему вдруг встал вопрос о бронетанковой школе? Но, как всегда в трудный момент, я вспомнил слова матери: "Не бойся трудностей. И никогда не пытайся переложить свое бремя на плечи других". Сразу все встало на свои места.

Помолчав с минуту, я бодро выпалил:

- Когда надо ехать?

Комиссар, сидевший рядом с командиром, глянул на него.

- Завтра, - как-то просто, по-отечески ответил комиссар и, заглянув в бумаги, лежавшие на столе, добавил: - Поедете не один. Я назначаю вас парторгом. Вы повезете в училище сто человек. Перед выездом получите все необходимые документы.

Желаю успеха.

На следующий день будущие курсанты сели в поезд Минск - Саратов, который доставил нас в военную школу, ставшую затем для каждого вторым домом.

Три года, с 1933 по 1936, мы день за днем знали лишь танкодром, машины, полигон, лабораторию, классы. Свободного времени было мало. С мечтой стать литераторам было покончено.

Седьмого ноября 1936 года в актовом зале Саратовской бронетанковой школы состоялся первый выпуск питомцев. Сто молодых лейтенантов-танкистов застыли в торжественном ожидании. Начальник училища полковник Шипов зачитал приказ Народного Комиссара обороны СССР Климента Ефремовича Ворошилова. Мы знали, что курсантам, закончившим училище по первому разряду, представлялась возможность выбора места дальнейшей службы. Более сорока человек оказались такими счастливчиками. К их числу относился и я. Мы с особым нетерпением ждали распределения, ибо каждый заранее наметил что-то конкретное. Я, например, видел себя в танковой бригаде имени Кастуся Калиновского. И вдруг услышал: "Лейтенант Драгунский Давид Абрамович направляется командиром танкового взвода в Дальневосточный военный округ".

После команды "Вольно!" выпускники окружили комиссара училища Муркина и засыпали его вопросами.

Комиссар понял озабоченность выпускников, ибо мудро предвидел, что такая новость нас очень удивит.

- Таков, ребята, приказ наркома обороны. Лучших курсантов не случайно направляют на Дальний Восток. Там пахнет порохом...

В новогоднюю ночь я и четверо моих товарищей - Володя Беляков, Андрей Барабанов, Вячеслав Винокуров, Павел Жмуров высадились на глухой дальневосточной станции.

Утром 1 января 1937 года началась наша служба на Дальнем Востоке. О том, как она проходила, я уже рассказал...

Минуло десять лет. По тому самому тракту, который привел меня зимой 1931 года в деревню Ахматово, Молоковского района, Калининской области, я ехал теперь на фронт. Маленький зеленый автобус, словно живое существо, фыркал, расплескивал лужи, ускорял ход, торопясь к цели.

На следующий день мы оказались в ржевских лесах.

Встреча с Полем Арманом

Недалеко от Ржева, в сосновом бору, на высоком берегу Волги, располагался дом отдыха, окруженный высокими смолистыми соснами. Волга тут узкая и течет медленно. Деревья отражаются в воде, и кажется, река течет вдоль черного

ветвистого забора. Война еще не задела своими когтями этот живописный уголок.

На левом берегу беззаботно играли ребятишки, то и дело нырявшие в воду. Мы последовали их примеру. Вот уже два часа не является наш командир полка Василий Андреевич Григорьев. За это время мы успели всласть накупаться. Вода вернула нам силы. От ночной усталости не было и следа. Начальник штаба Федоров ехидно издевается надо мной и Коткиным:

- Ну, комбаты, здорово вас приняли: танков не дают, никуда не вызывают, даже барабанным боем не встретили.

- Судя по всему, нас не ждали здесь, - медленно процедил сквозь зубы капитан Коткин.

Мы одеваемся, покидаем берег реки и довольно уныло направляемся к трехэтажному зданию, в котором расположился штаб формирующихся частей. Еще издали замечаем бегущего нам навстречу Григорьева.

- Ну, хлопцы, хватит бездельничать, живо за работу! Нам предстоит сегодня сформировать отдельный танковый батальон и ночью отправить его на фронт.

Бодрое, приподнятое настроение Григорьева немедленно передалось и нам.

- А как с нашим полком?

Григорьев махнул рукой:

- Полка не будет. Приказано формировать отдельные танковые батальоны.

Танки разных систем и марок в беспорядке стояли на опушке леса. По просекам тянулись автомашины с боеприпасами, походные кухни и пушки. Группа девушек толкала ветхую санитарную машину. Никогда не слышал этот лес такого шума, гама, трескотни, завывания сотен моторов. Все суетились, все спешили.

- Сам черт не разберется, кто формирует и что вообще происходит! недовольным тоном проговорил вечно унылый и флегматичный Коткин.

- Разберемся. Все будет на месте. А пока, ребята, айда со мной в штаб! - перебил Григорьев.

Мы едва поспевали за ним.

Командир дивизии полковник Петр Георгиевич Чернов встретил нас не совсем приветливо. На его небритом, осунувшемся лице лежала печать усталости. Он провел уже несколько суток без сна. Как выяснилось, полковник прибыл со своим штабом из Брянска. Сегодня в этот лес начали стекаться танки, орудия, машины, стали подвозить продукты, боеприпасы, медикаменты. Сюда прибывают командиры из разных городов,

экипажи, расчеты, врачи, хозяйственники, финансисты.

Надо было все это принять, распределить по частям, сформировать и сегодня же ночью отправить несколько батальонов на фронт.

- Кого вы дадите комбатом? - обратился командир дивизии к Григорьеву.

- Полагаю, можно послать старшего лейтенанта Драгунского, он уже имеет некоторый боевой опыт.

- Ну что ж, вам виднее, пусть формируется и ночью - шагом марш на фронт...

Целый день прошел в хлопотах. К опушке леса стянули танки. Среди них были Т-34, один КВ, но большинство составляли Т-26 и БТ-5 - машины уже давно устаревшие и, как мы шутили, "с фанерной броней".

Заместитель по технической части воентехник 1 ранга Дмитриев осматривал и принимал машины, помощник по хозяйственной части - помпохоз - получал продукты и аттестаты, артснабженцы беспокоились о машинах с боеприпасами. Подвозились плащ-палатки, противогазы, кухни. Батальонный врач - молодая девушка - и пожилой фельдшер начиняли санитарную машину лекарствами от всех существующих и несуществующих болезней.

Старший лейтенант Коханюк, назначенный ко мне начальником штаба батальона, составлял списки рот и взводов, заводил какие-то папки. Среди этого шума, сутолоки, сумятицы ко мне подошел человек, которому было далеко за тридцать.

- Комиссар вверенного вам батальона Ткачев Андрей Петрович, представился он, протягивая руку. - Сейчас же займусь созданием партийной и комсомольской организации, заодно побеспокоюсь о газетах.

Формирование батальона затянулось до позднего вечера. Командир дивизии нервничал и подгонял нас. Полковника Чернова в свою очередь торопило вышестоящее начальство.

Наконец колонна танков и машин выстроилась на опушке леса.

- Родина в смертельной опасности. Вы первые из нашей дивизии вступаете в бой, - напутствовал нас полковник Чернов. - Желаю вашему комсомольскому батальону больших успехов!

Громкое "ура!" прокатилось по лесу.

По-отцовски ласково попрощался со мной В. А. Григорьев. Василия Андреевича я знал больше трех лет. На востоке он командовал батальоном, мы вместе воевали на Хасане. Грудь его украшали два ордена Красного Знамени, что в то время встречалось не часто. Будучи в академии старостой группы, он не

давал нам спуску. За малейшую провинность крепко взыскивал, но был справедлив, причем все эти качества сочетались в нем с большой человеческой добротой.

Ночную тишину леса нарушила громкая команда "По машинам! Заводи!". Железный звон люков и гул моторов разнеслись по округе. Дым закрыл звездное небо.

"Вперед!" Батальон вытянулся и выполз из леса. Ныряя по ямам и кочкам, танки вышли на грейдерный тракт Ржев - Белый. Шли медленно, с выключенными фарами. Изредка впереди маячили красные огоньки стоп-сигналов.

По обеим сторонам дороги стеной стоял лес.

Сидя в легковой машине, я подводил итоги дня. На плечи мои тяжелым грузом легла ответственность за судьбу подчиненных и вверенную батальону технику. Сидевший рядом комиссар батальона А. П. Ткачев то ли уловил мое настроение, то ли и сам думал о том же.

- Не унывайте, комбат, - тепло произнес он. - Будем поровну делить радость побед и горечь неудач.

Я немного оживился, попросил его рассказать о себе. Биография комиссара была похожа на биографию сотен тысяч юношей комсомольского племени первых пятилеток. Он работал у кулака в своей деревне на Рязанщине. Восемнадцатилетним пареньком подался в Москву, на стройку. По зову партии опять возвратился в деревню. Стал активным организатором колхоза. Потом армия и служба в железнодорожных войсках. В последние годы был машинистом на железной дороге.

- Как же вы попали на фронт? - допытывался я. - Железнодорожникам ведь положена броня?

- Верно. Положена, - подтвердил Ткачев. Потому и нелегко дался мне уход в армию. Грозили даже партийным взысканием. А я все же не испугался. - Глаза комиссара сощурились в улыбке. - Выручил секретарь райкома партии. Уговорил я его.

Ткачев ловко свернул трубкой кусочек газеты, всыпал горсть табаку и закурил козью ножку.

- Ну а вы как шагали по жизни? - напрямик спросил он.

Но мне не удалось рассказать о себе. Заместитель по технической части воентехник 1 ранга Дмитриев догнал нас на своем неуклюжем пикапчике и сообщил неприятные новости: у двух танков слетели гусеницы, и вообще наши старушки Т-26 и БТ-5 отстали от тридцатьчетверок.

- Что прикажете делать? - обратился ко мне Дмитриев.

- Остановиться и подтянуться.

Замолкли моторы, перестали лязгать гусеницы, легкий ветерок обдувал жалюзи двигателей. Экипажи вылезли из танков

и жадно глотали остывший ночной воздух.

С фонариками в руках ко мне пробирались командиры рот и взводов.

Уточнили маршрут дальнейшего движения.

Кто-то крикнул; "Самолеты противника!"

Высоко над нами прошла в сторону Москвы стая фашистских бомбардировщиков.

Скоро опять раздалась команда "Вперед", и наш батальон продолжил движение. Не прошло и двух часов, как врассыпную, поодиночке, на запад пронеслись отдельные немецкие самолеты.

- Видимо, дали им духу: как зайцы, разбежались в разные стороны, заметил начальник штаба.

Из-за поворота прямо на нас выскочил маленький броневичок.

Офицер связи Левочкин - такой же подвижный, как и его машина, доставил срочный приказ: "К 7.00 быть в лесу юго-западнее города Белый. Коваленко".

- Это кто же подписал?

- Командир дивизии, ваш будущий хозяин, - быстро откликнулся Левочкин и тут же указал на карте обведенный красным карандашом кусок леса: - Здесь вам надо сосредоточиться к утру.

В ночное время нам не удалось выйти в эти леса. Начало светать. Колонна растянулась. По-прежнему отставали Т-26.

- Этак мы не доберемся к фронту, - недовольно заметил Ткачев.

- Без танков идти к комдиву нам нечего, - говорю ему и решаю завернуть батальон в лес, дозаправить машины, подтянуть отставшие танки и заодно разведать дороги.

Вместе с комиссаром и начальником штаба обходим подразделения.

В ожидании кухни усталые, запыленные танкисты приткнулись кто где. Спали в танках, под кустами, на снарядных ящиках. Водители, как всегда, копались в моторах.

- Нам повезло, - говорит мне Ткачев.

- Пока не вижу этого. Боюсь, что утром нас засекут и дадут жару.

- А в чем нам все-таки повезло? - включился в разговор начальник штаба Коханюк.

- Ну как же! - оживился Ткачев. - Наш батальон на девяносто пять процентов состоит из комсомольцев - курсантов Харьковского танкового училища. Я с ними вчера беседовал накоротке. Ребята рвутся в бой и, надо полагать, проявят себя с самой лучшей стороны.

Мимо нас проковылял пожилой мужчина в красноармейской форме.

- А этот комсомолец откуда взялся? Тоже из Харькова? - бросил реплику Коханюк.

Его шутка вызвала у окружающих улыбку. Я тоже не удержался. Остановил красноармейца.

Это был фельдшер батальона Лаптев. Весь его вид говорил о том, что он впервые облачился в военное обмундирование.

- Как вы попали на фронт? - спросил я улыбаясь.

- Пошел добровольцем, товарищ комбат! - сердито огрызнулся военфельдшер. - А вот вы как попали?

- Тоже добровольцем, - смущенно ответил я, понимая, что допустил бестактность.

Завтрак затянулся. Помпохоз у нас оказался нерасторопным, не имел еще опыта приготовления пищи на ходу, во время марша.

А между тем вовсю уже пригревало раннее июльское солнце. Подкрепив силы часовым отдыхом, мы на больших скоростях, на увеличенных дистанциях понеслись по открытому Ржевскому тракту.

Приближался город Белый. Кругом виднелись следы недавней бомбежки. Время от времени попадались остовы машин, опрокинутые вверх колесами пушки. По обочине дорог были разбросаны ящики, бочки. Кверху поднимался сизый дымок тлеющей резины. Нелегко оказалось проскочить последний участок пути: фашистская авиация держала под бдительным контролем фронтовые дороги.

Оставив легковушку, я пересел в танк. В безветренную погоду от гусениц поднимается высокий столб пыли. Вот почему я долго не мог сообразить, откуда взялся полковник, стоявший у дороги и загородивший нам путь своей машиной.

Энергичным взмахом руки он приказал остановиться. Я предстал перед разъяренным человеком. Его черные гневные глаза, нахмуренные густые брови и даже бритая голова чем-то напоминали мне Отелло.

- Что прикажете с вами делать? Немедленно расстрелять или передать в военный трибунал?! - загремел полковник.

- В чем дело? В чем я провинился? - взволнованно спросил я.

- В чем дело? Вы не выполнили приказа командира дивизии и не прибыли вовремя в район сосредоточения! Вы вскрыли нашу группировку и уже засечены вражеской авиацией!

Молча стояли мы с Ткачевым, терпеливо и виновато выслушивая заслуженные обвинения. Я сознавал свою вину. Не надо было устраивать привал. Но ведь хотелось сделать как лучше, хотелось подтянуть батальон и держать его в кулаке.

- А вы, собственно говоря, кто такой?

Вопрос комиссара несколько охладил пыл незнакомого полковника.

- Я? Я - полковник Арман, заместитель командира танковой дивизии. И отвечаю за доставку вас на фронт.

- А где вы были ночью? - со злостью спросил Ткачев. - Знаете ли вы, что танки Т-26 и БТ, которые вы нам передали, растянулись на десятки километров?

- Это отговорка! Вы с командиром батальона струсили, вот в чем дело...

До сих пор я молчал, сдерживая себя, как положено перед старшим начальником, но, когда услышал обвинение в трусости, молчать больше не мог.

- Разрешите, полковник, следовать дальше. А трибуналом меня не пугайте. Советский трибунал разберется, что к чему.

Полковник Арман продолжал свирепствовать.

Расслышать его слова я уже не мог. Мимо промчалась рота Т-34. Затем мы услышали гул самолетов, заставивший всех поднять головы к небу. На большой высоте в воздухе появилась группа вражеских машин. Мне показалось, что они не заметили нас. Но это только показалось. Сначала развернулся и прошел над дорогой ведущий самолет, за ним - второй, третий...

Я вскочил в танк и успел по радио скомандовать:

- Ускорить движение, увеличить дистанцию, развернуться! Вперед, за мной!

Танки, поднимая пыль, свернули с дороги, развернулись, на предельной скорости понеслись вперед.

С неба посыпались фугаски. Они падали в стороне от дороги. Но экипажи Т-26, предчувствуя недоброе развили невиданную для этих танков скорость. Перепрыгивая через кюветы, они мчались в сторону города.

От разрывов огромных фугасов содрогалась земля. Я остановил свой танк у обочины дороги. Откинув назад люк башни, с тревогой следил за действиями вражеских самолетов. Страх за свою жизнь отошел на задний план. Голова была заполнена другим: "Неужели весь батальон погибнет от бомбежки, не вступив в бой? Тысячу раз прав был тот грозный полковник, когда разносил меня... Ведь могли же мы проскочить этот опасный участок ночью!"

Бомбежка длилась еще несколько минут. Потом гул моторов в воздухе стал постепенно стихать, фашистские самолеты отвалили в сторону, улетели на запад. Только тогда я увидел недалеко от себя Армана и Ткачева, стоявших у одинокого дерева. Полковник не казался уже таким грозным и страшным, из-под

суровых сросшихся бровей светились его умные, выразительные глаза.

- Ну, комбат, кто из нас прав?

- Да, признаюсь, я виноват. Этого налета можно было избежать...

- Полагаю, вы больше такого не повторите? - На строгом лице Армана промелькнула чуть заметная улыбка. - А ребята у вас молодцы. Не растерялись. Первое воздушное крещение приняли мужественно. Я ожидал худшего.

- Ведь батальон-то у нас какой? Комсомольский! - заметил молчавший до того Ткачев.

- Наверное, больше всех испугалась я, - тоненьким голоском проговорила наш батальонный врач Людмила Федорова, каким-то образом очутившаяся рядом. Ведь первый раз, товарищ полковник, без привычки...

Услышав слова Федоровой, я еще раз внимательно оглядел полковника. Только теперь я увидел на его груди орден Ленина, Золотую Звезду Героя Советского Союза и узнал этого человека. Мы учились в одной академии. Он на выпускном, я - на первом курсе.

Старейший танкист нашей академии Поль Матисович Арман был человеком удивительной судьбы.

Нам, молодым командирам, прошлое Армана казалось романтичным и увлекательным. Выходец из Прибалтики, он долгие годы скитался по белу свету. Жил в Америке, перекочевал во Францию. После революции приехал на Родину, стал членом Коммунистической партии. Свой жизненный путь Арман навсегда связал с армией. Как танкист, много сделал для развития бронетанковых войск.

Человек пылкой натуры и неукротимой энергии, Поль Матисович не мог остаться в стороне от бурных событий нашей эпохи. Когда в Испании прогремели выстрелы фашистских молодчиков генерала Франко, Арман в числе первых добровольцев встал на защиту республики. Его видели во главе танкового батальона под Гвадалахарой, он с ожесточением сражался в Мадриде в составе интернациональной бригады. На Родину Арман вернулся Героем Советского Союза...

Расставшись с Полем Матисовичем, я догнал батальон, стал в голову колонны. Танкисты более уверенно пошли на соединение со стрелковой дивизией.

Со стороны города Белый доносились глухие взрывы. Дым и пламя поднимались к небу. Третий день гитлеровцы расправлялись с маленьким прифронтовым городком.

Деревянные домики давно сгорели. Десяток двухэтажных

каменных строений был тоже объят пламенем. Батальонная разведка, высланная вперед, вернулась с неутешительными данными: с севера город обойти невозможно.

Оставалось проскочить по узким горящим улицам. В воздухе опять появились "юнкерсы". Завязался воздушный бой. Наши "чайки" подоспели вовремя и сразу пошли в атаку. Этим мы и воспользовались. С закрытыми люками танки нырнули в объятый пламенем город. Вслед за танками - автомашины, покрытые брезентами и плащ-палатками.

Вырвались на дорогу. Навстречу нам двигались толпы людей. Шли они медленно, понурив головы, тащили на себе громоздкие корзины и узлы. Это женщины и дети спасались от фашистов.

То и дело попадались санитарные машины с ранеными.

Приближался фронт.

У развилки дорог, идущих на запад и юг, нас встретил тот же самый, недавно казавшийся грозным полковник Арман. Он улыбнулся мне, как старому знакомому, и знаком указал следовать за собой. Он же проводил нас в намеченный район. На этом миссия Армана была окончена. Он возвращался к себе в дивизию - в ржевские леса. А наш батальон входил отныне в состав 242-й стрелковой дивизии Западного фронта.

Первый поединок

Командир дивизии генерал-майор Кирилл Алексеевич Коваленко встретил меня очень радушно. Узнав, что в батальоне тридцать танков, генерал широко улыбнулся. Для него это был приятный сюрприз.

Коваленко представил меня группе штабных командиров, собравшихся на зеленой лесной поляне.

- Виктор Сергеевич, - обратился командир дивизии к стоявшему рядом с ним подполковнику, - остановимся на вашем варианте: пошлем Полякова и командира танкового батальона. Пусть проведут разведку боем, тогда прояснится обстановка.

Как тесен мир! С Виктором Сергеевичем Глебовым, к которому обратился генерал Коваленко, я был знаком. Он отправился на фронт одним из первых в нашей академии.

Через минуту, едва от нас отошел генерал, мы уже обнимались и по извечной мужской привычке колошматили друг друга по плечам от избытка чувств.

- Вот уж не представляю тебя без Белякова и Жмурова. Небось горевали хлопцы?

Глебову и другим однокурсникам хорошо была известна долголетняя дружба трех дальневосточных танкистов.

Перейдя к делам, начальник штаба рассказал о предстоящих действиях дивизии и изложил план использования нашего

батальона.

- Ты тут часок-другой повремени, и мы вручим тебе боевой приказ.

Не теряя времени, я обошел различные отделения штаба дивизии, оформляя денежные, продовольственные и вещевые аттестаты. Ткачев притащил в машину номера дивизионной газеты "На защиту Родины", связался с политотдельцами.

Оперативный дежурный разыскал меня и повел к комдиву. Высокий генерал с трудом помещался в низком блиндаже. Тут же у походного столика сидел Глебов, подписывавший боевое распоряжение.

Комдив пригласил меня к столику, на котором лежала карта. Спокойным голосом заговорил:

- Только что из штаба армии получена сводка: враг овладел Духовщиной и развивает наступление на станцию Ломоносове. Мы ожидаем его к исходу завтрашнего дня. Вы, Виктор Сергеевич, - обратился генерал к Глебову, свяжите Полякова с танкистами, организуйте их действия на завтра. А вас, комбат, прошу завтра действовать решительно. Даже если пехота Полякова где-нибудь застрянет, отрывайтесь от нее и шагайте вперед. И обязательно притащите нам "языка". Три дня уже воюем, а кто перед нами, так и не узнали.

Коваленко, согнувшись, боком выполз из узких дверей.

В блиндаже стало сразу просторно и даже светло.

С КП дивизии мы уехали, когда уже стемнело. Я приткнулся в углу заднего сиденья машины и попытался уснуть.

Дорога была избитая, ухабистая. Нас бросало из стороны в сторону. Ткачев ерзал, не находил себе места. Рядом с шофером пристроился командир взвода лейтенант Петр Москалев. Из разговора выяснилось, что Москалев уроженец этих мест. Здесь, на Смоленщине, прошло его детство, а в нескольких километрах отсюда находится деревня Чуркино, его родина. Деревня была в руках фашистов, а мать и две сестренки лейтенанта не успели эвакуироваться.

Машина въехала в Батурино. Москалев попросил шофера остановиться и показал нам большое кирпичное здание школы-десятилетки. Два года назад он ее окончил. Райком комсомола направил юношу в Харьковское танковое училище. Петр досрочно окончил училище, ему присвоено звание лейтенант, и вот вместе с нами он прибыл на фронт.

Много интересного поведал нам Москалев. Особенно охотно рассказывал о родных и своем колхозе.

- Я здесь каждую тропку исходил! Каждое дерево мне знакомо! восторженно говорил он нам.

- Ладно, ладно, завтра проверим все ваши познания по географии здешних мест, - буркнул Ткачев.

Навстречу нам потянулись артиллерия и обозы. К линии фронта по опушкам леса гуськом пробиралась пехота. А в воздухе дежурил немецкий самолет-разведчик "горбыль".

Приготовления к предстоящим боям развернулись вовсю. Заместители командиров рот - эти, как их называли, вечные труженики-масленщики - не отходили от танков: регулировались моторы, гусеницы, заправлялись машины. В ротах проходили комсомольские собрания. Только поздней ночью уснули танкисты.

Рассвет в лесу наступил не сразу. Сначала между деревьями появились полоски серого цвета, потом осветилась поляна, резко обозначились контуры танков, у которых копошились люди.

Ткачев в ту ночь в штабе не появлялся. Но отсутствие комиссара никого не удивило. Мы успели разобраться в его беспокойном характере.

Рано утром, словно из-под земли, передо мной предстал комиссар. Он был весь в мазуте, в солидоле, но большие серые глаза его хитровато блестели.

- Где пропадал ночь, комиссар?

- В танке.

- Разве в автобусе не хватило места для отдыха?

- Не в том дело, уважаемый комбат, эта ночь была для меня академией. Я постигал танковую науку. - И Ткачев рассказал, как за несколько часов научился открывать затвор орудия, перезаряжать пулемет, устанавливать прицел.

- Кто же был у тебя инструктором?

- Взводный Петр Москалев. Теперь уже я не буду обузой для экипажа! Научился даже трогать танк с места и останавливать.

Я смотрел на Ткачева и думал, что за таким, как он, люди пойдут в огонь и воду.

Солнце было уже высоко, когда танки соединились с батальоном пехоты.

Я быстро договорился с А. П. Поляковым о предстоящих совместных действиях. Комбат показался мне покладистым и разумным. Радиосвязи со штабом дивизии не было, поэтому сигнал атаки мы должны были получить через офицера связи. Вот почему оба все время посматривали в сторону опушки: оттуда в любую минуту мог появиться посланец штаба.

- Ну какого черта они тянут волынку? - спросил меня Поляков. - Что будем делать?

- Терпеливо ждать и не своевольничать, - успокоил я комбата.

План боя вырисовывался таким образом. На правом фланге

будет действовать 2-я рота. Она наступает на главном направлении, в обход села Демяхи. Ей предстоит овладеть господствующими высотами и вывести танки к большому ручью. С этой ротой в бой пойдет Ткачев.

Я на своем танке буду в центре батальона. В момент выхода фланговых подразделений на линию Демяхи наша рота в центре должна атаковать село.

В соответствии с этим замыслом Поляков большую часть пехоты направил со 2-й ротой, а сам с небольшой группой бойцов разместился на моем танке.

1-й, левофланговой, ротой, наступавшей южнее Лукино и Демяхи, командовал старший лейтенант Сидоров. Развернувшись в боевую линию, танкисты и стрелки изготовились к бою.

Время тянулось медленно. Где-то в стороне слышались артиллерийская перестрелка и глухие взрывы авиационных бомб.

Наконец появился маленький горбатый броневичок.

Первым заметил появление офицера связи начальник штаба Коханюк. Он выскочил ему навстречу, выхватил из рук пакет и примчался к нам.

Командир дивизии приказывал начать действия в 15.00. Нам предстояло овладеть деревнями Лукино и Демяхи, после чего батальон должен выйти в резерв и сосредоточиться в батуринских лесах.

Раздалась оглушительная команда: "По местам!"

Экипажи замерли в ожидании зеленых ракет - сигнала к наступлению. Учащенно забилось сердце - ведь это боевое крещение нашего батальона. Первый поединок с врагом. Я еще раз окинул взором моих молодых друзей. Они стояли бодрые, жизнерадостные.

Безоблачное небо прорезали зеленые ракеты.

- Вперед!

Ломая на своем пути кустарник, валежник, молодой сосняк, танки устремились вперед. Уцепившись за кольца башни, позади меня стоял невысокий, коренастый командир стрелкового батальона.

Вот уже пройдены лес, поле с неубранной пожелтевшей рожью, за косогором появились серые хаты.

Без единого выстрела, не встречая сопротивления, мы втянулись в Лукине. Все здесь казалось мертвым, не видно было ни одного человека, не слышно никаких звуков, которые напоминали бы о близости фронта.

Поляков покачал головой. Стараясь заглушить шум мотора, он кричал мне в ухо:

- Вот тебе и разведка! Так мы, пожалуй, допрем до

Смоленска!..

Разведка работала из рук вон плохо. За несколько дней пребывания дивизии в этом районе разведчики не смогли даже определить линию фронта. Поэтому мы с Поляковым действовали на ощупь, вслепую.

Напряженность постепенно ослабевала. Танкисты открыли башенные люки, высунули головы и с удовольствием вдыхали свежий воздух. Пехотинцы убирали свое оружие за спину; боевой порядок постепенно нарушался, кое-кто даже начал крутить козьи ножки. На горизонте золотом засверкал купол церкви. Обозначились крыши домов села Демяхи.

Но убаюкивающая тишина оказалась недолгой. Выстрелы, разрывы снарядов, оглушительный треск сразу вывели нас из состояния мнимого покоя. Батальон с ходу втянулся в бой.

На участке левофланговой роты гитлеровцы огнем отсекли нашу пехоту и заставили ее залечь.

Постепенно в бой втянулись все роты. Поляков с оглушительным криком "Вперед!" соскочил с танка. Бойцы поспешили за комбатом.

В миг ожило поле, которое совсем недавно казалось совершенно безжизненным. Зарытые на противоположном берегу речушки танки, замаскированные в кустарнике пушки и пулеметы разом открыли огонь. Над головой появилась немецкая авиация. Гитлеровцы сидели в окопах и траншеях. Мы наступали в открытую, во весь рост. Наши действия к тому же не обеспечивались с воздуха, не было и зенитных пушек, которые отогнали бы вражеские самолеты. Но даже в этих невыгодных для нас условиях комсомольцы готовы были драться до последнего - ведь это было их боевое крещение.

- Куда наступать? - раздался по радио глухой голос ротного Сидорова.

- Только вперед! Надо брать Демяхи.

Ткачев был со мной на одной радиоволне. Услышав мой приказ, он подхватил его и в свою очередь по радио передал экипажам.

Танки ускорили движение. Мы понимали, что каждая остановка, малейшее замедление движения или нерешительность будут использованы врагом против нас.

Усилился заградительный артиллерийский огонь. Вражеские снаряды рвались впереди танков, вздымая землю, забрасывали ею машины и пехоту. Наши танки отвечали огнем.

Жаркая стычка разгорелась на участке правофланговой роты, которая наступала севернее села, по открытой местности. Каждый выдвигавшийся танк был на прицеле вражеских орудий. Рота

яростно отбивалась и несла большие потери. Зато в центре противник оказывал слабое сопротивление. Мы сразу воспользовались этим. Пехота, сопровождаемая танками, с криком "ура!" ворвалась в Демяхи. Бой перекинулся с окраины в центр села.

Со своим танком я прижался к стене дома недалеко от церкви. Хотел выскочить из машины, чтобы посоветоваться с Поляковым, но меня сразу загнали обратно очереди немецких автоматчиков. Фашисты засели на чердаках, на колокольне и оттуда отчаянно обстреливали наступавших. По броне стучали пули. Наводчик танка - комсорг батальона Цыбульский задрал вверх ствол пушки и несколько раз выстрелил по колокольне. Другие экипажи тоже открыли огонь по чердакам и подвалам. Вскоре село было очищено, наша пехота вышла за окраину и окопалась.

Тяжелее пришлось нашим людям на правом фланге, где находился комиссар Ткачев. Бой там не стихал третий час. Вражеская авиация безнаказанно бомбила и обстреливала людей и машины. Немецкие танки, поддержанные артиллерией, пошли в контратаку. Силы были неравными. Наши танкисты несли большие потери. Как свечи, горели Т-26 и БТ, работавшие на бензиновых двигателях. Только несколько Т-34 и один КВ продолжали вести бой.

Я решил идти на выручку. Приказал Сидорову всей ротой тоже передвинуться на правый фланг. У меня под руками оказалось пять танков. Возглавив эту группу, я повел ее на север, к Ткачеву и Мельникову.

Выйдя из села, наш танк сразу попал под сильный огонь. Снаряд угодил в башню и заклинил ее. Второй снаряд сорвал маску пушки. Но стальная машина продолжала жить. Еще ударило по башне. Запахло резиной, загорелась электропроводка. Пустили в дело огнетушители. Мы задыхались. А танк неожиданно вздрогнул всем своим могучим корпусом и резко остановился.

- Приехали, товарищ комбат, все кончено.

- Что случилось?

- Бортовая передача вышла из строя, гусеница разбита.

Цыбульский выпрыгнул из машины, зажег большую дымовую шашку. Танк окутало черной завесой. Остальные танки пронеслись вперед и скрылись за косогором. Обожженные, оглохшие, мы покинули боевую машину и, захватив с собой пулемет, ракетницы, магазины с патронами, с трудом добрались до церкви. Здесь уже обосновался Поляков, сюда же прибыл и Коханюк.

Смолкнувшая было артиллерийская канонада перед самым вечером возобновилась с новой силой. Налетели "мессершмитты". Фашисты бросили на Демяхи батальон пехоты, но вернуть утраченные позиции им так и не удалось. Наши танкисты и пехотинцы отстояли свой первый, дорого стоивший им успех.

Наступали сумерки. Догорали танки. Тлели ржаные поля.

Поздно ночью мы узнали о тяжелых оборонительных боях, которые вела вся дивизия против хлынувших в наступление фашистских войск. Генерал Коваленко разрывался на части, но все же вспомнил о нас. Он потребовал, чтобы я вывел батальон в батуринские леса. Дело это оказалось нелегким, так как мы находились в тесном соприкосновении с врагом.

В небо то и дело взмывали сотни осветительных ракет: немецкие пулеметчики и артиллеристы бесновались. Над нами кружил самолет-разведчик. Долго мы с Поляковым ломали голову, как обмануть врага, незаметно сняться с места и отвести танки в лес.

Выручил нас вечно молчавший заместитель по технической части Дмитриев. Он отыскал где-то в тылах трактор "Ворошиловец". Мы запустили его. Неистовый гул и рычание дизельного мотора, несмолкающий скрежет металла привлекли внимание немцев. В сторону села посыпались мины и снаряды. Хитрость удалась. Пока враг обстреливал село, танки повзводно отходили в лесок. Оттуда Коханюк повел их в назначенный район.

Видя, что танкисты уходят, пехотинцы заметно погрустнели.

- Трудно мне будет без вас, - признался комбат Поляков.

- Обороняться куда легче, чем наступать, - попробовал я успокоить его. - Окопайся поглубже, выкати свои сорокапятки, а там, глядишь, подойдет и твой полк.

- Так-то оно так... А все же помоги мне, браток, век не забуду!

И мы помогли Полякову - оставили два танка, которые он разместил в селе как свой подвижной резерв. Кроме того, я приказал трем экипажам оставаться в своих подбитых танках: их орудия еще могли вести огонь.

Стрелки заметно повеселели.

Пока мы с Поляковым расставляли танки и пулеметы, санитары во главе с фельдшером Лаптевым отправляли в тыл раненых, подбирали убитых. А замполтех Дмитриев с группой ремонтников подползал к подбитым танкам, прицеплял к ним. длинные тросы и оттаскивал в тыл.

Два танка, в том числе и тот, в котором сражался комиссар батальона, эвакуировать не удалось. Они находились на нейтральной полосе: между ручьем, за которым залегли

гитлеровцы, и высотами, где окопалась наша стрелковая рота.

Приближался рассвет. Продолжать эвакуацию машин с поля боя стало невозможно.

Между тем судьба Ткачева, волновавшая всех нас, оставалась неясной. Одни говорили, что Ткачев остался в горящем танке. Другие утверждали, что видели его обожженным, тяжело раненным, но что в последнюю минуту, перед самым взрывом танка, кто-то извлек комиссара из горящей машины и потащил за обратные скаты высоты.

Времени для размышлений, к сожалению, не было. Батальон ожидал моего возвращения. С грустью расставался я с Поляковым. Вчера судьба свела нас, двух молодых комбатов, которые в первый раз повели в бой свои подразделения. А сегодня уже приходится расставаться.

Поляков прервал затянувшееся молчание:

- Как-никак, а все же мы дали жизни фашистам. Подбили четыре танка. Выгнали гитлеровцев из села. Захватили высоты, немало врагов уложили, а троих даже взяли в плен. Правда, не так уж плохо!

Я молча согласился с ним, хотя на душе было муторно: дорого обошелся нашему батальону этот бой. Десяток подбитых и сожженных танков, более двадцати убитых и раненых, смерть ротного командира Мельникова, пропавший без вести комиссар батальона Ткачев...

- Для меня этот бой - особый, - продолжал Поляков. - Теперь я видел войну своими глазами... Жертвы, конечно, велики, но самое главное - мы убедились, что можем бить фашистов, что они тоже уязвимы и драпают, когда им поддают жару. Теперь я знаю: нас они не одолеют! Слушай, дружище, если останемся в живых, давай обязательно встретимся и вспомним наш первый бой на Смоленщине.

* * *

Безбашенный танк, использованный нами как буксирный тягач, тащил мою машину в район расположения батальона. Мы пересекли фронтовую дорогу Белый Батурино. На юг тянулись колонны артиллерии. Поднимая пыль, мчались машины с боеприпасами и продовольствием. Нестройные колонны пехотинцев шагали по обочинам. Но стоило появиться в воздухе вражеской авиации, как дорога замирала и движение по ней прекращалось. Лесные опушки, глубокие придорожные канавы, ямы, высокая неубранная рожь и пшеница поглощали людские потоки. Бесследно исчезали в них машины и орудия.

Ныряя по оврагам, продираясь сквозь лесные чащобы, тягач доставил нас к полудню в батальон. Наше появление было

неожиданным и радостным. Нас окружили командиры рот и взводов, водители танков.

Увидев, что к нам направляется военврач Людмила Николаевна Федорова, я громко спросил, где Ткачев.

- Не беспокойтесь, комбат, комиссар жив... - скороговоркой выпалила она, а потом грустно добавила: - Только я не могу справиться с ним. Категорически отказался от эвакуации в госпиталь. Помогите мне.

- Чем я могу помочь, доктор?

- Уговорите его... Прикажите, в конце концов! Иначе не избежать тяжелых осложнений.

Между деревьями, в палатке с приподнятыми полами, на высоких носилках лежал человек с забинтованной головой.

- Вот и Андрей Петрович, - спокойно произнесла доктор Федорова.

Лицо Ткачева было покрыто черными пятнами, брови и ресницы обгорели, один глаз скрывала повязка.

- Андрей, ты узнал меня? - спрашиваю комиссара.

- Конечно узнал, - закивал он. - Эта девчонка подняла шум на всю Смоленскую губернию.

- Полно вам, комиссар. Никакого шума я не поднимала. А причины для тревоги действительно есть. У вас ожог второй степени. К тому же прострелена рука... Прошу вас, товарищ комбат, - обратилась она ко мне, - вразумите раненого!

- А что, Андрей, если ты действительно пару недели полежишь в армейском госпитале, а потом айда к нам? - предложил я.

- Не выйдет, дорогой мой комбат! Я хочу остаться в строю. Отлежусь пяток дней в автобусе, и все будет в порядке. Перелома у меня нет, а что маленько обгорел - это ерунда.

- Хорошее дело - ерунда! - возмутилась Федорова. - И потом разве возможно оставаться в строю и в то же время отлеживаться в автобусе?

Ткачев всем телом дернулся вперед, сел, выпрямился, засверкал незабинтованным глазом.

- Я никуда не уйду, запомните это, доктор! Я не могу оставить наших комсомольцев и не покину батальон!

Комиссар, обессилев, упал на носилки.

Людмила Николаевна схватила стакан воды и поднесла раненому. Андрей резко отодвинул ее руку. Наступила тишина, которую мы не решались нарушить. Первым заговорил сам Ткачев.

- Скажите, комбат, я вчера был обузой для батальона? - взволнованно спросил он.

Я наклонился и обнял его. Мгновенно у меня созрело решение.

- Доктор, давайте разрешим комиссару с недельку полежать у нас в батальоне, а там будет видно.

Раненый довольно улыбнулся. Зато Федорова так выразительно посмотрела на меня, что я понял: с сегодняшнего дня вряд ли смогу рассчитывать на доброе отношение со стороны нашего батальонного врача.

Генерала принимают в партию

Бои не прекращались. Гитлеровцы рвались на север, захватили Ярцево, станцию Ломоносово, Духовщину. На нашем участке фронта ясно определилось направление их главного удара" на Белый, Ржев, Вышний Волочек. Всеми силами враг пытался перерезать железнодорожную магистраль Москва - Ленинград. Сделать это не удавалось, и фашисты метались как одержимые в поисках слабых мест в нашей обороне. Путь на север им преграждала 30-я армия, в составе которой действовала наша дивизия. В последние дни комсомольский батальон без конца перебрасывали с одного фланга на другой. Мы участвовали в оборонительных боях, переходили в контратаки и даже наступали. Танков с каждым днем оставалось все меньше, ряды наши таяли, а пополнения не предвиделось.

Командир дивизии наконец вывел наш батальон в резерв и строго-настрого приказал начальнику штаба без надобности не бросать нас в бой. Шел второй месяц пребывания батальона на фронте. Возвращались раненые из медсанбата. Многие досрочно покидали госпитали и опять вливались в родную часть. К большой радости танкистов, после трех недель пребывания в санитарном автобусе поправился и наш комиссар. И хотя он выздоровел еще не до конца, удержать его на положении больного не было никаких сил.

Нас между тем подключили к общей линии связи, и я получил возможность соединиться по телефону со штабом дивизии.

Первый разговор состоялся с Глебовым.

- Пока у нас все нормально, - сказал он. - Фашисты окапываются, производят перегруппировку. Видимо, на днях будем их тревожить.

- А наш батальон не забудете?

- Конечно, нет. Когда надо будет, вспомним. А пока готовьтесь...

В один из дней мы с комиссаром и Москалевым направились на грузовом газике в штаб дивизии. Я уселся в кабине, а мои друзья забрались в кузов.

Дорога была изрыта воронками, раскисла от дождей. Навстречу попадались конные обозы, санитарные машины. Но того оживления, какое мы наблюдали в июле, уже не было: войска прочно окопались, перегруппировки были завершены, фронт стабилизировался. За Батурином въехали в лес, где располагался штаб дивизии.

Подъехав к штабу, мы не сразу поняли, что происходило на большой поляне.

У одного из деревьев стоял генерал Коваленко. Левая рука его была перевязана зеленой косынкой, голова забинтована. Короткие светлые волосы, подстриженные под ежик, выбивались из-под повязки. На поляне сидело много людей. Небольшим островком выделялась группа воинов, среди которых я узнал Глебова и комиссара дивизии Ивана Петровича Кабичкина.

Мы тихо подошли.

Я приготовился доложить комдиву о прибытии, но поднятая рука Глебова остановила меня.

- Давно началось совещание? - ни к кому не обращаясь, спросил я.

- Недавно. Только у нас не совещание, а партийное собрание, - шепотом ответил мне начальник связи дивизии майор Анатолий Дмитриевич Кулаков.

- Какая повестка дня? - придвинувшись к нам, тихо спросил Ткачев.

Кулаков обернулся, глаза у него светились:

- Нашего генерала принимают в партию.

Мы удивленно переглянулись.

- Я, видимо, ослышался? Кого, вы сказали, принимают в партию? допытывался Ткачев.

- Принимают командира дивизии Кирилла Алексеевича Коваленко. Поняли?

Не знаю, как комиссар, но я ничего не понял. Просто не укладывалось в голове: человеку полсотни лет, командует дивизией, и вдруг оказывается, что он беспартийный. Как же так? Мне тогда было тридцать, а я больше десяти лет являлся коммунистом, даже молоденького нашего врача Людмилу Федорову, которой от роду всего двадцать два года, мы недавно уже приняли кандидатом в члены ВКП(б).

Ткачев, видимо, заметил мой вопросительный взгляд и опасался, что я начну задавать неуместные вопросы. Схватив меня за руку, комиссар негромко, но властно сказал:

- Успокойся, послушаем.

Генерал Коваленко говорил, как обычно, тихо и спокойно:

- Мне кажется, я понимаю недоумение некоторых сидящих на

этом собрании. Кое-кто думает: "Как же так, дожить до таких лет, пройти большой жизненный путь, занимать такой пост, распоряжаться судьбами многих людей, и вдруг беспартийный!" Я хотел бы чистосердечно поведать присутствующим о моем пути, о том, что привело меня на это собрание.

Как ни старался генерал казаться спокойным, это ему не удавалось. Лицо его побледнело, рука усиленно мяла какую-то бумажку.

Сотни глаз пристально смотрели на командира дивизии.

- Я воевал в первую мировую войну, поначалу рядовым, потом офицером, и хотя не был за царя, воевал честно, как подобает русскому солдату. Был ранен, награжден Георгиевским крестом. А потом революция. Ее я принял всем сердцем, теперь я знал, за что сражаюсь. Дрался с Деникиным, Колчаком, Врангелем. Кончилась гражданская война, но я остался в армии, понимал, что она еще понадобится.

Почему в партию не вступал? Да как-то не задумывался над этим. Все казалось ясным, определенным. Я же всегда был с большевиками. А то, что без партийного билета, - не смущало. Не всем же быть членами партии. Но вот сейчас не могу. Увидел, что война нынче особенная. Никогда еще не было такой страшной войны. Победа или смерть. Иного пути у нас нет!

Генерал отошел от дерева, усиленно жестикулируя здоровой рукой. Лицо его раскраснелось.

Над лесом пронеслись немецкие "юнкерсы". Летели низко: казалось, вот-вот придавят нас к земле. Зенитные батареи открыли огонь, кто-то стал беспорядочно стрелять из винтовки. Генерал Коваленко стоял, не двигаясь, словно высеченный из гранита. Глядя на него, все успокоились. Собрание продолжалось.

- Второй месяц мы воюем. Деремся за каждый клочок земли. Бойцы наши жизни не жалеют, и храбрее всех воюют коммунисты. Это самые бесстрашные люди. Их мы посылаем в разведку, в боевое охранение, в тыл врага. Вчера за Демяхами погиб коммунист - командир батальона Поляков. Его батальон почти месяц удерживал это село...

Здесь, на собрании, находится командир танкового батальона. Танкисты участвовали в десятках атак, о них с любовью говорят во всех наших ротах и батареях. Днем они воюют, по ночам вытаскивают подбитые танки, штопают, ремонтируют их - и опять в бой. Только на днях полки Максимова, Самойловича, Семашко выдержали натиск фашистских войск, пытавшихся сбросить нас с плацдарма на реке Осотня. Командиры этих полков - члены Коммунистической партии.

Генерала снова охватило волнение, и это было заметно окружающим.

- Нелегкой дорогой пришел я на это собрание. В трудное для Родины время я хочу быть членом партии, которая поднимает народ на борьбу с врагом, хочу быть в рядах тех, кто организует защиту Родины и всегда идет впереди.

Коваленко присел на пенек.

Люди молча следили за генералом. Глебов толкнул председателя:

- Чего замер, веди собрание.

Никто на собрании не выступал, зато в воздух взметнулись сотни рук. Проголосовали и мы с Ткачевым, хотя не состояли на учете в этой парторганизации. Не удержался и Петр Москалев, тоже поднял руку, забыв, что он пока еще комсомолец.

Партия в эти минуты приняла в свои ряды еще одного верного сына Кирилла Алексеевича Коваленко.

Поздно вечером мы возвращались в батальон. Прижавшись друг к другу, молча слушали тихое урчание мотора. Мысли снова возвращались к тому, что слышали сегодня на лесной поляне.

Как всегда, растормошил нас неугомонный Москалев.

- Товарищ комбат, на кого похож наш генерал?

- В самом деле, - очнулся от своих мыслей Ткачев, - наш командир дивизии кого-то напоминает...

Остаток пути прошел в шумных спорах. Москалев сравнивал Коваленко с Раевским и Багратионом, Ткачев - со Щорсом, а мне генерал Коваленко напоминал бесстрашного комиссара полка Пожарского, который погиб в боях на озере Хасан.

Ошибка

Под вечер к нам заехал генерал Коваленко. Он возвращался от командарма. Дивизия получила новую задачу.

- В чем она заключается? - осторожно спросил я комдива.

- Задача остается прежней: ни днем ни ночью не давать врагу покоя.

Генерал сидел на брезентовом стульчике, окруженный танкистами. Тихим уставшим голосом он рассказывал о положении на нашем Западном фронте.

- Танкисты будут действовать? - спросил Ткачев. Генерал отрицательно покачал головой:

- Туго без вас, но с недельку продержимся.

Узнав от Дмитриева об эвакуации с поля двух подбитых танков, Коваленко схватил его руку и долго тряс ее.

- Вы понимаете, что значат в такое время два танка?

- Конечно понимаем, иначе не рисковали бы жизнью.

- Сколько у вас машин в строю?

- Одиннадцать.

- Это не так уж мало, комбат. Но я вас все равно придержу. В конце месяца вы будете нужны до зарезу.

Командир дивизии обошел все роты, выпил крепкого чая и отбыл на свой командный пункт.

После этого посещения прошло не больше суток, и от Глебова поступила новая команда: быть готовыми к боевым действиям.

- Что-то случилось на передовой, - вздохнув, заметил Ткачев.

Танки выползли из своих капониров, заняли лесную поляну и выстроились в колонну. Надвигалась ночь. В лесу она казалась особенно мрачной.

В тревожном молчании танкисты ожидали приказа. Второй день не работала телефонная связь. Штаб дивизии переместился на новое место, и начальник связи, наверно, забыл о существовании танкового батальона.

Поздно ночью к опушке леса подкатил громыхающий мотоцикл. Из коляски вывалился человек, спросил, где комбат, и взволнованно протянул мне конверт.

Коханюк фонариком осветил бумагу. Это был приказ: "Выйти в район Есеной и не допустить выхода немцев в тыл".

- Чего вы нервничаете? - спросил я офицера связи, который доставил приказ.

- Немцы прорвали фронт, я едва добрался до вас.

- В чьих руках Батурино?

- Не знаю.

Я понял, что толку от этого человека не добьюсь, и приказал начать движение.

Головной танк помчал нас с Ткачевым на юг. Колонна сильно растянулась на неровной, извилистой дороге.

Вторая записка комдива настигла нас недалеко от Батурино. "Нигде не останавливаться, до рассвета быть на месте!" - гласила она.

Ткачев дернул меня за рукав:

- Давай разберемся в обстановке. Почему навстречу нам движутся люди?

Остановили группу бойцов. Старшим оказался командир стрелкового взвода.

- Что случилось?

- Фронт прорван, немцы вышли нам в тыл, они уже в Батурино.

- И много их?

- А кто его знает...

- Почему отходите?

- Приказ комбата.

Я выскочил из танка, за мной спрыгнул Ткачев.

Взводному приказал следовать за нами.

Впереди темными бугорками обозначались дома Батурино.

Навстречу нам из поселка бежали бойцы, мчались подводы и санитарные машины. Слышалась беспорядочная автоматная и винтовочная стрельба.

Увидев танки, люди на дороге шарахнулись в сторону, многие залегли в кюветы.

Кто-то закричал:

- Немецкие танки!

В нашу сторону полетели снопы трассирующих пуль. Головная машина остановилась, к ней подстроились остальные.

- Товарищи, вы ошиблись! Это советские танки! - во все горло стали кричать мы с Ткачевым.

Стрельба стихла. Меня обступили командиры танковых рот. Всех волновал один вопрос: что делать дальше?

Посоветовавшись с комиссаром, я объявил, что батальон будет выполнять приказ комдива: занять Есеную. Сказал это, и самого охватило сомнение: "А что, если Батурино действительно в руках противника? Вести бел пехоты ночной бой в довольно крупном населенном пункте бессмысленно. Нас всех перебьют". И вдруг меня осенило. Громко скомандовал:

- Выходи!

Зазвенели бронированные люки. Меня окружили танкисты.

- Водителям и наводчикам оставаться в танках, остальным - за мной в Батурино!

Наспех созданная рота, одетая в комбинезоны и танковые шлемы, вооруженная пистолетами и ракетницами, ускоренным шагом вошла в село. Танки, ведомые Коханюком, медленно ползли вслед за нами.

В поселке продолжалась стрельба, черные тени мелькали по переулкам, по улице неслись санитарные двуколки.

Как только в Батурино вошли наши танки, "пехотная" рота прочесала все вдоль и поперек. Фашистов в поселке не оказалось...

К рассвету мы добрались до своего района.

Нас встретил генерал Коваленко. Спросил, почему задержались. Я без утайки рассказал, какой конфуз получился в Батурино.

- Дыма без огня не бывает, комбат, - выслушав меня, сказал командир дивизии. - А сегодня в Батурино получилось форменное недоразумение.

От генерала я и узнал подробности ночного происшествия. Во второй половине дня на участок обороны прибыло пополнение.

Нарушив маскировку, маршевые роты на глазах у противника стали вливаться в батальоны, находившиеся в первых траншеях. Мало того, командиры, прибывшие с пополнением, плохо представляли расположение наших подразделений и длительное время дефилировали вдоль фронта. Противник, естественно, заметил это необычное оживление на нашей стороне, немедленно открыл сильный минометный и пулеметный огонь. Позднее группа фашистских танков предприняла вылазку, контратаковала левый участок обороны и прорвалась в тыл одному из наших батальонов, который как раз проводил смену подразделений. И новобранцы растерялись...

- Выходите к реке, - приказал генерал, - и не допускайте выхода немцев. Заодно подкрепите танками нашу оборону. Уже одно ваше появление успокоит стрелков. Народ, в общем-то, обстрелянный. Не то что у Батурино. Там действовали новобранцы.

Танки, ведомые Коханюком, ушли на юг.

Мне было приказано остаться при штабе дивизии. Впервые за время боев я видел командира дивизии мрачным и крайне раздражительным. Не обращая на меня внимания, он устроил разнос Глебову и его штабу.

- Я не виню отходивших солдат, ими никто не управлял. Но как вы могли такое допустить?

Глебов чувствовал свою вину и не оправдывался. К счастью, на выручку подоспел оперативный дежурный.

- Товарищ генерал, вас требует к аппарату командарм.

Воцарилось гробовое молчание. Коваленко устало направился в свою землянку.

Мы с Глебовым остались одни.

- Комдив прав, я дал маху, - расстроенно сказал он. Я попытался успокоить однокашника.

- Чего там! Сам вижу свое упущение... Не проверил тот участок. А там были одни новобранцы.

Котелок крепкого чая восстановил наши силы, успокоил нервы. К Глебову вернулся свойственный ему оптимизм.

- К счастью, все закончилось благополучно... Вот где настоящая полевая академия, - продолжал он. - И знаешь, о чем я все чаще думаю? Слишком ударялись мы в годы учебы в теорию, увлекались Каннами, преследованиями, окружениями...

- Но ведь без теория нельзя, Виктор Сергеевич! - не удержался я. - С вами трудно согласиться... Наша Фрунзевка очень много дала каждому из нас... А рецептов на все случаи жизни не существует...

В начале сентября начались заморозки. Маленькие речушки и

небольшие проталины к утру покрывались тонким слоем льда. Стало холодно и сыро. Бойцы в минуты затишья утепляли блиндажи, углубляли траншеи, рыли лисьи норы в стенах окопов, обживали высоты, опушки и поляны лесов.

За последнюю неделю мы провели несколько безуспешных атак. В строю осталось всего пять танков. Многих ребят потеряли убитыми, многих ранило.

Трудное положение создалось и во всей нашей дивизии. Фронт ее растянулся на шестнадцать километров, резервы иссякли, а пополнения не ожидалось...

В землянке Глебова было душно. В маленькой, накаленной докрасна печурке потрескивали сухие сучья, из светильника - снарядной гильзы - к низкому бревенчатому потолку вырывался красный огонь.

- Придется твоих танкистов посадить в окопы, - сказал начальник штаба, в упор поглядев на меня.

- Виктор Сергеевич, выслушай меня внимательно, - взмолился я. - Война только начинается. Танкисты будут еще очень нужны. Их нелегко сразу подготовить! Курсанты - завтрашние офицеры, которым суждено будет завершать войну. Мы обязаны поберечь ребят.

Глебов выслушал меня, не перебивая, потом позвонил генералу. Несколько минут длился их разговор, но эти минуты показались мне вечностью. Наконец начальник штаба встал, положил трубку, вплотную подошел ко мне:

- Все решено, комдив не отменяет своего приказа. Завтра же надо занять оборону на участке Ерохово, Жидки.

Судьба батальона была решена. Танкисты на время становились пехотинцами. Им выделялся район обороны, который они должны были прочно удерживать.

С трудом добрался я по тропинкам до опушки леса, где стояла санитарная машина батальона. В машине отдыхали наши ребята. На полу лежал Коханюк. Ткачев храпел, забравшись на подвешенные к потолку носилки. Голова Петра Москалева виднелась в окне, Батальонный врач Людмила Федорова чему-то улыбалась во сне.

- Подъем! - громко крикнул я.

Личный состав собрался в глубоком узком овраге.

В предрассветной тишине звонко раздавался голос Андрея Ткачева:

- Комсомольцы, друзья мои, получена боевая задача: залечь, зарыться в окопах и траншеях и не пропустить врага на север. Таков приказ Родины, а это высший закон для нас. Пока не хватает танков - будем сражаться, как пехотинцы: с карабинами и

автоматами. Летчики, не имеющие самолетов, лежат в окопах и бьют врага. Матросы покидают свои корабли, выходят на берег и отстаивают Ленинград и Одессу. Разве мы, танкисты, хуже их?

- Не хуже! И мы не опозорим чести танкистов! - раздалось в ответ.

Только вчера в землянке у Глебова я горячо доказывал, что место танкиста - в танке. А сегодня... Мои подчиненные, девятнадцатилетние комсомольцы, оказались более сознательными и мужественными, чем их командир.

Ко мне подошел Ткачев:

- Ну что скажешь?

- Три ноль в пользу ребят!..

Нас окружили танкисты.

- Танковые шлемы у нас отберут?

- Комбинезоны снимут?

- Нет-нет, ребята! - успокоил я. - Никаких касок, всем оставаться в танковой форме.

Сняв фуражку, я смахнул рукой пыль с бархатного околышка и лихо водворил фуражку на голову.

...Около двух недель держали танкисты свой район обороны. Вооружившись пулеметами, автоматами, винтовками, вместе с минометной и артиллерийской батареями мы отражали вражеские атаки. А на флангах и позади нас, как часовые, стояли пять танков - наш последний подвижной резерв.

По ночам ходили в разведку, лежали в засадах, сидели в боевом охранении. А днем перед нами, как бельмо на глазу, торчала неуклюжая длинная высота, обозначенная на картах отметкой 120,0. Второй месяц находилась она в руках противника. Там окопалась немецкая пехота, усиленная танками, там были оборудованы наблюдательные пункты. С высоты 120,0 фашисты видели весь наш тыл, все подходы к передовым позициям, все наши передвижения и перемещения.

В один из дней меня снова вызвали к генералу. Оторвавшись от карты, Коваленко спросил:

- Как дела, "пехотинцы"?

- Полный порядок, как в танковых войсках!

Командир дивизии приветливо улыбнулся:

- Хватит сидеть кротами. Пора выйти наружу и размять свои косточки. Он подвел меня к карте, пальцем указал на осточертевшую нам высоту: - Не надоело вам созерцать перед собой это сокровище?

- Надоело, товарищ генерал.

- Что предлагаете сделать с ним?

- Захватить! - не задумываясь, выпалил я. - Наши

комсомольцы осилят такую задачу. Только поручите!

Комдив подошел и обнял меня:

- Я рассчитывал на. это. Вручайте боевой приказ, Виктор Сергеевич, сказал он начальнику штаба.

Вместе с Ткачевым мы поспешили к опушке леса, где приткнулась наша санитарная машина, которую танкисты ласково называли палочкой-выручалочкой.

- А знаешь, комбат, здорово все получилось, - на ходу заметил Андрей Ткачев. - Ребята давно рвутся в бой...

МЫ БУДЕМ В БЕРЛИНЕ!

Ночь перед атакой была тревожной. Высота оказалась горбатая, длинная, со множеством лощин и оврагов. Как мы ни пытались прощупать, разведать ее обратные скаты, сделать это не удалось. Не многое засекли и артиллерийские наблюдатели.

В последние дни фашисты прекратили движение вдоль фронта. Они зарылись глубоко в землю, надежно упрятав орудия и пулеметы. Перестали тарахтеть танковые моторы. Судя по всему, враг намеревался прочно удерживать эту ключевую позицию.

Командир дивизии вызвал меня на КП и лично просмотрел план боя. Было решено развернуть на широком фронте имеющиеся пять танков и за каждым из них пустить в наступление по стрелковой роте.

Обескровленные в предыдущих боях роты насчитывали по тридцать - сорок человек. В отдельную роту влились танкисты, не имевшие боевых машин. Таких набралось свыше ста человек, командовал ими Петр Москалев.

Генерал одобрил мое предложение. Оно сводилось к тому, что сформированный объединенный батальон пехоты возглавляю я, а группу танков поведет в бой Ткачев. Несколько дней ушло у нас на разведку тропинок и лесных просек. Для каждого танка были определены ориентиры.

Договорились мы и с командиром артполка майором Семашко. Он собрал все свои орудия, боеприпасы. И в 6 часов 30 минут заговорила его артиллерия. Мы залегли в пустых окопчиках, зарядили автоматы и карабины. Еще раз ощупали бутылки с зажигательной смесью и противотанковые гранаты.

Мы крепко обнялись с Ткачевым и командиром роты Сидоровым.

- Не задерживайте танки, тяните нас за собой, - сказал я комиссару.

- Понял, понял, браток. Да и ты со своей пехотой не мешкай, догоняй нас, - с улыбкой ответил Андрей.

Петр Москалев, командовавший танкистами в пешем строю,

посмотрел на светящийся циферблат танковых часов и подал команду. Над опушкой леса повисли зеленые ракеты. Это был сигнал атаки.

Тронулись танки, за ними пошла пехота.

К высоте мы пробирались перебежками, поддерживаемые огнем своей артиллерии.

В открытом поле стало светло. Я видел, как наши танки, стреляя, с ходу ворвались на гребень высоты. Прокатилось протяжное "ура!". Только теперь открыла ответный огонь вражеская артиллерия. К счастью, снаряды падали на опушке, которую мы оставили полчаса назад. Гитлеровцы были застигнуты врасплох. Расчеты и планы, которые мы разработали, оказались верными. Стремительная атака и массированный огонь нашей артиллерии по высоте сделали свое дело.

Отступая, фашисты бросили минометную батарею, два исправных танка, с десяток пулеметов, сотни гранат. Были захвачены и пленные.

Используя панику в стане врага, мы немедленно взялись за организацию обороны. Установили пулеметы, закопались поглубже, подготовили для стрельбы прямой наводкой два батальонных орудия. Пятерка танков вышла в лощину и перехватила основные дороги.

Относительно легкая победа и радовала, и настораживала нас. Все понимали: не миновать жаркого боя.

Шел одиннадцатый час, а вокруг царила тишина. Телефонисты наладили связь, и состоялся первый разговор с генералом.

Комдив был радостно взволнован.

- Товарищ Драгунский, обнимаю вас и ваших ребят. Они у вас молодцы! Теперь задача - удержать высоту. Вся артиллерия будет работать на вас. Во второй половине дня полк Самойловича перейдет в атаку, чтобы отвлечь от вас внимание противника.

- Будем держаться, товарищ генерал. Единственная просьба к вам вышлите на высоту Семашко. Пусть его КП будет рядом со мной, тогда нам будет легче.

- Добро, добро, комбат. Семашко и без заявки давно умчался к вам... Передаю трубку комиссару дивизии Кабичкину.

Комиссар тепло поздоровался, поздравил с победой.

- Действиями нашего батальона остался доволен Военный совет армии. Но день только начинается, глядите в оба...

Над нами появились вражеские самолеты. Сначала пробороздил небо "горбыль", потом низко проплыла "рама". В это время на высоте появился командир артполка Семашко.

- Ну теперь берегитесь... Скоро начнется, - многозначительно

сказал он.

К сожалению, так оно и было. Сначала гитлеровцы ударили по лесу, где укрывался полк Максимова. А потом и наша высота задрожала от разрывов снарядов и мин. Не успели мы прийти в чувство, нагрянули вражеские бомбардировщики. От взрывов бомб дрожала и стонала земля. Взрывной волной от близко упавшей фугаски снесло перекрытие нашей землянки, а нас засыпало землей. Выкарабкавшись с большим трудом, мы перебежали в соседнюю землянку.

На изуродованной воронками высоте наконец наступила относительная тишина.

Телефонная связь со штабом дивизии прекратилась. Уцелела только рация майора Семашко.

У фашистов получилась заминка, они топтались на месте. Мы воспользовались этим и стали приводить себя в порядок, подтянули огневые средства. Я срочно договаривался с Ткачевым о совместных действиях. Медики подбирали раненых.

Чуть позже наш КП перебазировался в уцелевший блиндаж начальника штаба батальона. Только расположились, позади загрохотала наша артиллерия. Мы догадались: полк Самойловича вступил в бой, чтобы отвлечь от нас главный удар врага.

"Мы не одни. Теперь устоим", - подумал я.

...Затишье на нашем участке длилось недолго. Над лесом со стороны деревни Жидки показались клубы синего дыма. Послышался шум танковых моторов. Потом над верхушками деревьев взвились сотни белых ракет, от опушки оторвались десятки черных паучков и поползли на нашу высоту. Я посмотрел на командира артполка. Семашко понял меня без слов.

- Рано открывать огонь, - сказал он.

За вражескими танками шли бронетранспортеры с пехотой. С каждой минутой они приближались к нам. Семашко теперь уже сам поглядывал на меня:

- Начнем?

- Давай подпустим еще немного, вон до тех трех сосен.

Взмахом руки я подал сигнал. И сразу ожила наша притихшая было высота. Ударили батальонные пушки и минометы. Открыли огонь тридцатьчетверки. В лесу заговорили дивизионы Семашко.

Вражеская пехота, застигнутая врасплох нашим огнем, рассыпалась веером и залегла.

Загорелись два фашистских танка и бронетранспортер. В стане неприятеля произошла заминка, правда, длилась она недолго. Гитлеровцы опомнились, вызвали авиацию, снова двинулись вперед их танки. Наш огонь опять заставил врага остановиться. Он подтянул пехоту и бросил ее в новую атаку.

Два часа длилось это методичное наступление.

Солнце постепенно уходило на запад, прячась за лесом.

Запылал еще один вражеский бронетранспортер, нам удалось подбить немецкий танк, но гитлеровцев это не остановило.

Снаряды у нас были на исходе. Орудия прямой наводки вышли из строя. Вся надежда была на наши уцелевшие четыре танка и артиллерию Семашко.

- Давай, друг, пропустим немецкие танки и весь огонь обрушим на пехоту, отрежем ее от танков, - говорю я Семашко. - А ночью будем с бутылками охотиться за прорвавшимися машинами.

Так и сделали. Весь огонь направили на пехоту. И она не выдержала, залегла. Но опять появились над нами проклятые "мессершмитты". С полчаса безнаказанно утюжили высоту. А когда они улетели, на наши траншеи и блиндажи, как по команде, ринулись десять немецких танков, следовавшая за ними пехота вскоре очутилась в наших окопах. Разгорелся рукопашный бой.

Смертельная схватка шла в траншеях, в блиндажах, на обратных скатах высоты. Отходить к лесу не было смысла. Казалось, все пропало. Единственную надежду мы возлагали на наступление ночи, но солнце, как назло, никак не скрывалось за горизонтом.

Уцелевшие орудия Семашко работали в невиданном темпе.

И вдруг все изменилось, будто кто-то шутя передвинул кинокадры. Шум боя ослабел. Что произошло? Я выскочил из блиндажа и увидел, что вражеские солдаты бегут к лесу.

И тут все прояснилось. Ткачев, видя безвыходность положения, все свои оставшиеся танки направил на фланг противника. Наши машины смяли часть пехоты, подбили два немецких танка. Тут-то и побежала вражеская пехота, а за ней устремились фашистские танкисты: они боялись действовать изолированно в условиях надвигавшейся ночи.

Я успел добежать по траншее до Москалева. Он поднял роту и с криком "ура!" бросился преследовать гитлеровцев. Высоту быстро очистили от врага. Удачный маневр Ткачева спас весь батальон. Но комиссар батальона продолжал преследовать фашистов.

Наконец солнце сжалилось над нами и скрылось за горизонтом. В темноте ярко пылали танки в бронетранспортеры. Языки пламени лизали низкое небо.

Коханюк надрывался у рации.

- Где Ткачев? - спросил я.

- Третий раз передаю ему одно и то же - вернуться на высоту.

- Что же он?

- Твердит одно: "Вас понял. Веду бой. Меня атакуют с трех сторон. Не могу прорваться к вам".

Прошел еще час. Радио Ткачева совсем перестало отвечать, стрельба прекратилась. Ко мне подошел Москалев.

- Товарищ комбат, разрешите мне пойти с ротой на выручку Ткачеву. Я знаю эти места.

Я разрешил, и Москалев нырнул в темноту.

Через несколько часов он снова появился на пороге землянки. Бледный свет коптилки падал на его измученное лицо.

Мы сразу поняли: случилось несчастье.

- Комиссар... наш комиссар... - чуть слышно прошептал Петр.

Говорят, на фронте привыкают к смерти. В этом есть горькая доля правды. Но известие о гибели комиссара так больно резануло нас по сердцу, такое огромное горе свалилось на наши плечи, что казалось - этого не выдержать.

Зазвонил телефон. Связисты сумели-таки наладить телефонную связь и соединили меня с генералом.

Голос комдива показался далеким-далеким:

- Как дела?

- Плохи, товарищ генерал.

- Почему?

- Ни одного танка в строю не осталось. Орудий нет. Большие потери в людях. Убит комиссар...

Генерал тяжело дышал в трубку.

- Я и не знал, комбат, что вы пессимист. Не падайте духом. Сегодня ваши подчиненные сделали большое дело. Передайте ребятам, что и впредь мы будем драться за нашу землю так, как нынче дрались они... Слушайте внимательно, комбат. Командарм приказал представить вас лично и всех подчиненных к награде. Завтра наградной материал должен лежать у меня на столе. К утру вас сменит Максимов. Я даю ему артполк и дивизион истребителей танков. Вашему батальону надлежит собраться в батуринском лесу. Вас ждут новые дела...

Вытянувшись в колонну, мы выходили с поля боя. На носилках поочередно несли обгоревшее, изуродованное тело Андрея Ткачева.

Утром батальон выстроился у единственного уцелевшего танка. На его башне стоял гроб, обтянутый красной и черной тканью. Танкисты сколотили его из снарядных ящиков. Оружейники из латунных стреляных гильз выбили слова:

"АНДРЕЙ ТКАЧЕВ - КОМИССАР И ДРУГ. 1909-1941 гг."

Траурный митинг был коротким.

Выступали комсомольцы от всех трех поредевших рот.

На танк, который служил и трибуной, поднялся Петр Москалев с перевязанной рукой. Ветерок слегка шевелил светлую шевелюру лейтенанта. Он помолчал минуту-другую, прежде чем заговорил:

- Вчера мы на нашей, на моей родной земле смоленской подбили несколько фашистских танков. Я верю: настанет такое время, когда фашистские танки будут пылать в самой Германии, в самом Берлине. Жертвы нас не остановят, трудности не испугают. Мы будем в Берлине, ты слышишь, Андрей? Клянемся перед твоим прахом, что отомстим за тебя, за горе наших матерей и сестер. Оглядев бойцов горящими глазами, Москалев обратился к строю: - Ребята, комсомольцы, дадим клятву?!

- Клянемся!.. - загремело в ответ.

- И еще скажу... - продолжал Москалев. - Когда кончится война, я приеду в Батурино, приглашу с собой молодежь, поведу в этот лес, к этому столетнему дубу и скажу: будьте такими, каким был этот славный рязанский парень. Он просто жил и героически погиб за нашу Родину.

Гроб бережно опустили в могилу. Прогремел троекратный ружейный салют...

* * *

К нам в батальон прибыл Глебов, привез целую кучу новостей, и не только приятных. Тяжело ранен командир дивизии Коваленко. Контужен комиссар дивизии Кабичкин. Убит начальник артиллерии дивизии Николай Иванович Козлов.

- Ну и задал ты нам хлопот с этой высотой! Два дня не прекращаются там бои. Но Максимов молодец, крепко огрызается. Вот бы вы там пригодились.

- Так в чем дело? Используй нас в пешем строю. Как-никак, а на котловом довольствии у нас сто тридцать один человек. Увидишь, Виктор Сергеевич, не подкачаем. Мы уже привыкли воевать в качестве пехотинцев.

- Теперь поздно. Распоряжаться вами не имею права. Глебов отозвал меня в сторону и показал телеграмму.

"Батальон выходит из вашего подчинения. Отправить на Урал, в учебный центр", - прочитал я.

- Понял?

Я был ошарашен. Хотя до нас и доходили слухи о существовании приказа, который требовал беречь танковые кадры, непрерывные бои, которые мы вели, не давали возможности применить его.

- И когда же нам трогаться?

- Завтра с утра. Сегодня получите аттестаты на все виды довольствия. Я постараюсь перед отправкой еще раз заглянуть к

вам.

Глебов уехал, заставив нас призадуматься над будущим.

В этот день появились у нас представители штаба дивизии и армии. Пригнали пять машин, выдали десятидневный паек и по лишней паре белья, заменили обмундирование. Начальник тыла дивизии Григорий Яковлевич Гуревич проявил особую активность.

- Ты, комбат, обеспечься всем. Расскажи уральцам, что у нас на фронте есть все, только не хватает танков.

Лес ожил. Взад и вперед сновали старшины, суетились кладовщики, к машинам подтаскивали белые сухари, консервы, мыло, махорку.

Снова превратилась в штаб-квартиру наша санитарная машина.

Меня донимал Москалев:

- Можно обратиться к подполковнику Глебову?

- По какому вопросу?

- Хочу остаться в дивизии. Не могу покинуть свою землю, колхоз, родную мать и сестренку. Ведь поеду на Урал - и больше на Смоленщину не попаду.

- А как же оставишь своих комсомольцев? Ты же знаешь, у нас впереди еще немало боев.

Понурив голову, Москалев побрел в свою роту.

Ночь перед отъездом была бурная. Слегка прихватывал мороз. В ротах развели костры, не спали, вспоминали события двух последних месяцев. Прибыв на фронт необстрелянными юнцами, комсомольцы стали мужественными, закаленными в боях солдатами, которые сами могут уже командовать танками и взводами.

Только перед рассветом ребята уснули, прижавшись друг к другу. А утром в полном парадном блеске выстроились танкисты на широкой поляне. Солнечным и погожим выдалось то сентябрьское утро. Взоры парней были устремлены вдаль.

Прибыл исполнявший обязанности командира дивизии подполковник Глебов. Прочитал приказ командующего армией о вынесении благодарностей личному составу батальона за успешные бои в течение двух месяцев.

Учащенно бились наши сердца, когда читали фамилии тех, кто представлен к правительственным наградам. Среди них с грустью услышали имена погибших друзей.

- Танкисты, - сказал Глебов, - передайте уральцам, что мы не пожалеем себя, чтобы отстоять Родину, и мы ее отстоим. Поезжайте, ребята, получите танки - и опять к нам, на фронт. Война только начинается, а кончим ее в Берлине. - Глебов сделал

небольшую паузу, отдышался и продолжал: - В такой день не хотелось вас огорчать, но приходится, ничего не поделаешь: у вас будет другой комбат. Драгунскому присвоено звание капитана, и по решению Военного совета армии он сегодня вступает в исполнение должности начальника штаба дивизии. Командиром вашего батальона назначен старший лейтенант Коханюк.

По строю прошел легкий шумок. Все обернулись в мою сторону - я стоял на правом фланге батальона.

- Мне понятно ваше удивление, - продолжал Глебов. - Но вы отлично знаете, какие потери понесла дивизия за последние дни...

Коханюк подал команду: "Вольно! Разойдись!"

Я подошел к Глебову.

- Виктор Сергеевич, я же согласия не давал. Нет у тебя таких прав, чтобы оставить меня в пехоте. Не отрывай меня от батальона. Я его формировал, с ним два месяца воевал и хочу в дальнейшем вести его в бой.

Подошли командиры взводов и рот. Раздались голоса: "Пусть капитан останется с нами".

Глебов приблизился ко мне вплотную и сказал:

- Мне не дано права отменять приказ старшего. И вообще не нужно кичиться тем, что ты танкист. Для меня не менее почетно звучат слова "пехотинец", "летчик", "артиллерист". При одном условии, конечно: если люди, о которых идет речь, умело бьют врага.

Глебов уехал к себе на КП. Простились мы с ним холодно.

Было далеко за полдень, когда мои боевые друзья уселись в машины.

Я обошел всех, простился.

Коханюк поднял сигнальные флажки, подал команду "Внимание! Заводи!", и колонна тронулась по тому самому Ржевскому тракту, по которому в июле мы шли на фронт.

На пригорке у дороги остались три человека: Федорова, Лаптев и я.

Машины уходили все дальше на восток. Они постепенно превращались в маленькие черные точки, но еще долго в ушах у нас отдавались звонкие голоса ребят, звучали их слова: "До встречи в Берлине!"

Здравствуй, юность!

Я забегаю далеко вперед, потому что не люблю книг "без конца". В своих воспоминаниях, конечно, постараюсь рассказать о судьбе всех друзей и однополчан. Но жизнь иногда не ждет окончания книги и сама дописывает за нас судьбы героев.

Так случилось однажды со мной. Было это в октябре 1961

года. Мне выпала тогда честь быть делегатом XXII съезда КПСС. Жил я в гостинице "Украина" и ив окон номера с удовольствием смотрел на Москву в вечерних огнях. В тот вечер рядом со мной стоял, прижавшись ко мне плечом, человек, дружба с которым прошла через всю мою юность и зрелые годы. И он, словно читая мои мысли, спросил:

- Дима, а помнишь наше дежурство на крыше? Помнишь ночную Москву сорок первого?

- Володя, а помнишь нашу клятву? - в тон ему откликнулся я.

Читатель уже, очевидно, обо всем догадался.

Да, это был тот самый Володя Беляков, с которым мы поклялись в 1941 году вместе пройти по военным дорогам. Не так уж удобно называть его сейчас Володей, но полковник Владимир Иванович Беляков по-прежнему юношески строен, и в его черной как смоль шевелюре я не вижу ни единого седого волоса.

Ну а если бы он даже и поседел, как я, разве перестал бы он быть для меня Володей?

Я забыл сказать, что стояли мы у окна не вдвоем: по другую сторону от меня прижался к оконному стеклу... молодой Володя Беляков.

Да-да, самый настоящий Володя Беляков - сын моего друга!

- Папа, дядя Дима, что за крыша? Какая клятва? - сразу забросал он нас вопросами.

Владимир Иванович обнял за плечи меня и своего сына и просто ответил:

- Мы с дядей Димой поклялись в 1941 году, что ты увидишь эти огни.

- Ну да... - разочарованно протянул Володя. - Будто я не знаю, что тогда меня и на свете не было...

Мой друг засмеялся и неожиданно замолк.

Мне захотелось тут же рассказать сыну друга, который так похож на своего отца в юности, все, что я знаю о Владимире Ивановиче, о нашей дружбе, о "трех танкистах". Но стоит ли бередить молодую душу тяжелыми рассказами? А может, нет необходимости ограждать младшего Белякова от того, что мы видели и пережили? Может, ему полезно услышать историю комсомольского батальона? И почему, собственно, он не должен знать, о чем в эти минуты думали мы с его отцом?

А думали мы о нашем незабвенном друге Павле Жмурове.

Он вырвался на фронт следом за мной. На войне, к сожалению, не учитываются дружеские чувства и привязанности, иначе наша неразлучная троица оказалась бы вместе.

Всю войну мы пытались объединиться, но не получилось. Следы Павла Жмурова затерялись, а с Володей Беляковым я

поддерживал регулярную связь. Он сохранил все мои письма, которые я писал в окопах и блиндажах, в танках и автомашинах, в госпиталях и даже на санитарных носилках... Тогда, в 1961 году, я еще не видел этих писем и даже вроде опасался перечитывать их. Хотя Владимир Иванович уверял, что они вполне заменят мне дневник и будут очень полезны во время работы над книгой.

Вдруг мне пришла счастливая мысль:

- Слушай, Володя, дай почитать мои письма своему Володьке. В них ведь нет ничего такого, что бы ему не полагалось знать.

- Нет! - упрямо мотнул головой мой друг. - Сначала прочти их сам, а там разберемся, что к чему.

- Ну хорошо, - согласился я. - Когда-нибудь я дам тебе, Володька, прочитать книгу о войне... если она будет дописана.

Сын Белякова был явно разочарован.

- Все почему-то думают, что я еще маленький, - с обидой произнес он. А я все понимаю. Все! Вы думаете, дядя Дима, я не мечтаю о такой дружбе, какая была у вас с папой? Думаете, не хочу быть похожим на дядю Пашу Жмурова?

У меня подкатил ком к горлу, тот проклятый ком, который заменяет мужчине слезы.

Паша Жмуров, Паша Жмуров! Вот ты и не погиб. Не погиб не только для меня и для полковника Белякова, но и для его сына Володьки.

Спустя много лет мы узнали, как все случилось.

В бою ты был ранен. Санитары еле уложили тебя на носилки и перевязали раны. А враг приближался.

Ты отбросил санитаров, встал на ноги и твердой походкой вошел к обочине дороги, откуда просматривалась лощина.

Во весь свой огромный рост, с перевязанной головой, ты стоял на дороге.

Я очень хорошо представляю себе в ту минуту твое скуластое лицо и глаза, которые от гнева делались стальными. На тебя шли немецкие танки. Они расстреляли тебя в упор.

Ты умер как мужчина и похоронен как солдат.

Если бы у меня был сын, я бы очень хотел, чтобы он во всем был похож на тебя, Паша Жмуров!

И чем больше думаю об этом, тем решительней делаю вывод: прав был Володя Беляков-младший. Ему можно и нужно прочитать и мои письма к его отцу, и эти записки о нашей юности.

Фронтовые дороги

Осенью сорок первого

Сентябрь сорок первого был на исходе. В том году осень на Смоленщину пришла ранняя. Начались заморозки, болота

окутывала белая липкая паутина, над лесом кружилась пожелтевшая листва. В окопах и траншеях становилось холодно. Солдаты жались друг к другу, набрасывали на себя помятые шинели, разорванные плащ-накидки. Но и это мало согревало людей.

Позади остались тяжелые дни отступления, изнурительные контратаки, многодневные бои на смоленском направлении. Наша 242-я стрелковая дивизия вот уже свыше двух месяцев оборонялась севернее Ярцево. Врагу так и не удалось выйти на Белый, Ржев, на Вышний Волочек и перерезать железную дорогу Москва - Ленинград.

Июльские и августовские бои измотали обе стороны. Гитлеровцы притихли: мы заставили их прижаться к земле, перейти к обороне.

Нелегко пришлось и нам. Полки понесли большие потери. В ротах насчитывалось по нескольку десятков солдат.

Как я уже упоминал, тяжело раненного командира дивизии генерала Кирилла Алексеевича Коваленко отправили в тыл. Участь его разделил и комиссар дивизии Кабичкин. Был убит начальник артиллерии дивизии полковник Козлов. Выбыла из строя большая часть командиров рот... И все же враг, рвавшийся на север, был остановлен.

Наступило затишье. Шла обычная перестрелка. Обе стороны обменивались снарядами-"гостинцами". Время от времени гитлеровцы обрушивали на наши позиции шквальный огонь. Мы также не оставались в долгу - огрызались пулеметным и артиллерийским огнем. В сводках Совинформбюро об этих действиях сообщалось: "На смоленском направлении идут бои местного значения".

Создавшуюся оперативную паузу мы использовали для того, чтобы уйти глубоко в землю, день и ночь продолжали совершенствовать свою оборону.

Теперь, когда я оказался в должности начальника штаба стрелковой дивизии, сама жизнь заставила меня, танкиста, заниматься сугубо пехотными делами: организовывать противотанковый огонь, нарезать отсечные позиции, определять линию боевого охранения и т. п. Причем во многих вопросах работы штабного механизма я не был достаточно сведущ.

Исполнявший обязанности командира дивизии В. С. Глебов, основной виновник моего перевода в пехоту, не упускал случая шутливо подчеркнуть, что считает меня прирожденным пехотинцем. На что я неизменно отвечал, что все равно, рано или поздно, переметнусь к танкистам.

* * *

Огромная ответственность лежала на всех нас. Нашей потрепанной в боях, ослабевшей дивизии предстояло оборонять полосу шириной свыше двадцати километров - фронт немаленький! Положение усугублялось еще и тем, что наша 30-я армия не располагала резервами: не имела вторых эшелонов, танков.

Все свои силы и средства мы сосредоточили на главном танкоопасном направлении - на дорогах, идущих из Ярцево на Духовщину и Белый.

Во второй половине сентября на нашем участке фронта началось усиленное передвижение противника. Подходили его танковые части, подтягивались к фронту артиллерия и минометы, усилила активность вражеская разведывательная авиация, поэтому над нами ежедневно парила проклятая "рама" "Фокке-Вульф-189".

Как-то под вечер меня вызвал к себе Глебов.

- Только что я разговаривал по телефону с командармом, - начал он. Судя по всему, фашисты что-то замышляют. Необходимо срочно выехать на правый фланг армии для ознакомления с обстановкой и уточнения вопросов взаимодействия с 248-й дивизией по отражению возможного наступления гитлеровцев. Утром жду вас обратно.

К ночи я добрался до командного пункта правофланговой дивизии. Лесная тропа привела к блиндажу комдива, где меня встретил его адъютант. Спустившись по мокрым после прошедшего дождя ступенькам, мы вошли в блиндаж. За столом, низко склонившись над картой, сидел мой бывший преподаватель по академии генерал Кароль Сверчевский. Он почти не изменился, только резче обозначились морщины у глаз.

От неожиданной встречи я буквально оторопел. Видя мою растерянность, генерал Сверчевский подошел ко мне, протянул руку и, приветливо улыбаясь, сказал:

- Рад вас видеть, капитан, живым и здоровым. Рассказывайте, как воюете, какими судьбами к нам.

Есть люди, встречи с которыми оставляют в душе неизгладимый след и остаются в памяти на всю жизнь. Именно к таким людям относился генерал Кароль Сверчевский.

Я познакомился с ним в начале 1939 года в академии имени Фрунзе, когда он был назначен старшим преподавателем нашей 4-й учебной группы. Кароль Сверчевский только что прибыл из Испании, где добровольцем сражался с фашистами, командуя 14-й Интернациональной бригадой, а потом дивизией. Вскоре мы узнали, что легендарный герой республиканской Испании генерал Вальтер и Кароль Сверчевский - одно и то же лицо.

Под руководством Сверчевского мы занимались в классах и лабораториях, выезжали в лагеря, овладевали искусством ведения боя. И чем ближе мы, молодые командиры, узнавали своего наставника, тем больше восхищались этим замечательным человеком, интернационалистом, посвятившим всего себя борьбе за идеалы коммунизма.

Поздно ночью я покидал командный пункт генерала Сверчевского. Прощаясь со мной, он сказал:

- Я знаю, что до победы еще далеко. Но мы встретимся, обязательно встретимся!

И, медленно закуривая папиросу, после небольшой паузы добавил:

- Встретимся на земле поверженного нами фашизма. Кароль Сверчевский не ошибся. 8 мая 1945 года на Эльбе, недалеко от Дрездена, состоялась встреча 55-й гвардейской танковой бригады, которой я командовал, с войсками 2-й Польской армии генерала Кароля (Вальтера) Сверчевского.

..Немцы упорно готовились к наступлению и, судя по-всему, в недалеком будущем.

Где? В составе какой группировки? Когда? На эти вопросы могли ответить пленные. Два дня мы готовили поисковую группу для захвата "языка". Отобрали самых отчаянных смельчаков и в ночь на 24 сентября, когда ливень хлестал как из ведра, мы бросили в этот кромешный ад разведывательный отряд.

Мы прилипли к телефонному аппарату, связались с командиром роты, находящейся в боевом охранении. Неизвестность всегда тревожна, а в ту памятную ночь она была просто зловещей. Начальник разведотделения дивизии не отходил от телефона. Действиями по захвату пленных интересовался и штаб армии.

Прошло несколько часов с тех пор, как болото словно поглотило разведчиков. Ни единого выстрела. Тишина. Лишь изредка набухшее свинцовое небо разрывают немецкие ракеты.

Перед утром, досыта умаявшись, я уткнулся в угол землянки и уснул как убитый. Пронзительный голос вывел меня из оцепенения.

- Пленные...

Передо мной стояли два заросших рыжей щетиной верзилы, которые тряслись от страха и холода.

Сон и усталость сняло как рукой.

Немецкий язык я знал и поэтому смог тотчас получить ответы на интересующие нас вопросы. К сожалению, пленные ничего нового не показали.

Старший из них, высокий, узкоплечий и сутулый ефрейтор,

оказался более словоохотливым. В манере его разговора, в жестикуляции было что-то, выдававшее в нем учителя. Сообщив хорошо известные нам данные о номере полка, о подходе танков и артиллерии, он, подумав, добавил:

- Наш офицер говорил, что зимовать будем в русской столице, в теплых московских квартирах.

Спорить с пленными я не стал, отправил их в штаб армии, а сам занялся разведчиками. Поработали они на славу. Хотелось изучить их опыт.

Вот что я услышал.

Ночью ребята перебрались через реку Осотню, переползли на четвереньках топкое непролазное болото. В этих местах никаких войск не стояло: чертово болото способно было засосать все живое. Смельчаки соорудили из досок фашины в виде перекидных мостиков и, выбрасывая их вперед, ползли, отвоевывая у болота метр за метром.

...В землянке было тихо. Печурка излучала приятное тепло. Ребята прикорнули. Командир разведчиков, молоденький лейтенант, возбужденно докладывал:

- На каждом шагу спотыкались, проваливались в грязь, а темень жуткая. Только поздно ночью зацепились за клочок земли, юркнули в кустарник, залегли. Посветили тусклым лучиком кругом - видим, провода. Перерезали связь и притихли... Проходит час, другой... Холод собачий, зуб на зуб не попадает. Вдруг что-то зашевелилось, послышался оживленный говор. Около нас остановились немецкие солдаты, осветили фонариком провода. В тот же миг мы набросились на них, воткнули им в рот кляпы и потащили в наше болото...

После выпитого горячего чая лейтенант раскраснелся, вошел в раж и продолжал возбужденно вспоминать все перипетии тяжкой ночи и утра, заставшего смельчаков далеко от переднего края.

Колька - наш самый молодой разведчик, лучше всех знавший немецкий, завел разговор с пленными. "Почему у вас сапоги короткие, а голенища широкие? Видите, как в них булькает вода?" - спросил он. Пленные стали удивленно разглядывать свою обувку. А один из них на полном серьезе пояснил: "Мы не собирались воевать и болоте. Сапоги предназначены для ходьбы по асфальту". "Уж не по Москве ли вы мечтали ходить? Не по Красной ли площади? - с ехидством спросил Колька. - А смоленскую грязь домесить не желаете?"

Рассказ лейтенанта развеял усталость. Я с удовлетворением доложил начальнику штаба армии о выполнении его приказа и получил согласие представить разведчиков к правительственным

наградам.

* * *

В начале сентября мы подготовили и провели частное наступление левофлангового полка на деревню Жидки я взяли ее.

В те дни и захват какой-нибудь безымянной высоты считался успехом, а тут целая деревня оказалась в наших руках. Это ли не победа! К тому же в бою мы уничтожили до сотни вражеских солдат. По этому случаю незамедлительно посыпались наши реляции во все вышестоящие инстанции.

С тех пор минуло более двух недель, появились другие заботы. И вдруг узнаю: к нам едет комиссия из армии в составе нескольких командиров и представителя прокуратуры.

Командира дивизии и меня это, естественно, взволновало, но причины столь необычного визита выяснились довольно скоро.

В схеме обороны нашей дивизии, которую мы представили в штаб армии, деревня Жидки значилась в нейтральной полосе и никем не занятой. В штабе армии, конечно, удивились. Столько было разговоров о деревне Жидки, столько реляций - и вдруг не занята! Не прошло сие обстоятельство незамеченным и в штабе фронта.

Посыпались вопросы: почему? кто виноват? Наш ответ никого не удовлетворил, а все доводы о том, что в схему обороны дивизии вкралась ошибка, не возымели никакого действия. Тогда я с ведома командира дивизии вызвался проводить членов комиссии на передовую, чтобы разобраться во всем на месте.

Первые километры шли лесом. Никто нас не тревожил. Миновали КП полка. К нам присоединился его командир майор Самойлович. Перед вечером добрались до овражка, где в глубоком окопе обосновался штаб батальона.

До 1-й роты надо было ползти не менее километра. Ползли долго и, окончательно выбившиеся из сил, плюхнулись в узкую глубокую траншею. В ней располагалась нужная нам рота.

Лейтенант, единственный из командиров, уцелевший в роте, доложил о противнике и об отделении, расположенном впереди деревни Жидки.

- Почему же вы сами не находитесь в деревне? - допытывался я у лейтенанта.

- А зачем она нужна? Отсюда мы все видим, держим под огнем выходы из села Чуркино, а Жидки расположены в овраге, оттуда ничего не видно и не слышно.

- Кто давал команду оставить деревню?

- Никто не давал. Ротный отвел нас. А впереди у нас отделение.

- Так чья же все-таки эта деревня? - включился в разговор

молчавший до этого представитель штаба армии.

- Деревня наша.

- Но там никого нет.

- А зачем сидеть в яме?

Я спросил:

- Далеко деревня расположена от нас?

- Не больше километра, а вот до кладбища еще ближе.

- Когда лучше осмотреть ее?

- Лучше всего часика в четыре утра. К этому времени фрицы угомонятся, а встают они поздненько, вот тогда можно на часок-другой забраться туда.

"Нет худа без добра, - мелькнуло в голове, - проверю заодно передний край батальона первого эшелона, загляну на наблюдательный пункт командира артиллерийского дивизиона".

...Настало время трогаться в путь.

Мы следовали за лейтенантом, перебегавшим из лощины в лощину. Достигли кладбища и оттуда одним броском добрались до деревни. Командир роты оказался прав - Жидки находились в овраге, и, кроме рваных облаков над головой, оттуда ничего не проглядывалось. Деревни, собственно, не существовало, торчали только печные трубы.

Стало светать. Оглядевшись вокруг, комиссия визуально убедилась в необоснованности своих обвинений.

Таким образом, инцидент был исчерпан.

Личные переживания ушли прочь. Случай же дал повод осмотреть передний край обороны, воочию убедиться, как слаба оборона на этом участке, как трудно ей противостоять сильным танковым атакам.

Вечером докладывал командиру дивизии о минувшем дне.

До поздней ночи, склонив головы над картой, мы думали, какие меры нужно предпринять, чтобы усилить левофланговый полк. Решили передать один дивизион из артиллерийской группы командиру полка майору Самойловичу и сосредоточить на том же участке обороны противотанковый резерв. Дивизионному инженеру дали команду заминировать противотанковыми и противопехотными минами все подступы, лощины, дороги, идущие на север.

И все же оборона оставалась уязвимой - не было танков.

Несмотря на наши крайне ограниченные возможности, во второй половине дня 2 октября мы предприняли контрартподготовку.

Два артиллерийских полка, несколько наших отдельных дивизионов открыли массированный огонь по противнику. Подверглась удару его танковая группировка, артиллерийские

позиции, скопление пехоты.

С дерева, на которое забрались мы с майором Семашко, в бинокль было видно: горели машины, летели в воздух артиллерийские орудия.

По нашим подсчетам, урон врагу был нанесен немалый. И все-таки силенок у нас не хватало, чтобы сорвать его наступление, заставить отказаться от предстоящих атак.

На землю опустилась зловещая ночь. Солдаты и командиры в окопах и траншеях, на огневых позициях и наблюдательных пунктах не смыкали глаз. Ждали, вот-вот начнется наступление гитлеровцев. С рассветом оно началось...

Удар огромной силы, сопровождаемый каким-то невероятным шумом, обрушился на наш блиндаж. Заскрипели толстые бревна четырехслойного наката, обвалилась противоположная от меня стена, погасла коптилка, запахло гарью. Кто-то крикнул: "Спасите!" - и вслед за этим все стихло.

С большим трудом выбрались мы из полуразрушенного блиндажа. Из соседней землянки выполз командир дивизии Глебов, жадно глотая воздух.

Над лесом пронеслась большая группа фашистских бомбардировщиков. Они спешили на север, к Белому и Ржеву.

Комдив приказал занять круговую оборону вокруг нашего КП. В его распоряжении находился сформированный сводный батальон. Не теряя времени, мы приготовили гранаты, бутылки с зажигательной смесью. В окопчиках вокруг машин с рациями и штабных автобусов сидели шоферы, связисты, саперы, вооруженные карабинами и винтовками, готовые немедленно вступить в бой.

Трудный день начался. Какие сюрпризы готовит он? Выдержим ли мы натиск? Сможем ли остановить врага?

Я сидел в блиндаже комдива и беспрерывно теребил командиров частей. В другом углу охрипший, оглохший и контуженный начальник связи майор Кулаков надрывно вызывал начальников штабов полков, требуя докладов о положении дел.

Разведывательная группа, а вслед за ней артиллерийские наблюдатели докладывали о тяжелых боях на нашем левом фланге. На полк Самойловича обрушилась авиация, артиллерия. Несколько десятков танков ворвались на позиции батальонов первого эшелона, артиллерийский дивизион, выдвинутый нами на прямую наводку, вступил в бой с прорвавшимися танками. С командиром полка телефонная связь была прервана.

Комдив настоятельно просил командарма В. А. Хоменко усилить левый фланг дивизии артиллерией. Но что мог ответить командарм? Вся его армия в эти часы отражала превосходящие

силы противника. Наконец заработало радио. Кто-то взволнованно кричал:

- Танки прорвались на наш КП. Убит Самойлович. Бой идет на артиллерийских позициях. Помогите огнем!

Глебов связался с командиром артиллерийского полка Семашко.

- Весь огонь сосредоточить на левом фланге! Выдвигайте дивизион на Батуринскую дорогу!

Я видел, как артбатареи снялись с позиции и помчались на юг. Наша попытка придвинуть правофланговый полк Максимова ближе к центру не увенчалась успехом.

Налетевшая немецкая авиация нанесла бомбовые удары, прижав все живое к земле.

К нам на КП, в батуринский лес, просто чудом добрался майор из штаба армии и передал распоряжение отойти в район Белого, организовать оборону на армейском оборонительном рубеже. От него мы узнали, что противник прорвал фронт на стыке 19-й и 30-й армий.

Наша дивизия, находившаяся на левом фланге армии, оказалась в тяжелом положении, будучи обойденной с двух сторон.

Немецкие танки вышли в наш тыл и продолжали наступать в направлении на Белый.

В ту ночь мы сделали все возможное, чтобы собрать дивизию в кулак и выйти на новый рубеж, указанный штабом армии.

Подтянули полк Максимова. Майор Семашко собрал остатки своей артиллерии. Объединили разрозненные подразделения саперов, связистов, комендантскую роту.

Мучительная ночь сменилась тревожным утром. С рассветом, оставив свой КП, мы взяли курс на север.

Батурино захватили гитлеровцы, разгромившие при этом наши тыловые базы. Мы лишились боеприпасов, продовольствия, медикаментов.

На путях отхода к нам присоединилась уцелевшая артиллерия двух стрелковых полков, их объединил под своим командованием майор Семашко. К вечеру подошел стрелковый полк капитана Максимова. Позднее стали примыкать уцелевшие подразделения остальных частей дивизии. Мы воспрянули духом. Несмотря на большие потери, понесенные в первые дни прорыва противника, в дивизии насчитывалось еще около трех тысяч бойцов.

Мы с Глебовым по-прежнему пытались установить связь со штабом армии. Именно в этом районе мы рассчитывали найти его. Но надежды оказались тщетными. На подходе к городу нас

встретил сильный артиллерийский и танковый огонь. В Белом уже хозяйничали гитлеровцы. Сюда стягивалась сильная вражеская группировка. Что нам оставалось делать? Напрашивалось единственное решение - обойти город с востока.

Пришла ночь, полная тревоги.

Связи со штабом 30-й армии не было. Мы не знали тогда, что он подвергся тяжелым ударам с воздуха, а на его КП прорвались танки противника.

Большой радостью для всех было появление у нашего КП танка КВ. Из него вышел заместитель командующего нашей армией генерал Е. П. Журавлев.

Первый вопрос к генералу: "Что нам делать?"

Его звонкий голос, юношеский задор и удивительное спокойствие вселили в нас надежду и уверенность.

- Я имею приказ добраться до 107-й мотодивизии и нанести силами этого соединения контрудар в направлении городов Белый, Духовщина. Вашей дивизии надо немедля выйти на рубеж Васильево, Шаниха, прочно прикрыть направление на Сычевку и обеспечить успех группировки, которая будет наносить контрудар.

День выдался на редкость тихий. К вечеру добрались до района, указанного генералом Журавлевым.

...Казалось, горел весь небосвод. На западе, востоке и севере пылали деревни, села, неубранные поля, нескошенные луга.

Противник двигался на восток, оставляя нас в своем тылу. Но мы, повинуясь приказу, приступили к выполнению поставленной задачи.

Только единство воли, исполнительность, высокая дисциплина, граничащая с самопожертвованием, могли привести к осуществлению задуманного. В больших хлопотах прошла эта беспокойная ночь. А с рассветом...

Немецкая колонна, командиры которой были уверены, что находятся в собственном глубоком тылу, спокойно совершала марш по дороге, идущей на Шаниху. Противник шел без разведки, без охранения и случайно натолкнулся на наши подразделения. Даже при наших скудных огневых средствах нам потребовалось не больше часа, чтобы разгромить фашистский батальон мотопехоты.

На поле боя остались подбитыми и сгоревшими несколько танков и броневиков, десяток автомашин. Удача окрылила нас. Все словно ожило вокруг. Солдаты сливали бензин, демонтировали радиостанции, подбирали оружие и боеприпасы. Разведчики занялись пленными. Сообщения их оказались для нас неутешительными. Немцы заняли Сычевку, Белый и другие

важные ключевые позиции. Фашистские войска хлынули по тракту Белый - Ржев. Противник наступал широким фронтом в направлениях Вязьма, Гжатск, Сычевка, Карамашев, а также Белый, Ржев.

Контрудар, о котором говорил генерал Журавлев, оказался сорванным в самом начале. У нас не было сил и средств, чтобы осуществить его: встреча со 107-й мотодивизией так и не состоялась. Оборонять же этот участок в создавшейся обстановке было явно нецелесообразно. Комдив отдал распоряжение сняться с места и совершить бросок на север.

Лесными топкими дорогами дивизия с трудом пробиралась в намеченный район.

Ночью мы с комиссаром штаба дивизии Храпуновым обходили штабные подразделения. Зашли к саперам. Не унывающие ни при каких обстоятельствах, прошедшие большую жизненную школу, возрастом намного старше нас, саперы знали, что к чему. Как ухитрились они в таких условиях тащить на себе противотанковые в противопехотные мины, топоры и лопаты - уму непостижимо!

Ночью еще раз подсчитали все свои ресурсы, они оказались скудными. Особое беспокойство вызвало отсутствие горючего. Иссякли запасы продовольствия. На наших плечах раненые, больные. Эвакуировать их было некуда и не на чем.

Перед утром я вместе с Храпуновым докладывал обобщенные данные Глебову. В его автобус пригласили начальника артиллерии дивизии и начальника тыла, здесь же был командир полка Максимов.

- Какой же выход? - ни к кому не обращаясь, задал вопрос Виктор Сергеевич и, словно отвечая самому себе, продолжил: - Выход один прорываться к своей армии. Самый короткий путь - выйти на станцию Сычевка, оттуда можно добраться до лесов севернее Гжатска. Там, полагаю, мы и найдем ее.

Доводы командира дивизии на первый взгляд казались логичными. Но дойдем ли? Артиллерия на конной тяге не сегодня-завтра выйдет из строя. Баки машин пусты, и их рано или поздно придется поджечь, боеприпасы на исходе, люди измотаны и физически обессилены до предела. Несколько вражеских танковых атак - и трудно представить, что останется от нашей группы.

Я не таясь высказал свои соображения.

Глебов слушал с подчеркнутым вниманием и лишь изредка перебивал меня, чтобы сказать:

- Не горячись, говори понятнее. А так ли это?

После того как привели свои доводы Храпунов и Максимов,

воцарилась тишина. Слышно было только наше простуженное дыхание.

Уткнувшись в карту, Глебов ломал голову, выбирая правильное решение. Потом встал, выпрямил согнутую спину и в упор спросил меня:

- Что же ты, в конце концов, предлагаешь? Этого вопроса я ожидал.

- На восток дивизию не вести. От Сычевки держаться подальше. Там основная группировка противника.

Глебова оставила присущая ему сдержанность.

- А куда ее вести?

- Только на север, только в направлении Ржева. Перережем тракт Белый Ржев, организуем удар по вражескому тылу, запасемся за счет фашистов оружием, боеприпасами, продовольствием, а потом рванем к своим я пойдем на соединение с войсками 29-й или 22-й армии.

- Но мы подчинены 30-й армии! - возбужденно перебил меня командир дивизии. - Зачем уходить от нее?

- Виктор Сергеевич, согласитесь, дело не в том, под чьим началом воевать, а в том, чтобы бить врага. Идти на Гжатск с нашими силами рискованно, да и доберемся ли? Двинемся на Ржев - обязательно дойдем.

Мы стояли друг против друга разгоряченные, каждый убежденный в своей правоте.

- Ну а вы как считаете? - обратился комдив к товарищам, которые присутствовали при этом разговоре.

Товарищи поддержали меня.

- Ладно, утро вечера мудренее, дайте мне часок-другой подумать.

Глебов не любил торопиться, особенно когда решались важные вопросы. Он принадлежал к тем командирам, которые охотно выслушивают мнение своих подчиненных, ищут в их доводах разумное, полезное. Глебов не любил людей, которые способны только поддакивать.

Зная это, я нисколько не удивился, когда утром он сказал мне:

- Предложение принимаю. Представь на утверждение план выхода дивизии на магистраль Белый - Ржев. И еще одно условие: от противника не уходить, всеми силами и средствами уничтожать его.

В этот день мы с боями прошли свыше тридцати километров. Понимали дальше будет труднее. Приближался фронт, вражеские группировки уплотнялись. А это означало, что ожесточенных боев не миновать.

На другой день, тронувшись в путь, мы рассчитывали совершить еще один бросок к заветной цели. Утренний морозец бодрил и подгонял. Мы рысцой пробежали большое неубранное картофельное поле, обошли прижатую к опушке леса деревушку и вышли на широкую гравийную дорогу. Здесь нас "гостеприимно" встретил противник: на колонну посыпались артиллерийские снаряды, залаяли минометы.

Сколько раз в то лето выручали нас артиллеристы во главе с умным и смелым майором Семашко! И на этот раз, подчиняясь его воле, наша артиллерия развернулась на огневых позициях и открыла огонь. Немецкие орудия и минометы постепенно умолкли.

Используя артиллерийский заслон, Глебов двинул нашу колонну на восток, по дороге, ведущей на станцию Осуга.

Не успели мы выйти из зоны огня, как очутились на хвосте большой вражеской мотоколонны, шедшей впереди нас. Первым вступил в бой полк Максимова. Удар с тыла по гитлеровцам был внезапным и ошеломляющим. Немецкие тылы и обозы бросились в панике бежать. Пытаясь выйти из-под наших ударов, они стали обгонять свои боевые подразделения, смешались с ними, и, как бывает в таких случаях, все перепуталось.

Паника перекинулась в голову вражеской колонны, и теперь вся масса людей и машин безостановочно катилась по единственной дороге на восток.

Вот где пригодились бы нам танки, автомашины, тягачи, подвижные средства для преследования и полного разгрома вражеской группировки!..

Паническое бегство противника подняло на ноги гарнизон станции Осуга. Гитлеровцы всполошились, объявили тревогу, вызвали авиацию. Над нами стала кружить "рама", постоянная предвестница недоброго. Оставалось одно: немедленно уходить на север, скрыться в близлежащих лесах, а с наступлением ночи совершить бросок через железнодорожное полотно, идущее из Осуги на Ржев.

Но осуществить это не пришлось. Появились "юнкерсы", а затем танки. Их было не менее полусотни.

Этой силе мы могли противопоставить только несколько сорокапяток, всего десяток противотанковых ружей, сотню бутылок с зажигательной смесью. Все это мы на ходу расставили на обочине дороги и в кустарнике. Подоспел майор Семашко. Он развернул артиллерийский дивизион на мехтяге и с ходу открыл огонь.

Снова появилась немецкая авиация. На нашу артиллерию посыпались фугасные бомбы.

К ночи, когда угомонилась авиация, напряжение боя ослабло и вражеские танки под покровом темноты отошли на восток, нам удалось прорваться через заслон немецкой пехоты. Скрываясь от авиационных налетов, танкового огня, от преследования вражеских автоматчиков, мы всю ночь шли нехожеными лесными тропами.

Компас выводил нас на север. Только жажда жизни и неистребимое желание бороться с врагом до последнего вздоха поддерживали наши истощенные силы.

Тяжелораненых несли на палатках, легкораненые шли сами.

В ту ночь мы совершили двадцатикилометровый скачок. К утру, изможденные, добрались до заброшенной поляны, заросшей пожелтевшей травой. Здесь и решили сделать привал.

Пока отдыхали бойцы, командир дивизии собрал совещание. Решали, что делать дальше.

Без малейшего колебания Виктор Сергеевич Глебов принял решение пробиваться к линии фронта не разрозненными группами, а единым собранным ударным кулаком. Наличие нескольких десятков ручных и станковых пулеметов, тысяча винтовок и карабинов, сотня трофейных автоматов, несколько тысяч гранат в руках людей, готовых сражаться до последнего, - все это представляло большую силу.

В тот день мы никуда не двигались - отдыхали: выспались, отогрелись. Разведчики пригнали десяток лошадей. Жареное мясо получилось отменным. В знак уважения солдаты преподнесли нам с Глебовым жареную конскую печенку. До того она была вкусной, что и теперь, спустя более сорока лет, я помню ее аромат.

Назавтра, набравшись сил, мы продолжали поход на север, к линии фронта. Рядом со мной шли боевые друзья - врач Федорова и фельдшер Лаптев. Я не переставал удивляться выдержке хрупкой молоденькой женщины и пожилого фельдшера.

Трудные это были дни. Но вера в грядущую победу ни на минуту не покидала людей. И равнялись они во всей на коммунистов, с них брали пример, им подражали. А коммунисты находились у нас на самых трудных и опасных участках. Их посылали мы в пекло боев, в разведку, охранение, засады. Они прикрывали отход главных сил. Личным примером и душевным правдивым словом они, коммунисты, поднимали людей на бой со смертельным врагом.

Шел десятый день нашего пребывания в тылу врага. Накануне крепкий мороз сковал землю, мы, уставшие, с трудом волочили ноги. До леса, казалось, уже рукой подать, но этот трехкилометровый болотистый участок отряд преодолевал четыре часа. Только к полудню дождались отставших.

Нас потянуло на большую поляну, здесь лучи солнца не прятались за вековыми дубами. Стали сушиться, обогреваться. Засуетились штабники, организуя разведку и охрану нашей колонны.

В тот день порадовала разведывательная группа дивизии, отсутствовавшая несколько дней и наконец догнавшая нас.

Увидев перед собой пятерку рослых ребят, я от счастья боялся поверить своим глазам. Старший из них, сержант, стал неторопливо отчитываться за каждый день.

До сих пор мы были уверены, что противник находится от нас далеко, а теперь из данных разведки узнали: линия фронта проходит всего в 25-30 километрах. Группа обнаружила также район сосредоточения немецких танков, установила огневые позиции артиллерии. Как завороженные слушали мы рассказ разведчиков.

- Ну, ребята, спасибо за все! - поблагодарил разведчиков полковник Глебов.

Сержант, ободренный похвалой командира дивизии, продолжал доклад. Ткнув пальцем в карту, он радостно сообщил:

- А вот здесь, на опушке леса, находится деревня, туда проходит лежневка: деревянная дорога наподобие железной. По ней зимой волокут лес. А с этой стороны хутора тянется какая-то железнодорожная ветка.

Мы уткнулись в карту. На ней не было ни деревни, ни железной дороги, никакой лежневки.

- Что-то не так, - засомневался я, - не путаешь ли, паренек?

Разведчик развел руками:

- Что вы, товарищ капитан, я же сам подходил к дороге! Вчера видел там целый железнодорожный эшелон, вагонов пятнадцать, не меньше. Мои ребята хотели вскрыть пломбы, но я не разрешил.

Мы с Глебовым переглянулись.

- Можешь показать то место?

- Могу, хоть сейчас.

Через час отряд под моей командой пробирался к деревне, о которой сообщили разведчики. Прежде всего мы действительно увидели лежневку. А затем, пройдя с километр, сквозь обнаженные деревья издали заметили товарные вагоны. Не выдержав, бегом побежали к ним.

Мы с Глебовым втайне надеялись найти в вагонах оружие и боеприпасы, а вместо этого я обнаружил продукты, а также большое количество различной хозяйственной утвари и скобяных товаров.

Вызванные на помощь несколько сот бойцов унесли с собой муку, крупу, кофе и некоторые другие продукты. Сытная горячая

пища подняла настроение личного состава, а короткий, но крепкий солдатский сон подкрепил силы. Мы начали готовиться к последнему, решающему броску. Утром предстояло разведать пути перехода через Ржевский тракт, чтобы следующей ночью соединиться со своими войсками.

И тут, на беду, тяжело заболел командир дивизии.

- Я доверяю тебе во всем, - сказал он. - Надеюсь, доведешь людей до места. За четыре месяца совместных боев в дивизии стали тебя уважать...

Эти слова тронули меня. Кто из нас не дорожит доверием старших и любовью подчиненных! За первые месяцы боев я нашел свое место в строю и в бою, а ведь когда-то боялся оставить своих танкистов, думал, не найду общего языка с пехотинцами. На деле, к счастью, оказалось не так.

Прикрепив к Виктору Сергеевичу врача, я занялся подготовкой к ночному броску.

Карта устарела. В этом мы убедились сегодня, когда установили отсутствие на ней населенного пункта, железной дороги и лежневки. С несколькими командирами я отправился на разведку маршрута, благо в нашем распоряжении было еще несколько часов. По проторенной дороге быстро достигли усадьбы леспромхоза. На единственной улице, состоявшей из нескольких разбросанных в беспорядке домов, мы не заметили никаких признаков жизни. Ставни домов были полузакрыты, и только возня во дворе кур, гусей и всякой живности свидетельствовала о том, что на хуторе еще теплится жизнь.

Послав группу командиров осмотреть усадьбу, я с ординарцем вошел в ближайший дом. Хозяйка не сразу откликнулась на стук и впустила нас только после неоднократных просьб.

Мрачное лицо хозяйки не настраивало на разговор. В углу пугливо жались детишки.

- Что не ласковы?

- А что прикажете, плясать от радости! - отрезала хозяйка. - Сами небось видите, что делается вокруг. Все пропало. Погибли мы... погибли.

- К чему казнить себя? Все не так страшно.

Женщина как ужаленная подскочила ко мне.

- Не страшно, говоришь? Немцы, сказывают, к Москве подходят. Намедни слух прошел, что город Калинин взят. Не сегодня-завтра и к нам доберутся. Кто будет заботиться о нас? Кто защитит? - Слезы катились по ее щекам. - Все отходите, отходите, отдаете нас ворогу на поругание. А мы вас защитниками считаем... Пришли небось дорогу спрашивать?..

Который день все идут наши солдатики. И у всех одна думка: как выйти к Ржеву? Ни один не спрашивал дорогу на запад.

Слова крестьянки, словно кнутовище, хлестали меня.

А она все не унималась. И когда в горячке дошла до своих обвинений, до жестоких и несправедливых упреков, меня взорвало.

- Спрашиваете, кто виноват во всем? Фашисты виноваты, и жаль, что вы не понимаете этого! А вот нас вы хороните зря. Мы живые и еще будем бить врага...

- Ты мне, командир, лекций не читай. Мой Иван тоже хвастался: сунется, мол, кто - в дым развеем... А теперь небось скитается по лесам... - И опять залилась слезами.

Не зная, как утешить женщину, я бодро сказал:

- Мы еще придем к вам. Ей-богу, придем. Ничего, что сегодня отходим. Мы обязательно вернемся. Вернемся после того, как прогуляемся по самой Неметчине, по Берлину...

- Дай бог, дай бог, браточек. Неужто вернется наше счастье? Буду ждать. И уж тогда ничего не пожалею для наших родных освободителей...

Я подошел к ней, обнял, поцеловал в щеку и попрощался, как с родным и близким человеком. Ушел я почему-то уверенный, что рано или поздно обязательно встречусь с хозяйкой этого дома. Я не фаталист и далек от веры в чудеса, и тем не менее встреча состоялась.

История ее такова. Шел сорок пятый год. Завершался разгром фашистов в самой Германии, я с адъютантом Петром Кожемяковым на "виллисе" мчался из Москвы на запад, чтобы не опоздать к последней, завершающей Берлинской операции. Ох как хотелось со своими танками войти в Берлин!.. Да разве я один в ту пору мечтал об этом!

Наша машина миновала Гжатск, Вязьму, Сафонове. Показалось Ярцево, до Смоленска было рукой подать, а там Петро запланировал ночевку. Я никак не мог оторваться от карты. Всего сотня километров отделяла меня от мест былых боев - от Духовщины, Белого, Батурино. Тяжкие дни 1941 года встали передо мной, словно и не прошло четырех лет. Потом я задремал, и вдруг... передо мной появилась женщина... Та самая, смоленская, с которой я встретился в 1941 году, глаза которой, страдающие и укоряющие, сопровождали меня везде и всюду.

Дальше не стал раздумывать.

- Петро, поворачивай на север. Смоленск от нас не уйдет, заедем на один хуторок.

Миновали Батурино, повернули на Белый, а здесь должна была выручать только память. Шофер измотался в поисках

нужной дороги, но лежневка вывела нас к усадьбе леспромхоза. Оставалось припомнить дом.

Имени женщины я не знал. И все-таки в этот дом мы попали...

Нас встретил рослый, худощавый мужчина средних лет с засунутым в карман пустым рукавом пиджака.

Разговорились о фронтовых новостях и, конечно, о цели моего приезда на этот заброшенный хутор.

- Каким временем располагаете? - спросил хозяин дома.

- К утру хочу попасть на Смоленский тракт.

- Ну и хорошо, придет хозяйка - вместе поужинаем.

Кожемяков внес в хату чемодан с продуктами.

Вошла старшая девочка, я сразу узнал ее. За эти годы она вытянулась и напоминала стройную березку.

Я снял шинель. Заметив на моей груди Золотую Звезду Героя, хозяин забеспокоился, как бы лучше принять гостя.

Хозяйка вошла в дом, когда там было полно народу. Два деда расспрашивали меня про Германию, какая-то пожилая тетка держала в руках конверт, требуя точный ответ, где находится полевая почта, указанная на конверте. Сосед-инвалид сразу отрапортовал, где ему "оттяпнули" ногу.

Моя знакомая в первую минуту не узнала меня.

Сели за стол.

Выпили по стаканчику, кто-то предложил ради встречи пропустить по второму. Гости чуть захмелели, стали вспоминать счастливые довоенные годы.

- Вот была жизнь!.. А теперь проклятый фашист все изуродовал, прослезившись, выкрикнул какой-то дед.

Глядя на него, я вспомнил своего отца. Тот после рюмки тоже любил гудеть на весь дом: "Вы, сынок, живете, как в раю. Все для вас делает Советская власть... А мы при Николке в лаптях ходили, голодали".

Время перевалило за полночь, пора было собираться, а я еще не выбрал момента, чтобы "свести счеты" с хозяйкой дома.

Наконец подняв рюмку, сказал:

- Друзья мои, хочу поведать вам одну тайну. На вашем хуторе я не впервой, с хозяйкой этого дома мы уже однажды встречались. Было это осенью сорок первого. Я тогда пообещал вернуться на Смоленщину и слово свое сдержал... А теперь, дорогая хозяюшка, настал ваш черед сдержать свое слово. Вы когда-то сказали, что ничего не пожалеете для нас, когда мы вернемся. Теперь я не уеду отсюда, пока не подадите на стол гуся.

В доме разразился хохот. Перекрывая шум, старик, сидевший рядом со мной, закричал:

- Настасья, режь гуся, не позорь нас!

Хозяйка подошла ко мне.

- Вспомнила, ей-богу, вспомнила, и наш уговор тоже не забыла. Пригубив рюмку, она поклонилась мне и рванулась к двери: - Ваня, я побежала в сарай. Праздник-то какой!

* * *

Однако вернемся к событиям осени 1941 года. Наши поредевшие колонны отходили в направлении Ржева. Холодный ветер сметал с деревьев пожелтевшую листву. Леса просвечивались насквозь. Далеко виднелись оголенные деревни и села. В них обосновались вражеские команды. Наступившие холода загнали гитлеровцев в избы. Силы наши таяли с каждым днем, с каждым боем. А нам предстояло совершить последний прыжок - через линию фронта.

Движение на юг по рокадной дороге Ржев - Сычевка оказалось оживленным. Беспрерывно шли танки, артиллерия, бесконечной вереницей тянулись обозы. Противник перебрасывал войска в направлении Сычевки, Гжатска, Можайска, по-видимому, для усиления главной группировки, рвавшейся к Москве.

Короткий октябрьский день подходил к концу. Незаметно подкралась ночь наш постоянный боевой спутник. На огромном поле, примыкающем к оврагу, мы построили необычную колонну, не предусмотренную никакими уставами и наставлениями: пятьдесят рядов по фронту и в глубину образовали непробиваемую стену. Первую и последнюю шеренги, боковые ряды вооружили гранатами, ручными пулеметами и автоматами. Образовалось нечто вроде живой крепости, неприступной для вторжения. Люди замерли. Раненые, находившиеся в середине этой живой крепости, нечеловеческими усилиями сдерживали малейшие стоны.

По сторонам от главной колонны в двух-трех километрах должны были идти сильные боковые отряды численностью по двести человек каждый. Им ставилась задача оседлать дорогу, задержать немецкие танки и машины, дать зеленую улицу нашим главным силам.

Стрелка часов приближалась к 24.00. Отряды прикрытия тронулись в путь, за ними следовали мы.

Конечно, передвижение такого количества людей не могло пройти незамеченным: шуршание под ногами замерзшей травы напоминало шум прибоя; мучивший всех кашель вдруг прорывался наружу. Нервы были взвинчены до предела. Года жизни стоила нам эта ночь. Километры казались бесконечными. Время как будто остановилось.

Уже два часа находились мы в пути, а нужной дороги все еще не достигли. В сторону Сычевки по-прежнему двигались немецкие танки и тягачи, мчались машины с включенными фарами.

Казалось, войны для немцев в этом районе не существует.

И вдруг...

Автоматные очереди разрезали ночную темноту, ракеты осветили облака, плывшие по низкому небу. Я облегченно вздохнул: "Наконец-то".

Мощный бросок - и дорога в наших руках. Наконец ворота прорублены - в них хлынула лавина людей, измученных многодневными походами и беспрерывными боями, голодных, гневных, готовых смести все на своем пути, любую преграду.

Потребность быть незамеченными миновала. Поднялся невообразимый шум. Немецкие танки тут же повернули назад. Шоферы с перепугу загоняли свои машины в кюветы, артиллерийские расчеты оставили орудия. Мы стали полными хозяевами на этом участке дороги, но прекрасно понимали, что шоковое состояние противника будет недолгим. Самое главное заключалось теперь в том, чтобы оторваться от гитлеровцев и до рассвета соединиться с советскими войсками.

Но осуществить это оказалось нелегко. Рассыпавшаяся колонна наших бойцов не внимала команде. Поддавшись святому чувству гнева, многие бойцы начали яростно атаковать противника.

Между тем задержка на этой дороге на один-два часа могла закончиться для нас трагически. Я отчетливо понимал это. Пришлось приложить невероятные усилия, чтобы увлечь за собой обезумевших от ярости людей. Отряд благополучно пересек дорогу.

Ночью леса казались призрачными, будто плыли в тумане в неведомую даль. Надвигался рассвет. Мы продолжали идти, хотя ноги, налитые свинцом, отказывались повиноваться.

Лесные тропы вывели нас на широкую поляну, а на ней... стояли немецкие орудия с задранными вверх стволами.

Позади артиллерии расположились в ряд машины, в стороне были уложены ящики со снарядами. Никакой охраны, никакого

движения.

Немцы не предполагали увидеть советских бойцов у себя в тылу. От неожиданности они растерялись, рассыпались в стороны. Не сразу пришли в себя и мы. Только спустя некоторое время, опомнившись, набросились на орудия и машины, забросали гранатами снарядные ящики. Немецкие артиллеристы, застигнутые врасплох, боя не приняли, нырнули в кустарник и скрылись в лесу.

Взрывы и пожары в районе вражеского артиллерийского дивизиона оказались загадкой и для наших войск, занимавших позиции в нескольких километрах. Услышав пальбу, наши передовые подразделения по тревоге изготовились к боевым действиям.

Расправившись с артиллерийским дивизионом гитлеровцев, мы осторожно двинулись вперед, надеясь, что больше не наткнемся на немецкие подразделения.

Затишье длилось недолго. Откуда-то с востока грянула наша артиллерия. Над нами пролетели сотни снарядов. Обрушились они на ту самую поляну, которую мы недавно покинули.

Задержись мы на полчаса в районе боев, понесли бы неоправданные потери от огня своей артиллерии.

Наступило время дать знать о себе.

Навстречу летящим снарядам и пулям мы устроили такой фейерверк, какого никому из нас в жизни не приходилось видеть. Ракеты всех цветов озарили небо, воздух дрожал от криков "ура!".

Охваченные неудержимым порывом, мы не заметили, как оказались на краю какой-то деревушки. Из домов повыскакивали немцы и бросились бежать на запад. Над нами разрывались ракеты разных цветов и оттенков.

Человеческая лавина помчалась на манящие огни:

- Братцы, мы свои! Товарищи, мы русские! Ура!

Еще один бросок - и мы в объятиях друзей...

Группа генерала II. Г. Хоруженко в составе 220-й дивизии и уцелевших частей других соединений вела упорные оборонительные бои с фашистскими войсками в районе Старицы. Ей и были переданы вышедшие из окружения части нашей 242-й стрелковой дивизии.

Во время отступления погиб мой верный друг фельдшер Лаптев. Врач Людмила Федорова выдержала все невзгоды первых месяцев войны и осталась с нами на этом участке фронта. Виктор Сергеевич Глебов стал начальником штаба группы войск генерала Н. Г. Хоруженко, а меня назначили к нему начальником разведки. Так я оказался в числе тех, кому выпала честь сражаться на подступах к нашей столице.

* * *

Бои на Смоленщине, трудные дни отхода стали для нас той кузницей, в которой выковывалась воля к победе у бойцов и командиров.

Помню день, когда вызвал меня к себе Глебов, чтобы сообщить нежданное-негаданное:

- Поедешь учиться в Академию Генерального штаба. Понял, браток?

Новость ошеломила. Мне казалось, что на учебу в те критические времена посылали командиров, без которых можно было обойтись на фронте.

- Как же это, Виктор Сергеевич? Что я тебе плохого сделал? Испугался, что не справлюсь в новой роли?

Глебов притянул меня к себе.

- Чудак! Не ты ли шумел в батуринских лесах, когда тебя разлучили с танкистами?

- Виктор Сергеевич, пойми меня, дружище! Жизнь во все вносит свои поправки. Как можно оставить фронт? Я стал разведчиком, полюбил эту опасную и сложную военную профессию. Успел горячо привязаться к смелым ребятам-разведчикам... Теперь, значит, надо бросить все это? И когда! Гитлеровцы не сегодня-завтра начнут драпать на запад. А вы лишаете меня возможности драться за победу.

Мы присели на широкую, грубо отесанную деревенскую скамью. Виктор Сергеевич опустил голову и заговорил уже другим тоном:

- И мне нелегко с тобой расставаться. Годы совместной учебы сблизили, а шесть месяцев боев на Западном фронте сроднили нас. Бои на Смоленщине, отход и окружение - разве это так легко забудешь... Нет, дорогой мой, это останется на всю жизнь... Но надо реально смотреть на вещи. Война только начинается. Ты, я, многие тысячи, миллионы людей потребуются в решающих; и завершающих сражениях за нашу Отчизну.

Ординарец Глебова принес завтрак, горячий чай. Разговор продолжался за столом.

- Ругай меня, не ругай - дело решенное. Твою кандидатуру я сам выдвинул, меня поддержали генерал Никифор Гордеевич Хоруженко и бригадный комиссар Федор Андреевич Дубовской. Мы единодушно решили, что ты заслужил право на учебу. Вчера тебе присвоили звание майор, вторично представили к ордену, чего еще хочешь? В тылу тебя ни в чем и никто не посмеет упрекнуть.

На этом наш разговор оборвался. Глебов торопился. Штаб дивизии сегодня перемещался в другое место.

Расстались мы сурово, по-солдатски.

Перемены в моей судьбе

Уфа встретила нас, слушателей ускоренного курса Академии Генерального штаба, сорокаградусным морозом. Легкая, видавшая виды шинель плохо защищала от холода. Шесть трамвайных остановок, отделявших наше общежитие от учебного корпуса, мы ежедневно преодолевали рысцой.

В стенах академии собралось с полсотни фронтовиков. Многие до этого командовали полками, некоторые успели поработать в армейских и фронтовых штабах, за плечами у каждого были многодневные бои. Пехотинцы и танкисты, летчики и моряки, прибывшие в Уфу, жили дружным коллективом, не замечая разницы в годах и служебном положении. Всех объединяли общие думы о войне.

Лекции чередовались с комплексными занятиями на картах, военные игры с выездами в поле. Начальник академии генерал Евгений Александрович Шиловский, начальник кафедры оперативного искусства генерал Герман Капитонович Маландин, профессор Алексей Иванович Готовцев и многие другие преподаватели сделали все, чтобы в короткий срок подготовить нас к будущим сражениям...

Несмотря на очень напряженную учебу, слушатели находили время и для общественной работы, с радостью выполняли партийные поручения. Мы знали, что за несколько месяцев войны население Уфы резко увеличилось. Знали, что Башкирия по-братски приняла и разместила на своей территории десятки эвакуированных предприятий и что они уже выпускают продукцию.

Накануне Дня Красной Армии райком партии направил меня докладчиком на один из заводов (он был эвакуирован из Харькова, но уже работал в три смены).

Собрание проходило в огромном ангаре. Теперь здесь был сборочный цех. Помещение плохо отапливалось. В стеклянном куполе во многих местах были выбиты стекла. Ветер гулял по цехам. А люди работали круглосуточно, причем большинство рабочих составляли женщины, старики, подростки.

В тот день я надолго задержался у харьковчан. Переходил из цеха в цех, рассказывал о положении на фронте. Беседуя с рабочими, старался найти самые теплые слова благодарности за их самоотверженный труд.

Да, труд рабочих в тылу в годы войны был под стать героическим подвигам солдат на полях сражений. Мы, фронтовики, отлично понимали это...

В конце апреля программа ускоренного курса была

завершена. В заключение командование академии провело военную игру по теме "Фронтовая наступательная операция".

К концу учебы все слушатели получили солидную теоретическую подготовку к предстоящим боевым действиям. Тревожило нас только одно - временная неизвестность с назначением. Многие слушатели мечтали получить командную должность. Я тоже не был исключением.

В конце апреля небольшую группу офицеров вызвали в Москву. Именно тогда я впервые близко увидел Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного.

Он пригласил нас сесть за большой стол в своем кабинете и неожиданно высоким голосом произнес:

- Утром вам надлежит убыть в Краснодар в мое распоряжение. В течение нескольких дней мы обязаны сформировать штаб Северо-Кавказского направления{1}.

Потом завязалась непринужденная беседа. Буденный поговорил с каждым из нас и, узнав, что мы закончили ускоренный курс Академии Генерального штаба, а к тому же еще успели повоевать, остался доволен.

Наутро в качестве старшего помощника начальника оперативного управления я предстал перед начальником штаба Северо-Кавказского направления генерал-майором Г. Ф. Захаровым.

Так, вопреки желанию, я оказался на штабной работе и был очень расстроен этим: опыта службы в крупных оперативных штабах у меня не было.

Через несколько дней в Краснодар прибыл Главком. Обстановка стала проясняться. С. М. Буденный приказал нашему штабу спланировать, организовать и провести наступательную операцию по разгрому керченской группировки противника.

Штаб направления разместился на окраине Краснодара в здании Всесоюзного научно-исследовательского института. Пробыл я там, к сожалению, недолго. Вместе с представителями штаба меня послали на Керченский полуостров. События там развивались стремительно и совсем не так, как мы ожидали. 19 мая враг занял Керчь.

Эвакуировавшись с Керченского полуострова, я некоторое время находился в Темрюке, в оперативной группе генерал-полковника Якова Тимофеевича Черевиченко. Оперативная группа не только осуществляла эвакуацию войск из Крыма, но и занималась сбором и распределением личного состава. Вновь сколачивались полки, бригады, дивизии. Станицы Динская, Федоровская, Усть-Лабинская, Абинская, Пластуновская и многие другие превратились в те дни в пункты формирования частей и

соединений. Мне поручили помогать формированию и пополнению танковых бригад, которыми командовали полковники И. П. Калинин и К. В. Скорняков.

Выполнив это задание, я снова попал в штаб, но теперь уже Северо-Кавказского фронта{2}. В течение июня пришлось часто бывать с различными заданиями в Новороссийске, Туапсе и один раз - в Севастополе. Многочисленные данные свидетельствовали о том, что противник интенсивно готовится к генеральному штурму главной базы Черноморского флота.

Затишье после керченской бури длилось недолго. Данные, поступавшие в штаб фронта, свидетельствовали об интенсивной подготовке фашистских войск к генеральному штурму Севастополя. И штаб фронта делал все возможное, чтобы помочь защитникам города. В частности, большая группа командиров была послана в Новороссийск, Туапсе и в другие пункты, откуда переправлялись в сражающийся Севастополь войска, боеприпасы, продовольствие, горючее.

В те дни, в середине июня, по заданию оперативного отдела штаба фронта мне довелось побывать у начальника штаба Отдельной Приморской армии генерал-майора Н. И. Крылова. Совсем недолго находился я на залитой кровью севастопольской земле, но то, что увидел там, осталось в памяти на всю жизнь.

И сейчас, спустя более сорока лет, когда речь заходит о славных севастопольцах, которые в течение 250 дней и ночей ценой великого мужества обороняли от врага свой город, мне хочется поклониться им до земли...

В последние дни июля Ставка Верховного Главнокомандования объединила войска Южного и Северо-Кавказского фронтов в один Северо-Кавказский фронт. Командующим войсками был назначен маршал С. М. Буденный, начальником штаба фронта - генерал А. И. Антонов, возглавлявший до войны одну из кафедр в нашей академии.

Меня назначили начальником направления в полосе действий 17-го казачьего кавалерийского корпуса, которым командовал генерал Н. Я. Кириченко.

Я так втянулся в дела корпуса, что мысленно сам себя причислял уже к лихому племени кавалеристов. А настоящих кавалеристов в нашем штабе в Краснодаре было в те дни, надо сказать, немало. Именно там увидел я стройного генерала Якова Шарабурко и невысокого толстяка прославленного героя гражданской войны Василия Ивановича Книгу. Познакомился с отчаянным Хаджи Мамсуровым и молодым командиром 110-й кавдивизии полковником Скороходовым. Не раз встречался с командиром казачьего корпуса, всегда сдержанным, генералом

Кириченко и начальником штаба корпуса приветливым Дубовиком.

Чем ближе узнавал я смелых неунывающих кавалеристов, тем большее уважение испытывал к ним.

17-й казачий кавалерийский корпус вел тяжелые бои на Кубани. Именно там, под Кущевской, я не раз был свидетелем кавалерийских атак в конном строю. Тысячи гитлеровцев почувствовали тогда на себе силу ударов конников. И в том, что противнику не удалось с ходу захватить предгорье Кавказа, немалая заслуга советских кавалеристов. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, 17-му кавкорпусу было присвоено в конце августа звание гвардейского, он был переименован в 4-й гвардейский кавкорпус.

И все же положение на нашем фронте ухудшалось с каждым днем. Сконцентрировав здесь огромные силы, гитлеровцы рвались на Кавказ, их удары в сторону Баку и Новороссийска усиливались с каждым днем.

Бои шли жестокие, но мне пока везло. Из самых опасных ситуаций выходил невредимым. А поручения в той трудной, часто менявшейся обстановке бывали самые необычные. Выполняя обязанности офицера связи, я дважды попадал в очень сложную ситуацию. Один раз мы с семнадцатилетним летчиком По-2 Лопаревым приземлились в тылу у немцев, но вовремя поняли свою ошибку и успели исправить ее.

В другой раз, не зная положения наших войск, мы с Лопаревым кружили над Кропоткиной, намереваясь сесть невдалеке от станции Кавказская. А в это время на станцию вошла колонна немецких танков. Заметь мы танки минутой позднее, не спастись бы нам от шквального огня...

В разгар боев на побережье Черного моря меня направили в распоряжение заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта полковника Максима Денисовича Синенко. Сопровождая его, я совершил на машине тысячекилометровый марш по Грузии, Азербайджану и Дагестану.

Миновав Сухуми, Кутаиси, Тбилиси, мы окольными путями добрались до Хасавъюрта и Махачкалы. Отсюда мне предстояло лететь в Сталинград, чтобы передать письмо маршала Буденного командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-лейтенанту танковых войск Я. Н. Федоренко.

Из Сталинграда я вернулся в Краснодар. 1 сентября в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования Северо-Кавказский и Закавказский фронты были объединены в Закавказский фронт. Вместо Северо-

Кавказского фронта была создана Черноморская группа войск (ЧГВ). Командующим войсками ЧГВ назначили генерал-полковника Я. Т. Черевиченко.

В первых числах сентября меня вызвали к маршалу. Семен Михайлович радушно встретил меня, поздравил с присвоением очередного звания подполковник и прямо спросил, согласен ли я лететь в Москву.

- Солдат всегда готов выполнить приказ начальника, - не задумываясь, ответил я.

- Тогда собирайтесь в путь.

До Москвы добирались двое суток, и у меня было достаточно времени, чтобы критически осмыслить свой путь аа последние шесть месяцев. То, что пришлось делать в этот период, никак не удовлетворяло меня. Я не сумел найти своего места, попав в крупный штаб. Это угнетало. Решил в Москве любой ценой добиваться назначения в действующую армию.

Снова на фронт

Площадь Коммуны в Москве всегда была для нас, военных, притягательным местом.

К нашим услугам была предоставлена большая, по-военному строгая, но уютная гостиница. К ней примыкали кинотеатр и концертный зал, Музей Красной Армии, выставочные холлы и спортивные площадки.

Венцом всего этого комплекса был Центральный театр Красной Армии, построенный накануне войны и охватывающий пятиконечными крыльями всю центральную часть площади.

В войну эти места стали особенно оживленными. С фронтов и из глубокого тыла, из учебных центров к гостинице ЦДКА стекались сотни офицеров и генералов.

Я уже находился в Москве около недели. Ежедневно к девяти утра мчался в НКО. И каждый раз подполковник Леонид Михайлович Буденный вежливо, но твердо отвечал одно и то же:

- Приказано оставаться на месте.

Этот ответ выводил меня из терпения: не мог я со своим непоседливым характером ждать у моря погоды...

Как-то, в дни вынужденного безделья, случайно узнал, что мой бывший однокашник по Саратовскому танковому училищу Вячеслав Муравьев служит адъютантом у члена Военного совета бронетанковых войск Красной Армии Николая Ивановича Бирюкова. А пробивная сила адъютантов была мне в ту пору уже хорошо известна.

Не долго думая, я пошел к Муравьеву и рассказал о моем желании скорее попасть на фронт.

Майор Муравьев помог мне. Я был выведен из резерва,

предстал перед начальством и в ту же ночь на попутных машинах уже добирался к месту новой службы.

Меня назначили начальником разведки 3-го механизированного корпуса. Конечно, это было не совсем то, о чем мечтал: в мыслях я видел себя в роли командира полка или бригады... И все же назначение обрадовало - ведь я попадал в действующую армию.

Осенью сорок второго формировались три механизированных корпуса.

Первым командовал один из старейших танкистов генерал Михаил Дмитриевич Соломатин, вторым - генерал Иван Петрович Корчагин и третьим, в составе которого мне предстояло служить, бывший командир 1-й гвардейской танковой бригады генерал Михаил Ефимович Катуков, прославившийся в боях под Москвой.

Знакомство с командиром корпуса состоялось в небольшом домике на окраине Калинина. Незабываемое впечатление произвел на меня генерал Катуков - его внешность, манера держаться. Внимательно выслушав меня, он сказал:

- Ладно, принимаю вас к себе. Одно только запомните: сам я в прошлом тоже разведчик. Премудрости этой профессии мне знакомы, поэтому не пытайтесь меня обводить. О противнике вы обязаны докладывать правду, и только правду. Люблю точность и не терплю приблизительности. Поэтому никаких "по-видимому", "предположительно", "требует уточнения" в вашем лексиконе быть не должно. Выбросьте эти слова раз и навсегда...

С начальником штаба корпуса Матвеем Тимофеевичем Никитиным я познакомился на станции Калинин, где шла погрузка танков в железнодорожные эшелоны. Этот молодой, подтянутый подполковник показался мне при первой встрече немногословным и мрачноватым. Приказав мне организовать контроль за отправкой эшелонов, он четко изложил круг моих обязанностей и потребовал от меня глубокого понимания своих задач.

После войны мне привелось долгие годы работать с Матвеем Тимофеевичем в одном округе. Он сохранил изумительную работоспособность, высокую организованность и исполнительность, честность и благородство, проявлявшиеся в равной мере по отношению к начальству и к подчиненным.

В ноябре 1942 года 3-й механизированный корпус закончил свое формирование, завершил переброску в район северо-западнее Белого и сосредоточился в исходных районах в готовности к боевым действиям.

Вторая военная зима на Калининском фронте была мягче, чем предыдущая, но отличалась обилием снега. Несколько недель

длился невиданный в этих местах снегопад. Прифронтовые деревни и поселки утопали в глубоких сугробах. Дороги начисто замело, леса стали труднопроходимы. Для механизированных и танковых частей это было тяжелым испытанием. Очень затруднилась доставка продовольствия, горючего, боеприпасов, усложнилась и без того тяжелая эвакуация раненых и больных.

В таких условиях подготовка и проведение наступательной операции по разгрому 9-й немецкой армии в районе Белого была очень нелегким делом.

Обстановка на этом участке сложилась следующим образом. В течение всего 1942 года войска оставались на своих местах. Частные наступательные операции, проводившиеся летом под Ржевом, не привели к заметным изменениям в группировке войск обеих сторон. В нашем тылу, как злокачественная опухоль, оставалась 9-я немецкая армия, состоявшая из нескольких дивизий. Этот огромный клин между Ржевом и Белым всей своей тяжестью навис, как дамоклов меч, над правым крылом нашего Западного фронта.

Теперь настало время удалить эту опухоль и разделаться с фашистской группировкой в тылу наших войск. Этому способствовала и общая обстановка на фронте, которая благоприятно складывалась для нас: инициатива боевых действий переходила в наши руки.

19 ноября Красная Армия начала контрнаступление под Сталинградом. Войска Северной группы Закавказского фронта продолжали наносить удары фашистам в районе западнее Орджоникидзе с целью разгрома их алагирской группировки.

В этих условиях мы и начали наступательную операцию.

Наши успехи на Калининском фронте по сравнению с блестящими победами, одержанными Красной Армией на Волге, выглядели весьма скромно. За две недели наступления мы прошли не более пятидесяти километров. Это было очень мало. 9-я немецкая армия, хотя и понесла значительные потери, все же удержалась на своих позициях.

Темп продвижения нашего соседа справа - корпуса генерала Соломатина, наступавшего в центре боевых порядков гитлеровцев, тоже оставлял желать лучшего.

Не добились особого успеха и войска генерала Корчагина, наносившие главный удар на юг, в основание главной группировки противника.

Замысел командования фронта, предусматривавший разгром этой сильной вражеской группировки с помощью рассекающих ударов с трех направлений, во главе которых стояли механизированные корпуса, полностью осуществлен не был.

Тем не менее действия механизированных корпусов расценивались положительно. И прежде всего потому, что они как бы продолжали наступательный порыв советских войск на Волге, Кавказе и на Дону. Здесь, на севере, мы сковали крупную вражескую группировку, вцепились в нее мертвой хваткой, загнали в непроходимые снега и окончательно воспретили ей какие бы то ни было переброски на юг.

Бои в районе Ржев, Белый явились для нас хорошим уроком. Все три корпуса, их командный состав, сержанты и солдаты, получившие боевое крещение в тех тяжелых условиях, впоследствии с блеском показали себя в битвах под Курском, на Украине, в Польше, Германии и стали гвардейскими.

Генерал Катуков и начальник штаба Никитин в те дни не давали мне ни минуты покоя, требуя все новых данных о группировке противника, о его действиях и намерениях.

Одна за другой уходили группы разведчиков к фронту и в тыл врага. Разведывательные поиски чередовались с засадами. Шла изнурительная охота за "языком".

По службе у меня все шло благополучно. Но полного удовлетворения она не приносила. Душа моя рвалась в родную стихию - к танкистам.

Мое настроение не осталось незамеченным: Михаил Ефимович Катуков понимал людей с полуслова.

Осуществиться моим намерениям в скором времени помог случай. Выяснилось, что неудачно идут дела в 1-й механизированной бригаде нашего корпуса. Командир этой бригады пехотинец полковник Иван Васильевич Мельников явно недооценивал тех преимуществ, которые давало использование танков и механизированных войск. Начальник штаба 1-й бригады не отличался высокой организованностью. Управление в бою было нарушено. Танковый полк этой бригады действовал в отрыве от мотобатальонов, последние, не имея танковой и артиллерийской поддержки, застряли в снегу. Связь с двумя батальонами была потеряна. Все эти факты отрицательно сказывались на делах корпуса в целом, что не на шутку тревожило генерала Катукова. Однажды утром меня вызвали к генералу. Приказ его был предельно кратким: побывать в 1-й механизированной бригаде, разобраться в ее действиях и обо всем доложить.

Глубокой ночью командир корпуса уже слушал по телефону мои объяснения.

- Что вы предлагаете? - напрямик спросил он.

- Предлагаю подтянуть артиллерию к батальонам первого эшелона. Усилить пехоту танками. Посадить на них десантом

мотопехоту и, воспользовавшись ненастной погодой, предпринять наступление.

- Хватит заниматься разговорами, - раздраженно перебил меня командир корпуса. - Назначаю вас начальником штаба этой бригады. Наведите порядок, организуйте управление боем. Имейте в виду: вы с командиром будете отвечать за наступление!

Телефонный разговор на этом оборвался. В ту же ночь я приступил к исполнению обязанностей начальника штаба 1-й механизированной бригады. То, к чему я все время стремился, свершилось.

* * *

По тону разговора было ясно, что командир корпуса действиями 1-й механизированной бригады явно недоволен. Снятие с должности начальника штаба, строгое предупреждение комбригу Мельникову, телефонный разговор со мной - все это заставило принять неотложные меры. Необходимо было срочно навести порядок и создать условия для четкого выполнения бригадой поставленной перед ней боевой задачи.

С этого и началась моя деятельность на новом месте.

Представившись полковнику Мельникову, я добился его разрешения убыть в мотострелковые батальоны и в штаб танкового полка, чтобы детально разобраться в обстановке, организовать взаимодействие и наладить управление подразделениями. Комбриг одобрил мои предложения, но при этом подчеркнул, что отпускает мне на все дела одни сутки и что к утру будет ждать меня с докладом.

- Надеюсь, мы с вами будем работать дружно, - сказал он на прощание. Я люблю людей инициативных, волевых. По сторонам не оглядывайтесь. Поезжайте в мотобатальоны, принимайте самые крутые меры... Если потребуется, можете снять с должности командира первого батальона Долгова. Я возражать не буду.

Вместе с Александром Ивановым, или просто с Сашей, как любили называть разведчики красивого молоденького капитана - начальника разведки бригады, мы на трофейном гусеничном вездеходе в сопровождении отделения автоматчиков тронулись в путь. Расстояние в несколько километров преодолевали более двух часов. Последние триста - четыреста метров добирались пешком, утопая в глубоком снегу. Короткий зимний день был уже на исходе. Случайно вспыхнувший в лесу огонек помог нам добраться до расположения 1-го батальона.

В шалаше, наспех сооруженном из веток и мелких сосенок, было тесно и дымно. Вокруг костра грелись бойцы и командиры. Здесь же я застал комбата Бориса Борисовича Долгова и

начальника штаба.

Мое появление было неожиданным. Вскоре мы остались втроем. С большим трудом вытягивал я из Долгова ответы на вопросы. Докладывал он сбивчиво и путано. Не знал, какой противник перед батальоном, кто действует справа и слева.

Оторванный от всего и всех, батальон Долгова залег на опушке леса и вот уже третий день не двигался с места. Телефонной связи с ротами и со штабом бригады не было. Единственная радиостанция оказалась запакованной в ящик и спрятанной где-то в обозе. Вдобавок ко всему я с удивлением узнал, что Долгов страдает радиобоязнью. Он и подчиненным вдолбил, что противник якобы охотится за каждой рацией и именно по ним ведет артиллерийский огонь. В довершение ко всему штаб батальона оторвался от своих передовых подразделений.

Разговор с командованием батальона принял неприятный оборот. Не сдержавшись, я заговорил повышенным юном.

- Прошу ни в чем не винить начальника штаба, - выслушав меня, сказал приунывший комбат. - Маху дал только я... Оказался в непривычной обстановке... Из раскаленного Ташкента угодил в холодные края. А когда начались бои, не выдержали нервы, растерялся...

Костер в шалаше разгорелся ярче. Когда я заглянул в печальные глаза капитана, все, что он говорил, показалось мне откровенным и правдивым. Судьба Долгова в чем-то напомнила мне собственную судьбу в первые недели войны. Я поверил капитану.

- Ладно, хватит каяться в грехах и краснеть, как девица. Даю вам два часа на развертывание связи и смену КП. Завтра в ваше распоряжение прибудут танковая рота, артиллерийская батарея и саперный взвод. Батальону быть готовым к наступлению.

Чтобы не сковывать действий комбата и начальника штаба, я с разведчиком Сашей Ивановым отошел от костра в более темную часть шалаша. Расторопный старшина немедленно притащил котелки с кашей и две кружки кипятку. Мы занялись ужином. Изредка до меня доносились распоряжения Долгова. Засуетились посыльные, ожил задымленный и прокуренный шалаш. Не прошло и часа, как комбат доложил, что радиосвязь со штабом бригады установлена и что он готов сменить свой КП.

Прощаясь с Долговым, я подумал и о доле нашей вины. Капитан не имел еще достаточной боевой закалки, жизненного опыта, а старшие начальники мало помогали ему, да и штаб бригады оторвался от батальонов на четыре-пять километров. Не помогли комбату артиллерией, не дали танков. Обо всем этом я

решил незамедлительно доложить командиру бригады. Зная по себе, как дорожат подчиненные уважительным отношением старших, я, покидая батальон, не утерпел и сказал Долгову:

- Давайте, Борис Борисович, договоримся раз и навсегда - от телефона не убегать, с радиостанцией дружить, постоянно находиться в боевых порядках рот, меньше оглядываться назад и не озираться по сторонам. А к утру мы подошлем вам танки, артиллерию, протянем телефонную связь и поможем всем, чем располагаем.

На лице Долгова промелькнула чуть заметная улыбка:

- Спасибо вам, товарищ подполковник, за все.

Покидая батальон, я почему-то был уверен, что капитан станет со временем закаленным в боях офицером. И к счастью, не ошибся. Через год Б. Б. Долгов командовал полком...

Добравшись до 3-го батальона, мы узнали, что комбат майор Дмитрий Антонович Иванов еще с вечера ушел в одну из рот, расположенную на опушке леса, и направились в роту. Связной - солдат небольшого росточка, в длинном полушубке и валенках с загнутыми голенищами - шариком катился впереди, прокладывая путь. Через 10-15 минут мы очутились в глубокой снежной траншее и с ходу столкнулись с комбатом. Я был приятно удивлен, узнав, что штаб батальона находится здесь же, в ста метрах от передовых рот. С Ивановым я был уже знаком - мы неоднократно встречались на станции погрузки - и даже немного знал его биографию. Это был степенный мужчина, выглядевший старше своих сорока лет. Опущенные книзу длинные усищи, густые сросшиеся брови, суровые глаза делали его лицо строгим и недоступным. К внешности своей комбат, судя по всему, относился подчеркнуто безразлично. Шапка у него была как-то странно сдвинута набок, ремень опущен вниз, валенки по-деревенски подшиты толстым слоем войлока - все эти детали невыгодно отличали его от подтянутого двадцатидвухлетнего Долгова. Зато Иванов, по рассказам многих офицеров, был безудержно смел, постоянно находился в боевых порядках рот, умело командовал людьми в бою. За полтора года войны он участвовал во многих боях и сражениях, дважды побывал в госпиталях, был отмечен несколькими правительственными наградами.

Выбравшись на бруствер снежной траншеи, Иванов начал докладывать. Слушал я внимательно. Хотя многое было непонятным, не торопил и не перебивал его. Старался сориентироваться в обстановке, глубже вникнуть в причины, которые привели к срыву наступления. Комбат просто и бесхитростно излагал положение дел. Он оперировал такими

живыми деталями и подробностями, что передо мной словно ожили роты, артиллерийские и минометные позиции, огневые точки. Слушая, я убедился, как хорошо комбат чувствует поле боя, знает, кто перед ним, знает свои возможности. Только когда он умолк, я осторожно спросил:

- А все же, Дмитрий Антонович, почему вы застряли на опушке леса? Ваш батальон находится в центре боевых порядков, по вас равняются, к вам примыкают фланги двух других батальонов. Вы опытный и закаленный командир, которого нельзя сравнивать, например, с капитаном Долговым...

Иванов помедлил с ответом, потом, словно решившись, заговорил простуженным голосом:

- Товарищ подполковник, посмотрите на эту равнину. Она тянется на многие километры. Каждый солдат, каждый пулемет далеко виден на снежном фоне - это удобные цели для врага. Понимаю: непростительно топтаться на месте... Но имею ли я моральное право положить сотни жизней на этом белом плацу?..

Куда девались медлительность и спокойствие комбата. Решительно рубанув рукой воздух, он выпалил мне в лицо:

- Нужны танки. Дайте дивизион артиллерии. Поддержите нас саперами. И мы пойдем вперед...

2-го батальона капитана Долженко в пункте, отмеченном на моей карте, не оказалось. В поисках штаба батальона машина колесила вокруг да около и в конце концов застряла в занесенном снегом овраге. Желание разыскать подразделения 2-го батальона заставило нас покинуть застрявший вездеход. Вместе с отделением автоматчиков я тронулся в путь. Усилился ветер, поднялась поземка, нас упорно относило в сторону, пробиваться по снежной целине становилось труднее с каждым шагом. Наш поступок был до некоторой степени опрометчив: от машины оторвались далеко, а когда выберемся к батальону - было еще непонятно. А между тем землю быстро окутывали сумерки. "Может, вернуться, пока не поздно", - невольно подумал я.

Но что это? Сквозь звуки снежной бури до нас слабо донеслась человеческая речь. Остановились, прислушались, с трудом различили явно женские голоса. Доносились они со стороны оврага, и мы двинулись на голоса.

Вдруг окрик:

- Стой, стрелять буду!

- Мы - свои, мы - русские! - изо всех сил закричал разведчик Саша Иванов.

Вторично окрика не последовало.

Мы подошли ближе.

- Кто вы?

- Мы - коммутатор! - звонко отчеканил девичий голос.

- Что такое? Какой коммутатор?

- Обыкновенный, телефонный... - В доказательство девушка сбрасывает белый маскировочный халат, расстегивает пуговицы полушубка: - Вот он...

Под полой полушубка что-то потрескивает и зуммерит. Мы улыбаемся, но недоумение все же не покидает меня.

- Кто загнал вас в овраг? Неужели не могли оборудовать для коммутатора более удобное место?

Вторая связистка, стоявшая рядом с подругой, с горечью разъяснила:

- А что мы могли сделать? Старшина привел нас на это место и приказал ждать его. Сам целый день не появляется... Мы лежим в кустах и обеспечиваем разговор штаба бригады со вторым батальоном... А что касается нашей ЦТС, то мы спрятали ее в полушубок, чтобы не отсырели контакты...

Воспользовавшись этой неожиданной встречей, я соединился с комбригом и доложил о положении дел у Долгова и Иванова. Одновременно высказал свои предложения об усилении танками и артиллерией батальонов первого эшелона.

- Я тоже думал об этом, - с трудом уловил я хриплый голос полковника. Скорее возвращайтесь в штаб. По пути загляните к танкистам.

Переговорив с командиром 2-го батальона капитаном Долженко, я оставил трех автоматчиков охранять девичью ЦТС, а сам тронулся в путь.

Ковыляя по снежным ухабам, навстречу нам двигался тягач-вездеход.

Остаток ночи прошел в поисках 14-го танкового полка. С ходу мы влетели в овраг, долго барахтались в нем и с большим трудом выползли обратно. Потом на нашем пути стеной встал лес. Мы долго петляли, искали выходы из него и только перед утром достигли цели.

С командиром 14-го полка подполковником Александром Федоровичем Бурдой мы были друзьями. Я встречался с ним во время моего назначения в корпус в районе Калинина, проводил занятия в его полку при подготовке к наступлению, видел его на исходных позициях. Как танкист с танкистом, мы не раз вели душевные беседы на близкую обоим тему - об использовании танков в бою. Но и раньше, еще до личных встреч, я был наслышан о замечательных боевых делах этого командира полка.

У Тулы танковая рота А. Ф, Бурды нанесла из засады крепкий удар "непобедимым" танкистам Гудериана. Участвовал Бурда и в разгроме гитлеровцев под Клином. А в составе 1-й гвардейской

танковой бригады Александр Федорович и его танкисты громили врага на подступах к Москве.

Бурду любили подчиненные и начальники.

Михаил Ефимович Катуков души в нем не чаял и с удовольствием повторял:

- Александр Федорович молодец! Мал золотник, да дорог! Всего в нем в меру: хитер, умен, сноровист. Это настоящий волевой командир. Поставьте ему понятную задачу, и он ее обязательно с блеском выполнит.

Запорошенная дорожка привела нас в глубокий снежный овраг, в расщелине которого прижалась ремонтная летучка. Командир полка приспособил ее под штаб-квартиру. Внутри все было устроено по-хозяйски: верстак превратился в столик, в левом углу широкая, прибитая к стене скамейка была оборудована под кровать. На подвешенных к потолку носилках спал шофер машины. Железная печурка, накаленная докрасна, излучала тепло. Все здесь было приятно и спокойно.

Увидев Александра Федоровича, я первым делом спросил, как идут дела.

- У нас все в норме, - невозмутимо сказал он. - Немцев отогнали километров на пять. Полк окопался. Я жду дальнейших распоряжений.

- В каком состоянии ваши подразделения?

- Потерь не имею, люди накормлены, машины заправлены, - незамедлительно последовал ответ.

Разговор с командиром танкового полка затянулся до поздней ночи...

Охрипший, измученный бессонницей, я добрался до тесного блиндажа командира бригады полковника Мельникова, а через час уже передавал его приказ, в котором сообщалось, что каждому мотострелковому батальону придается танковая рота, усиленная артиллерией и саперами.

Пехота воспрянула духом. Наступление бригады продолжалось. В первом эшелоне боевых порядков продвигался батальон капитана Долгова.

На нашем участке фронта бои приняли затяжной позиционный характер: мы не смогли продвинуться вперед, гитлеровцы совсем недалеко отошли назад.

Обе стороны окопались на высотах и опушках лесов, забрались в овраги, заминировали все подступы и дороги. Вынужденную пассивность войск компенсировала артиллерия. Она не умолкала ни днем ни ночью, напоминая о неприступности своих позиций. И как обычно в таких ситуациях, активизировалась разведка.

Вторая половина февраля и начало марта принесли с собой северные ветры и снежные бураны. С большим трудом успевали мы сбрасывать с танков, машин и орудий снежные покрывала. По три-четыре раза в день очищали от снега блиндажи и окопы, расчищали дороги и тропы, ведущие к линии боевого охранения, в роты и батальоны, в пункты боеприпасов, к артиллерийским позициям.

Мы чувствовали недолговечность пребывания в этой относительно спокойной обстановке и потому с нетерпением ждали приезда командира корпуса генерала М. Е. Катукова из Москвы.

В расположении нашей бригады он появился ранним утром.

В покосившемся, жарко натопленном лесном домике собралось все командование бригады, танкового полка и батальонов. По ярким огонькам, вспыхивавшим в глазах генерала Катукова, по его широко расплывшейся улыбке нетрудно было догадаться, что произошло что-то необычно-радостное.

В домике воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием кругляшей, горевших в железной печурке.

- Буду краток! - чеканя каждое слово, произнес генерал. - Верховный Главнокомандующий поручил мне сформировать танковую армию. Нашей армии присвоено наименование первая танковая, понимаете, первая! Это ко многому обязывает. Костяк армии составят первая гвардейская танковая и ваша первая механизированная бригады. Нас ждут большие дела. Уверен, мы оправдаем доверие Родины.

Слова генерала потонули в буре аплодисментов.

1-й танковой армии, родившейся в снежную зиму 1942/43 года в лесах Калининщины, было суждено пройти по дорогам войны многие тысячи километров и завершить свой путь 2 мая 1945 года в самом Берлине.

Наша танковая армия была не единственной. В начале сорок третьего года в тылу страны и на фронтах было создано около ста бригад, десятки механизированных и танковых корпусов, пять танковых армий, ставших бронированным мечом, танковым тараном, главной ударной силой Красной Армии. Эти танковые соединения раскалывали фронты, окружали большие вражеские группировки, с ходу захватывали водные преграды, аэродромы, железнодорожные узлы, первыми врывались в Бухарест, Будапешт, Софию, Белград, Варшаву, Вену, Берлин...

Совещание окончилось, участники его разъехались по своим полкам и бригадам. Я тоже спешил к себе. Многое передумал в тот день. Мысли невольно возвращали меня в крепость Осовец первых месяцев войны, на землю пылающей Смоленщины.

Вспомнил наш батальон, в котором оставался один-единственный исправный танк... Мы с боями отходили на восток. Но и тогда свято верили в нашу победу...

* * *

Сигнал о выдвижении наших частей не заставил долго себя ждать. С большими трудностями мы совершали трехсоткилометровый марш на северо-запад, в район Демянска.

От Селижарово до Хойма непроходимой стеной стоял на нашем пути спрессованный снег двухметровой толщины. Мы выбивались из сил, тащили на себе машины и орудия. Танки по самую башню проваливались в снежную пропасть. Но, несмотря ни на что, танковая армада ползла вперед, преодолевая всего с десяток километров в сутки.

Мы торопились, но время все же было упущено, и удар танков с юга по демянской группировке противника запоздал. Началась оттепель. В эти труднопроходимые, болотистые места подкрадывалась весна, готовая приковать на месте все живое. Мне трудно судить о планах командования, предусматривавших использование танковой армии на этом направлении. Во всяком случае, мы, танкисты, были удивлены, оказавшись в тех топких краях. Танкам необходим разбег, размах, простор, чтобы проявились основные качества этой боевой машины: крепкая броневая защита и мощная огневая сила в сочетании с подвижностью и маневром.

Однако фортуна над нами смилостивилась. Не прошло и месяца, как нашу 1-го танковую армию вывели в резерв Ставки, а еще через некоторое время последовал приказ грузиться в эшелоны.

Тысячи вагонов, сотни эшелонов потребовались для перевозки личного состава и техники корпусов и бригад армии на юг. День и ночь мчались по "зеленой улице" в направлении Курска тяжеловесные составы.

В первых числах апреля наша 1-я механизированная бригада выгрузилась в маленьком прифронтовом городке Обоянь. Затем своим ходом она вышла в район Ивня, Курасовка, Алисовка и притаилась в змеевидных оврагах. Как и всей 1-й танковой армии, бригаде предстояло в составе Воронежского фронта участвовать в боях на просторах Курщины.

По огромной концентрации людей, техники, по импульсу фронтовой жизни чувствовалось: именно здесь в недалеком будущем развернутся большие события.

Впервые в жизни я попал на курскую землю. Недаром так много об этих местах говорят, пишут, слагают песни. Действительно, чудесный край. Весна 1943 года выдалась ранняя.

Зазеленели рощи, в Обояни, Ивне и Курасовке зацвели сады. Запах весенних цветов, веселое пение жаворонков кружили голову...

Казалось, это был самый мирный уголок земли. К сожалению, это только казалось... В те дни мы еще не знали, что вскоре эти живописные места станут ареной жестокой битвы, которой будет суждено войти в историю.

Еще в первой половине апреля немецко-фашистское командование подготовило план наступательной операции против Красной Армии, получивший условное название "Цитадель". Как известно, общий замысел этой операции сводился к тому, чтобы двумя одновременными встречными ударами на Курск - из района Орла на юг и из района Харькова на север - окружить и уничтожить советские войска на Курском выступе.

Для реализации этого плана гитлеровцы к началу июля сосредоточили на курском направлении 50 своих лучших дивизий, в том числе такие, как "Адольф Гитлер", "Мертвая голова", "Рейх", "Великая Германия", и другие. Десятки дивизий, сотни полков были переброшены с других фронтов, из самой Германии, из Франции, Голландии, Норвегии.

Сюда прибывали танки последних выпусков - "тигр", "пантера", а также самоходные орудия "фердинанд". Немецкая авиация пополнилась модернизированными бомбардировщиками. В курском небе появились новые истребители "Фокке-Вульф-190А" и штурмовики "Хейнкель-129".

Группировка немецко-фашистских войск на курском направлении насчитывала в своем составе около 900 тысяч солдат и офицеров, до 10 тысяч орудий и минометов, около 2700 танков и штурмовых орудий, свыше 2000 самолетов. Этот мощный бронированный таран, по мнению гитлеровцев, был неотразим.

По замыслу авторов операции "Цитадель" разгром советских войск в самом центре России должен был резко изменить военную обстановку на всем Восточном фронте в пользу гитлеровской армии, поднять на прежнюю высоту ее престиж, сильно пошатнувшийся после Московской и Сталинградской битв.

О том, какое огромное значение придавали фашистские заправилы осуществлению операции "Цитадель", свидетельствует содержание приказа на наступление, который отдал своим войскам Гитлер в ночь на 5 июля 1943 года:

"Солдаты! - писал он. - С сегодняшнего дня вы начинаете большое наступление, исход которого может иметь решающее значение для войны. Ваша победа должна еще больше, чем

раньше, укрепить во всем мире уверенность в том, что оказывать какое бы то ни было сопротивление немецкой армии в конечном итоге бесполезно... Колоссальный удар, который сегодня утром поразит советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от успеха этого сражения может зависеть все"{3}.

Но в плане операции "Цитадель" были допущены роковые просчеты. Немецкие генералы и на сей раз остались верны себе, своей стратегии, своим тактическим взглядам, своей педантичности. Поражения под Москвой и Сталинградом ничему их не научили. Они по-прежнему не считались со сложившейся обстановкой, по-прежнему превозносили свои силы, отказывались трезво оценить те большие качественные и количественные изменения, которые произошли в Красной Армии за первые два года войны.

Намерение гитлеровцев осуществить операцию "Цитадель" не осталось, конечно, тайной для советского командования. Весь апрель, май и июнь наши соединения, части, подразделения неутомимо трудились на своих участках, чтобы как можно лучше и надежнее подготовиться к отражению ударов противника. Наша 1-я механизированная бригада в это время непрерывно пополнялась танками, а также личным составом за счет маршевых рот, подходивших с Урала и из Сибири.

Верховное Командование и командующий Воронежским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин в своих стратегических и оперативных планах определили нашей 1-й танковой армии роль своеобразного бронированного щита на белгородско-курском направлении. Расположившись вторым эшелоном позади 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова, она должна была прочно удерживать наиболее важное белгородско-обоянское направление и быть готовой к нанесению мощных контрударов. Но этот замысел командования стал известен нам, офицерам, гораздо позднее, а пока мы денно и нощно готовились к предстоящим сражениям. За три месяца нами были исхожены, разведаны и подготовлены соответствующим образом к боевым действиям все лесные опушки и просеки, высоты и овраги, дороги и населенные пункты.

Траншеи и окопы, ходы сообщения, минные поля и проволочные заграждения, всевозможные инженерные ловушки и сюрпризы постепенно опоясывали поля и дороги на нашем белгородско-курском направлении. Везде и всюду создавалась противопехотная, противотанковая, противоартиллерийская и противовоздушная оборона.

Впервые за годы войны я увидел такую прочную, глубокую,

насыщенную огромными силами и средствами оборону. За сотни километров от переднего края изготовились к боевым действиям советские войска, экипированные всем необходимым. Пехота поддерживалась артиллерией всех калибров, усиливалась огромной массой танков, надежно прикрывалась зенитной артиллерией и истребительной авиацией. И все это обеспечивалось устойчивой связью, единым и твердым управлением.

В те дни мы с командиром бригады и командиром танкового полка, а также командиры батальонов, саперы и артиллеристы не вылезали из траншей и окопов, с огневых позиций и наблюдательных пунктов. Каждому танку, орудию и пулемету готовили огневую позицию и назначали секторы обстрела, устанавливали ориентиры и прицелы, оборудовали основные, запасные и ложные позиции. Работа шла не только днем, она не прекращалась и по ночам. Люди трудились без устали. Впереди нас стояли готовые к бою воины 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. Мы, танкисты генерала М. Е. Катукова, подпирали их своими двумя корпусами: 31-м танковым генерала Д. Х. Черниенко и 3-м механизированным генерала С. М. Кривошеина.

Завершив подготовку к предстоящим решающим боям, обе враждующие стороны застыли на месте, ощетинились друг против друга и выжидали. Шло испытание нервов...

Тягостное ожидание длилось несколько дней. В эти дни своими обычными делами занимались лишь разведки обеих сторон, не прекращались ракетные фейерверки на переднем крае да обменивались снарядами наша и вражеская артиллерия.

На земле и в последние дни перед началом операции царило позиционное фронтовое спокойствие, зато небо над нами бурлило. День и ночь продолжались разведывательные полеты, усилились воздушные бои. Борьба за господство в воздухе приняла невиданный по ожесточению характер. Наблюдая за воздушными боями, мы с радостью убеждались в возросших возможностях нашей истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации.

Огромное напряжение, в котором мы пребывали, в конце концов разрядилось. Утром 5 июля немецко-фашистские войска перешли в наступление...

Огонь и смерть ворвались в окопы и траншеи первого эшелона 6-й гвардейской армии. Свыше 700 танков ринулись на боевые порядки ее дивизий, сотни самолетов обрушивали на наши наземные войска свой смертоносный груз. Непрерывно грохотала артиллерия. Очаги пожаров озаряли все небо. Войска

генерала И. М. Чистякова вступили в упорные и кровопролитные бои, пытаясь сдержать невиданный доселе танковый смерч.

К концу дня 5 июля обозначился прорыв обороны первого эшелона дивизий 6-й гвардейской армии. Определилось и направление главного удара врага: немцы рвались на Обоянь. Ценою больших потерь противнику удалось оттеснить стрелковые части 6-й гвардейской армии и овладеть на участке обороны 52-й гвардейской стрелковой дивизии районом Быковка, Козьмо-Демьяновская. Передовые немецкие подразделения вышли к южной окраине Солонца - на подступы ко второй полосе обороны армии.

В 16 часов 5 июля командующий фронтом приказал командующему 1-й танковой армией генералу М. Е. Катукову занять вторую полосу обороны на рубеже Меловое, Яковлеве и ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника в направлении на Обоянь.

Выполняя этот приказ, соединения и части соседнего с нами 6-го танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана и наш 3-й механизированный корпус под командованием генерала С. М. Кривошеина, оставив насиженные места, совершили бросок на юг и в ночь на 6 июля заняли указанный им оборонительный рубеж.

Вместе с 3-м механизированным корпусом пришла в движение и наша 1-я механизированная бригада. Команды командиров, звон металла, лязг гусениц повисли в воздухе. Оставив обжитый нами район Алисовка, Ивня, Курасовка, бригада ринулась на юг, в район Сырцево. К полуночи 5 июля мотобатальоны Долгова, Иванова и Долженко заняли здесь отсечные позиции. Бригадная артиллерия майора Ф. М. Вересова подготовилась к стрельбе с оборудованных огневых позиций. Позади боевого порядка бригады окопались танки нашего 14-го танкового полка.

6 июля с новой силой развернулись бои восточнее и западнее Обоянского шоссе. В 11 часов 30 минут после полуторачасовой артиллерийской подготовки вражеская пехота, поддержанная сотнями танков, снова ринулась на позиции 67-й и 52-й гвардейских дивизий 6-й гвардейской армии. В ходе ожесточенных боев к 15 часам гитлеровцам удалось потеснить эти дивизии, и они отошли на вторую оборонительную полосу, где уже заранее заняли оборону танкисты армии генерала М. Е. Катукова.

Наш 3-й механизированный корпус занимал оборонительный рубеж на участке Лухапино, Сырцево, высота 247,2. Замысел командира корпуса генерала С. М. Кривошеина сводился к тому, чтобы 3-й мехбригадой полковника А. Х. Бабаджаняна встретить

противника с фронта на самом Обоянском шоссе. Наша же 1-я мехбригада и 10-я мехбригада, находившаяся правее нас, должны были с. фланга нависать над вражеской танковой группировкой, рвавшейся по шоссе на Обоянь.

Расставляя силы бригады, мы вывели свой 14-й танковый полк в первый эшелон, а левее его разместили мотострелковые батальоны, действия которых должны были поддерживать несколько артиллерийских дивизионов, возглавляемых майором Вересовым.

В течение дня 6 июля противник несколько раз атаковал позиции 3-го механизированного корпуса, бросая против нас одновременно до 250 танков с пехотой. Но 1, 3 и 10-я мехбригады корпуса держались стойко и отбили все атаки врага. Лишь в районе высоты 247,2 отдельным группам немецких танков удалось вклиниться в нашу оборону и просочиться через боевые порядки 3-й бригады полковника А. Х. Бабаджаняна. Но и после этого воины бригады не дрогнули. Отсекая пехоту противника от танков, они всеми способами уничтожали прорвавшиеся машины. Потеряв несколько танков, враг вынужден был отойти в исходное положение.

Не обошли гитлеровцы своим вниманием в этот день и нашу бригаду. Восемь раз бросали они на нас из района Ольховки до ста танков, но каждый раз бригада сдерживала этот бешеный натиск и своих позиций не оставила.

В ночь на 7 июля 1-я и 3-я механизированные бригады нашего корпуса передали свой оборонительный рубеж 31-му танковому корпусу. Сами же они временно перешли в оперативное подчинение 6-го танкового корпуса нашей танковой армии и передвинулись несколько правее, в район Сырцево.

Расставляя этой ночью танковые роты 14-го танкового полка, я к утру 7 июля оказался в одной из них. Командовал ею щуплый на вид, заросший за двое суток непрерывных боев рыжей щетиной капитан Н. В. Смирнов. Мы с ним расположили роту на пригорке, у небольшого хуторка. Позиция оказалась весьма удачной. Отсюда можно было держать на прицеле все, что появлялось на дороге, идущей на север - в сторону Обояни.

К утру 7 июля гитлеровцы, подтянув на обоянское направление свежие силы, развернули новое наступление, в котором участвовали сотни танков и большая масса пехоты. Главные усилия противник направил против 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов 1-й танковой армии. Особенно ожесточенные бои развернулись на участке 1-й и 3-й механизированных бригад в районе Сырцево.

Противник начал атаки в три часа утра. Как только рассеялся

предрассветный туман, перед нами предстала длинная колонна немецких танков. Мы бросились к своим танкам. В телескопическом прицеле четко обозначились контуры фашистских "тигров". Капитан Смирнов подал команду изготовиться к стрельбе. Впопыхах он не смог дать точный прицел, и первый залп прошел впустую. Последовали поправки данных, и снаряды стали ложиться в районе цели. Вслед за ротой Смирнова открыли огонь остальные подразделения танкового полка, подключилась бригадная в корпусная артиллерия.

В то утро мы убедились в неэффективности наших противотанковых осколочных и даже бронебойных снарядов. Нужны были подкалиберные снаряды, а их было очень мало. А тем временем колонна немецких танков продолжала медленно двигаться по дороге. Нас охватило волнение: что делать? Решение пришло молниеносно: сосредоточенным огнем ударить по бронетранспортерам. И это возымело действие. Во вражеской колонне возникли очаги пожаров.

В это время усилила огонь наша артиллерия, в небе появились штурмовики, которые несколько раз прошлись вдоль немецкой колонны. Мы же, танкисты, сосредоточили огонь по уязвимым местам вражеских танков: били по гусеницам, топливным бакам, по основанию башен.

И все же в тот день мы не смогли остановить неприятеля. Он по-прежнему рвался к Обояни. Сосредоточив превосходящие силы, создав огромный танковый кулак, гитлеровцы прорвали фронт нашей обороны и начали просачиваться в северном и северо-западном направлениях. 1-я и 3-я мехбригады отходили с ожесточенными боями. Тяжелые бои вела также 1-я гвардейская танковая бригада нашего корпуса.

Во второй половине дня 7 июля немцы резко усилили натиск на нашу бригаду. Огромной силы удар был нанесен во 2-му батальону майора М. Т. Долженко. Вскоре командир батальона погиб. Был тяжело ранен Д. А. Иванов, батальон которого также мужественно отражал атаки противника. Трудное испытание выпало и на долю 1-го батальона Долгова.

Героический подвиг совершил в этих боях командир пулеметного взвода нашей бригады старший сержант И. Т. Зинченко. Взвод под его командованием занимал оборону у высоты 254,5 в районе деревни Сырцево и успешно отбил несколько атак гитлеровских танков и пехоты. Но во время очередной атаки вражеским танкам удалось подойти к самым окопам. Тогда Зинченко метким броском противотанковой гранаты подбил средний танк. Однако вскоре за этим танком появился тяжелый "тигр". Старший сержант сразу понял, какую

страшную опасность несет эта стальная махина пулеметным точкам его взвода. Мгновенно обвязавшись противотанковыми гранатами и взяв еще по гранате в каждую руку, он с возгласом "Прощайте, друзья! Мстите за меня, за мою Родину - Украину!" бросился под гусеницы "тигра". Раздался взрыв, танк вздрогнул и остановился... Родина высоко оценила бессмертный подвиг отважного воина. Указом Президиума Верховного Совета СССР старшему сержанту Ивану Трофимовичу Зинченко было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно)...

Мне было очень приятно, когда, читая содержательную книгу военных историков полковников Г. А. Колтунова и Б. Г. Соловьева "Курская битва", я увидел там строки, посвященные описанию подвига И. Т. Зинченко...

До самого вечера 7 июля, окопавшись на небольшом пятачке, бригада продолжала вести тяжелые кровопролитные бои. А когда наступила темнота и бой стих, мы сменили огневые позиции, заняли более выгодные рубежи, пополнились боеприпасами, продовольствием, эвакуировали раненых, похоронили убитых. Вся короткая июльская ночь ушла на подготовку к новым боям, которые должны были начаться утром.

Трудным для наших войск оказался и день 8 июля. После небольшой ночной паузы, которую враждующие стороны использовали для перегруппировки своих сил и средств, а также для взаимных поисков слабых мест друг у друга, бои возобновились утром с новой силой. Гитлеровцы продолжали атаки в направлении Обояни.

Против наступавших вражеских танков и пехоты генералы Катуков и Кривошеий бросили в помощь частям бригады А. Х. Бабаджаняна 1-ю гвардейскую танковую бригаду полковника В. М. Горелова, всю корпусную и армейскую артиллерию, несколько дивизионов "катюш". Над фашистской группировкой нависли "илы", беспрерывно штурмовавшие танки и пехоту.

Ожесточенно сражались чистяковцы. На десятки километров бушевало море огня. От бомбовых ударов, разрывов артиллерийских снарядов, танковых атак содрогалась белгородская земля.

Крепко досталось в тот день и нашей бригаде. Второй мотобатальон после гибели комбата М. Т. Долженко и выхода из строя двух командиров рот с боями отошел на несколько километров, в сторону Верхопенья.

Не удержался на своих позициях и 3-й батальон. Командир бригады вместе с 1-м батальоном Долгова, отойдя в реденький дубняк, продолжали ожесточенно сопротивляться. Им удалось отразить несколько вражеских атак, и только с наступлением

темноты они отошли за реку Пена.

Я по-прежнему находился в 14-м танковом полку. Генерал Кривошеий приказал мне руководить боем на правом фланге бригады и совместно с соседней 10-й механизированной бригадой не допустить прорыва противника на Верхопенье и далее на Ивню.

Зацепившись за небольшой хуторок и господствующую высоту, танкисты успешно отражали вражеские атаки. За этот день мы подбили до полутора десятков танков и самоходок. Но к вечеру 8 июля положение нашего полка резко ухудшилось. В строю остался примерно десяток танков. Соседняя бригада не выдержала натиска врага и отошла на другой рубеж. Наш танковый полк также не смог закрепить позиции. Связь с батальонами не была восстановлена, бронебойные и подкалиберные снаряды иссякли. Накопилось много раненых. Мы оказались словно на каком-то острове, вокруг которого бушевало огненное море. Оставаться на этом рубеже не было уже никакого смысла, надо было прорываться к главным силам бригады. Прикрывшись небольшим танковым заслоном, мы двинулись к реке Пена. Переправившись на противоположный берег, неожиданно очутились неподалеку от немецкой танковой колонны, которая обошла правый фланг корпуса и вышла к нам в тыл.

Притаившись в одном из глубоких оврагов, я стал связываться со штабом бригады, но это оказалось нелегким делом - слышимости не было. Пришлось с радистами выскочить на пригорок, развернуть там антенное хозяйство и ловить свой штаб. Нам повезло: связь была установлена. Переговорив со своим заместителем Константином Яковлевичем Дмитриевским, я выяснил, что мы находимся в десяти километрах от штаба 1-й механизированной бригады. От него же узнал о переходе бригады к обороне южнее Ивни и Курасовки.

В голове стали рождаться планы ночного броска с целью выхода к своим частям. "Десять километров, отделяющие нас от главных сил, - это не так уж много, - размышлял я. - Тем более при наличии такого надежного союзника, каким является темная ночь..." Но радоваться было преждевременно. Возвращаясь в свой овраг, мы натолкнулись на немецкие танки. От неожиданности отскочили в сторону, залегли в пшеничном поле. Пристально оглядываясь вокруг, различили несколько оврагов, в темноте они были очень похожи один на другой. С час еще продолжали мы петлять вокруг какого-то овражка, но своих танков так и не нашли. Только через два-три часа услышали в стороне завывание моторов родных тридцатьчетверок.

Ночь была на исходе, а мы с трудом продолжали пробираться в направлении Курасовки. Когда рассвело, стало еще хуже: часто приходилось низко пригибаться, а более открытые места преодолевать ползком. Слева и справа от нас шли немецкие танки, следом за ними тянулась пехота на бронетранспортерах. В одном овражке мы задержались, чтобы еще раз сориентироваться, а главное - на глазок определить участки, на которых не велись боевые действия. Я хорошо знал, что сплошного фронта нет, поэтому можно было найти какую-то лазейку, чтобы юркнуть в нее.

В тот самый момент, когда мы изготовились к очередному броску в ближайший дубняк, у наших ног разорвался осколочный снаряд. На месте был сражен начальник рации. От радиостанции ничего не осталось, обломки ее разлетелись в разные стороны.

В разгар этой суматохи я не сразу почувствовал, что ранен в правую ногу. На какой-то миг испугался. Но взял себя в руки. Однако вскоре рана стала меня беспокоить. Ребята сделали мне перевязку, уложили на плащ-палатку. Мозг сверлила одна мысль: что делать? Продолжать идти, на соединение со своей бригадой днем - на глазах у немцев - бессмысленно. А оставаться в овраге - очень рискованно.

Не долго думая, радисты оттащили меня в лощину, заросшую желтым бурьяном. С ближайших высот она по просматривалась. Дороги и тропинки туда не подходили, И; было маловероятным, чтобы сюда заглянули немцы. Целый день мы пролежали на солнцепеке - грязные и голодные.

День 9 июля показался нам вечностью. Мы с нетерпением ждали наступления ночи. Она должна была решить нашу судьбу.

Наконец солнце плюхнулось где-то за пригорком. Тьма окутала землю, и начался наш поход в сторону фронта. Нам надо было пройти всего несколько километров, но на это ушла целая ночь. Рана на ноге кровоточила. Ребята тащили меня под руки, а местами волокла на самодельных носилках. Двигались оврагами, далеко обходя горящие, танки: в темноте трудно было определить, чьи они.

Спасло нас отсутствие сплошного фронта. Нырнув в какое-то топкое болото, на котором не было никаких признаков боя, мы, выбравшись из него, наткнулись на конный обоз 6-й гвардейской армии, который и доставил меня под утро 10 июля в полевой госпиталь...

* * *

Ничто так благотворно не действовало на раненых, находившихся в полевом госпитале, как хорошие вести с передовой. Они доходили до нас по радио, их сообщали

дивизионные, армейские и фронтовые газеты. Четко работал и так называемый солдатский телеграф, незамедлительно передававший из палаты в палату, от койки к койке последние новости.

Через несколько дней мы узнали о полном провале фашистского наступления на Курской дуге.

Мне, танкисту, было особенно приятно, что в этом сражении большую роль сыграли танковые войска. Имена генералов Катукова, Ротмистрова, Гетмана, Кравченко, Кривошеина, офицеров Бабаджаняна, Горелова, Бурды, Бойко, Стороженко, Смирнова и многих других засверкали в полном величии.

Курская битва, в которой участвовали тысячи танков с обеих сторон, вошла в историю как самая блистательная страница советского военного искусства периода второй мировой войны. Наши советские тридцатьчетверки, хотя броня их была тоньше, а орудия имели меньший калибр, смогли разгромить "тигров", "пантер", "фердинандов". Находясь в госпитале, я имел достаточно свободного времени на размышления. Не раз задавал себе вопросы: почему более сильные немецкие танки оказались слабее наших? почему воинственные фашистские генералы, за плечами которых был огромный опыт, оказались битыми? почему немецкие солдаты не выдержали натиска советских воинов?

Ответ напрашивался один. Война шла за жизнь советских людей, за свободу нашей Родины, за ее правое дело и светлые идеалы, за спасение всего человечества, за идеи великого Ленина. Вот почему советские люди оказались крепче стали. Вот почему каждый из нас, едва залечив раны, рвался в строй, чтобы мстить врагу, который продолжал еще топтать советскую землю. Вот почему и я, не дождавшись окончательного выздоровления, оставил госпитальную койку и подался в свою бригаду...

На месте я узнал, что прибыл как раз вовремя: войска Воронежского фронта готовились к переходу в контрнаступление. 3 августа начиналась Белгородско-Харьковская операция. Важнейшее место в ней отводилось 1-й танковой армии в составе 6-го и 31-го танковых корпусов, а также 3-го механизированного корпуса, куда по-прежнему входила наша 1-я механизированная бригада.

Свою 1-ю механизированную бригаду я застал на колесах. Разведка ушла вперед, за ней последовал танковый полк, изготовились к выступлению штаб бригады, артиллерия Вересова и все три мотобатальона. Опоздай я на сутки, пришлось бы догонять и разыскивать их где-то на дорогах наступления.

Ночь оказалась полной неожиданностей. Зайдя в автобус командира бригады, я застал там вместо полковника Мельникова

старого знакомого по академии имени Фрунзе подполковника Ф. П. Липатенкова. До этого в течение года он был начальником штаба 10-й механизированной бригады нашего же корпуса.

- Так вот, дружище, пути господни неисповедимы, несколько дней назад назначен командовать бригадой вместо Мельникова, - сказал Липатенков, дружески протягивая мне руку. И как бы извиняясь, добавил: - Наше дело солдатское, приказ есть приказ!

То, что прежнего комбрига необходимо было заменить, ни у кого не вызывало сомнений. И я не скрывал, что от души рад этой перемене.

- Завтра - в бой. На сей раз это будет наступательный и решительный бой. Надеюсь, мы будем работать дружно и слаженно, - напутствовал меня новый командир бригады.

Стремительно выскочив в непроницаемую августовскую ночь, я ощупью нашел свой штабной автобус, тут же на ходу ознакомился с боевой задачей бригады и немедленно включился в работу. А вскоре штабной трофейный вездеход, в котором разместилась оперативная группа штаба бригады, мчал нас на юг, на новые исходные позиции западнее Обояни. Через несколько часов нам предстояло совершить прыжок на Яковлево, Калинино, Томаровку, Ахтырку, Богодухов. В грохочущей гусеницами машине было темно и тесно. Но я хорошо представлял себе худощавое лицо начальника оперативного отделения Константина Дмитриевского, славного, кругленького, никогда не унывающего разведчика Сашу Иванова, бригадного инженера капитана Паллера - человека огромного роста, с жгучими кавказскими глазами. С офицерами связи и несколькими связистами, которые примостились здесь же, на железной скамейке, я рассчитывал познакомиться ближе при первом удобном случае.

Заглушая гул мотора и лязг гусениц, офицеры штаба шумно поздравляли меня с выздоровлением и возвращением в строй. Я же был рад нашей встрече вдвойне. Во-первых, потому, что снова оказался в кругу близких людей, с которыми много месяцев делил радости и испытания военной жизни. А во-вторых, потому, что не опоздал к началу боя. Ведь это ни с чем не сравнимое счастье - участвовать в боях в составе дружного коллектива, с которым прошел уже немало фронтовых дорог.

Канонада шести тысяч орудий и минометов, гул тысячи двухсот самолетов разорвали предрассветный туман начинавшегося дня 3 августа 1943 года. Невиданной силы смертоносный ураган обрушился на вражеские позиции. Три часа подряд длилась артиллерийская и авиационная обработка немецкой обороны.

Сотни тысяч снарядов и мин, тысячи осколочных и фугасных бомб настигали врага в его окопах и траншеях, танках и бронетранспортерах.

В 8 часов утра артиллерия по определенному сигналу перенесла свой мощный огонь в глубину расположения противника. Его резервы подверглись обработке наших штурмовиков. Бомбардировщики громили тылы.

Прижимаясь к огневому валу, в атаку ринулись наши танки и пехота. Воронежский и Степной фронты перешли в общее наступление на харьковском направлении.

Вслед за дивизиями и полками 5-й и 6-й гвардейских армий в бой вступили корпуса и бригады 1-й танковой армии. Пошли смело, лихо, в батальонных и ротных колоннах, на больших скоростях средь белого дня, не прячась в лесах, не боясь "юнкерсов" и "мессершмиттов". Напрасно изощрялся Геббельс, пытавшийся доказать своим соотечественникам, что русские не могут воевать летом. Немцы хорошо убедились в обратном не только в жаркие июльские дни Курской битвы, но и в тех боях, которые начались в первых числах августа 1943 года, когда наши войска устремились на Харьков.

На просторе курских и белгородских степей развернулись армады танков, артиллерии, авиации, свыше десятка общевойсковых и танковых армий, около сотни дивизий, многие десятки танковых и механизированных бригад, свыше пятисот полков. Эти могучие силы прикрывали с воздуха воздушные армии генералов С. А. Красовского и С. К. Горюнова. И это на одном лишь нашем харьковском направлении!

Уже к исходу первого дня наступления соединения 1-й танковой армии вклинились в оборону противника на 12 километров. Наши передовые части подошли к восточной окраине Томаровки.

Наступательный порыв советских войск изо дня в день нарастал. 5 августа был ликвидирован томаровский узел сопротивления гитлеровцев. За этот же день соединения нашей танковой армии продвинулись на 30 километров и обошли с юга борисовский и головчиновский узлы сопротивления неприятеля. На марше мы узнали, что по приказу Верховного Главнокомандующего в Москве будет произведен салют в честь освобождения Белгорода и Орла.

Танковая лавина катилась вперед, сметая и уничтожая на своем пути все, что еще пыталось сопротивляться. Впереди был Богодухов - важный центр сопротивления врага в оперативной глубине его обороны и крупный узел дорог.

Командир бригады подполковник Ф. П. Липатенков поручил

мне возглавить передовой отряд в составе 14-го танкового полка и батальона Долгова. Такие же отряды шли от 6-го и 31-го танковых корпусов нашей армии и приданного ей 5-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко.

Утром 7 августа части различных соединений 1-й танковой армии с трех сторон ворвались в Богодухов. В эфире творилось что-то невообразимое. Нас подгонял голос "Барса" - командира корпуса генерала Кривошеина. После скоротечного боя наши части овладели городом.

Опомнившись, противник начал спешно подтягивать к Богодухову части танковой дивизии СС "Рейх". Генерал Кривошеин, быстро оценив обстановку, принял решение охватить с обоих флангов главные силы вражеской дивизии, вышедшие на рубеж хутор Зиньковский, Балановка, и во встречном бою разгромить их.

Завязались ожесточенные бои, в результате которых танковая дивизия СС "Рейх", понеся огромные потери, откатилась за реку Мерчик, на 16 километров южнее Богодухова.

8 и 9 августа соединения 1-й танковой, а также 6-й гвардейской армий вели непрерывные бои юго-восточнее Богодухова с частями танковых дивизий СС "Рейх", "Мертвая голова" и остатками 19-й немецкой танковой дивизии. Благодаря усилиям танкистов генералов Кривошеина, Кравченко и пехоты генерала Чистякова в районе Богодухова мы окончательно умертвили эту недоброй памяти "Мертвую голову".

Войска Воронежского и Степного фронтов неудержимо рвались к Харькову, охватывая его со всех сторон. Военное счастье, о котором мы мечтали под Смоленском и Ржевом, под Керчью и Севастополем, теперь вовсю улыбалось нам. Ведя ожесточенные бои за каждый населенный пункт, мы обеими ногами вступали на Левобережную Украину...

Ночь на 11 августа оказалась для нашей бригады трудной. В одном из населенных пунктов восточнее Богодухова мы напоролись на сильную вражескую группировку. Завязался тяжелый ночной бой. Только к утру главные силы бригады смогли двинуться на северо-восток.

Предстояло перерезать железнодорожную ветку Богодухов - Харьков и овладеть станцией Максимовка.

Потеряв много времени на ночной бой, мы с большим опозданием вышли на исходные позиции у реки Мерчик. На этот раз бригадный разведчик Александр Иванов сработал неважно: противник от нас ускользнул. Местонахождение его основной группировки и характер системы обороны на высотах противоположного берега реки Мерчик остались для нас полной

загадкой. Солнце стояло в зените, когда наши батальоны, не встречая сопротивления, развернулись на широком плато и приблизились к мосту. Безмолвие на противоположном берегу крайне удивило нас. Командир бригады приказал остановить главные силы и возобновить наступление только после тщательной разведки берега. Перед разведчиками была поставлена задача отыскать брод, а также проверить, пригоден ли мост для прохождения танков и тяжелой техники. Получив от меня задачу, разведчики бросились вперед. Саперы и минеры во главе со своим командиром канитаном Паллером так же, не задерживаясь, ринулись к мосту.

Развернув карту на крыле машины радиостанции, подполковник Липатенков уточнил боевую задачу дня. Поочередно оглядев через бинокль мост, мы пришли к выводу, что он непригоден к использованию в качестве переправы для танков и гусеничной техники. Поэтому командир бригады решил лично повести танковый, полк в обход моста слева, а мне приказал наступать с мотобатальонами прямо в направлении моста. Давно улеглась придорожная пыль, все заметнее удалялся шум танков, которые подполковник Липатенков повел к броду, а разведчики, посланные мною к мосту, все не возвращались.

И как всегда, меня подвел неугомонный характер. Вскочив на ходу в "виллис", я через десяток минут оказался у моста, по которому беззаботно прогуливался Паллер. Добродушная улыбка расплылась на его лице:

- Все в порядке, товарищ подполковник, мост разминирован и пригоден для всех видов автотранспорта.

Увидев нас с Паллером прогуливающимися по мосту, подбежал Саша Иванов. Куда девалось его плохое настроение, вызванное моим недавним разносом.

- Разведчики обследовали реку, танки вполне могут переправляться вброд! - радостно доложил он.

А меня по-прежнему беспокоило таинственное затишье на противоположном берегу Мерчика.

- Где все-таки гитлеровцы? - ни к кому не обращаясь, спросил я.

- Видимо, мотанули отсюда! - безапелляционно отчеканил разведчик.

Мост, как магнит, притягивал всех нас к себе.

К мосту ринулась головная походная застава, подошел со своим батальоном Долгов. Невесть откуда, прыгая по кочкам, обдавая нас паром, промчалась походная кухня, за ней потянулись другие хозяйственные машины... Я сразу понял, что этот беспорядочный бег к мосту к добру не приведет. Но понял

это, к сожалению, слишком поздно. Не успел хорошенько оглядеться, как на нас обрушился залп минометов. С противоположного берега ударили автоматные очереди.

Через несколько секунд мост опустел: он был невысоким, и все мы бросились в воду. Со стороны станции, с холмов противоположного берега сыпанули снаряды и мины.

Спасло нас мертвое пространство, образованное высоким берегом, за которым мы прятались. У противника не выдержали нервы. Открыв огонь преждевременно, он к тому же повел его очень неточно. Это позволило нам опомниться и принять контрмеры.

Суматоха у моста вскоре улеглась. Артиллерийский дивизион Ф. М. Вересова и приданный бригаде минометный полк открыли огонь, который сразу заставил замолчать вражеские батареи. Приутихли и немецкие автоматчики. Мокрые, измотанные, но невредимые, мы добрались до штаба бригады, располагавшегося в реденьком садочке.

А через час после нашего сильного артиллерийского и минометного огня слева и справа от моста развернулись и пошли в наступление батальоны Долгова и Иванова. Они сразу зацепились за противоположный берег Мерчика. А вскоре передовой батальон радировал о взятии станции Максимовка...

Я лежал у моста. Словно в тумане, плыли по нему машины и артиллерия, минометы и кухни. Все пришло в движение, лишь я остался лежать на земле. Несчастье произошло со мной в тот самый момент, когда я остановился у берега, чтобы радировать "Барсу" о выполнении бригадой боевой задачи. На нас налетела стая итальянских самолетов. Они покружили над мостом, и вдруг на наши головы посыпалось огромное количество мелких осколочных гранат. Около меня каким-то образом очутился совсем молоденький солдат, видимо только что прибывший на фронт. Задрав голову, он с удивлением наблюдал за тем, что происходило в небе. Я успел крикнуть солдату "Ложись!" и вслед за этим толкнул его в воронку, прикрыв сверху своим телом.

Маленький осколок, величиной с горошину, попал мне в живот, проник в брюшину... Молодой солдат остался невредимым и двинулся со своей частью на запад, освобождать Украину. Я же на долгие месяцы вышел из строя.

Опомнился в госпитале на станции Солнцево недалеко от Курска, а в первых числах сентября меня перевели во фронтовой госпиталь, находившийся в освобожденном Харькове, в том самом городе, на подступах к которому я получил тяжелое ранение.

Под Киевом

Тяжелыми и тягучими казались дни пребывания в

харьковском госпитале. Меня, как и многих других фронтовиков, тянуло на фронт. Газеты и письма приносили радостные вести. Враг, разбитый под Орлом и Курском, откатывался на запад. Левобережье Украины очищалось от фашистских оккупантов. С невиданной силой вспыхнули бои на отвоеванных и закрепленных плацдармах севернее и южнее Киева.

И тут не выдержала моя солдатская душа. Да пусть простят мне это прегрешение: в одну из темных осенних ночей с группой выздоравливающих солдат и офицеров я просто сбежал из харьковского госпиталя на фронт. Рана еще не зарубцевалась, но настроение было хорошее, а я по опыту уже знал, что бодрое состояние духа помогает затягиваться ранам.

И все же в глубине души что-то подсознательно тревожило меня. На днях я ездил в штаб 1-й танковой армии. С ней провоевал около года, там и мечтал продолжать службу. Жаль было бы расстаться с боевым, умным, жизнерадостным командующим М. Е. Катуковым, которого я искренне уважал. Да и к танкистам в бригаде я успел привязаться душой. Но место мое оказалось запятым, а быть в резерве не захотел. Меня тянуло на Днепр, где развертывалась гигантская битва за Киев.

Прежде чем принять окончательное решение, я поехал к командиру 3-го механизированного корпуса генералу Семену Моисеевичу Кривошеину.

Командир корпуса тепло встретил меня, расспросил о здоровье, вручил орден Красной Звезды.

- Я буду рекомендовать вас моему другу генералу Штевневу на должность командира танковой бригады, - сказал он. - Надеюсь, вы оправдаете мое доверие.

Взяв лист бумаги, он быстро написал письмо, запечатал его и вручил мне:

- Езжайте в Требухово, там вы найдете генерала Штевнева...

Поблагодарив генерала Кривошеина, я направился к контрольно-пропускному пункту и на попутных машинах добрался до Требухово, где в то время располагался штаб Воронежского фронта.

Быстро наступила ночь, шел сильный дождь. Посоветовавшись, мы решили попроситься на ночлег в одну из хат, расположенных на краю села. Пожилая украинка гостеприимно приютила нас. За ночь мы отлично отогрелись и обсушились на русской печи. К утру дождь прекратился. Я отправился разыскивать штаб бронетанковых войск фронта.

По правде говоря, я опасался неприятностей. Из госпиталя сбежал, не дождавшись окончательного выздоровления, на руках у меня не было ни вещевого аттестата, ни расчетной книжки, ни

командировочного предписания. Единственное, чем я располагал, - было письмо генерала Кривошеина к генералу Штевневу.

Но мир, как говорится, не без добрых людей. Здесь среди танкистов я встретил офицеров, которые вместе со мною воевали в начале войны на Западном фронте. Одни знали меня по боям на Северном Кавказе, с другими я воевал под Белгородом и Богодуховом. Товарищи и показали мне небольшую хатенку, в которой разместился командующий бронетанковыми войсками фронта генерал А. Д. Штевнев.

У входа меня встретил подтянутый капитан-танкист. Он осведомился о цели моего прибытия и через несколько минут предложил пройти в дом.

Войдя в комнату, я увидел генерала, сидевшего за столом, и доложил о себе. Поднявшись из-за стола, генерал протянул мне руку, пригласил сесть. Распечатав конверт и прочитав письмо, он посмотрел на меня и сказал:

- Слушаю вас, товарищ подполковник!

Я рассказал о себе, о своей службе. Беседа длилась недолго. Справившись о моем здоровье, генерал Штевнев сказал:

- Ваше желание одобряю. Буду рекомендовать Военному совету фронта назначить вас командиром бригады.

В тот же деень я предстал перед командующим фронтом генералом Н. Ф. Ватутиным.

- Военный совет решил назначить вас командиром бригады. Справитесь? спросил командующий фронтом.

- Буду стараться, товарищ командующий...

- Если судить по наградам подполковника, он должен справиться. Кстати, мои танкисты неплохо отзываются о нем, - заметил Штевнев.

- Ну коли так, воевать ему под началом Рыбалко, - подытожил Ватутин и, уже обращаясь ко мне, добавил: - На букринском плацдарме идет тяжелый бой. Вам надлежит сегодня быть на Днепре...

Сборы были недолгими. Забравшись в кабину случайно попавшегося грузовика, я направился к переправе. Машина подпрыгивала по неровной, ухабистой дороге. Временами она проваливалась в воронки, наполненные водой, с трудом выскакивала на поверхность, но все же шла к намеченной цели - к букринскому плацдарму, который находился в ста километрах южнее Киева.

Фронт приближался с каждой минутой. Над нами появились "юнкерсы", сопровождаемые "мессершмиттами".

На большой скорости проехали мы Переяслав, знаменитый со

времен Богдана Хмельницкого, миновали Трубайло, Андрушки. В Подсенном скопилось много машин и обозов, направлявшихся к переправе. Но проскочить туда было невозможно: над переправой шли воздушные бои. Над Днепром тучей висела немецкая авиация. Где-то ухали наши зенитки. Вражеская артиллерия и минометы обстреливали берег.

Я спросил шофера:

- Когда это стихнет?

- Когда война кончится, - молодцевато, с улыбкой ответил лихой усач.

Такой ответ мне понравился.

- Коли так, дуй к переправе, поскольку до конца войны еще далеко...

Шофер с любопытством посмотрел на меня, со скрежетом включил третью скорость, машина подпрыгнула и покатила вперед.

- А все же надо бы переждать, - заметил усач. - А то, чего доброго, сыграем в ящик.

- Все равно, браток, двум смертям не бывать, а одной не миновать...

- Ишь прыткий какой! А кто ты вообще будешь?

Я назвался. Шофер посерьезнел и, к моему огорчению, стал менее разговорчив.

На мосту меня поджидал офицер отдела кадров. Он подошел и вежливо спросил:

- Подполковник Драгунский?

- Да.

- Приказано сопровождать вас к командующему армией.

Мы пошли по мосту. Свежеоструганные прогоны, пахучий запах смолы свидетельствовали о том, что мост недавно введен в строй.

Грохот артиллерии все усиливался. На правом берегу Днепра к канонаде присоединилась и пулеметная стрельба.

Откуда-то над нашими головами появилась группа фашистских самолетов. Мы плюхнулись в ближайшую воронку. Лежали молча. Каждый ушел в свои мысли. О чем думал тогда мой сосед - не знаю, но меня в ту минуту беспокоило одно: только бы не накрыться здесь! Вот уж глупее не придумаешь смерти! И бригадой не успеешь покомандовать!

Закрыв глаза, я вдруг представил себе суровое лицо генерала Ватутина и будто снова услышал его голос: "Справитесь?"

Командный пункт командарма П. С. Рыбалко находился в глубоком, заросшем кустарником овраге и состоял из десятка блиндажей. Здесь же стояли окопанные землей автобусы,

грузовые и легковые машины.

Землянка командарма показалась мне довольно просторной. На дощатом неотесанном столе были разложены карты. Оторвавшись от них, генерал Рыбалко поднялся.

Командарм рассматривал меня долго и молча. Он примеривался, раздумывал.

- Вы знакомы с участком фронта?

- Нет. Я только что из госпиталя, товарищ командарм.

- Как здоровье сейчас?

- Хвалиться нечем, товарищ генерал, но воевать силенок хватит.

То, чего я больше всего боялся, случилось. Рыбалко подошел ко мне и в упор спросил:

- Почему вы оставили первую танковую? Она ведь по праву считается одной из лучших.

Я честно рассказал, как было дело. Мой ответ, видимо, удовлетворил командарма. Еще раз оглядев меня, генерал снова склонился над картой и стал объяснять обстановку:

- На этом плацдарме, южнее Киева, днем и ночью идут трудные затяжные бои. Сюда стянуты крупные резервы неприятеля. Элемент внезапности нами уже потерян. Сейчас Киев трудно брать с юга, мы оттянули на себя основные силы немцев, а теперь надо обмануть их, перекантоваться на север и оттуда нанести главный удар.

Я напряженно слушал командарма, следил за каждым его движением.

- Бригаду вручаю вам потрепанную, - пройдясь по землянке, сказал Рыбалко. - Танков в ней осталось мало. С Орловской битвы не пополнялась. А воевала бригада отлично. Ее командир полковник Чигин Леонид Сергеевич пал смертью храбрых. Ему присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Немедленно, сегодня же, вступайте в командование...

Вместе с офицером связи мы оврагами и лощинами добрались до боевых порядков бригады. Начало темнеть. Над нами висело разорванное в клочья багровое небо, по которому скользили разноцветные ракеты.

В ту же ночь я обошел батальоны, роты и взводы. В окопах, танковых капонирах, в траншеях и на огневых позициях знакомился я с танкистами, автоматчиками, разведчиками, артиллеристами и саперами. Уточнил состояние подразделений и положение противника. Здесь под вражеским огнем и состоялось мое вступление в командование бригадой.

Надо было готовиться к боям. Но противник, к нашему удивлению, не проявлял особой активности. Убедившись в

бесплодности своих контратак, он перешел к обороне, стал, как и мы, зарываться в землю.

Последующие дни еще раз убедили наше командование в том, что южнее Киева лобовой атакой врага не сбить. Возникал вопрос о перенесении главного удара в район севернее Киева. И он был перенесен. Началась перегруппировка наших войск на север.

Чтобы усыпить бдительность гитлеровцев, мы расставили макеты деревянных танков. Отдельные орудия кочевали с одного места на другое и вели беспокоящий огонь. Продолжали свою работу и некоторые радиостанции.

Днем разводились мосты, шла обычная артиллерийская перестрелка. А ночью незаметно для неприятеля мы переправлялись на другой берег, сосредоточивались в лесах. Так в течение трех ночей танковая армия генерала Рыбалко в последних числах октября перешла с юга на север.

Танкистам генерала А. Г. Кравченко, пехотинцам К. С. Москаленко, кавалеристам В. К. Баранова и нашим братьям чехам пришлось потесниться, уступить нам немного места на крохотном лютежском северном плацдарме. Сюда прибыли бригады и корпуса танковой армии. Здесь же сосредоточилась и наша 55-я гвардейская танковая бригада

* * *

За неделю, что я пробыл в бригаде, произошло немало событий. Были бои с удачным и неудачным исходом, совершались марши, дважды мы переправлялись через Днепр. Постепенно передо мною раскрывались характеры людей, которые меня окружали. В мирное время потребовались бы месяцы, а то и годы, чтобы узнать каждого. На фронте таким временем не располагаешь. Зато в трудной обстановке боя довольно быстро проявляются характеры, способности, особенности людей.

Дни и ночи мы занимались подготовкой к предстоявшему наступлению на Киев. Разведка продолжала свою никогда не прекращавшуюся работу. Мы изучали местность, провешивали колонные пути, организовывали взаимодействие с войсками генерала К. С. Москаленко. Принимали пополнение, ремонтировали танки, запасались продовольствием, переодевались в зимнее обмундирование.

Каждую свободную минуту я, естественно, использовал для знакомства с офицерами штаба бригады. Во главе штаба стоял умный, собранный, смелый капитан М. М. Эрзин. По душе пришелся мне большой специалист своего дела, всесторонне развитый офицер, заместитель по технической части москвич инженер-майор Иван Сергеевич Лакунин. Хорошее впечатление

сложилось о начальнике тыла бригады майоре Иване Михайловиче Леонове, который с первых дней показал себя рачительным и заботливым хозяйственником. Кстати, мне было суждено пройти с ним до конца войны.

На букринском плацдарме родилась наша долголетняя дружба с начальником политотдела бригады Александром Павловичем Дмитриевым. Здесь стали родными для меня многие командиры батальонов и рот, многие из тех, кто составлял дружную семью танкистов...

30 октября на Киевщине выдался на редкость ясный, слишком теплый для осени день. В этот день в село Ново-Петровцы были вызваны командармы, командиры корпусов, комдивы и командиры бригад.

Все собрались в здании старой деревенской школы.

В большой классной комнате я увидел своего командарма Павла Семеновича Рыбалко. Недалеко от него сидел командарм Кирилл Семенович Москаленко. Здесь же находились бывший преподаватель Саратовской бронетанковой школы командир 5-го танкового корпуса генерал Андрей Григорьевич Кравченко и командир 1-го гвардейского кавкорпуса генерал Виктор Кириллович Баранов. Совсем недалеко от меня сидели чехи. В седом статном офицере мы узнали командира чехословацкой бригады Людвика Свободу.

Мы собрались, чтобы заслушать приказ командующего фронтом и получить боевую задачу. 1-му Украинскому фронту предстояло провести Киевскую наступательную операцию.

Генерал Н. Ф. Ватутин четко и лаконично изложил план операции и поставил задачи армиям, корпусам, дивизиям.

- Ставка приказала начать штурм вражеских позиций 3 ноября, - сказал он в заключение. - К 6 ноября столица Украины должна быть освобождена.

В приподнятом настроении мы покидали просторный класс школы.

В ожидании машин завязалась беседа. В 3-й армии я был новичком, а потому не участвовал в разговорах и стоял в стороне. Вдруг размашистой походкой ко мне подошел бравый полковник в небрежно расстегнутой шинели и заломленной кубанке.

- Головачев! Будем знакомы! - протянув руку, скороговоркой выпалил он.

Поздоровались. Изучающе смотрел я на комбрига, о котором за короткое время слышал много хорошего. Не скрою, при первом знакомстве он не очень понравился мне: показалось, что чересчур копирует Чапаева. Но встреча эта была очень короткой. Подошла машина Головачева, и он на прощание крикнул:

- До встречи в Киеве, дружище!..

Я тоже не задержался в Ново-Петровцах. К зданию школы подкатили на "виллисе" адъютант - вихрастый ленинградец Петр Кожемяков и шофер сероглазый курянин Петр Рыков. Машина помчала нас вдоль деревни. У колодца я заметил большое скопление легковушек, чуть в сторонке от них стояли знакомые мне бригадные кухни. Выбравшись из "виллиса", я очутился в кругу наших поваров. Они угостили меня студеной криничной водой.

Невдалеке от меня два белокурых голубоглазых паренька в светло-защитных коротких мундирчиках с брюками навыпуск, жестикулируя, что-то объясняли окружившим их советским солдатам. Как выяснилось, это были чешские воины из 1-й Чехословацкой отдельной бригады генерала Людвика Свободы, тоже приехавшие сюда, чтобы заправиться водой.

Отозвав подчиненного мне помпохоза батальона, я приказал ему отпустить чехам воду вне всякой очереди. Слова мои были моментально подхвачены. Загрохотали машины: одни попятились назад, другие подались в сторону.

Я стоял невдалеке, свернув по привычке козью ножку, и затягивался дымком.

Ко мне нерешительно подошел офицер чехословацкой армии:

- Товарищ подполковник, мы тоже будем вместе с вами драться за Киев. Нам сегодня объявил это наш командир бригады. Скажите, пожалуйста, Киев большой город?

Я прекрасно понял чеха, говорившего на ломаном русском языке. Его вопрос меня озадачил. Я никогда не бывал в Киеве, хотя очень много слышал и читал о нем. Пришлось поднапрячь память. Вспомнил Печерскую лавру, Крещатик, Владимирскую горку. Кажется, мой рассказ удовлетворил молодого офицера. Во всяком случае, слушал он внимательно. А когда я умолк, он крепко пожал мне руку и сказал:

- До встречи в Киеве!

- До встречи в Праге! - ответил я.

- Да-да! До встречи в Праге! Но скоро ли это будет?

Вскочив на подножку машины, я громко крикнул, заглушая шум мотора:

- Скоро!.. Путь на Прагу лежит через Украину! До встречи в Киеве!

- До свидания в Праге!..

Моим словам суждено было сбыться. Но об этом - потом.

Утром 3 ноября 1943 года на фашистские войска обрушился мощный огонь артиллерии. Больше трех тысяч орудий обрабатывали на десятикилометровом фронте оборону врага.

Артиллерийская подготовка длилась более полутора часов. Бомбардировщики и штурмовики беспрерывно бомбили фашистов. Все было окутано дымом и гарью.

В ворота, образованные артиллерией и авиацией, пошли танки генерала Кравченко, за ними - войска генерала Москаленко. Двинулись в бой и наши братья чехи. Танкисты генерала Рыбалко были готовы развить успех первых эшелонов, штурмовавших вражеские позиции, и вступили в сражение во второй половине дня.

Бои перенеслись в Беличи, Пуще-Водицу, Святошино, на станцию Берново. Враг непрерывно подтягивал свежие резервы, вторые эшелоны, цеплялся за окраины города. Кавалеристы генерала Баранова повернули на реку Ирпень, а мы, танкисты, выскочили на Житомирское шоссе.

Полностью овладеть дорогой - означало запереть неприятеля в самом Киеве, отрезать ему пути отхода на Житомир, Белую Церковь.

В Пуще-Водице на четвертой просеке я настиг 1-й батальон и приказал комбату капитану Ковалеву поторопиться.

Стоя в открытой башне, я дал знак водителю - и танк двинулся вперед. А уже через несколько минут танкисты Ковалева обогнали меня.

Радист командирского танка без устали повторял мой приказ:

- Обойти Святошино справа, всем выходить на Житомирское шоссе.

Десятки танков из других корпусов и бригад подошли к Киевско-Житомирской магистрали. Там же оказался батальон Ковалева из нашей бригады, овладевший до этого Беличами и станцией Берново.

Идти с одним батальоном на Жуляны было опрометчиво, тем более что мы не сумели разведать находившуюся перед нами вражескую группировку. Подчинять же себе полсотни чужих танков я не имел никакого права. И все же внутренний голос твердил: "А что, если собрать эту массу танков, объединить их и бросить на Жуляны?" Сделать это было заманчиво, но ведь мне могло и здорово влететь за самоуправство. Из раздумий меня вывел голос командира корпуса, раздавшийся в эфире.

- Кто вас держит?

По существу, нас никто не держал. Да и сопротивление врага на нашем участке фронта резко ослабело. Слова комкора словно бы подхлестнули меня:

Спрыгнув с командирского танка, я собрал накоротке командиров танковых рот и отдельных, находившихся поблизости подразделений и отдал приказ:

- Всем идти на аэродром в Жуляны!

В этот момент произошла у меня незабываемая встреча с человеком, которого знал еще по 1-й танковой армии и которого безгранично уважал. Я имею в виду генерала Ивана Ивановича Петрова, являвшегося заместителем командующего бронетанковыми войсками нашего 1-го Украинского фронта.

Я только вскочил на танк, чтобы следовать на Жуляны, как возле меня раздались пронзительные гудки автомашины. К моему танку подкатил "виллис", из него проворно выскочил генерал Петров.

- Видел, видел. Правильно поступаешь... Немедленно доложу командующему фронтом... Смотри, Драгунский! - после паузы сказал он. - Перед нами мой родной Киев. С этим городом связана вся моя жизнь. И уже третий раз я вижу его горящим... Если останусь жив, сегодня ночью обязательно буду на Крещатике...

Забегая вперед, скажу: 6 ноября 1943 года генерал И. И. Петров вошел вместе с вами в освобожденный Киев. Мне посчастливилось пройти рядом с ним всю войну. Я встречал его на Украине и в Польше, на сандомирском плацдарме, в период штурма Берлина и в дни освобождения Праги. Он носился, как метеор, на своем неизменном "виллисе", всегда поспевал за нами, и никто не видел его в унынии даже тогда, когда бывало невмоготу. Он вечно торопился и постоянно подбадривал, подгонял нас. А смелости И. И. Петрова могли в одинаковой степени позавидовать и солдат, и генерал.

Неоднократно виделись мы и в послевоенные годы. Причем все наши встречи происходили, конечно, в его родном городе. Здесь, в Киеве, более пятнадцати лет И. И. Петров командовал танковым гвардейским училищем... Сейчас Ивана Ивановича, к великому сожалению всех, кто его знал, уже нет в живых.

* * *

Короткий ноябрьский день был на исходе, когда наши танки подошли к Жулянам. На аэродроме горели немецкие самолеты. Взрывались огромные резервуары с бензином. А по радио уже звучал голос командира корпуса: "Не задерживаться! Вперед, на Вету-Почтовую, на Васильков!"

Вот и Васильков... Горячие бои были у этого города. Не выдержали гитлеровцы нашей дружной атаки и отскочили к Фастову. В Васильков входили 23-я мотобригада, а также 54-я и 55-я танковые бригады. Медленно продвигались вперед танки. Двигаться им было трудно. На обочинах дорог, на тротуарах, на улицах и прямо у домов - везде ликовал народ.

- Откуда столько людей в этом маленьком городке? - спрашиваю подскочившего ко мне мальчугана.

- Да мы не тутэшни.

- А откуда?

- Мы киевляне.

Паренек рассказал, как оккупанты расправлялись с жителями Киева, как, спасаясь от гибели, старики, женщины, дети разбрелись по лесам и пригородным селам.

Дождь, начавшийся еще утром, усиливался с каждой минутой, но люди не расходились многие искали среди солдат и офицеров, освободивших Васильков, своих близких, ушедших на фронт в первые дни войны.

В холодной, заброшенной продолговатой комнате двухэтажного домика разместился штаб бригады. Фонарики неярко освещали помещение. Железная печурка накалилась докрасна. На столе распласталась помятая карта, вытащенная из-за голенища сапога. Над ней склонились несколько офицеров. И сразу же фронтовая жизнь вступила в свои права.

С минуты на минуту мы ждали прибытия командира корпуса генерала К. Ф. Сулейкова: нас предупредили, что к исходу дня комкор обязательно посетит бригаду. Каково же было наше удивление, когда в расположение штаба прибыли командующий армией П. С. Рыбалко и член Военного совета генерал С. И. Мельников.

- Ну, комбриг, бригада может завтра драться? - без обиняков спросил командарм.

- Может, товарищ командующий! Только бы немного отдохнуть водителям...

- Хорошо. До утра не трогайте танкистов, а завтра... - Рыбалко подошел к карте и указал пальцем на черную точку, обозначавшую крупное село Паволочь: - Ваша бригада в качестве передового отряда должна обойти Фастов с юга, прорваться в глубокий тыл врага и овладеть Паволочью. В затяжные бои не ввязываться. Дальше Паволочи не идти, пока не подойдут главные силы армии. Правее вас на станцию Попельню с такой же задачей выходит бригада полковника Лупова. Вам все ясно?

Переступая с ноги на ногу, я медлил с ответом, стараясь осмыслить полученную задачу.

- Я не имею связи со штабом корпуса, не знаю, где он находится и как доложить о полученной от вас боевой задаче.

Командарм посмотрел на меня и после небольшой паузы добавил:

- Не беспокойтесь. Я это сделаю сам.

Мы вышли на улицу. После освещенной комнаты показалось, что попали в бездонную темную яму.

Вытянув руки, мы ощупью добрались до машины. Шофер

встретил нас узеньким пучком света от фонарика. Постепенно глаза привыкли к темноте, они уже различали контуры людей, силуэты танков, машин, пушек и кухонь.

- С рассветом уходите отсюда, иначе противник даст вам жизни! - Понизив голос, Рыбалко продолжал: - Действиями вашей бригады командующий фронтом остался доволен. Насколько мне известно, он хлопочет о присвоении пятьдесят пятой бригаде наименования Васильковская. Сегодня ночью ожидается приказ Ставки.

Я молча стоял перед командармом.

- Верю вам и надеюсь, что завтра бригада возьмет Паволочь... Это будет хороший подарок в честь 26-й годовщины Великого Октября. Вы не забыли, что сегодня канун праздника?

Стоявший рядом начальник политического отдела бригады А. П. Дмитриев своим звонким голосом рассек ночную тишину:

- Не забыли, товарищ командующий! Разве можно забыть такой день!

После отъезда командарма все пришло в движение. Клеили карты, наносили маршруты. Начальник разведки бригады Борис Савельев давал задание командиру взвода Андрею Серажимову, человеку могучей силы, который на первый взгляд казался несколько неуклюжим. Я с комбатами уточнял боевую задачу на следующий день. А в другом углу нашей "штаб-квартиры" Александр Павлович Дмитриев инструктировал замполитов батальонов и секретарей парторганизаций.

Утром разнеслась весть, что бригаде присвоено почетное наименование Васильковская, Для каждого из нас это была большая радость.

Митинг в честь 26-й годовщины Великого Октября был проведен прямо у построенных в походную колонну танков и проходил, я бы сказал, необычно.

Первым к одному из танков подошел командир взвода лейтенант Василий Усков. Он был назначен в головную походную заставу, а потому спешил, слова произносил скороговоркой. Закончив короткое выступление, Усков побежал к своему танку, нырнул в башню, и танк помчался по дороге на Фастов. Ему надо было оторваться от главных сил хотя бы на пять-шесть километров.

Потом выступали другие танкисты, автоматчики.

Митинг кончился довольно быстро. В день празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции танковая бригада продолжала наступление.

Ушла разведка, скрылась головная походная застава, тронулись и мы главные силы бригады.

Здорово досталось нам в тот день! Танки вязли, машины застревали. Но все же нет худа без добра. Погода была нелетная, и ни один вражеский самолет не угрожал нам.

Оставив Васильков, гитлеровцы отошли в направлении Белой Церкви. Мы, преодолевая распутицу, двигались по их следам. Десантники разместились на танках. Они накрылись брезентом и согревались теплым воздухом, идущим от моторов.

Я помнил приказ Рыбалко действовать смело, решительно, не ввязываться в затяжные бои и во что бы то ни стало овладеть Паволочью.

В те дни этот крупный населенный пункт имел большое значение для наших наступающих войск. Через район Паволочи пролегали дороги с востока на запад, с севера на юг, на Казатин и Бердичев.

Севернее нас наступала механизированная бригада полковника Лупова. Обе бригады должны были вырваться вперед, сломить сопротивление врага, преодолеть распутицу, захватить рубеж Паволочь, Попельня и удерживать его до подхода главных сил 3-й танковой армии.

Неотступно следуя за разведкой и головной походной заставой, бригада, не доходя до Фастова, повернула на юго-запад.

Населенные пункты Бердники, Поляниченцы, Королевка, Червоный раскинулись вдоль речушки и оврагов. Они образовали многокилометровый труднопроходимый барьер.

Первую остановку сделали у деревянного моста через реку Каменку, который оказался заминированным. Пока саперы возились с мостом, подошли главные силы бригады и пристроились к хвосту авангардных подразделений.

В середине дня получили радиограмму от разведчика Серажимова: "Столкнулись с разведкой противника, захвачены пленные".

Не дожидаясь переправы всей бригады, я помчался к разведчикам.

На окраине Королевки в холодном заброшенном домике мы допрашивали пленных. Высокий, веснушчатый фельдфебель испуганно озирался по сторонам. Не отвечая на заданный вопрос, он невнятно лепетал:

- Гитлер капут, Гитлер капут!

- Да черт с ним, с вашим Гитлером! Отвечайте, какого вы полка, какой дивизии, откуда пришли?

- Геринг капут! - продолжает ту же песню пленный.

Только после того как на него прикрикнули, фельдфебель стал рассказывать, что их 25-я танковая дивизия несколько дней назад по тревоге оставила свой участок обороны на побережье Ла-

Манша и двинулась на восточный фронт. На станции Бердичев разгрузился 146-й мотострелковый полк, за ним танковый полк, и оба они теперь спешат к Киеву.

- В Киеве вам делать нечего, он уже два дня как освобожден, - не удержался я.

Гитлеровец испуганно заморгал.

- О!.. Наш капитан сказал, что мы будем стоять в Киеве...

Пленных мы отправили в штаб армии. Они показали, что из Франции на наш участок фронта брошены свежие части 1-й и 25-й танковых дивизий.

Так вот почему генералы Ватутин и Рыбалко торопили с наступлением на Паволочь и Попельню! Занять Паволочь - означало овладеть исходным пунктом для дальнейшего броска наших войск на Казатин и Бердичев.

Появление новых немецких частей перед нашим фронтом заставило меня серьезно подумать о дальнейших действиях. Было ясно: вступать в бой с сильной вражеской группировкой бригаде не под силу. Что же делать? Отходить или отсидеться и ждать подхода наших главных сил? Но тогда неизбежны потери времени, а это может дорого обойтись нам. Надо перехитрить врага, обойти его и ударить по тылам. Это тоже риск. Но он оправдан.

Продумав предстоящий маневр, сделал некоторые перестроения. Артиллерийскую батарею и взвод танков поставил в засаду, чтобы встретить фашистов огнем на дальних подступах и заставить их преждевременно развернуться. А тем временем главные силы бригады будут наступать на запад, громить вражеские тылы и выйдут к намеченной цели - в Паволочь.

Дождь и туман затрудняли наблюдение за действиями врага. Обе стороны, не встречая сопротивления, шли по своим маршрутам. Мы - на запад, в Паволочь, немцы - на восток, в Киев. Шествовали параллельным курсом, не беспокоя друг друга. Но неожиданно заговорила артиллерия. Командир головной походной заставы Василий Усков взволнованно доложил по радио:

- Веду огонь! В полутора-двух километрах от меня развертываются танки!

- Задержи их на полчаса! - скомандовал начальник штаба.

Ускову удалось задержать немецкие танки на целый час. Это позволило нам уйти на несколько километров вперед. Уже надвигалась ночь, когда мы подъехали к селу Малое Половецкое. Запахло дымом - где-то топили печи, из труб золотистым дождем вылетали искры.

Совсем близко ударили взрывы, темное небо озарилось огнем. Послышались крики, вопли, раздалась стрельба. Я бросился к радиостанции и отчетливо уловил команды командира батальона Николая Иосифовича Лордкипанидзе:

- Огонь! Огонь! Все поджечь!

А через некоторое время разведчик Савельев докладывал мне,

что операция завершена и все в наших руках.

- С кем это расправлялся Лордкипанидзе?

- Он уничтожал тылы танкового полка 25-й танковой дивизии.

Картина, которую я увидел, была очень внушительной. Пылали десятки бензоцистерн, языки пламени поднимались высоко к небу. Между горящими машинами метались немецкие солдаты, попавшие в ловушку. Дорого обошлась врагу его беспечность...

В ночь на 8 ноября мы остановились на восточной окраине Малого Половецкого. Немного опомнившись от дневных забот, стали собирать данные о месте пребывания батальонов, о их скоплении. Меня беспокоило молчание штаба корпуса. Корпусная радиостанция безмолвствовала. Штаб, видимо, находился на большом расстоянии.

Уже за полночь в бригаду возвратился начальник штаба батальона капитан И. И. Рой. Он доложил, что захваченные нами пленные сообщили весьма важные сведения. Допрашивал их сам Рыбалко и сразу после допроса приказал отправить пленных в штаб фронта. От капитана Роя мы узнали, что обратно через Королевку проехать невозможно, так как немецкие танки вышли южнее Фастова. Это известие очень встревожило нас.

- Что же это получается? Мы в тылу у немцев? - спросил я.

- Видимо, так...

- Какие привез приказы?

Рой вытащил мокрую, замусоленную карту. Показал пальцем точку Паволочь. После того как мы определили характер и примерную численность новой вражеской группировки, прибывшей на наш участок фронта, я ожидал, что бригаду в лучшем случае остановят на рубеже реки Каменка или вернут в район Фастова. Но приказ командарма остался в силе.

...Мы с Дмитриевым забрались на печь. С большим трудом стащили с себя тяжелые, разбухшие сапоги. Заснули мгновенно, но спали нервно, прислушиваясь к каждому звуку.

На рассвете завыла сирена, послышались крики "Тревога!", шум, трескотня автоматов и пулеметов.

Вскоре выяснилось: на западной окраине села замечено большое скопление гитлеровцев. Раздумывать было некогда. Около меня оказались комбаты и командир артиллерийского дивизиона. Я приказал атаковать неприятеля, не дать ему зацепиться за окраину, выгнать в чистое поле и громить.

Выскочив из села, мы увидели такую картину. На огромном поле стояло несколько наших танков. На разном расстоянии от них неподвижно застыли около пятисот немецких солдат и

офицеров с поднятыми руками. Окружившие меня товарищи с недоумением глядели друг на друга. Произошло, оказывается, вот что.

146-й гренадерский мотострелковый полк 25-й немецкой танковой дивизии, переброшенный с берегов Атлантики, хорошо вооруженный и блестяще экипированный, совершал марш в направлении Киева. А погода стояла дождливая, дороги размыло, и гитлеровцы решили заночевать в Малом Половецком, в том самом населенном пункте, куда накануне вошла 55-я бригада.

Ночью наша разведка, наспех высланная в западном направлении, заплуталась в селе. Шум моторов не вызвал у разведчиков тревоги. "Это наши, конечно", - решили они. Не лучшим образом действовала и вражеская разведка. Кто-то из фашистских офицеров доложил командиру 146-го полка, что танки их дивизии уже в Киеве, а горящая колонна машин - остатки разбитых советских частей.

Довольные "блестящей победой", гитлеровцы улеглись спать. А утром увидели: по селу спокойно двигаются советские тридцатьчетверки. Немецкие танкисты бросились к дороге, к своим машинам, но их там не оказалось. Тогда последовала команда немедленно отходить в лес. До леса гитлеровцы добежать не успели - их догнали тридцатьчетверки. Немецкие солдаты и офицеры разбежались по полю и попали в месиво раскисшего чернозема. В это время наши танкисты открыли огонь.

В то утро в течение одного часа прекратил существование 146-й гренадерский полк. Мы взяли в плен 450 вражеских солдат и офицеров.

К середине дня легкий ветерок разорвал скопление хмурых туч. Бригада развернулась в батальонные колонны и продолжала свой путь на Паволочь.

Небольшая стычка произошла на дороге Попельня - Сквира. Здесь, охраняемая несколькими танками, двигалась длинная колонна немецких грузовых и легковых машин. Мы внезапно напали на них. Как потом выяснилось, это перемещался штаб 25-й танковой дивизии.

Когда писались эти строки, на столе передо мной лежала книга бывшего фашистского генерала Ф. В. Меллентина "Танковые сражения 1939-1945 гг.". Названное сочинение не лишено интереса. Это свидетельство врага, вынужденного признать превосходство Советской Армии над вермахтом, признать провал планов Гитлера, который стремился вновь захватить Киев. Касаясь событий в районе Житомира, Ф. В. Меллентин отмечал:

"6 ноября Манштейн решил сосредоточить все наличные танковые дивизии в районе Фастов, Житомир о целью нанесения удара на Киев... 7 ноября я развернул наш командный пункт у Белой Церкви, примерно в 25 км южнее Фастова... К сожалению, в бой под Фастовом преждевременно была введена 25-я танковая дивизия. История этой дивизии очень печальна. Она была сформирована в Норвегии и с августа 1943 года проходила подготовку во Франции... Днем 7 ноября передовой отряд - 146-го мотострелкового полка встретил южнее Фастова русские танки Т-34 и обратился в паническое бегство. В страшном беспорядке эти необстрелянные части бежали, и хотя командир дивизии генерал Шелл лично навел порядок и собрал свои части, им с большим трудом удалось оторваться от русских..."{4}

У меня, участника этих событий, подобное освещение фактов вызывает грустную улыбку: "...генерал Шелл лично навел порядок..." Не мог он сделать этого. Не мог по той простой причине, что сам спасся лишь благодаря тому, что постыдно бежал на грузовике на юг, бросив своих подчиненных на произвол судьбы...

В тот же день приказ командарма Рыбалко был выполнен. Мы вошли в Паволочь.

Наступило утро 9 ноября. Связь со штабом корпуса и армии все еще не была восстановлена, и мы переживали тревожные минуты.

Обстановка прояснилась лишь к вечеру. Сквозь многочисленные помехи к нам донеслись слова командарма: "Гордимся вами. Поздравляю с победой. Организуйте круговую оборону. Громите врага в тылу, мы идем к вам".

Много часов просидели мы над картой, анализируя положение на нашем участке фронта, изучали каждый холмик, каждую рощицу, лесок и каждую деревушку.

- Будем стоять насмерть. Будем громить врага в его же тылу и ждать подхода своих войск. Таков приказ Родины, - сказал я.

Эти слова были встречены горячим одобрением. Услышав их, приосанился стройный красавец комбат Лордкипанидзе. Коренастый сибиряк Петр Федоров, не любивший долгих разговоров, согласно закивал головой. Партизанские командиры Дорош и Бак, отряды которых утром вошли в Паволочь, после недолгой паузы уверенно заявили:

- Теперь мы покажем фрицам...

В ту же ночь было принято решение: капитана Ковалева с тремя танками послать в разведку на станцию Вчерайше, находившуюся от нас в 23 километрах. По полученным данным, там разгружались немецкие эшелоны.

Савельев с группой ушел разведать станцию Попельня и связаться с передовым отрядом полковника Лупова.

С рассветом по деревням и селам разошлись подростки, которым мы поручили распространить ложные слухи о скоплении в Паволочи огромного количества орудий и танков, а главное - "катюш". На самом деле у нас было всего 17 танков, четыре орудия, два миномета, зенитная батарея и одна "катюша". Но нам было необходимо обмануть врага, выиграть время до подхода главных сил корпуса.

И вдруг по всей округе разнеслась весть: в Паволочь и Попельню вошли советские войска. Слух распространялся из деревни в деревню, из хаты в хату. К нам потянулись старики, старухи, отцы и матери, чьи дети находились на фронтах, молодые женщины, чьи мужья и братья пропали без вести.

- Неужто, сыночки, это правда, неужто вы пришли насовсем?..

В те же дни завязались крупные бои под Фастовом. Немецкая танковая группа рвалась к Киеву. Она обрушилась на войска 1-го Украинского фронта и его танковый кулак - армию Рыбалко, которые шагнули далеко на запад.

Танковые бои под Фастовом были крайне ожесточенными. С Западного фронта, с берегов Ла-Манша, из Голландии и Бельгии подходили все новые эшелоны с пополнением. Немецкие войска с ходу бросались в бой. Не достигнув успеха, они останавливались и переходили к обороне. Наши войска тоже несли ощутимые потери. Беспрерывные бои за Днепр, Киев, Правобережную Украину изрядно измотали их. Не сумев преодолеть танковый барьер фашистов, армия Рыбалко тоже временно перешла к обороне на реке Каменка.

Попытка 7-го танкового корпуса пробиться к нам успеха не имела. Мы остались одни: механизированная бригада Лупова - в Попельне и 55-я танковая - в Паволочи. Теперь нас разделяли 20 километров. Мы оказались в тылу армии Манштейна, вдали от линии фронта (она проходила в шестидесяти километрах). В этой обстановке, как никогда, нужны были выдержка, спокойствие и стойкость. Ведь мы могли рассчитывать только на себя.

Между тем враг стянул к Паволочи сотни бронемашин. Установившаяся погода позволила гитлеровской авиации начать активные налеты. "Юнкерсы", "фокке-вульфы" с утра до ночи кружили над селом. Фугасные бомбы безжалостно разрушали дома. На улицах появились очаги пожаров. Самолеты придавили нас к земле. Мы хорошо знали повадки врага - вслед за ударами авиации должны были последовать атаки на земле.

Так оно и произошло. Бурные события развернулись во второй половине дня 13 ноября. Вскоре после налетов "юнкерсов"

и сильного артиллерийского и минометного обстрела на горизонте появились три танка. Вслед за ними стали вырисовываться силуэты бронемашин, бронетранспортеров. Их было много. В бинокль они отчетливо были видны - 10... 20... 30...

- Не стрелять! Не выдавать себя! Подпустить противника ближе! - передал я по рации.

Боеприпасы у нас были на исходе. Баки с горючим полупустые, снарядов в танках осталось меньше десятка.

Справа от дороги темнели необозримые черноземные поля. Дождь, что прошел накануне, растопил тонкую корку льда, и поля стали непроходимыми. Слева тянулись глубокие балки и овраги, по которым неслись ручьи.

Комбаты Лордкипанидзе, Ковалев и Федоров ждали по радио моего сигнала. Но я, стиснув зубы, молчал. Темпераментный Лордкипанидзе беспрерывно запрашивал разрешения на открытие огня. Я молчал.

В бинокль уже были видны зловещие кресты на машинах, с каждой секундой все более четко вырисовывались лица немецких солдат, все ясней слышались лающие команды гитлеровцев.

- Дайте же сигнал, товарищ комбриг! - не выдержал мой заместитель, вечно спокойный Иван Емельянович Калеников. - Иначе нас накроют, а мы не успеем нанести ответный удар.

В трехстах метрах вынырнул из-за бугра фашистский танк. Теперь настало время действовать.

- Огонь!

Эту команду подхватили не только Федоров, Ковалев, Лордкипанидзе, но и ротные и взводные командиры.

Танковые пушки прямой наводкой, точным прицельным огнем накрыли врага. Заговорила артиллерийская батарея, застрочили два станковых пулемета, в дело вступил единственный уцелевший миномет.

Взорвался шедший впереди немецкий танк: снаряд угодил в самый центр фашистской свастики. Другой танк вначале запылал ярким огнем, потом окутался черным дымом, который закрыл полнеба над нами. Те, кто ехали на бронемашинах, бронетранспортерах и мотоциклах, поняли, что попали в ловушку, стали скатываться в овраг. Туда же сползли все немецкие танки. Этого мы ожидали, на это и рассчитывали: из мокрого, топкого оврага им не уйти.

Лордкипанидзе с Федоровым ринулись к оврагу. Туда же устремились три танка из нашего резерва, автоматчики вместе с партизанами Дороша и Бака.

Громкое победное "ура!" прокатилось по полю, по дороге, по оврагам.

Мы с Дорошем и Баком на крестьянской телеге спустились в овраг. Через несколько минут там все было кончено. В немецких бронемашинах и бронетранспортерах хозяйничали наши танкисты и партизаны. Снимали пулеметы и орудия, разбирали боеприпасы, демонтировали радиостанции. Радости не было предела. В наших руках оказалось тридцать девять вражеских бронетранспортеров и бронемашин, а также один исправный танк.

Надвигались вечерние сумерки. Уставшие, мы возвращались в школу, которая была для нас и штабом, и родным домом. Только теперь я почувствовал, что зверски голоден. Целые сутки во рту не было ни крошки хлеба, ни глотка воды.

В жизни часто случается так, что за плохим тянется плохое, а за хорошим делом обязательно следует опять что-то хорошее. Отсюда, наверное, и пословицы: пришла беда - отворяй ворота, а радость за радостью тянется.

Одновременно с разгромом вражеской группировки нашей диверсионной группой был подорван железнодорожный мост у Попельни. В воздух взлетел вражеский эшелон с боевой техникой и боеприпасами.

Окрыленные успехами, мы вместе с партизанами усилили вылазки в фашистском тылу. Коммуникации неприятеля были теперь под постоянной угрозой. В Паволочь же продолжали прибывать группы наших парашютистов, которые после неудачной выброски за Днепром разбрелись по лесам и оврагам.

Не по вкусу пришлось гитлеровцам пребывание в их тылу, в районе Попельни и Паволочи, механизированной и танковой бригад. Они решили с нами разделаться.

К 15 ноября гитлеровцам удалось нанести серьезное поражение механизированной бригаде полковника Лупова. Больше суток она оказывала яростное сопротивление. Понеся большие потери в людях и технике, не имея боеприпасов, горючего, механизированная бригада была рассечена: одна группа во главе с полковником Луповым вышла на север, в леса, и через несколько дней соединилась с войсками 1-го Украинского фронта, другая - во главе с капитаном Шумиловым прорвала вражеское кольцо окружения и соединилась с нами в Паволочи. В эти же дни к нам вышел батальон автоматчиков из 54-й танковой бригады во главе с подполковником Москальчуком. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что нас набиралось свыше полутора тысяч человек, а плохо было то, что мы имели мало машин, еще меньше горючего и боеприпасов. Воевать же в пешем строю против сильной танковой группировки противника было явно невыгодно.

Для бригады наступил критический момент.

Захваченные пленные подтвердили, что немецкое командование намерено окружить нас с востока, севера, запада, загнать в озёра и болота южнее Паволочи и развязать таким образом себе руки в районе Фастова.

В эти тревожные дни и часы нужна была полная ясность. Где главное направление удара врага? Откуда идут войска к Паволочи?

Послать танковую разведку? Бесполезно. Танки не пройдут. Послать солдат? Они тоже будут сразу замечены. И тут на помощь нам, как и в предыдущие дни, пришли партизаны.

В школьный класс, где сизый дым стоял до самого потолка, бесшумно вошли две девушки. Их послал командир партизанского отряда Дорош.

Стройная чернооkая Галина Чернуха молча разглядывала меня и моих друзей. Рядом с ней переминалась с ноги на ногу голубоглазая, с золотистыми волосами, небольшого роста Маша Сотник. У нее были такие смеющиеся, озорные глаза, что трудно было представить, как такая девушка сможет выполнить серьезное поручение.

Получив задание, девушки на двое суток исчезли, а на заре третьего дня вновь предстали перед нами. Сидя за столом, перебивая друг друга, они делились своими наблюдениями.

Первой заговорила Маша. Но ее рассказ не утешил нас.

Немцы с трех сторон подтягивали танки, минометы. Большое скопление танков и пехоты было отмечено на севере и востоке.

С юга нас прикрывали озера, болота и леса. Теперь нетрудно было разгадать замысел врага. Нас хотели загнать туда, откуда мы не смогли бы выбраться.

Долго молчавшая Галочка сказала только одну фразу:

- Слыхала, что фашисты будут наступать только завтра утром. Они хотят бросить против вас очень много танков.

- Спасибо, девушки, за ваши труды. Мы здесь постараемся во всем разобраться.

- Неужели они уничтожат вас? - спросила Машенька.

Услышав этот вопрос, в разговор включился офицер политотдела С. П. Грушман:

- Мы не сдадимся. В этом, девушки, нет никаких сомнений... А если даже не разобьем врага, то перехитрим его обязательно. Так что бояться нечего. Все будет в порядке.

Дальнейшие события подтвердили, что девушки-партизанки сообщили достоверные сведения. Эти юные патриотки оказали нам неоценимую услугу.

У нас все еще теплилась надежда: Рыбалко о нас знает, не

забудет, придет на помощь. Теперь эта иллюзия рухнула. Мы убедились, что окончательно отрезаны от фронта, а значит, бороться с врагом придется, не имея горючего и боеприпасов.

Положение под Фастовом стабилизировалось. Пробить сильную немецкую танковую группировку генерала Манштейна было в те дни для наших войск трудным делом.

Нам надо было предпринять какой-то маневр, чтобы выстоять и причинить противнику как можно больший урон.

Усталые партизанки отправились отдыхать. Офицеры штаба бригады разошлись по своим местам. Мы с начальником штаба и заместителем начальника политотдела склонились над картой, этой безмолвной спутницей войны. На карте привыкли мы искать ответ на многие вопросы.

- Что будем делать дальше? - нарочито громко обратился я к присутствующим.

Вопрос повис в воздухе. Молчал молоденький начальник штаба капитан Эрзин. Не проронили слова и другие офицеры. Вопрос стоял конкретно: как действовать в такой обстановке? Ведь мы остались без горючего, без боеприпасов, без связи с корпусом и армией. Я попросил офицеров высказаться.

Напрашивались два решения: либо в ту же ночь уйти в леса, снять вооружение с танков, присоединиться к партизанам и вместе с ними дальше громить гитлеровцев, либо прорвать кольцо вражеского окружения, ударить по тылам и выйти к своим войскам.

Первым заговорил майор Калеников:

- Все равно нам не прорваться. Слишком мало сил и средств. Шестьдесят километров таранить врага - это немыслимо.

К нему присоединился и капитан Эрзин.

- Не вытянем, товарищ комбриг. Погубим людей. А у нас свыше тысячи человек... Но если действовать вместе с партизанами и парашютистами...

Из-под сросшихся черных бровей на меня внимательно смотрел офицер политотдела Грушман.

- Ну как? - обратился к нему я. - Что скажешь ты?

- Скажу одно, что туговато.

В душной, пропахшей дымом и гарью комнате воцарилась тишина. Люди ждали окончательного решения.

Мысль об уходе в партизанские отряды я решительно отметал. И не потому, что недооценивал партизанскую борьбу. Действуя десять дней бок о бок с партизанами Дороша и Бака, я проникся искренним уважением к этим мужественным, бесстрашным людям. Дело здесь заключалось в другом. Мне, кадровому офицеру, танкисту, за спиной у которого были десятки

танковых боев на Западном и Калининском фронтах, на Курской дуге, хотелось и на Днепре громить врага танками. В бригаде были сотни танкистов, которые могли вести машины в бой. Вот почему, взвешивая и оценивая оба предложения, я стоял решительно и бесповоротно на том, чтобы ни при каких условиях не оставаться в лесах. Идти только напролом. На риск. Кто из нас в те годы не рисковал? Каждый бой - это риск, борьба не на жизнь, а на смерть. А ради победы над фашизмом стоило не только рисковать, стоило, если потребуется, и умереть...

Сиплым, простуженным голосом начал говорить. Говорил медленно, как бы прислушиваясь к собственным словам:

- Мы можем и должны сделать многое для наших войск. Будем прорываться к своим. Будем громить фашистские тылы. Решение одно: не оставаться в лесах, не топить танки в болотах и озерах, а идти на соединение с войсками!

Первым вскочил со своего места Иван Емельянович Калеников.

- Дебаты окончены, приказ получен, готовиться к выступлению.

Сердцем я почувствовал, что присутствующие одобряют предложение, и это морально очень поддержало меня.

Офицеры покинули штаб бригады и отправились в свои подразделения. В воздухе опять появились "юнкерсы", сопровождаемые "мессершмиттами". Снова заработала неуклюжая "рама". Начался очередной налет. Прижимаясь к домам, люди беспомощно смотрели на воздушных разбойников. Наша зенитная батарея молчала: снаряды были на исходе. А вражеские самолеты опускались все ниже и ниже, сбавляя скорость, высматривали цели для бомбежки. Все на земле замолчало, притаилось и замерло. Потом развернулся первый самолет, за ним второй, третий, и, образуя круг в воздухе, они начали бомбежку. Во все стороны полетели комья земли с раскаленными осколками бомб. Загорелись постройки, зазвенели стекла в окнах домов. Жалобно заплакали дети, страшно заревели испуганные животные.

Наконец бомбежка прекратилась. "Юнкерсы" улетели. Над нами продолжали бесноваться только "мессершмитты". В это время над самыми крышами домов затарахтел знакомый нам "король воздуха" У-2. Над ним сразу повисли два вражеских истребителя. Но У-2 спустился еще ниже, скрылся за домами и сел на ближайшем огороде. "Мессершмитты" в бессильной ярости покружили над ним, потом свечой взмыли вверх и пустились догонять своих подшефных бомбардировщиков.

В сторону огорода ринулась толпа людей. Все ждали вестей от этого крылатого посланца. И предчувствие нас не обмануло.

Два молодых летчика передали мне приказ командарма. Он был, как всегда, краток:

"Сегодня ночью ударом в северном направлении сломить оборону. Разведать части противника, выйти в лес севернее Ставища. Вас встретят. Артиллерия обеспечит выход. Сигналы прохода через наши войска устно передадут летчики. Громов". (Громов - это был псевдоним Рыбалко.)

Значит, мы были правы, приняв сегодня утром такое же решение! А главное - командарм помнит о нас. Помнит и позаботился, чтобы бригада благополучно пробилась из окружения. Думая об этом, я еще больше гордился своим командармом.

Стайка ребят провожала наших летчиков в путь. Детишки облепили самолет, кое-кто уже влез в кабину.

- Ишь, пострелы, диковинку увидели! Марш отсюда! - прикрикнул на них дед, хозяин огорода, на котором приземлился самолет.

Молодая женщина принесла летчикам молока. Летчики охотно подкрепились, потом натянули шлемы, поднялись в кабину. У-2 заковылял по грядкам и бороздам, с трудом подпрыгнул и взял курс на Фастов. Мы видели, как самолет, поднявшись в воздух, превратился в маленький комочек, который вскоре потерялся среди плывших ему навстречу рваных облаков...

Короткий ноябрьский день был на исходе. С трудом улеглись волнения. Черная ночь надвигалась на Паволочь. Школа, где размещался штаб бригады, напоминала муравейник: люди сновали непрерывно, получая приказания на предстоящие ночные действия.

Село забурлило, пришло в движение. Бойцы вытаскивали из окопов орудия и пулеметы, перегоняли на северную сторону танки и машины. Здесь же строились колонны, формировались разведывательные отряды.

Тревожно притаились жители Паволочи, предчувствуя разлуку. Мы понимали их состояние. Но что мы могли сделать? Боевые действия на фронте развертывались не так, как хотелось. И мы чувствовали, какие горькие испытания ждут мирных жителей сразу после нашего ухода.

Просторная комната оказалась тесной: в ней собрались командиры подразделений, офицеры штаба бригады, командиры партизанских отрядов.

Отданный здесь же боевой приказ был краток. Он сводился главным образом к тому, чтобы в течение ночи совершить из Паволочи 60-километровый марш, прорвать вражеский фронт на реке Каменка и к утру соединиться с армией Рыбалко. Для

обмана врага было решено совершать прорыв не на восток и не на север, а на запад - там, где гитлеровцы не ожидали нас. Противник был убежден, что мы будем пробиваться по кратчайшему пути - на восток. А потому обложил нас с севера и востока, стянул сюда танки и пехоту. Приготовления немцев не прошли незамеченными: в те дни на нас работали десятки партизанских разведчиков.

Смысл нашего маневра заключался в том, чтобы выйти на 10-15 километров западнее Паволочи, дальше прорваться в тыл врага, а затем внезапно повернуть на север и на восток.

Дорош и Бак вызвались своими активными действиями отвлечь немцев на себя. А к утру партизаны рассчитывали уйти на юг, в леса, вывести туда молодежь и всех, кто в состоянии сражаться с врагом до момента окончательного прихода советских войск.

Трогательным было прощание с нашими друзьями партизанами. Мы хорошо понимали, что им без нас будет нелегко, но были уверены, что они любой ценой выполнят свой долг перед Родиной.

Крепкое рукопожатие, молчаливое мужское объятие... И мы расстались с друзьями. Партизаны ушли выполнять боевой приказ.

* * *

Разведывательная группа на десяти трофейных бронетранспортерах, возглавляемая капитаном Шумиловым, добралась до северной окраины Паволочи и замерла в ожидании приказа и сигнала к выступлению. Сегодня на группу возлагалась необычная задача: ей предстояло на немецких машинах проникнуть в боевые порядки врага, открыть там стрельбу, вызвать панику среди гитлеровцев, отвлечь на себя их главные силы и обеспечить тем самым выход бригады на запад.

Приподнятое настроение разведчиков обрадовало меня. Я попросил их только стараться не говорить по-русски.

- Все будет в порядке, товарищ комбриг, - улыбаясь, откликнулся лейтенант Андрей Серажимов. - Ни одного русского слова не проронim. Будем объясняться только по-немецки, но бить врага только по-русски.

Мы знали этих ребят и верили Андрею Серажимову, Николаю Новикову, Александру Тынде, Завалько, братьям Рябовым и многим-многим другим, стоявшим в ту темную ночь около нас в ожидании сигнала. Этот сигнал был дан ровно в 24.00.

Разведчики ушли на север, а через некоторое время на восточной окраине заговорили скороговоркой пулеметы, застрочили автоматы, темное небо осветилось красными и

зелеными ракетами, где-то в стороне заухали две пушки, подал голос подбитый танк, пушка которого еще жила. Это начали демонстративные действия наши партизаны.

Немцы были ошеломлены. Но растерянность их длилась недолго. Темноту прочертили огненные трассы, направленные в сторону партизан, хрипло зачавкали минометы. Главные силы бригады, построенные в колонну, воспользовавшись ситуацией, незаметно для врага двинулись на запад.

Пробив слабое прикрытие гитлеровцев, мы через полчаса оказались у них в тылу. Кольцо окружения было прорвано. Неистово ревели моторы танков, завывали автомашины. Уцепившись за кольца башни, за ствол пушки, просто друг за друга, мы стояли на танке, всматриваясь в непроглядную тьму. Издали слышалась стрельба. Горели бронетранспортеры наших разведчиков, и красные языки пламени лизали низкое, осеннее небо.

В такую темную ночь не просто пользоваться компасом. Нашими проводниками были, к счастью, девушки-партизанки Маша Сотник и Галя Чернуха, пристроившиеся на танке рядом с нами. Над ухом у меня, заглушая, шум моторов, звенел голос Машеньки:

- Подходим к Андрушкам. Пора повернуть на север!

Колонна повернула и, пройдя несколько километров, взяла курс на восток. Теперь мы шли параллельно обороне противника. И все-таки немцы разгадали наш маневр. Они поняли, что их обманули, обошли с запада. Выстрелы правее нас прекратились. Зато огонь минометов и беспорядочная пулеметная стрельба были направлены в нашу сторону.

Колонна бригады, растянувшаяся на пять километров, напоминала огнедышащий поезд. Танки и машины мчались на восток. И надо же было произойти такому: совершенно случайно мы попали прямо на артиллерийские позиции. Фашистские орудия оказались раздавленными. По врагу был открыт огонь из танков. Стреляли из автоматов, карабинов, бросали гранаты. Кто-то пустил в дело даже ракетницу. Огонь мы вели неприцельный, но он был полезен, потому что вызывал переполох в стане неприятеля.

Огненная колонна уверенно шла к цели.

Используя успех главных сил, разведчики бригады, оторвались от врага, потеряв при этом несколько бронетранспортеров. Затем они спокойно пристроились в хвосте нашей колонны.

Партизаны Дороша и Бака, выполнив боевую задачу, спешно уходили в леса. За ними потянулись новички: ребята-подростки,

девушки, женщины, старики все те, кто не мог больше оставаться в стороне от активной борьбы.

Бригада на больших скоростях мчалась вперед. Первая заминка произошла у железнодорожной ветки Попельня - Сквира: на переезде заглохла двигавшаяся впереди автомашина. Все остановилось. Пытаясь обогнать застрявшую машину, перевернулся бронетранспортер. Образовалась пробка.

Автоматчики и офицеры штаба на руках оттащили машину в сторону. Путь был расчищен, и все снова устремились вперед.

- Не туда едем: надо взять влево, только влево, - стали убеждать меня девушки-партизанки.

Послушав их, мы взяли влево. Едва успели развернуться, как позади колонны раздалась усиленная стрельба. Это открыли огонь по хвосту колонны пришедшие в себя гитлеровцы. Несколько наших машин загорелось, но Паволочь осталась далеко позади. Десятки километров были пройдены почти без сопротивления противника. С выключенными фарами мы мчались вперед, к линии фронта.

Миновали крупное село Парисы.

Пять километров осталось до Почуйков. Мы проскочили это расстояние буквально за несколько минут. Перед деревней сделали небольшое перестроение. В голову колонны для создания ударного кулака поставили последние девять танков, включая и танк командира бригады, который следовал непосредственно за разведкой.

Беззаботно вели себя гитлеровцы в прифронтовой деревне Почуйки. Немецкие солдаты и офицеры аккуратно построили свою колонну, насчитывавшую свыше полусотни машин, подготовили к минированию мост через реку, а сами разбрелись по хатам на отдых.

Ворвавшись в село, бригада наткнулась на большое скопление машин. Самостоятельно, без команд, десантники, артиллеристы, мотострелки открыли огонь по моторам и колесам. Начали рваться бензобаки. По всей колонне появились очаги пожаров. Огонь перекинулся и на дома, откуда стали выскакивать полураздетые гитлеровцы. Ведя на ходу огонь, мы торопились к мосту. Казалось, вот-вот и он будет в наших руках и победа уже близка. Но немецкие минеры и стрелки, оборонявшие мост, опомнились вовремя. Раздался страшной силы взрыв. Первый танк, выскочивший на мост, рухнул в реку. Путь через Каменку был для нас окончательно отрезан.

Теперь, не теряя времени, надо было выскочить из горящего пекла деревни Почуйки и искать проходы через реку где-то на востоке.

Среди обломков взорванного моста мы нашли смертельно раненного подполковника Москальчука и успели попрощаться с ним. Затем я подал команду всем выходить из деревни и следовать за мной. Я стоял на крыло танка, одной рукой уцепившись за танковую пушку. Рядом со мной находились бригадный инженер Писаренко, разведчик Савельев, офицеры штаба. Танкисты начали разворачиваться по узким улочкам, охваченным пожаром. Увидев, что мы шарахаемся из стороны в сторону, гитлеровцы стали действовать более решительно. С огородов и из сараев застрочили автоматы.

Командирский танк чуть задержался на повороте. В тот же миг будто из-под земли вынырнули два немецких солдата и дали в упор очередь из автоматов. Перед глазами у меня поплыли сверкающие пятна. Словно каленым железом, обожгло шею...

Очнулся через несколько минут. Рядом со мной лежал убитый бригадный инженер Писаренко. А вокруг раздавались голоса:

- Спасайте комбрига...

Каким-то чудом я остался жив. Вражеская пуля слегка задела шею, обожгла кожу, но ранение оказалось легким.

Бригадный врач насильно влил мне в рот ампулу спирта. Охвативший меня испуг сразу прошел. Я снова стоял на танке, держась за кольца башни.

Колонна направлялась в Ставище, где, по нашим соображениям, тоже должен был находиться мост.

Приближалось утро. До полного рассвета нам было необходимо во что бы то ни стало прорваться к своим. Днем на открытом месте для нас создалась бы тяжелая обстановка. Силы были слишком не равны.

Разведывательный танк на бешеной скорости ворвался в Ставище, но и здесь нам тоже не повезло: на наших глазах горбатый мост взлетел в воздух.

Противник всполошился по всему участку фронта. Элемент внезапности был нами потерян.

А между тем неумолимо надвигался рассвет.

Замолкли моторы, погасли фары, машины прижались одна к другой. К моему танку, стоявшему у обочины дороги, подходили командиры танковых подразделений, в батальонах которых осталось по два-три танка с пустыми баками, артиллеристы, зенитчики, минометчики, в батареях которых насчитывалось по одному орудию с пятью-шестью снарядами. Молча стояли у танка офицеры штаба бригады. Здесь же оказались наши партизанки-проводники, медики и все те, кто входил в состав 55-й бригады или примкнул к ней за последние десять дней.

Я ошибся, думая, что сейчас посыплются вопросы: "Что делать дальше?", или прозвучит высокий голос комбата капитана П. Е. Федорова: "Я жду приказа", или разорвет тишину медвежий бас Андрея Серажимова: "Куда идти в разведку?"

Теперь, когда мосты были взорваны, когда у нас почти не осталось снарядов, а бензиновые баки оказались пустыми, имевшаяся в бригаде техника уже не могла повлиять на исход боя. Более того, она стала обузой. Напрашивалось одно-единственное решение - вывести из строя материальную часть, к утру выйти топкими болотами на северный берег реки и соединиться со своими войсками.

А что скажет Рыбалко, узнав, что техника бригады погибла? Не подумает ли он, что командир бригады оказался трусом или, в лучшем случае, нераспорядительным офицером? Что ж, будь что будет. Совесть моя была чиста. Оглядев еще раз подчиненных, я приказал в первую очередь немедленно похоронить погибших.

Выполнив этот печальный долг, мы сняли с танков все пулеметы, диски, ракетницы, забрали с собой затворы танковых пушек, засыпали землей моторы, в баки забросали песок, порезали всю резину, а через 30 минут построились в колонны и приготовились к следующему броску...

Через полчаса приказ был выполнен. Обойдя Ставище, танковая бригада двинулась в пешем строю по топким болотам к реке Каменка. Бойцы несли на себе раненых, уцелевшие пулеметы, радиостанции. А над ухом у меня по-прежнему раздавался теперь уже охрипший голос нашего проводника, партизанки Машеньки Сотник:

- Влево, влево, еще взять влево, там должен быть мост.

Девушка не ошиблась. Прямо из-за поворота показался изрядно искореженный пешеходный деревянный мост...

За рекой виднелись темные точки блиндажей и окопов. Высланных вперед разведчиков обстреляли со стороны рощи. А когда в предутреннее серое небо взвились зеленые опознавательные ракеты, выяснилось, что впереди наша оборона.

Рейд по вражеским тылам был завершен. Мы вышли в фастовские леса и соединились с танкистами 3-й гвардейской танковой армии П. С. Рыбалко.

Командарм принял меня в небольшом домике на окраине Фастова. Выслушав доклад о боевых действиях бригады за последние десять дней, он спросил, что делается в тылу противника.

Я стал подробно отвечать на этот вопрос. Пока говорил, командарм испытующе смотрел на меня. Потом он не спеша взял телефонную трубку и доложил:

- Товарищ командующий фронтом, пятьдесят пятая бригада сегодня ночью прорвала кольцо окружения, прошла с боями по тылам врага и соединилась с нами. Передо мной сидит командир бригады. Подробные данные о положении в тылу доложу позднее.

Разговор длился несколько минут. Затем Рыбалко так ке не торопясь положил трубку на телефонный аппарат, "осмотрел на меня добрыми выразительными глазами.

- Командующий фронтом просил передать вашей бригаде благодарность. Действиями бригады он остался доволен и приказал немедленно представить к наградам отличившихся. Кстати, кто был у вас проводником? Удивительно, как вы смогли выйти точно в намеченный район, да еще ночью.

Пришлось рассказать генералу о партизанках Маше Сотник и Гале Чернухе.

- Поблагодарите девушек от моего имени и наградите орденами.

- Будет исполнено, товарищ командующий. В конце беседы командарм осторожно спросил:

- Сколько потребуется времени, чтобы привести бригаду в порядок, дать людям отдохнуть, получить материальную часть и пополнение?

- Хорошо бы деньков пять-шесть, - ответил я, а сам додумал, что этого времени будет крайне мало.

Павел Семенович немного помолчал и твердым голосом произнес:

- Нет, это слишком много. Обстановка на фронте осложнилась. Вы ее знаете лучше нас. Надо ожидать больших танковых атак группы Манштейна... Предоставляю вам двое суток. Завтра к ночи поступит боевая техника, я распорядился выделить вам два эшелона танков. Боевую задачу поставит командир корпуса... Боюсь, вам снова придется встретиться с главными силами 25-й танковой дивизии.

Генерал встал. Это означало, что мне пора идти.

- И не переживайте, пожалуйста. Командующий фронтом считает ваше решение на вывод из строя техники и выход к нам разумным и правильным. Я целиком и полностью разделяю это мнение. Знайте, мой друг, не скоро враг сложит оружие. Потребуются долгие месяцы, чтобы сломить его. Полную победу принесут люди. Их надо беречь особо. А танки, машины, минометы - дело наживное.

Окрыленный, возвращался я в родную часть. А через два дня в составе войск 3-й танковой армии 55-я гвардейская танковая бригада вела успешные оборонительные бои в районе Фастова против старых своих "знакомых" - 25-й и 1-й танковых дивизий

врага.

* * *

В течение всей войны меня терзала мысль о судьбах людей из Паволочи. Что сделали с ними фашистские изверги после ухода из села 55-й танковой бригады? Не сетуют ли местные жители на танкистов за то, что те были вынуждены покинуть Паволочь в ноябрьские дни 1943 года?

Получилось так, что сразу после войны я не смог попасть в те края. Сделал это только спустя 20 лет. Газик лихо промчал меня по дорогам войны. Вот уже позади остались Васильков, Фастов. С волнением подъезжали мы к Малому Половецкому.

С наступлением темноты сразу дала о себе знать осенняя прохлада. Ночь окончательно повисла над нами, когда из-за поворота появились огоньки. Сначала они казались маленькими точками, но с каждой минутой становились все больше и ярче.

Тревожно и учащенно забилось сердце, когда по старой знакомой дороге мы въезжали в Паволочь. Вот и школа, где когда-то располагался штаб бригады. Увидев школу, я решил заночевать в селе. Впереди был воскресный день, и времени хватит, чтобы обойти все уголки, знакомые по войне.

В Паволочи было очень оживленно. Вовсю разрывались баяны. Голосисто пели парни и девчата. Многие спешили в Дом культуры.

- Куда податься на ночь? - спросил один из спутников. - Удобно ли в такое время тревожить людей?

И сразу мелькнула мысль: прежде всего надо разыскать дом Маши Сотник и заехать к ней.

После боев за Паволочь эта девушка-патриотка, благодаря которой мы вышли за линию фронта, осталась в 55-й бригаде и до конца войны делила с нами радости и печали.

Как сложилась ее жизнь? Не затерялась ли Машенька Сотник в огромном человеческом водовороте? Нашла ли после войны свое место в жизни?

Нас встретила мать Маши - небольшого роста, уже немолодая женщина. Любезно поздоровавшись, она пригласила нежданных гостей в дом и вежливо спросила, что привело нас к ней в такое позднее время.

Я назвал себя.

- Прасковья Михайловна Сотник, - представилась хозяйка дома. - Моя дочь часто рассказывала о вас. Да и в селе многие партизаны помнят вас по сорок третьему году.

На стене в комнате Машеньки под большим стеклом в раме было выставлено много фотокарточек. Среди них я нашел и свою в группе солдат и офицеров. Мы сфотографировались 3 мая на

фоне поверженного рейхстага.

Хозяйка дома с гордостью сообщила, что ее Машенька окончила Киевский университет, вышла замуж, имеет хорошего сына, счастливо живет и работает в Шепетовке. Я рад был услышать это. Маша Сотник заслужила большое человеческое счастье.

Ночь была на исходе. Мои спутники крепко спали в соседней комнате, не сомкнули глаз только я и Прасковья Михайловна.

Она поведала мне о том, что произошло в их селе после нашего ухода. Страшная картина встала перед моими глазами, когда услышал рассказ матери Маши Сотник, а затем побеседовал с участниками партизанского движения и боев в Паволоче.

После нашего прорыва партизаны еще несколько часов держали фронт. Прикрываясь огнем, они ночью оставили Паволочь и ушли в леса. Фашисты по каким-то причинам не торопились войти в село. В Паволочи и в ближайших населенных пунктах они появились лишь в конце ноября.

Первым делом у населения потребовали выдачи партизан и раненых танкистов.

Днем и ночью рыскали оккупанты по селам, вылавливая тех, кто помогал бригаде бить гитлеровцев. Но местное население держалось стойко, предателей не нашлось.. Тогда начались массовые расстрелы.

Первыми поплатились жители Малого Половецкого - там было расстреляно около двухсот человек. В деревне Соколянка, в помещении школы, фашистские изверги сожгли 160 человек. Не одну сотню мужчин и женщин уничтожили они и в Паволоче.

В ответ на расправы с мирными жителями усилили свои удары по гитлеровцам партизаны. Немцы подтянули войска к лесу. Стали бомбить его с воздуха. Начались лесные пожары. Но и в этих условиях партизаны продолжали истреблять оккупантов.

Трудно сказать, сколько бы еще продолжались кровавые расправы фашистов над беззащитными детьми, женщинами, стариками. Но к счастью, в конце декабря 1943 года войска 1-го Украинского фронта разгромили 4-ю и 1-ю танковые армии противника и окончательно освободили Попельню, Паволочь, Бердичев...

С самого утра к дому Прасковьи Михайловны Сотник потянулись бывшие партизаны (вездесущие ребятишки уже растрезвонили по селу весть о приезде гостей). Первыми пришли колхозный бригадир Иван Кириллович Иванкевич и председатель сельсовета Василина Михайловна Ищук.

Долгой была задушевная беседа. Я рассказал о боевом пути 55-й гвардейской танковой бригады до Берлина и Праги. А мне с

гордостью сообщили, как восстанавливали село Паволочь, разрушенное и сожженное фашистами, как строили новую школу-десятилетку, мост, пищевой комбинат.

С большим удовольствием я и мои спутники осмотрели похорошевшую Паволочь. Я признался, что очень хочу побывать в гостях у Фомы Ивановича Чернухи, того самого Чернухи, на чьем огороде в памятные мне дни 1943 года приземлился наш У-2. Встретила нас внучка Чернухи - Нина. Она и вызвалась проводить нас на пастбище к дедушке. В те дни Фоме Ивановичу было свыше восьмидесяти, но он продолжал работать. Голова у старика оставалась на редкость ясной, он отлично помнил события двадцатилетней давности...

В центре села, напротив двухэтажной школы, недалеко один от другого, поднялись два памятника: один - воинам-танкистам 55-й бригады, погибшим в последнюю ночь при прорыве из окружения, другой - погибшим партизанам и жителям села.

Здесь свято чтут память погибших героев. Об этом свидетельствуют и монументы в их честь, и свежевыкрашенные ограды могил, и множество цветов, буйно распустившихся на тех местах, где в годы войны проливали кровь советские люди.

Жители Паволочи стали мне еще родней после этой встречи, и было грустно расставаться с ними. Однако дела звали меня в Киев.

Машина тронулась в путь, но долго еще глядел я в ту сторону, где в лучах заходящего солнца раскинулось дорогое моему сердцу мирное, счастливое село Паволочь.

СМЕРТЬ - НЕ СМЕТЬ!

На реке Тетерев

В первых числах декабря 1943 года наша танковая бригада находилась на отдыхе и пополнении в селе Плесецком под Киевом. В те дни к нам заехал генерал Рыбалко, направлявшийся куда-то на север. Выглядел он на сей раз крайне уставшим: тяжело опирался на палку, под глазами резко обозначились синие мешки, выдававшие старую болезнь почек. Беспрерывные двухмесячные бои на днепровском плацдарме и на Киевщине, видимо, сказались на состоянии его здоровья. Большие умные глаза командарма, в которых всегда искрились огоньки, потускнели.

Склонившись над картой, генерал молча анализировал положение воюющих сторон. Потом стал интересоваться состоянием бригады.

- Чем занимались эти дни?

- Пристрелкой, вождением танков, обкаткой автоматчиков.

- Каковы новые экипажи?

- Не обстреляны, товарищ генерал.

- Что думаете делать?

- Решил в новые экипажи влить старичков.

- Это о ком идет речь?

- О тех, кто уже неоднократно бывал в боях.

- Ну а каково настроение у вновь прибывших?

- Неважное. Не хотят расставаться со своими танками.

Командарм задумался.

- Да, положение щепетильное. Тут нужно по-умному поступить, нельзя рубить сплеча. Соберите-ка бригаду. Я хочу побеседовать с бойцами.

Не прошло и получаса, как в строю замерла танкисты, автоматчики и артиллеристы. Рыбалко говорил недолго. Он поздравил ветеранов бригады с освобождением Киева и успешными оборонительными боями под Фастовом. Потом подошел к танкистам, прибывшим с Урала: их легко было узнать по новому обмундированию и отличной экипировке.

- А вас, товарищи, поздравляю с прибытием на фронт, в нашу боевую семью, - сказал новичкам командарм. - Живем мы, как видите, неплохо, но и достается нам тоже основательно. Недавно за Днепром мы потеряли командира корпуса генерала Зеньковича, начальника инженерных войск армии, двух командиров бригад... А войне пока не видно конца. И немало еще потребуется сил, чтобы окончательно разбить врага.

Командарм замолк, ближе подошел к строю. В первом ряду стояли ветераны бригады: начальник политотдела Александр Павлович Дмитриев, комбат Петр Еремеевич Федоров, разведчик Борис Савельев. Все они вместе с генералом Рыбалко воевали под Орлом, на Днепре, у Киева.

- Не обижайтесь, уральцы, на вашего комбрига, - низким, простуженным голосом продолжал генерал. - Мне кажется, он поступил правильно. Пусть старички подучат молодежь. Впереди Украина, Польша, Германия. Всем хватит работы... Только теперь, с этого года, началось настоящее освобождение нашей Родины, а мы с вами должны и Европе помочь. Без нас ей не одолеть фашистскую нечисть.

В безмолвии стояли и слушали солдаты своего командарма. Рыбалко прошелся вдоль всего строя, увидел бойкого разведчика лейтенанта Андрея Серажимова, остановился:

- Ну а вы что скажете, лейтенант? Приземистый черноглазый Серажимов хитро улыбнулся:

- Товарищ генерал, а долго мы еще будем месить грязь и загорать на холоде?

Рыбалко поглядел на лейтенанта, силясь что-то припомнить.

И вдруг улыбка озарила его лицо.

- Да вы, никак, мой старый приятель? Ведь это вы притащили пленного из 25-й танковой дивизии?

- Я! - браво отчеканил разведчик. Потом, словно опомнившись, неуверенно произнес: - Поймали его, собственно говоря, Тында и Новиков, а мне было приказано сопровождать пленного офицера в штаб армии.

- Могу вас обрадовать, лейтенант. Через несколько дней вы опять встретитесь со своими старыми знакомыми - с частями 1-й и 25-й танковых дивизий. Под Паволочью вы их недобили, придется сейчас повозиться с ними.

- Что ж, теперь мы их определенно прикончим, - не растерялся Серажимов.

Беседа приняла задушевный характер.

Танкисты поротно расходились в свои районы.

По селу разнеслись знакомые мелодии известных песен: "По долинам и по взгорьям", "Дан приказ ему на запад".

Молодая хозяйка дома, где мы остановились, была сегодня особенно приветлива и гостеприимна: впервые за свою жизнь она увидела советского генерала. Пытливым взглядом женщина окинула командарма. Удивленное лицо ее как будто говорило: "Росточком вроде бы невелик и держится по-простому, не по-генеральски".

Павел Семенович Рыбалко, словно прочитав ее мысли, весело улыбнулся.

В приподнятом настроении был и начальник тыла бригады Иван Михайлович Леонов. Он организовал настоящий диетический обед: достал молоко, творог, яйца, сметану. Где-то раздобыл пару кур. Заместители командира бригады, не решаясь сесть первыми за стол, жались в уголке.

- Вы что, как красные девицы, стоите у печки? Прошу к столу. И вас тоже, - обратился Павел Семенович к старику и краснощекой молодухе. Генерал был в приподнятом настроении. - Давненько не сидел за домашним столом в семейном доме. Приятное дело...

- Товарищ командующий, к этой диете да рюмку водочки! - выразительно произнес Леонов.

- Вы же знаете, я не пью. И рад бы рюмочку пропустить, да проклятые почки не позволяют. А вас прошу не стесняться.

Из-за стола быстро поднялся старик и неслышно шмыгнул в коридор. А еще через минуту скрипнула дверь, и мы увидели, что дед тащит огромную бутыль голубоватой жидкости. С шутками и прибаутками он налил всем по стаканчику, а командарму наполнил большую чашку.

- Пейте, товарищ генерал. Водки вам нельзя, так я хочу попотчевать вас собственным зельем. Это средство от всех хвороб помогает. Прямо-таки сжигает всех микробов.

Сидевшие за столом засмеялись.

- Ну что ж, давайте, отец, выпьем за Советскую Украину.

Рыбалко сделал два глотка и отставил чашку. Все, кто сидели за столом, с удовольствием отведали "лекарства" деда. Оно действительно оказалось чудесным.

Когда стало смеркаться, командарм покинул Плесецкое.

А через несколько дней генерал П. С. Рыбалко позвонил мне и сообщил:

- Ваша бригада переподчиняется генералу Ивану Даниловичу Черняховскому. Под Житомиром обстановка накалилась. Прошу вас, товарищ Драгунский, не подкачайте. Пусть мой друг Черняховский оценит силу удара нашей танковой армии. По действиям вашей бригады будут судить обо всех танкистах. - Голос в трубке затих.

- Я вас понял, товарищ командующий, все сделаю, чтобы оправдать ваше доверие.

К утру бригада, вытянувшаяся в длинную шестикилометровую колонну, на высоких скоростях мчалась на северо-запад в район Устиновки. В тот же день мы были в назначенном месте.

На краю села я встретил командира кавалерийской дивизии генерала Хаджи Мамсурова, моего старого знакомого по академии и по боям на Кавказе в 1942 году.

Хаджи Мамсуров был по-прежнему жизнерадостен, и, как всегда, его лицо озаряла застенчивая улыбка.

Я спросил друга:

- Ты здесь один?

- Нет, в этом районе расположился штаб 18-го стрелкового корпуса.

- Против кого обороняется корпус? Мамсуров промолчал.

Мне показалось странным поведение противника. На этом участке фронта вражеские самолеты не летали, артиллерия молчала - словом, царило спокойствие.

- Слушай, Хаджи, неужели немцев привлекают эти болота и леса? Не кажется тебе, что они пойдут восточнее и попрут на север к реке Тетерев?

- Я тоже такого мнения. Но зачем же сюда пригнали столько танков?

Обстановка была для нас действительно загадочной. Но разговор остался неоконченным: меня разыскивал адъютант командира корпуса генерала И. М. Афонина.

- Вы что здесь делаете? - сурово спросил меня командир корпуса, когда я предстал перед ним. - Почему танки стоят в колоннах?

- Жду приказа командующего армией генерала Черняховского.

- Прошу помнить, что вы находитесь в полосе действий стрелкового корпуса, которым командую я. Немедленно займите оборону по южной опушке этого леса. - Генерал ткнул пальцем в зеленый квадрат, обозначающий большой лесной массив.

Не привыкший к такому тону, я не выдержал:

- Товарищ генерал, обстановка мне непонятна. Сомневаюсь, чтобы противник наступал по этим болотам. До получения личных указаний генерала Черняховского я никуда не поведу бригаду.

Атмосфера в комнате накалилась.

- Ну что ж! - с трудом сдерживая себя, сквозь зубы процедил комкор. Сейчас мой приказ подтвердит вам генерал Черняховский.

После этих слов генерал Афонин попросил связать его с командармом и через несколько минут притихшим голосом докладывал:

- Товарищ командующий, в селе болтается какая-то танковая бригада. Комбригу мною поставлена задача на оборону, но он категорически отказывается выполнять приказ без вашего подтверждения. К тому же подполковник ведет себя, на мой взгляд, некорректно.

- Неужели это так? - громко зазвучал в трубке голос Черняховского. Мне только что звонил Рыбалко и передал, что бригаду он послал полностью укомплектованную, хорошую, и о комбриге отзывался недурно. Где, кстати, командир бригады?

- Рядом со мной.

- Передайте ему трубку.

Взволнованный и оскорбленный, стоял я у телефонного столика. Трубка подпрыгивала у меня в руке.

- Вы слышали наш разговор?

- Так точно, товарищ командарм!

- Что можете сказать в свое оправдание?

- Ничего.

- Это как понимать? Обида?

- Товарищ командарм, я готов понести любое наказание, но остаюсь при своем мнении. Немцы не пошлют сюда свои танки. Наоборот, им выгодно заманить побольше наших машин в леса и болота. А сами они могут двинуться на Малин и Радомышль.

- Что вы предлагаете?

Взяв карту из рук начальника штаба бригады, я уже более твердым голосом закончил доклад:

- Предлагаю в течение ночи перебросить бригаду на северный берег реки Тетерев, оседлать дороги, идущие на Малин, и в качестве вашего резерва быть готовым нанести удары по основным танковым силам врага.

Командарм молчал. Притихнув, стоял рядом со мной и комкор. Я сам был ни жив ни мертв. Наконец снова ожил телефон.

- Ваше предложение заслуживает внимания и изучения, - сказал Черняховский. - Мы здесь разберемся и через полчаса дадим ответ. Прошу не отходить далеко от телефона.

Вскоре адъютант комкора позвал меня к телефону. Начальник штаба армии генерал Тер-Гаспарян сообщил:

- Командарм приказал передислоцировать бригаду в район Малина и переправиться через реку. Вам лично явиться на командный пункт Пинизевичи.

Я попросил у генерала Афонина разрешения уйти.

- Больше я вас не задерживаю, - довольно мягко сказал комкор. Возможно, ваши доводы обоснованы.

От командира корпуса я вышел в смятении. Поостынув, понял, что не вправе осуждать комкора за яростное желание оставить у себя полнокровную танковую бригаду. И еще тревожила мысль: не допустил ли какой бестактности по отношению к заслуженному боевому генералу? Сколько раз я ругал себя за несдержанность. Да видно, мало ругал...

Лес стонал от рева заведенных моторов и лязга гусениц. Я в полудреме покачивался в штабном автобусе. Раскаленная докрасна печка излучала приятное тепло.

Бригада двигалась на север, к реке Тетерев, к малинской переправе. А в это же время буквально в двух километрах восточнее крупная танковая колонна немцев тоже ползла на север и к той же малинской переправе. Мы шли параллельным курсом к одной цели.

Шум и лязг собственных машин заглушал звук работающих моторов и грохот немецких танков. Такое же положение было и у немцев. Высланная нами разведка долго плутала в лесу. Вражеская разведка действовала не лучше.

Не зная друг о друге, мы и гитлеровцы спокойно пробирались на север.

Первым выскочил со своими танками к пойме реки комбат Петр Еремеевич Федоров, о котором у нас шутливо говорили, что, кто его обманет, тот и дня не проживет. Его танкисты елозили по берегу в поисках брода и проходов, когда кто-то из них заметил,

что с юго-востока на эту же переправу ползет еще какая-то колонна с включенными фарами. "Странно, у нас в бригаде за это голову сняли бы", - подумал комбат и насторожился.

Выставив засаду, Федоров подпустил поближе двигавшуюся на него колонну и, убедившись, что перед ним немецкие машины, открыл огонь. Три горящих фашистских танка остались на берегу, остальные повернули на 180° и, уже с выключенным светом, на полном ходу, скрылись в ночных лесах.

К утру бригада сосредоточилась в новом районе, и я явился к командарму И. Д. Черняховскому.

Молодой, статный, красивый, с черными выразительными глазами генерал с большим вниманием выслушал мой доклад. Он был рад своевременному выходу 55-й бригады на северный берег реки и остался доволен ночным боем, подтвердившим группировку противника и правильность принятого решения о выводе бригады из лесов и болот.

Много хорошего слышал я на фронте об Иване Даниловиче Черняховском. Это был танкист до мозга костей, блестяще знавший теорию и практику боевого применения танков: он не только окончил бронетанковую академию, но еще до войны командовал танковой дивизией.

Взяв мою карту, командарм красным карандашом обвел населенные пункты Малин, Пинизевичи, Ялцовку, Зарудню.

- В каждом из этих пунктов разместите по танковой роте. Фронт вам даю двенадцать километров. Имейте в виду: ни один вражеский танк не должен прорваться на северный берег реки. В Ялцовке оставьте в своих руках сильный резерв, туда же прибудет в ваше распоряжение артиллерийский истребительный полк. Хочу напомнить одно важное обстоятельство: мы располагаем достоверными данными, что противник сегодня попытается прорваться по всему вашему участку. Полагаю, ночью вы сами в этом убедились.

Генерал Черняховский протянул мне сильную руку и вышел из комнаты. Я остался с генералом Тер-Гаспаряном, чтобы договориться по ряду вопросов управления и организации связи...

В тот же день я возвратился в бригаду. А через несколько часов танковые батальоны и роты уже заняли свои места. Штаб бригады разместился в Ялцовке, в центре боевых порядков.

С утра все было спокойно, противник себя не обнаруживал. Но прошел еще час, и вдалеке стали раздаваться глухие артиллерийские выстрелы, однако это было где-то слева. Постепенно стрельба приближалась. Вскоре в бинокль можно было уже рассмотреть голубые дымки разрывов. В Ялцовке с каждой минутой становился все слышней гул танковых моторов...

Запрашиваю Федорова. Его рация не отвечает. К счастью, обстановка прояснилась довольно быстро. В Ялцовке неожиданно появились две самоходки. Остановив их, И. Е. Калеников подозвал старшего. Из разговора с лейтенантом-самоходчиком мы узнали, что немцы переправились через реку и вошли в Зарудню.

Я не мог этому поверить.

- Не ошибаетесь, лейтенант? В Зарудне у нас целый батальон...

- Ваш батальон отошел тоже...

Не успел я закончить разговор с самоходчиком, как возле нас остановился танк начальника штаба первого батальона капитана И. И. Роя. Выскочив из танка, он протянул мне карту:

- Меня послал за помощью Федоров.

Посмотрев на карту и оценив обстановку, я перевел взгляд на Ивана Емельяновича Каленикова. Своего заместителя я знал с 1935 года: вместе учились еще в Саратовском бронетанковом училище. Неудивительно, что оба понимали друг друга с полуслова.

- Бери, Иван, резервную роту и жми на помощь Федорову. Зарудню надо вернуть во что бы то ни стало.

Горячая пора началась и на правом фланге. Комбат 2-го батальона прислал тревожную радиограмму: "Веду огневой бой. Против моего батальона развернулось 50 танков в направлении Пинизевичи".

Как кстати под руками у меня оказался приданный артиллерийский полк. Через десять минут он уже кромсал своими снарядами переправу. 20 наших танков и 24 орудия приданного артполка открыли сильный огонь. Загорелись три фашистских танка, и этого оказалось достаточно, чтобы заставить противника отскочить.

Потерпев неудачу на правом фланге, гитлеровцы сосредоточили главные усилия против центра обороны.

Первым заметил скопление вражеских танков на нашем участке разведчик Серажимов. Его тревожная радиограмма гласила:

"Около 70 танков противника в лесах против Ялцовки. Ведется разведка бродов. На берег выкатываются шестиствольные минометы".

Через час появился заместитель командира бригады И. Е. Калеников, которого я посылал в Зарудню на помощь Федорову.

- У Федорова полный порядок, - бодро доложил Иван Емельянович. Подбито три вражеских танка, немцы отскочили через реку на юг, резервную роту я подтянул ближе к вам.

Положение на всем нашем участке фронта складывалось как нельзя лучше. Ни один вражеский танк не прорвался через Тетерев на север.

Принимая эти данные по телефону, командарм то и дело подбадривал:

- Хорошо, хорошо, танкисты. Держитесь до темноты, враг еще попытается не раз потревожить вас на другом участке.

Так оно и случилось. Над нами закружилась "рама". Сколько ни били по ней, она оставалась невредимой и продолжала плыть над берегом, вдоль дороги и над Ялцовкой. Вслед за ней показались "юнкерсы". Бомбовые удары чередовались с пулеметными обстрелами "мессершмиттов". Но наиболее чувствительным оказался десятиминутный огневой налет. Стреляла артиллерия, противно визжали немецкие шестиствольные реактивные минометы.

Артиллерийский налет пришелся по узлу связи и вывел его из строя. Досталось и медсанвзводу, который расположился невдалеке от нас.

Своевременным оказалось выдвижение 2-го батальона на берег реки. Расставленные в одну линию танки притаились в ожидании врага.

Туман, поднявшийся над не скованной льдом рекой, скрывал наше расположение. Фашисты после артиллерийского налета пошли в атаку. Лавина немецких танков отделилась от леса, подошла к берегу, спустилась к реке и поползла по воде.

Казалось, не остановить эту стальную бронированную волну. Завязалась танковая дуэль. Скорострельные танковые пушки выпускали сотни бронебойных и трассирующих снарядов. Появились очаги пожаров. Бригада также понесла ощутимые потери.

Мы с Дмитриевым и Калениковым помчались на берег, туда же подтянули резервную роту. Расторопный командир артполка, не дожидаясь особых указаний, выкатил орудия на высоты и прямой наводкой открыл огонь по развернувшимся вражеским танкам. В разгар боя откуда-то появился дивизион "катюш". Прошло несколько минут, и через наши головы в сторону противника с шумом понеслись реактивные снаряды. Немцы ответили залпами из шестиствольных минометов.

В тот самый момент, когда бои на нашем участке приняли самый кризисный характер, комбат П. Е. Федоров доложил об отходе противника в полосе действий его батальона...

Мы облегченно вздохнули. С правого фланга тоже донесли о спаде боевого накала в районе Пинизевичи. Теперь мы обрушили весь огонь на центральную группировку врага, против которой

сосредоточили огонь танков, артиллерии, гвардейских минометов - "катюш". Оставив на обоих берегах десять подбитых и сожженных танков, противник как будто отказался от дальнейшего наступления. Савельев прислал донесение: "Немцы колоннами уходят на юг".

Я, Дмитриев и Калеников бросились обнимать друг друга. Радостью светились лица моих боевых друзей. В разгар ликования к нам подбежал начальник связи бригады Засименко.

- Товарищ подполковник, телефонная связь налажена, вас вызывает к аппарату генерал Черняховский.

С группой офицеров я направился в крайнюю хату, где был установлен телефонный аппарат.

- Мае остается, товарищ командир бригады, сказать всем вашим танкистам одно слово - спасибо! - раздалось в трубке.

- Наступила пауза. Воспользовавшись этим, я спросил:

- Что прикажете делать дальше, товарищ командарм? Черняховский с минуту помолчал и отрывисто ответил:

- С утра начнем наступать. Сегодня от Рыбалко подходит пятьдесят четвертая танковая бригада генерала Лебедева, она будет действовать рядом с вами. В 20.00 я жду вас у себя на КП...

* * *

Я не прибыл к генералу Черняховскому в назначенное время.

Радостный, взволнованный вышел я из домика и торопливо зашагал к своему танку. Меня окружили офицеры штаба бригады, им хотелось знать мнение командарма о наших действиях. Развернув помятую карту, я стал здесь же, на крыльях танка, наносить маршруты возможных действий. Где-то заиграли шестиствольные немецкие минометы, и вдруг протяжно заскрипело в воздухе. Над ухом кто-то крикнул "Ложись!", но... было поздно. Я не успел упасть на землю. Со страшной силой резануло грудь. Перед глазами завертелась земля, закружилось предвечернее небо, запрыгали танки, люди, дома. Я упал.

Как сквозь сон услышал шум, какие-то звуки, слова: "В машину его, он жив, жив..."

Надо мной склонились Дмитриев и Калеников. Доктор Людмила Федорова оказала первую помощь.

Очнулся через сутки в половом госпитале. Здесь узнал, что семнадцатисантиметровый осколок прорвал плотную шерсть дубленого полушубка, пробил орден Красной Звезды и впился своим щербатым концом в печень.

Спасибо, товарищи медики!

Госпиталь, в который меня привезли, был расположен в школе на одном из полустанков, недалеко от Радомышля.

Ко мне постепенно возвратилось сознание. Стал припоминать

события последних дней. Не мог только вспомнить, как очутился в этих стенах. Впрочем, Людмила Николаевна Федорова уже рассказывала мне, с каким большим трудом меня везли. Накануне грянули морозы, сковавшие грязь. Машину подбрасывало. Толчки терзали раненую печень. Полуживого, в бессознательном состоянии положили меня на операционный стол. И здесь со мной стряслось новое несчастье.

Молодой военврач увидела торчащий в груди осколок и решила сама справиться с ним, не дожидаясь прихода хирурга. Девушка извлекла осколок. Она не догадывалась, что щербатый конец его проник глубоко в печень.

Меня положили в палату тяжелораненых. Стало вроде бы легче. Но это было лишь кажущееся облегчение. Опрометчивые действия молодого госпитального врача дали вскоре знать о себе. Началось сильное кровотечение.

В палате появились врачи и медицинские сестры. Ни на шаг не отходили от меня доктор Федорова, адъютант Кожемяков, шофер Рыков.

Алая кровь била фонтанчиком. До меня с трудом доходил смысл разговора окружающих.

Меня снова уложили на тот же операционный стол, на котором я уже лежал несколько часов назад. Хирургическое отделение находилось в большом классе. Окна были забиты кусками фанеры. Декабрьский ветер задувал в щели. Было очень холодно. Мне срочно сделали переливание крови. Большая игла вонзилась в позвоночник: это сделали блокаду, чтобы обезболить дальнейшие процедуры. Потом связали руки и ноги, над головой замаячил металлический обруч. Закрыли марлей лицо. Остро запахло эфиром.

Скрипучий голос несколько раз повторил над ухом:

- Считайте, считайте...

Очнулся под утро. Перед глазами мигали язычки керосиновых ламп. У койки стояли и сидели люди в белых халатах. В упор на меня смотрели чьи-то знакомые глаза.

- Я жив?

- Конечно, жив, - ответил мужской голос.

- Разве я не умирал?

- Ненадолго, - ответил тот же голос. Врач взял мою левую руку, нащупал пульс и громко сказал: - Шприц, камфору.

Я тут же погрузился в блаженный сон...

Проснулся оттого, что кто-то легко тормошил меня и приговаривал: "Довольно спать! Проснись".

С большим трудом приподнял свинцовые веки. Передо иной опять были люди в белых халатах.

- Почему вокруг разведчики в маскировочных халатах?

Надо мной склонилась Людмила Федорова. Я киваю головой, улыбаюсь ей. На меня смотрят Петр Кожемяков, Федор Романенко и Петр Рыков. Их я узнаю тоже.

Три дня и три ночи - 72 часа подряд - дежурили они у постели. Все эти бессонные дни и ночи они ждали и надеялись.

Через неделю, когда жизнь стала возвращаться ко мне и смерть медленными шажками начала отступать, хирург, он же начмед госпиталя П. К. Ковальский, сказал:

- Вы одержали большую победу. Жизнь победила там, где, казалось, неминуемо восторжествует смерть. Знаете, что у вас было?

Я отрицательно покачал головой и посмотрел в сильное, волевое, с черными глазами, лицо хирурга.

- Теперь, когда смерть отступила, я буду с вами откровенен. За один день вам сделали две операции: первая была неудачной, вторая, полагаю, прошла благополучно... Вы знаете, что такое печень? Грубо говоря, она похожа по структуре на пшенную кашу. А мы ее зашили четырьмя узловыми швами. Я, друг мой, впервые провел такую операцию в полевых условиях.

- Спасибо, доктор...

Ковальский сильной рукой слегка похлопал меня по плечу и энергичной походкой вышел из палаты...

В последние дни меня мучили невыносимые боли в области печени. Очень беспокоила и огромная ранд на груди, в которую свободно входила рука хирурга. Мучительно тянулись длинные зимние ночи. К вечеру температура поднималась до сорока. В минуты лихорадки меня привязывали к железной койке. Уставший от боли и ночных кошмаров, я, обессиленный, засыпал к утру непробудным сном.

Трудной была наша палата. В ней находились только тяжелораненые. Редко кто из них выживал.

В те декабрьские дни шла очередная битва за жизнь летчика, который лежал напротив меня, у окна.

Василию должны были ампутировать ногу, а он умолял врачей не делать этого, так как не мыслил свою жизнь без авиации.

Операция все же состоялась, но было уже поздно. На другой день летчик скончался, не приходя в сознание. А через два дня умер мой сосед по койке, командир минометной батареи старший лейтенант Архипов, которого привезли к нам с простреленной грудью.

В палате остались двое: я и замполит полка. Он был без ноги и ожидал отправки в глубокий тыл.

Медленно ползли дни и ночи.

Приближался конец декабря. Уходили последние дни 1943 года.

* * *

Далеко позади остались бои за Сталинград и Волгу, Кавказ и Кубань, Брянск и Смоленск, Донбасс и Ростов. Уже освобождена была Левобережная Украина, началась операция по освобождению Правобережной Украины и Крыма...

Много думал я, лежа в госпитале, о прошедших боях, о городах и селах, в освобождении которых мне посчастливилось участвовать, о друзьях, которые были убиты и ранены в период этих боев. Думал и о себе, не скрою этого. С тревогой гадал, выживу ли после этого тяжелого ранения, третьего за последние полгода. Смогу ли опять попасть в родную бригаду?..

Сегодня в нашем госпитале переполох. Причину его я понял около полудня: распахнулись скрипучие двери, и несколько человек в белоснежных халатах переступили порог палаты.

У моей кровати остановился широкоплечий, приземистый, с седыми отвисшими усами и густыми черными бровями, могучий мужчина лет шестидесяти.

- Этот самый? - спросил он.

- Так точно! - торопливо выпалил хирург.

- Плевра цела?

- Повреждена. Ранение проникающее.

- Как глубоко проник осколок в печень?

- На девять сантиметров.

Ковальский еле успевал отвечать на вопросы, которые градом сыпались на его голову.

- Сделал резекцию седьмого, восьмого и девятого ребер, наложил сальниковую тампонаду.

- Почему гноится рана?

- Обнаружен остеомиелит и перихондрит.

- Ну а как сердце? - Произнеся эти слова, незнакомый доктор пощупал мой пульс, послушал сердце. - Мне говорили, что вы три раза были ранены за полгода.

Я кивнул.

- Хороший у вас мотор. Как у тяжелого танка. Ковальский улыбнулся:

- Товарищ генерал-лейтенант, он и есть танкист. Командир танковой бригады.

- Тогда все ясно.

Воспользовавшись паузой, я тихо спросил:

- А вы кто будете?

- Я заместитель главного хирурга Красной Армии Гирголав.

Слыхали про такого зверя?

- Тогда разрешите задать вопрос. Можно ли жить с заплатами на печени?

Академик С. С. Гирголав придвинул стул к кровати, погладил меня по голове и сказал, мягко улыбаясь:

- Дорогой мой человек, вы обязательно будете жить. Такие оптимисты не умирают. Но придется еще немало повозиться с вами. Мы отправим вас в глубокий тыл. Сделаем пластическую операцию, закроем образовавшуюся дыру. Но теперь берегитесь танков, держитесь от них подальше. Кстати, - обратился академик к доктору Ковальскому, - почему раненый до сих пор здесь?

- Две недели он был нетранспортабельным, но на днях обязательно отправим.

- Вот и хорошо, - резюмировал Гирголав. - А вас, коллеги, - обратился он к стоявшим в палате врачам, - сердечно благодарю за классически проведенную операцию. Такому мастерству может позавидовать любой хирург.

* * *

30 декабря, забинтованный и укутанный, как младенец, я лежал в купе санитарного поезда. Меня провожали близкие друзья: доктор Людмила Федорова, адъютант Петр Кожемяков, шофер Петр Рыков и рядовой Федор Романенко. Поезд уходил на восток.

Санитарный эшелон начал отсчитывать километры по Левобережной Украине. Всего несколько месяцев назад разъезды, станции, города, села, которые мелькали в окнах вагона, были полями сражений. Всюду виднелись остовы разрушенных домов, сгоревшие дотла деревни с торчавшими кое-где закопченными кирпичными трубами. На железнодорожных станциях восстанавливались мосты, шла укладка железнодорожных путей, ремонтировались водонапорные башни. На каждом шагу были видны зияющие раны войны. Этот когда-то цветущий край был разрушен и опустошен...

Сколько же потребуется сил и средств, чтобы на этой измученной, поруганной земле заколосились поля, расцвела жизнь!

Второй день мы в пути. Каждая станция держит нас по нескольку часов. Безостановочно пропускаются идущие на фронт эшелоны с танками, боеприпасами, продовольствием. Идут маршевые роты. Молодые солдаты и подтянутые офицеры спешат на Правобережную Украину, идут на смену тем, кто, как мы, вышел из строя.

Наш вагон особый, в нем лежат тяжелобольные. Здесь нередко стонут, кричат, взывают о помощи.

Наивная, милая сестричка пытается своими разговорами отвлечь нас от тягостных дум, от непрекращающихся болей.

Температура у меня скачет и скачет. К ночи она достигает 40,2 градуса, утром и днем - не снижается. В купе собрались врачи. Читают историю болезни, многозначительно качают головой. Высокий, очкастый и усатый, похожий на моржа врач грозно произносит, ни к кому не обращаясь:

- Зачем его взяли в поезд?

Он слушает сердце, щупает пульс, трогает вздутый живот.

А я мало что соображаю, вижу только людей в белом. Приоткрыв глаза, ищу среди них Федорову, Ковальского, Рыкова, Кожемякова, но их здесь нет.

- Его и до Саратова не довезешь, не говоря уже о Челябинске, доносятся до меня обрывки разговора.

- Как жаль, что проехали Полтаву...

- Будем надеяться на Харьков, - говорит тот же очкастый и усатый.

Ни запах нашатырного спирта, ни беспрерывные уколы уже не раздражают меня. Ко всему - полное безразличие.

Второго больного уносят из купе, меня оставляют одного. Веселая сестричка загрустила, притихла. Тревожные и пугливые глазенки устремлены на меня. Рука се все чаще прикасается к моей голове. Близится страшная, изнурительная ночь. В куне снова несколько человек в белых халатах.

- Мерефу проехали, обещают эшелон до Харькова нигде не останавливать, докладывает один из врачей усачу - он у них, видимо, главный.

Меня укутывают в одеяло. Голову обвязывают полотенцем. Чем-то мягким и теплым накрывают ноги. Веселая сестричка оказалась в центре внимания: люди подходят к ней, инструктируют, суют в карманы порошки, склянки. Появляются двое пожилых мужчин, кладут меня на носилки. Поезд замедляет движение.

Вагон наш дернуло, колеса заскрипели и остановились. Ко мне подошел все тот же очкастый мужчина, поднес к носу бутылку с противным запахом, наклонился ко мне, и я четко услышал его слова:

- Сестричка отвезет вас в харьковский госпиталь. Там вам будет лучше. Выздоравливайте, дорогой. Девушка сама харьковчанка. Она вас не оставит. Заодно поздравляю с Новым, 1944 годом. Он уже наступил...

Санитарная машина с затемненными фарами мчала нас в новогоднюю ночь по пустынным разрушенным улицам Харькова.

Сонный и растрепанный дежурный врач растерянно замахал

длинными руками:

- Откуда вы взялись? Мы ожидаем санлетучку пятого января. Не знаю, что и делать с вами?! Нет ни одного свободного места. Пока положите его на пол, а завтра разберемся.

И тут вдруг заговорила девчушка-медсестра. Да как заговорила!

Не теряя времени, дежурный врач, оказавшийся окулистом, вместе с моей спасительницей отнесла меня в операционную. Здесь девушка разбинтовала меня, осторожно обтерла рану ватой, смоченной спиртом, обмыла мне лицо, дала попить.

Бледные лучи январского солнца проникли в операционную, и стало совсем светло. Очнувшись от сна, я увидел снова вокруг себя врачей и сестер, а среди них мою курносую харьковчанку с улыбающимися черными глазенками.

Поймав ее взгляд, я приветливо кивнул и спросил: что случилось? где нахожусь?

В тот же миг до меня донесся зычный голос, а вслед за тем к столу пробрался среднего роста человек в белом халате с карими глазами и седой головой.

Я с радостью узнал в нем чудесного хирурга, начмеда госпиталя Исаака Яковлевича Кугеля, который лечил меня несколько месяцев назад, когда осколок угодил в брюшину. Недолечившись, я в октябре сбежал из-под опеки доктора Кугеля на фронт. К счастью, я оказался не одинок. Среди выздоравливающих нашлось около двадцати таких же умников. Мы и махнули тогда в свои части.

Мгновенно вспомнив все это, я тут же сообразил, что снова попал в харьковский госпиталь. От одной этой мысли настроение сразу улучшилось: здесь меня спасли однажды, значит, спасут и теперь.

* * *

В апреле мне разрешили сидеть. Этому радовался не только я. В палате нас двое. Недавно поселили новичка, Василия Дубкова, молодого майора, командира стрелкового батальона. Осколком у него сильно изуродована ключица. В первые дни он стонал и метался. После того как его заковали в гипс, мой сосед притих, успокоился. Я тоже в последнее время стал чувствовать себя значительно лучше, только ночи по-прежнему казались длинными и изнурительными. За три с половиной месяца, что я находился в этой длинной, узкой, с высоким потолком комнате, я успел проводить на фронт не одно пополнение из бывших раненых.

В январе в этой палате лечился командир танковой бригады - маленький светловолосый, с серыми глазами, полковник

Колесников. Его сменил командир артиллерийского полка - стройный голубоглазый белорус Забелло, который находился со мной в этой комнате до конца марта и тоже уехал на фронт.

- А я?.. Мне оставалось только по-хорошему завидовать товарищам.

Наш терапевт Нина Ивановна Барабаш и строгий невропатолог доктор Кудь обещали в мае разрешить мне прогулки по саду.

Из писем друзей я знал, что армия П. С. Рыбалко действует под Тернополем. Наша бригада из боя не вышла. Ею командует теперь полковник Бородин, но танкисты вроде бы с большой теплотой еще вспоминают меня.

Недавно бригаду посетил наш командарм, расспрашивал, где я нахожусь, интересовался состоянием моего здоровья. А дела у меня, надо сказать, неважные. В последние дни медики обнаружили искривление позвоночника. К тому же все больше прогрессирует остеомиелит ребер.

Три известных профессора - Филатов, Минкин и Коган-Ясный - целых два часа внимательнейшим образом занимались моей скромной персоной. Вертели, выслушивали, ощупывали. И вывод сделали весьма неутешительный: подлежит лечению в железноводском санатории "Дом инвалидов Великой Отечественной войны" и увольнению из армии.

Узнав об этом, я впервые за все время впал в глубокое отчаяние.

Много передумал я о своей судьбе в ту бессонную ночь, что наступила после консилиума. Твердо решил тогда же: на фронт попаду чего бы это ни стоило. Роль инвалида, которую уготовили мне врачи, никак меня не устраивала. Да, я перенес очень тяжелое ранение. И может быть, одно то, что выжил, - уже само по себе чудо. Но зачем тогда свершилось чудо, если впереди такой печальный финал? Я выжил и буду драться за то, чтобы стать полноценным человеком вопреки всем предсказаниям медиков... И мы еще посмотрим, кто окажется прав...

Утром впервые за пять месяцев после ранения я сполз с кровати, сунул ноги в огромные суконные шлепанцы и попытался передвигаться по комнате.

Не буду рассказывать, чего это стоило, но я три раза подряд обошел палату.

Как ни странно, мои попытки бороться с собственной беспомощностью горячо поддержал доктор Кугель.

- С сегодняшнего дня разрешаю тебе ходить и даже выполнять легкие физические работы. Завтра сделаем приспособление для выравнивания позвоночника. Но делаю это с условием, что ты

все-таки обязательно поедешь в Железноводск.

Судорожно вцепился я в халат Кугеля. Я не ошибся в старом, добром хирурге: он понимает меня и делает все, чтобы помочь. Начмед сдержал слово. Над дверьми палаты оборудовали "собачий намордник", и каждый день по десять раз меня подтягивали к потолку, выправляя позвоночник. И он постепенно поддался, стал выравниваться. Это была моя первая крупная победа в борьбе за жизнь. С печенью тоже стало заметно лучше, желтуха исчезла, я постепенно приобретал человеческий вид.

В один из дней в конце апреля в палате появились представители штаба Харьковского военного округа. Мне вручили ордена Красного Знамени и Красной Звезды, а также полковничьи погоны.

Обо всем этом позаботился наш умный и проницательный командарм Павел Семенович Рыбалко.

* * *

Утро 30 апреля не отличалось от предыдущих дней. Оно было теплым и солнечным. Цвела акация, зеленым ковром покрывала землю трава. Необычным было лишь раннее появление в нашей палате начмеда доктора Кугеля. Справившись о самочувствии, Исаак Яковлевич спросил, хочу ли я увидеть фронтовых друзей. В ту же минуту открылись двери - и в комнату вошли Петр Кожемяков, Петр Рыков и Федор Романенко.

Расцеловавшись с друзьями, я первым делом, конечно, спросил, где доктор Федорова. Шофер и адъютант растерянно потупились. Молчал и Романенко.

- Где же Людмила Николаевна? - громко повторил я. - Почему она не с вами? Она жива?

Адъютант, осторожно ступая, вплотную подошел к кровати, пристально поглядел на меня и тихо сказал:

- Доктора Федоровой больше нет с нами, товарищ полковник... Это случилось 23 апреля. Прямо из боя бригада направлялась в новый район для переформирования. Нас сильно бомбили. Во время бомбежки и была тяжело ранена Людмила Николаевна... После ранения она прожила всего несколько часов. Я сам отвозил ее в госпиталь. Оперировал ее известный вам доктор Ковальский, но спасти Людмилу Николаевну не смогли...

У меня перехватило дыхание. С трудом взял себя в руки:

- Мне она ничего не передавала?

- Просила передать письмо, сахарный песок и глюкозу, чтобы лечили печень.

- А больше ничего?

- Еще Людмила Николаевна наказывала, чтобы вы выполнили данное ей обещание. Она сказала, что вы знаете, о чем речь.

- Да, Петр, знаю. Помню и никогда этого не забуду. Я дал ей обет вернуться на фронт и громить врага до полного его уничтожения...

В палате всю ночь горел свет.

Мой сосед крепко спал. Мы с Кожемяковым и Рыковым не сомкнули глаз. Перебивая друг друга, тезки до утра рассказывали о делах и людях бригады.

За форсирование Днепра и освобождение Киева бригада была награждена орденом Красного Знамени. Приезжал командарм Рыбалко. Собственноручно вручил танкистам гвардейское Знамя и орден.

- И знаете, что сказал тогда генерал? - торжественно спросил Рыков. Он сказал, что эти награды заслужили вместе с танкистами бывшие командиры бригады Чигин и Драгунский.

- Не забыли, значит, меня в бригаде?

- Что вы, товарищ полковник! Вас ждут...

Через несколько дней Кожемяков и Рыков выехали на фронт. А меня работники госпиталя отправили в Железноводск. Там, в санатории "Дом инвалидов Великой Отечественной войны", мне предстояло окончательно поправить свое здоровье.

...Живописно выглядит курортный городок Железноводск, а в те майские дни нам, раненым, он казался райским уголком. Затерянный в горах, окруженный зелеными лесами, залитый солнцем, он был настоящим чудом природы.

Санаторий разместился в старинном парке. Прямо к моему окну протянулись большие ветки душистой сирени.

В городке пробуждалась жизнь. А ведь совсем недавно здесь, как и в Кисловодске, Ессентуках и Пятигорске, разгуливали фашисты.

Захватив на несколько месяцев эти места, гитлеровцы посеяли в них смерть, голод, нищету, разорение. За дни оккупации они расстреляли десятки тысяч мирных жителей, взорвали многие здравницы. Следы фашистских злодеяний были видны повсюду.

Сразу после изгнания гитлеровцев началась большая восстановительная работа. В Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, Железноводске развернулись десятки госпиталей и лечебных учреждений. И результаты этой работы не заставили себя ждать: например, полуразрушенный Железноводск уже начал принимать раненых солдат и офицеров. Большинство из них стали инвалидами и нуждались в длительном лечении и восстановлении сил.

Больные и раненые надеялись на благодатное солнце, минеральные воды и целебные источники. Верил и я, что избавлюсь от тяжких недугов, появившихся вследствие тяжелого ранения.

Руководил санаторием опытный врач Мильчев. Болгарин по национальности, он волею судьбы оказался за пределами своей страны и обрел в Советском Союзе вторую родину, которой служил верно и благородно, твердо зная, что победа СССР в Великой Отечественной войне принесет спасение его многострадальной свободолюбивой Болгарии.

Доктор Мильчев лично занялся моим лечением. Осматривая меня, он многозначительно вздыхал и приговаривал:

- Хирург, который оперировал вас, очень смелый врач. За одну эту операцию ему следовало присвоить степень доктора медицинских наук. Я просто по-хорошему завидую ему... А вас, полковник, могу порадовать. Самое страшное осталось позади. Теперь будем вместе бороться за ваше возвращение в строй...

Южное кавказское солнце, целебные минеральные источники, заботливые руки доктора Мильчева, врачей и сестер, беспредельная вера в жизнь - все это, словно исцеляющее чудо, подействовало на меня.

Пробыв в санатории около месяца, я буквально ожил.

Раны больше не гноились, стал выравниваться позвоночник, боли в печени постепенно прекратились. Опираясь на палку, я уже добирался до горы Железной, а в один из последних майских дней смог даже подняться на ее вершину.

Немало способствовали окончательному выздоровлению и письма от фронтовых друзей, благодаря которым я знал все, что было связано с нашей гвардейской орденоносной бригадой. Знал, что она сейчас пополняется и приводит себя в порядок на Тернополыцине.

Записка от начальника отдела кадров армии полковника М. Г. Меркульева влила в меня новые силы и уверенность в полном выздоровлении. Меркульев писал:

"Рыбалко вызывал меня, интересовался вашим здоровьем, приказал отправить посылку с продуктами, а главное, передать следующее: "Милости прошу вместе кончать войну".

После этой короткой записки я только и мечтал, как бы скорее вырваться на фронт.

Весточка, которую я получил с фронта, переходила из рук в руки. Дошла она и до лечащих врачей.

Доктор Мильчев только и мог сказать:

- Ваш генерал Рыбалко - настоящий человек. Он, пожалуй, сделал для вас больше, чем любой из нас, врачей.

Выздоровление шло успешно, но неожиданно на меня навалилось большое личное горе.

В один из июньских вечеров меня посетил односельчанин и друг детства Петр Усов, который тоже был ранен и находился на излечении в Железноводске. Мы не виделись больше пяти лет. С детства я знал его очень веселым и разбитным пареньком. Но тогда, встретившись со мною, Петр был мрачен и неразговорчив. Я сразу почувствовал: мой друг что-то недоговаривает.

Мы вышли на балкон, уселись в плетеные кресла. Разговор шел о нашем селе Святске, где оба родились и выросли. Вспомнили годы счастливой юности, нашу комсомольскую ячейку и первые дни коллективизации.

Я спросил о моих родителях. Петр промолчал. Спросил снова - та же реакция. Поведение Петра насторожило меня. С первых дней войны и не получил ни одной весточки от своей семьи, хотя неоднократно пытался связаться с ней.

И вот передо мною сидел школьный товарищ, побывавший после освобождения в нашем селе. Неужели я и от него ничего не узнаю?

Петр Усов оказался настоящим другом, не утаил от меня страшной правды.

- Знаешь, Давид, не в силах я больше молчать, - сказал он в конце вечера, собираясь уже прощаться. - Хотел скрыть от тебя, да не могу. Крепись, дружище. Нет у тебя больше семьи. Фашисты расстреляли батьку твоего, мать и Соню с детьми, Аню, не пощадили дедушку и бабушку. Вместе с ними погибли мой брат Ваня и наш друг Гриша Сапожников...

О гибели родных и близких я догадывался уже давно. Но не хотел верить в это. Освобождая города и села Украины, мы много раз видели следы фашистских злодеяний. Был я и у Бабьего Яра в Киеве. Видел бесконечные виселицы, могилы, трупы и разрушения на пути, по которому отступали фашисты.

Рассказ друга навсегда похоронил мои надежды. Какое злодеяние! Найдутся ли у меня силы, чтобы перенести эту страшную трагедию?!

Через несколько дней, когда острая боль немного притупилась, я посетил моего земляка. Еще раз выслушал печальный рассказ о гибели родных и близких.

Всех моих родных и весь партийный актив Святска расстреляли 25 января 1942 года. Оккупанты уничтожили всех, кто поднял голос протеста против их звериных порядков. Они безжалостно истребляли стариков, женщин, детей. Среди погибших 74 человека носили фамилию Драгунских. Это были мои родители, сестры и братья, дяди, родные и близкие...

В последний раз я побывал в Святске незадолго до войны. По случайному совпадению под родительский кров съехались тогда четыре брата. Я - слушатель академии имени Фрунзе, младший брат Михаил - курсант танкового училища, мечтавший стать военным и всегда следовавший моему примеру, средний брат Зиновий - студент Московского института химического машиностроения, и старший брат, работавший в Москве.

Грянула война, и наша добрая, хрупкая мама проводила всех четырех сыновей на фронт... Значит, она так и не узнала, что под Сталинградом сложили головы два ее младших сына.

Я невольно думал об этом, слушая Петра Усова, от которого узнал страшную правду.

Мою мать долго прятали соседи-русские, рискуя своей жизнью. И все-таки фашисты ее нашли. На Брянщине тогда стоял лютый мороз. Мать вывели на сельскую площадь. Все население согнали к зданию сельсовета. Эсэсовец крикнул во весь голос:

- Сколько у тебя сыновей, иудейка?

Мать презрительно на него посмотрела:

- Миллионы. Дети всех матерей - мои дети.

- Где твои сыновья?

- Воюют против вас, фашистских гадов.

- Прокляни своих сыновей, иудейка, и мы дадим тебе свободу.

Люди замерли в ожидании ответа.

Маленькая, седая, совсем больная женщина встала, расправила плечи, набрала в остывшие легкие холодный воздух и крикнула:

- Я благословляю своих сыновей, благословляю сыновей России на борьбу с ненавистным врагом...

Автоматная очередь оборвала жизнь моей матери, советской женщины, душой понимавшей, что такое дружба народов и любовь к Родине, хотя она была малограмотной и еле-еле умела расписаться. Она была не только матерью, но и советской патриоткой...

После всего, что я услышал от Петра Усова, немыслимо было дальше оставаться в санатории. Я стал собираться в путь.

Опять в строю

В один из знойных июньских дней я втиснулся в душный вагон, чтобы через Ростов и Харьков добраться до Киева.

Стояло лето 1944 года. Станции и разъезды, мелькавшие за окном, носили на себе неизгладимые следы войны.

Армавир и Ростов лежали в руинах и были неузнаваемы. Но, несмотря на это, жизнь здесь била ключом. Восстанавливались заводы, через Дон уже был сооружен временный мост, по

которому двигались железнодорожные эшелоны.

Ожил Донбасс. Вовсю шли восстановительные работы на железнодорожных путях, в пристанционных постройках.

В Харькове сделал пересадку. Впервые за годы войны я ехал пассажирским поездом. Приближение к Киеву вызвало рой воспоминаний: о битве на Днепре, о букринском плацдарме, об освобождении столицы Украины.

С закинутым за спину солдатским вещевым мешком я, опираясь на палку, гордо зашагал по Крещатику.

Киевляне по кирпичику разбирали разрушенные дома, взрывали лестничные клетки, висевшие в воздухе, расчищали улицы и переулки.

Наконец добрался до окраины Киева - Святошино. В ноябре прошлого года в этих местах на лесных просеках, у Беличей и Пущи-Водицы шли ожесточенные бои. Теперь на опушке этого леса сидела большая группа солдат и офицеров: ждали случая, чтобы добраться до своих частей.

Лихо подкатил бензовоз. Из кабины выскочил чернявый шофер. Длинные тонкие усики, концы которых стрелками смотрели вверх, ничуть не старили молодого мальчишеского лица.

- Кому куда, пожалуйста, в кабину! - бойко выкрикивал он.

Из толпы доносились голоса:

- В Белую Церковь, в Житомир, в Казатин.

- В Тернополь. Может, по пути? - с надеждой спросил я.

Мне повезло. Шофер молча забрался в кабину, тряпкой протер сиденье, и мы покатили на запад по разбитой войной дороге.

Паренек оказался разговорчивым и расторопным. Успел рассказать о себе, о части, в которой служит второй год. К вечеру добрались до Бердичева.

- Мне сворачивать, товарищ полковник. Посидите минутку в кабине, здесь рядом дорожная комендатура. Я туда живо смотаюсь и приведу кого-нибудь. Не стоять же вам на шоссе в ожидании попутного транспорта.

Не прошло и нескольких минут, как из ближайшего переулка вынырнул мой новый знакомый. А вслед за этим к бензовозу подъехала автомашина, из кабины которой медленно выбрался неопрятно одетый угрюмый солдат.

- Солдат Мельников к вашим услугам. Пожалуйте в дорожную комендатуру. И зашагал широким шагом, не оглядываясь в мою сторону.

Я засеменил за солдатом. Мне вдруг захотелось растормошить этого мрачного человека.

- Чем недовольны, старина?

Мельников остановился, неопределенно посмотрел на меня:

- А что хорошего, товарищ полковник? Встречаешь, провожаешь, кормишь людей... Разве это война? Просил одного заезжего генерала захватить с собой на фронт, а он усмехнулся: "Фронт обойдется и без таких вояк".

- Да чем же вам здесь плохо?

- Хорошего маловато. Приеду на Урал, спросят: где воевал? на каком фронте? за что медали получал? А мне что сказать? С девчатами тыловые дороги обслуживал? Да моя старуха и та засмеет.

Теперь мы шли рядом. Я не перебивал своего мрачного спутника, а его вдруг словно прорвало:

- Навешали мне три медали... Намедни дали даже "За отвагу".

- За что же вас наградили боевой медалью - осторожно спросил я.

- Налетели "юнкерсы" и давай бомбить. Ну я со всей бабской командой склад тушил. Правда, толково получилось, спасли продовольствие.

- Оказывается, не даром хлеб едите.

Мельников неопределенно махнул рукой.

- Может, и не даром. А все-таки не война тут у нас.

- Сколько же вам годков, папаша?

- Пять десятков давно разменял. У меня уже сыновья в майорах ходят. Да вот, кстати, и пришли, - указал он на белый домик с узорчатыми окнами и уцелевшей изгородью.

В моем распоряжении оказались железная койка, ладный матрац, суконное шерстяное одеяло. Мельников позаботился обо мне: принес миску пшенной каши, котелок горячего чая. Теперь, когда я хорошо пригляделся, солдат уже не казался таким мрачным. Из-под густых бровей на меня глядели умные, добрые, отцовские глаза.

Мельников не торопился уходить из комнаты. Переминаясь с ноги на ногу, он стал упрашивать, чтобы я взял его с собой.

- Каяться не будешь, сынок. Руки у меня работящие. Я и плотничать могу, и сапоги тачал, и кузнечное дело знаю.

Разговаривая с ним, я невольно вспомнил своего отца. Он тоже был на все руки мастер. Вспомнил, подошел к Мельникову и утвердительно кивнул головой.

- По рукам, значит, сынок?

- Добро, батя! Собирайтесь в путь, завтра поутру махнем к фронту. Но прежде со своим начальством обо всем договоритесь.

- Это уж давно обговорено.

- Жалеть не будете. Поедете со мной в танковую армию, в

бригаду, понимаете? Это вам не девичий хоровод!

Мельников подошел ко мне, подтянулся, приосанился и браво выпалил:

- Товарищ полковник, я на третьей войне воюю, знаю, почем фунт лиха, и вас не подведу.

- Спокойно, товарищ солдат. Не будем повторяться. Вопрос окончательно решен в вашу пользу.

На рассвете мы с Мельниковым забрались в кузов попутной машины и двинулись на запад.

Выехав из Бердичева, мы сразу почувствовали, что находимся в прифронтовой полосе. Перекрестки дорог пестрели десятками разноцветных указок. Стрелы их были направлены к складам и базам, мастерским и госпиталям. По фронтовым дорогам, по многочисленным рокадным и магистральным путям неслись потоки машин с продовольствием, горючим, боеприпасами, медикаментами. Они держали курс на запад, к своим корпусам, дивизиям, полкам.

Надвигалась ночь, и мы с трудом нашли Романовну, где разместился штаб 3-й гвардейской танковой армии. Большое село, погруженное в ночную тьму, казалось совершенно безлюдным. Ночной патруль долго шарил лучом фонарика по нашим документам. Удостоверившись в их подлинности, нас доставили в домик, где находились кадровики. Выяснив все, что положено в таких случаях, начальник отдела кадров полковник Меркульев, тот самый, что написал мне записку в Железноводск, спохватился, начал звонить командарму. Потом вдруг опустил на рычаг телефонную трубку, бросил на меня удивленный взгляд:

- Слушайте, у вас имеется лучшее обмундирование?

- У меня нет не только обмундирования, но даже вещевого аттестата.

Меркульев безнадежно махнул рукой:

- Пошли к командарму, он ждет вас.

Глухими, притихшими улочками мы добрались до окраины села. Здесь, в домике, стоявшем в глубине сада, расположился генерал П. С. Рыбалко.

Волнуясь, переступил я порог ярко освещенной электрическим светом просторной комнаты.

Склонившись над картой, за столом сидели несколько генералов. Я растерянно искал глазами командарма, чтобы доложить о прибытии.

- Ладно, хватит, вижу, что в госпитале натренировался рапортовать, упредил меня Павел Семенович.

Командарм ничуть не изменился. Таким же проницательным, с хитринкой в умных серых глазах, я впервые увидел его на

Днепре в оврагах букринского плацдарма, а позднее много-много раз видел под Киевом, в Фастове и за несколько дней перед ранением в Плесецком.

Павел Семенович отечески обнял меня, несколько раз добродушно хлопнул по плечу, отступил на шаг, внимательным взглядом окинул меня сверху донизу и улыбнулся своей простой улыбкой, которая всегда покоряла людей.

- Ну, браток, будем воевать?

- Будем, товарищ командующий.

- Я тоже так думаю.

В тот день я впервые увидел начальника штаба армии генерала Дмитрия Дмитриевича Бахметьева. Огромную руку протянул мне член Военного совета армии Семен Иванович Мельников, которого я уже хорошо знал.

Генерал Мельников всегда поражал нас своим спокойствием, хладнокровием, личной отвагой, знанием солдатской жизни. Без громких напыщенных фраз, без шума и трескотни он умело руководил коммунистами танковой армии и пользовался у них безграничным уважением, непререкаемым авторитетом.

Рыбалко, судя по всему, тоже глубоко уважал Мельникова. Хотя командарм и член Военного совета были по характеру людьми совершенно разными, в работе они удачно дополняли друг друга.

Закончив дела, Павел Семенович Рыбалко пригласил всех к столу. Во время ужина он несколько раз пытливо поглядывал на меня, а когда поднялись из-за стола, спросил, как я смотрю на то, чтобы принять 91-ю армейскую танковую бригаду, командир которой, И. И. Якубовский, получил недавно повышение.

Предложение командарма застало меня врасплох. Все эти недели и месяцы я мечтал о возвращении в родную 55-ю бригаду, людей которой хорошо знал и горячо любил! Набравшись смелости, я честно сказал командарму, что обещал товарищам вернуться к ним, а главное - обещал сделать это человеку, которого уже нет в живых.

Я видел, как подошел к командарму генерал Мельников.

- А что, Павел Семенович? Может, и в самом деле пересмотрим свое решение и пошлем Драгунского в пятьдесят пятую? Его там наверняка ждут.

Рыбалко пристально посмотрел на члена Военного совета, молча взял телефонную трубку и попросил соединить его с командующим бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генералом Я. Н. Федоренко.

- Яков Николаевич, ко мне из госпиталя прибыл полковник Драгунский, бывший командир пятьдесят пятой бригады. Я

предложил ему армейскую бригаду наотрез отказывается.

Из аппарата донесся приглушенный расстоянием голос Федоренко:

- Передай ему, пусть хвостом не вертит. Бригада не невеста, и ее на выбирают.

Присутствующие улыбнулись. Все хорошо знали, что Федоренко любит крепкие и образные выражения.

- Яков Николаевич, а все же, мне кажется, он прав... Что я предлагаю? На армейскую бригаду поставить полковника Тутушкина, Бородина послать на учебу, а Драгунского назначить на прежнее место.

- Ну что ж, Павел Семенович, твои пожелания будут учтены. Посоветуюсь с кадровиками, ответ дам утром.

Выспавшийся, отдохнувший, шагал я утром к домику командарма. На лице Павла Семеновича Рыбалко светилась знакомая мне улыбка.

- А беспокоились вы напрасно. Москва утвердила вас командиром пятьдесят пятой танковой бригады.

- Спасибо, товарищ командующий!

- Ладно, ладно, после войны сочтемся. А пока давайте собираться в путь. Я распорядился построить бригаду, представлю вас танкистам, заодно поговорю с командиром этой бригады Бородиным. Предвижу его недовольство.

Два "виллиса" помчали нас на юг. По пути к нам присоединился командир корпуса генерал С. А. Иванов. Суровый на вид, малоразговорчивый, комкор исподволь изучающе смотрел на меня. Он пересел в машину командарма, и теперь мы оказались рядом на заднем сиденье. Разговор не клеился. За всю дорогу генерал только и спросил: "Как здоровье?"

Чувствовалось, что Иванов не верит в мои физические силы. Вид у меня действительно был далеко не боевой. Солдатская гимнастерка висела на мне, как на вешалке. Под глазами выдавались мешки, лицо еще было одутловато-желтым. Комкор наверняка думал, что человек, который имеет такой болезненный вид, много не навоюет...

И меня начали одолевать сомнения. Может быть, и в самом деле мне с моим здоровьем на фронте делать нечего. На какое-то мгновение я заколебался. Как бы ища поддержки, я посмотрел на сидящего впереди Павла Семеновича и подумал: "А как же он? Весь израненный, болезней не перечесть, а ведь армией командует". Как будто в ответ на мой вопрос Рыбалко обернулся и, видимо поняв мое настроение, ласково улыбаясь, сказал:

- Ничего, Драгунский, не падай духом. Нам еще до Берлина дойти надо. Слова командарма несколько ободрили меня. - До

войны я тоже в больных числился, - продолжал Павел Семенович, - а теперь, видишь, ничего, воюю, все болезни пришлось отложить до лучшего времени. Мне еще в гражданскую досталось, да и потом не легче было...

По изуродованным улицам Тернополя, подвергшегося накануне вражеской бомбардировке, проскочила колонна "виллисов". Город горел. Пламя пожаров обжигало лица, дым застил глаза.

Разговоры в машине умолкли...

Город остался позади. Впереди зеленел разбухший от весеннего половодья лес.

Лесная просека с наезженной тропой уводила нас все дальше и дальше.

Глядя на сидящего впереди командарма, я с благодарностью думал о том, как много значит генерал Рыбалко для каждого из нас, своих подчиненных. Но тогда, в сорок четвертом, естественно, я далеко не все мог объять до конца.

Лишь ныне, спустя несколько десятилетий после войны, когда стали известны из разных источников страницы его замечательной жизни, перед нами встал во всю ширь этот необыкновенный человек.

В чем его притягательная сила, почему к нему тянулись сотни и тысячи людей? Где истоки уважительного, я бы даже сказал, любовного отношения к командарму со стороны его начальников, коллег, подчиненных?

За эти годы я по крупицам собирал все, что знали о Павле Семеновиче друзья и боевые соратники, ознакомился с их перепиской, покопался в архивных документах, побывал на его родине в селе Малый Истороп, Лебединского района, Сумской области. Там видел бронзовый бюст - памятник, сооруженный в честь дважды Героя Советского Союза П. С. Рыбалко на фоне знаменитого Т-34. Видел домик, в котором родился будущий маршал бронетанковых войск (в домике ныне создан музей). Посетил сельскохозяйственный техникум имени Рыбалко в его родном селе. Знаю, что имя вашего командарма присвоено Ташкентскому высшему танковому командному училищу, что в его честь названы некоторые школы, а также улицы в Москве, Киеве и других городах.

И чем больше думаю обо всем этом, тем лучше понимаю, с каким большим, мудрым и светлым человеком посчастливилось мне воевать на фронте. Как он был прост, доступен, человечен! Как хорошо знал и любил танкистов! Как гармонично сочетались в нем строгая требовательность и душевность!..

Выходец из многодетной рабочей семьи, начавший в 13 лет

трудовую жизнь, Павел Семенович восемнадцатилетним пареньком попал в окопы первой мировой войны, участвовал в Брусиловском прорыве, был ранен и награжден за личную отвагу Георгиевским крестом. А с 1919 года навсегда связал свою жизнь с партией большевиков и Красной Армией.

В период гражданской войны он - командир кавалерийского полка в прославленной дивизии Пархоменко, затем - комиссар кавалерийской бригады. Дальнейший путь молодого краскома неразрывно связан с легендарной 1-й Конной армией.

В 1931 году Павел Семенович Рыбалко был принят в Военную академию имени Фрунзе. Неуемная жажда знаний, глубокая военная эрудиция, широта взглядов все это выдвинуло Рыбалко в число лучших слушателей.

После окончания академии Рыбалко более двух лет являлся помощником командира горнокавалерийской дивизии. А в 1937 г. его направили советником в Китай.

Обостренная обстановка создалась в конце тридцатых годов на Западе. И Рыбалко посылают в качестве военного атташе в Польшу. "Не знаю, когда было труднее: в степях Украины, где мы скрещивали клинки с польской шляхтой, или в бескровной войне с польскими дипломатами", - честно признался он однажды.

Знакомясь с документами Павла Семеновича, относящимися к предвоенным годам, невозможно не удивляться его уму, дару предвидения, умению дать серьезный анализ международной обстановки, сложившейся за несколько месяцев до нападения на Польшу фашистской Германии.

В дальнейшем он снова попадает в Китай, где до предела была накалена атмосфера - страну пытались оккупировать японские милитаристы.

Болезнь почек, отсутствие необходимых лекарств и диеты, тяжелое переутомление (4 года без отпуска!) - все это подточило здоровье Рыбалко. В Советский Союз он вернулся тяжелобольным. Было это незадолго до Великой Отечественной.

В годы войны Павел Семенович рвется на фронт, пишет в высокие военные инстанции, пишет И. В. Сталину.

В мае сорок второго желание П. С. Рыбалко удовлетворили: он был назначен заместителем командующего 5-й танковой армией...

* * *

На одной из широких просек южнее Тернополя выстроилась в пешем строю бригада.

Высокий, статный, внешне подтянутый полковник Бородин отделился от строя, зычным голосом подал команду "Смирно". Глухое эхо разнеслось по лесу.

Медленно, опираясь на свою крючковатую палку, Рыбалко прошел вдоль фронта бригады, сопровождаемый Бородиным. Сзади шагали мы с генералом Ивановым. Все замерло кругом. Все взгляды были устремлены в сторону командарма.

Останавливаясь у каждого батальона, Павел Семенович здоровался с танкистами и обменивался рукопожатием с комбатами.

Никогда в жизни не переживал я такой радости, как тогда: меня вернули в родную семью. Знакомые солдаты и офицеры узнали меня. Не нарушая команды "Смирно", они, казалось, следили за каждым моим движением.

Команда "Вольно" ослабила напряжение. Расплылось в улыбке лицо начальника политотдела бригады Александра Павловича Дмитриева. Маленький, юркий комбат Петр Еремеевич Федоров приветствовал меня поднятой вверх пилоткой. В строю стояли заместителя командира бригады Иван Сергеевич Лакунин, Иван Емельянович Калеников, Иван Михайлович Леонов, офицеры Осадчий, Рой, Засименко, Савельев и многие мои боевые друзья.

Здесь же находились родные и близкие мне адъютант Петр Кожемяков и шофер Петр Рыков. Вспомнились слова этих двух парней, сказанные мне в харьковском госпитале: "Приезжайте, вас ждут".

Что ж, с такими ребятами уверенно пойдем добивать фашистов. Счет у меня к гитлеровцам большой и еще полностью не оплаченный.

Бородин приказал перестроить бригаду, и образовался большой круг. В центре его оказались командарм, комкор, Бородин, Дмитриев и я.

- Я привез вам в бригаду вашего командира, - сказал командарм. - После семимесячного отсутствия он вступает сегодня в командование...

Долго длилась задушевная беседа Павла Семеновича с танкистами. А после того как роты разошлись по своим землянкам, Рыбалко направился к стоявшему в сторонке Бородину.

- Я вас хорошо понимаю, товарищ Бородин, но и вы тоже поймите меня правильно. Этот человек воевал с ~ бригадой на Днепре, участвовал с ней в числе других частей в освобождении Киева, Василькова. Вы, наверное, слышали о рейде бригады в тылу врага в Паволочи, о трудных боях под Фастовом... Там его и стукнуло так, что еле жив остался. А тут сам приехал и нажимает на нас: дайте только пятьдесят пятую бригаду, а не какую-нибудь другую. Что прикажете с ним делать?

Широкая, подкупающая всех улыбка осветила крупное лицо командарма. В тот же миг ожили глаза Бородина.

- Товарищ командующий, я рад, что вы удовлетворили просьбу Драгунского. Его действительно ждут танкисты бригады...

Во второй половине дня уехали Рыбалко и Иванов, ушел собираться в путь Бородин. Группами и в одиночку стали подходить ко мне солдаты и офицеры. Среди них я не увидел многих из тех, кого хорошо знал: кто погиб, кто находился в госпиталях. С болью услышал о гибели многих близких, дорогих моему сердцу людей и храбрых воинов. Я никак не мог смириться с мыслью, что нет в живых начальника штаба бригады, способного и обаятельного офицера Матвея Эрзина.

Вместе с Дмитриевым мы начали обход землянок. Радостно встречали нас танкисты. Старые мои знакомые по; боям комбаты Федоров, Савченков, Осадчий уверенно докладывали о своих подразделениях. Новые комбаты и командиры рот, прежде чем начинать доклад, с любопытством оглядывали меня, а я всматривался в их лица.

Отличное впечатление произвел на меня командир батальона автоматчиков бывший пограничник майор Старченко. Долго засиделись мы у разведчиков. А к ночи забрели на огонек в медсанвзвод, который расположился в деревушке, притаившейся у опушки леса. Всегда гостеприимные медики на сей раз также не подкачали.

Последние дни июня прошли в больших хлопотах, связанных с подготовкой к предстоящему наступлению.

Спешно подвозились боеприпасы и продовольствие, из мастерских приходили отремонтированные машины, с Урала поступил эшелон танков. Пополнялся офицерский состав, укомплектовывались роты, батареи, взводы. Не теряя ни часа, мы проводили рекогносцировку переднего края обороны противника. Артиллеристы тщательно определяли будущие огневые позиции.

Весь 1-й Украинский фронт готовился к большому летнему наступлению. В связи с этим и прибыл в 3-ю гвардейскую танковую армию командующий фронтом Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. В его присутствии под руководством П. С. Рыбалко детально отрабатывались вопросы организации и управления боем.

Однажды после очередной поездки к переднему краю нашей обороны в конце жаркого утомительного дня ко мне в землянку осторожно вошел всегда вежливый и предупредительный начсанбриг Леонид Константинович Богуславский. Его визит в такое позднее время был необычным - я привык видеть доктора

только по утрам, когда он делал мне ежедневные перевязки.

- Каким ветром занесло вас ко мне в такую пору? - шутливо спросил я.

Оказалось, что в нескольких километрах от бригады расположился полевой госпиталь 60-й армии.

- Тот самый госпиталь, в котором вас оперировали, - сообщил Богуславский.

Услышав это, я решил на следующий же день навестить врачей, которые спасли мне жизнь, и пригласил с собой начсанбрига.

Указки с красным крестом и буквами ППГ привели нас к двухэтажному школьному зданию, временно занятому под госпиталь. Там мы без труда выяснили, что доктор Ковальский занимается эвакуацией нетранспортабельных тяжелораненых. Шофер на большой скорости примчал нас к лесной поляне, оборудованной для приема неприхотливых самолетов По-2.

В группе врачей, наблюдавших за переноской раненых, я еще издали узнал плотного человека с черными, жгучими глазами и бритой головой. Это был мой спаситель - доктор Ковальский. Приблизиться к нему я рискнул, только убедившись, что с лесного аэродрома поднялся последний самолет.

- Чем могу служить, товарищ полковник? - спросил Ковальский, увидев меня.

- Однажды вы уже сослужили мне великую службу, товарищ майор.

Врач был явно заинтересовав. Пронзительными глазами он впился в меня. Видно было - пытался что-то вспомнить, но, так и не вспомнив, безнадежно развел руками.

- Простите, не узнаю... С кем имею честь?

- Эх, доктор, доктор! А кто говорил в декабре прошлого года, что эту операцию на печени не забудет никогда? Я, грешным делом, думал, что врачи не страдают склерозом.

Ковальский стоял как вкопанный. Еще минуту, другую он продолжал сверлить меня своими жгучими глазами, потом на всю поляну захохотал и с такой силой потянул меня к себе, что я едва удержался на ногах.

Подошли другие врачи, ассистенты, медсестры.

- Это наш подопечный, друзья! - с гордостью представил он меня. Помните, сколько хлопот он причинил нам? Помните нашумевшую операцию на печени?

Хирург попросил меня при всем честном народе снять рубашку. Я отмахивался, но не уступить его просьбам и требованиям не мог.

- Молодец, молодец, - удовлетворенно приговаривал он,

осматривая меня.

До деревушки было близко, и мы целой ватагой пошли пешком. Ковальский искренне порадовался, узнав, что я, как он выражался, не списан с корабля.

На столе появились госпитальные алюминиевые тарелки. Все здесь было хорошо. И пшенная каша казалась вкусное всяких пирожных и глоток спирта слаще лучших сортов портвейна. Смеющимися, радостными глазами смотрели мы с доктором Ковальским друг на друга.

- Я рад, что вы не только остались живы, но и вступили в строй.

- И многим обязан вам, дорогой доктор! Вы заслужили самую большую благодарность тех, кого, как меня, спасли от смерти. Низко кланяюсь вам за это...

По той же глухой дороге поздно ночью мы с Богуславским возвращались в бригаду. Я был полон радостных впечатлений от неожиданной приятной встречи с представителями огромной армии врачей, медицинских сестер, санитаров, которые неутомимо, днем и ночью, в жару и мороз, вблизи от передовой и в глубоком тылу возвращали к жизни защитников Родины...

В землянке меня ожидал боевой приказ. Через несколько дней бригаде предстояло вступить в бой. 1-й Украинский фронт переходил в решительное наступление.

Дорогами наступления

Боевая тревога

30 августа 1944 года после почти двухмесячных боев успешно закончилась Львовско-Сандомирская наступательная операция 1-го Украинского фронта. В ней с первого дня активно участвовала в составе 3-й гвардейской танковой армии наша 55-я бригада. Вместе с другими частями 7-го гвардейского танкового корпуса она пробила проход через колтовский коридор, завершила прорыв обороны противника, с ходу захватила станцию Красное. В ночь на 18 июля 1-й батальон бригады ворвался в поселок Куликов. Казалось, что дальше до Львова не будет уже никаких преград. Но это было не так. Четыре дня весь наш корпус атаковал сильную, подготовленную во всех отношениях оборону гитлеровцев, но так и не сумел продвинуться к городу.

Противник разгадал направление нашего главного удара и бросил на север резервы, огневые средства, авиацию.

В ночь на 25 июля командование 3-й гвардейской танковой армии вывело ряд частей, в том числе и 55-ю танковую, из боя. Она совершила двухсоткилометровый марш через Рава-Русскую, ранее освобожденную войсками 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова, и в скором времени оказалась далеко

впереди.

После того как войска 1-го Украинского фронта освободили Львов, противник, потеряв важный стратегический рубеж обороны, стал откатываться на юг, в сторону Карпат, и на запад, в сторону Вислы.

Разгром и преследование врага шло на широком фронте. Советские войска взяли Перемышль, освободили десятки городов и сотни населенных пунктов, с ходу форсировали реки Сан и Санок и широким веером развернулись на подходе к Висле.

Жарким в прямом и переносном смысле этого слова было лето на сандомирском плацдарме. От разрывов бомб и непрекращавшейся артиллерийской канонады стонала земля, выходили из берегов мутно-зеленые воды Вислы. Бои шли на подступах к реке, на обоих ее берегах и даже в воде.

Мир, затаив дыхание, следил за смертельной схваткой на берегах Вислы между советскими и немецко-фашистскими войсками. Противник не жалел сил, пытаясь остановить наше наступление. Гитлеровцы хорошо понимали, что с потерей Польши огонь войны перебросится на территорию фашистского рейха, и дрались с отчаянием обреченных.

На некоторых участках фронта ценой огромных потерь немцам удалось оттеснить на несколько километров отдельные наши части и подразделения. Но, несмотря ни на что, Сандомирский плацдарм продолжал жить. Отвага и героизм стали нормой поведения бойцов и командиров, сражавшихся за этот небольшой участок земли на левом берегу Вислы. Здесь получил свой, второй орден Славы храбрый воин нашей бригады командир пулеметного расчета старший сержант Халмат Джалалов, ставший к концу войны полным кавалером этой самой почетной солдатской награды.

В сентябре активные бои на польской земле стали стихать. Наступательный порыв врага угас, немцы перешли к обороне.

Завоеванный советскими войсками Сандомирский плацдарм был в надежных руках. Все мы, начиная от командующего фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева и кончая рядовыми солдатами, понимали, что этот плацдарм является тем могучим трамплином, откуда будет совершен прыжок к самому сердцу фашистской Германии.

На одном из участков сандомирского плацдарма мужественно сражалась и наша 55-я гвардейская танковая бригада. Но с каждым днем все сильнее давали знать о себе изнурительные бои, бессонные ночи, трудные походы. В сентябре бригаду сменила стрелковая дивизия. Выйдя из боя незаметно для врага, мы в течение нескольких ночей совершали марш в обратную сторону -

на восток и перебрались через Вислу. Здесь среди сосновых лесов наступил долгожданный отдых. Люди с ходу падали на землю, заползали в осеннюю, уже начинавшую желтеть траву, забирались под деревья, под машины и отсыпались за все шестьдесят дней и шестьдесят бессонных тревожных ночей. Потом зазвенели пилы, заработали лопаты, засверкали топоры - и в несколько дней были готовы землянки.

Неутомимые солдатские руки... Чего только не могут они сделать! Огрубевшие от мороза и зноя, от постоянного общения с металлом и огнем, они безжалостно разили врага и бережно выносили из горящих домов детишек; ремонтировали под пулями подбитые танки и, неумело держа иглу, зашивали разорванные комбинезоны; привычными были для них отполированные ладонями рычаги танка и тяжеленные кувалды; а когда выдавалась минута затишья, непослушные пальцы солдат сжимали огрызок карандаша и старательно выводили на бумаге самые ласковые, самые сердечные слова, которых ждали матери, жены, сестры, любимые...

Дни отдыха были и днями подготовки к предстоящим походам и новым боям. Вскоре на ближайшую маленькую станцию Жолкев, расположенную между Львовом и Равой-Русской, через каждые два-три часа стали прибывать длинные эшелоны. Снаряды, патроны, продовольствие, теплая одежда, запасные части спешно разгружались и вывозились в леса. Приходили сюда и эшелоны с танками. Рабочие-танкостроители не задерживали свою продукцию на заводских дворах и складах. Новенькие танки прямо из цехов грузились на платформы.

Дошла очередь получать боевые машины и до нашей бригады. Больше всех в эти дни переживали командиры батальонов: Петр Федоров, Григорий Савченков, Николай Осадчий. За последние два года войны в бригаде укоренилось мнение, будто танки Т-34 уральского производства гораздо лучше других. И хотя наш "танковый бог" - инженер бригады Иван Сергеевич Лакунин горячо доказывал, что все тридцатьчетверки одинаковы, сделаны по одним и тем же чертежам, из одной марки стали, его разумные доводы не всегда доходили до цели. Особенно трудно было переубедить Осадчего и Савченкова, являвшихся горячими поклонниками уральских танков.

В тот раз, помню, исчерпав все доказательства, подполковник Лакунин призвал разгорячившихся комбатов брать пример с Федорова, который не вмешивался в этот беспредметный спор и лишь с улыбкой поглядывал на взъерошенных друзей.

- Э, нет, товарищ бригадный инженер! Плохо знаете вы Петра Еремеевича Федорова, - в сердцах сказал Николай Осадчий. - Не

такой он человек, чтобы не ввязаться в любой спор. А секрет тут простой. Наш Еремеич уроженец Омска и горячий патриот своего родного города. Послушать его, так против Омска не устоят ни Киев, ни Тбилиси, ни Ереван, ни Ростов, ни Свердловск. А уж об Урале и говорить нечего...

В Жолкеве все сложилось как нельзя лучше. На станции разгружалось три эшелона танков. И словно по волшебству все получили свои любимые машины.

На всем пятидесятикилометровом маршруте, который предстояло пройти танкам, целую неделю трудились тайно от танкистов саперы и разведчики. По моему приказу они устроили ловушки, завалы, воронки и другие противотанковые препятствия. Для совершенствования боевой выучки мы заставили экипажи с ходу преодолевать эти препятствия на больших скоростях и проделывать многие маневры, необходимые для ведения успешного наступательного боя.

На последнем этапе были расставлены мишени. Наводчики проверяли бой орудий, а командиры тренировались в управлении огнем взвода, роты и даже целого батальона. Внезапно залповый огонь прекратился, стрельба закончилась. Танки ринулись в атаку на обороняющегося "противника". В первых трех траншеях разместился десантный батальон автоматчиков, вооруженных связками деревянных гранат. Батальоном командовал опытный офицер-пограничник майор Ф. Н. Старченко.

Сегодня он был в особо приподнятом настроении. Накануне Старченко крупно поговорил со своими друзьями-танкистами Осадчим, Федоровым и Савченковым.

Задира Федоров намекал "пехотному" комбату, что его автоматчики и пикнуть не смогут после того, как их поутюжат танкисты.

- Посмотрим, посмотрим, Петр Еремеевич, у кого нервы окажутся крепче, баском парировал Старченко.

И надо сказать, у командира батальона автоматчиков были основания, чтобы особенно не -волноваться. Много успел сделать он за несколько суток. Траншеи были вырыты в полный профиль и замаскированы так искусно, что из танков весьма трудно было обнаружить автоматчиков. "Боевое крещение должны принять все", - решил комбат и посадил в окопы весь личный состав батальона. Под дружный хохот бойцов он вежливо, но решительно пригласил занять место в окопах и траншеях врача, санитаров, химиков, поваров и кладовщика.

Над головой автоматчиков волна за волной, перекатываясь через траншеи, помчались танки. Под их тяжестью стали осыпаться брустверы траншей и окопов. Но пехота

сопротивлялась упорно и дралась с остервенением. Учебные гранаты летели под гусеницы, под башни, в моторные люки. Малейшее промедление грозило опасностью оказаться под танком. Однако, несмотря на это, бойцами овладел азарт настоящего боя.

Больше часа утюжили танкисты пехоту, а она, будто назло Федорову и Осадчему, и не собиралась сдаваться.

Победителями в этой схватке можно было считать и танкистов, и автоматчиков: все были целы и невредимы.

Братание недавних "противников" было шумным, задорным, радостным. И когда я увидел, как Николай Осадчий с улыбкой смахивает песок с широких плеч своего друга майора Старченко, радостное настроение подчиненных невольно передалось и мне.

- Товарищ комбриг, скажите, кто действовал лучше? - упорно приставал Осадчий.

- Конечно пехота! - уверенно ответил я. - Пропустить над своей головой столько танков, встретить их дружными бросками гранат - это же просто здорово!

Осадчий сник на моих глазах и ожил только тогда, когда услышал похвалу и по адресу танкистов...

Изо дня в день танкисты, артиллеристы, автоматчики готовились к боям. Миновали октябрь и ноябрь, близился Новый год. И с каждым днем все упорнее становились слухи о скором начале большого наступления. Всем давно наскучило сидеть в темном, густом лесу, который совсем недавно был для нас таким желанным. Хотелось скорее разделаться с врагом. "Сколько ни сиди в лесу, а драться надо, - говорили люди. - На кого же надеяться? На союзников? Они особо не торопятся..." А тут вдруг под Арденнами немцы зажали их так, что они закричали "караул".

Чутье у бывалых солдат исключительное, их не проведешь. Все чувствовали: вот-вот прозвучит долгожданный сигнал к выступлению. И все же как ни готовились мы, как ни ждали, тревога прозвучала для всех как-то неожиданно.

* * *

В канун Нового года в бригадной столовой, расположенной в чаще густого леса, было особенно оживленно. Шум и смех доносились со стороны нашей лесной кухни. По-особому сияли даже лучи зимнего солнца, и удивительно красиво играли искорки на снегу. С утра все мылись в бане. Старички первыми оккупировали парную, звонко хлестали друг друга березовыми вениками. Сибиряки, уральцы, волжане, распаренные, раскрасневшиеся, выбегали на улицу отдышаться. Некоторые с разбегу шлепались в сугроб, с гоготом катались по снегу и снова проворно ныряли в землянку-парную.

Мылись и парились долго, с каким-то особым вкусом и азартом. И обед потому начался с опозданием. Старшины рот, как положено, выдавали бойцам законные сто граммов. Винный запах щекотал ноздри, но, как ни странно, к кружкам с вином никто не притрагивался.

Шум в столовой стоял необычный. Даже грозный усатый старшина никак не мог утихомирить танкистов. "Не будем пить!", "Убрать водку!" - неслось со всех сторон. Я не верил своим ушам. С недоумением смотрели на меня начальник политотдела Александр Павлович Дмитриев и начальник тыла Иван Михайлович Леонов. Что случилось с людьми?

Все объяснил лейтенант Андрей Серажимов:

- Мы тут между собой договорились, товарищ полковник, попросить у вас разрешения встретить сорок пятый год по-настоящему. Живые елки нарядим, музыку обеспечим. А какая же встреча без вина? Вот мы и просим дневную порцию выдать нам в канун Нового года.

Все приутихли, глядели на командира бригады, ожидая ответа, и тут поднялся и заговорил сержант Новиков:

- Скажу хотя бы про себя. В сорок первом году тридцать первого декабря под Калинином вел ночной поиск. Некогда было встречать Новый год. В сорок втором под Сталинградом дрался. Не удалось мне и сорок четвертый встретить: до утра пришлось волочить огромного фрица под Житомиром... А сейчас как будто спокойно, можно наконец праздник отметить.

Я слушал своих товарищей и думал: разве можно отказать им в такой законной человеческой просьбе? Четвертый год идет изнурительная, тяжкая война. Что плохого, если мы вдали от Родины провозгласим в новогоднюю ночь свой тост за нее, за успехи советских войск, которыми был ознаменован минувший, 1944 год, за окончательную победу над ненавистным и коварным врагом.

Приготовления развернулись вовсю. Настроение было приподнятое. Особенно празднично выглядели наши девушки: радистки, телефонистки, медицинские сестры, врачи. Извлеченные из вещевых мешков и тщательно выглаженные платья красиво облегали стройные девичьи фигуры. Некоторые в честь Нового года ухитрились сделать даже прически.

Изнурительные походы, лишения и невзгоды наложили свой отпечаток на девчат. Им было несравненно труднее, чем нам, мужчинам. Но женщины остались женщинами и на войне. Принарядились, похорошели, и сразу все вокруг стали чувствовать себя как дома. Глядя на них, солдатам и офицерам так приятно было вспоминать своих жен, сестер, любимых!

И все же встретить Новый год, как было задумано, на большой поляне, у огромных елок, с настоящими дедами-морозами, нам так и не пришлось. Поздно вечером была объявлена боевая тревога. А вскоре стало известно, что в ночь на 1 января бригада оставляет свой обжитой район, переправляется по наведенному мосту через Вислу и к утру 1 января сосредоточивается в лесу восточнее Сташува.

На польской земле

Колонну танков, орудий, машин - все, что входило в состав бригады и составляло ее боевую мощь, - прикрывала лесная чащоба. Ночь выдалась темная, безоблачная, совсем непохожая на предыдущие. Застыли танки в колонне, замолкли люди. У командирского головного танка собрались комбаты, офицеры штаба бригады. Мы с нетерпением ждали офицера связи, но он не появлялся. Напряжение нарастало.

Светящиеся стрелки перешагнули через цифру "12". Наступил Новый, 1945 год!

- С Новым годом, товарищи! - разорвал напряженную тишину могучий бас комбата Старченко.

И почти одновременно из другого конца колонны донесся голос начальника политотдела бригады Дмитриева:

- С Новым победным годом, дорогие друзья!

Кто-то стоявший рядом со мной крикнул "ура!". Подхваченное танкистами 1-го танкового батальона, оно прокатилось по всей колонне. Люди в комбинезонах и ватниках обнимались, поздравляли друг друга, желали скорейшей победы. Рядом со мной появился неуклюжий в своем полушубке Дмитриев, потом к нам протиснулся начальник штаба Григорий Андреевич Свербихин, собрались комбаты, ротные командиры и многие воины, с которыми мы прошли длинный путь на войне. Все это были родные и близкие люди. Счастье наше было безграничным, ведь мы встречали Новый год на Висле, на ближайших подступах к фашистской Германии, в преддверии нашей окончательной победы.

Послышался шум мотора, и вскоре, словно утка, переваливаясь с боку на бок, подскочил камуфлированный неуклюжий броневик. Появился тот, кого мы ждали, - офицер связи. Он передал устный приказ, уточнявший время перехода через Вислу по низководному мосту: от двух до четырех утра бригаде предстояло перейти на западный берег реки.

Три зеленые ракеты осветили ночное небо. Сотни моторов, заведенных в одну и ту же минуту, оглушили своим ревом окрестности. Потом к этому несмолкающему гулу присоединился лязг гусениц, треск ломающегося кустарника, и колонна

двинулась в путь, навстречу новым боям.

* * *

Танки и машины медленно ползли по неровной, извилистой лесной дороге к переправе. Шли без света, на манящий огонек регулировщика. Дорога до самой реки была обозначена зелеными огоньками, незаметными с воздуха. С каждой минутой мы приближались к бурной, быстрой, еще не скованной льдом Висле. Мутную поверхность реки почти километровой лентой перехватывал низкий надводный мост. Бригада остановилась, готовясь перепрыгнуть через водный барьер.

Пропускной режим, установленный командующим фронтом маршалом И. С. Коневым, был строгим. С наступлением темноты мосты, состоявшие из отдельных паромов, собирали, а к утру паромы растаскивали катерами в разные стороны и тщательно маскировали. Днем жизнь на реке замирала. Зато ночью к ней непрерывно следовали колонны машин и обозы.

С противоположного берега замигали огоньки: нам подавали сигнал. Быстрый Федоров первым повел к переправе свой головной танк. Начальник штаба Свербихин через каждые две минуты выпускал очередной танк. Кряхтел и стонал под их тяжестью паромный мост.

Часа через два вся наша бригада была уже на западном берегу. Осталось совершить двадцатикилометровый марш. Квартирьеры корпуса торопили: до наступления рассвета мы должны быть в назначенном районе, замаскироваться, замести следы гусениц и притаиться до поры до времени.

По реке гулял пронизывающий, холодный ветер. Я натянул поглубже шапку-ушанку, поднял воротник полушубка. Согрелся, но стало клонить ко сну. С большим трудом боролся с охватывавшей меня дремотой. И вдруг... две сильные струи света ослепили меня. Шофер резко затормозил, и адъютант Петр Кожемяков выскочил на дорогу. Не успели мы опомниться, как одна из фар двигавшейся навстречу машины разлетелась вдребезги. Вторая фара успела погаснуть.

- Петр, тащи сюда разгильдяя! - крикнул я Кожемякову, но адъютант как вкопанный стоял перед "виллисом". Потом от машины отделились двое и направились к нам. В одном я сразу узнал командарма Рыбалко...

- Ну, комбриг, досталось мне сегодня от вашего офицера. Проучил меня основательно. Хорошо еще, что автоматом по башке не двинул. Но, слава аллаху, обошлось благополучно.

Опешив от неожиданности, я невнятно пытался оправдать адъютанта, ссылаясь на категорический приказ самого же Рыбалко о строжайшем соблюдении светомаскировки.

- Так-то оно так, но начальство надо уважать, - улыбнувшись, ответил Павел Семенович. - Понимаете, моему шоферу показалось, что на него из-за поворота ползет танк. Я и крикнул ему: "Свети!" Не успели включить свет, как фара - вдребезги. Молодец ваш лейтенант: научил уважать приказы...

Рыбалко постоял еще несколько минут, пропуская колонну, поинтересовался, как прошла переправа, как обстоит дело с теплым обмундированием.

- Прибудете в новый район, зарвитесь в землю, не выявляйте себя. Обрушимся на врага внезапно... - сказал генерал на прощание.

Машина командарма, по-прежнему виляя по мерзлой земле, без света удалялась в сторону переправы.

Танкисты обступили лейтенанта Кожемякова.

- Везет тебе, Петро! - добродушно заметил кто-то из них. - Отделался легким испугом. Мы думали, попадет тебе по первое новогоднее число. Так ведь не только обошлось, ты еще и благодарность от командарма получил...

- Это же Павел Семенович Рыбалко... Наш командарм... - с удивительной теплотой сказал Кожемяков.

К утру бригада была уже на сандомирской земле и заняла свой лесной квадрат среди переправившихся войск 1-го Украинского фронта. На сей раз наш плацдарм выглядел спокойным, совсем не таким, каким мы его знали несколько месяцев назад. Правда, этот с виду забытый и мирный уголок уплотнил свое население так, что трудно было на нем повернуться. Сосредоточить здесь незаметно для врага целые общевойсковые армии, крупные танковые соединения, десятки корпусов и дивизий, сотни полков могли только талантливые полководцы, опытные, смелые, инициативные офицеры, дисциплинированные и натренированные солдаты Красной Армии.

* * *

По обеим сторонам дороги стеной стояли леса. Тишина. Январский утренний ветерок чуть покачивал верхушки сосен. Ничто не нарушало покой этого ясного морозного утра. Лишь изредка прогудит где-то в стороне самолет, и снова все спокойно вокруг.

Мы с начальником штаба бригады Григорием Андреевичем Свербихиным и начальником политотдела Александром Павловичем Дмитриевым по срочному вызову ехали на открытой легковой машине в штаб армии. Машина мчала нас знакомыми дорогами. В этих местах в августе прошлого, 1944 года все трое участвовали в боях за расширение сандомирского плацдарма. По

лицам друзей понял: они вспоминали о том же...

Машина вынесла нас на большую поляну, за которой начинался молодой лесок. Именно отсюда командир взвода разведчиков нашей бригады лейтенант Андрей Серажимов пошел на своем танке в разведку. Не встречая сопротивления, на глазах у изумленных жителей, оторопевших полицаев и испуганных охранников он средь бела дня ворвался в польский город Сташув, взобрался на ратушу и водрузил на ней двухметровый красный стяг.

После этого разведчики, прихватив двух гитлеровцев, отправились в обратный путь.

А на другой день мы освободили Сташув. Поляки с восторгом встретили советских танкистов, а высоко над ратушей развевалось ярко-красное полотнище, изрешеченное пулями...

Воспоминания увели меня к событиям тех незабываемых дней...

Освободив Сташув, мы должны были совершить марш в направлении Ракува, Иваниски.

Ночь застала бригаду в одном из больших лесных массивов в районе Иваниски. Связались с командиром корпуса. Я попросил уточнить задачу и попытался склонить его к тому, чтобы остановить наше движение на северо-запад. Неясность обстановки, отсутствие соседей справа и слева, мысль о том, что сзади никто нас не подпирает, - все это очень настораживало меня. Но генерал В. А. Митрофанов был неумолим.

- Нигде не останавливаться. Идти только вперед. Утром к вам подойдут бригады Слюсаренко, Головачева, Чугункова.

Война требует беспрекословного повиновения. В конце концов, генералу виднее, он мыслит масштабами армии, фронта. Я принадлежал к той категории людей, которые, уяснив и поняв смысл полученной задачи, всегда стараются точно выполнить ее. Эти качества прививал и подчиненным. Комбатов я изучил хорошо. Мне давно была известна осторожность, расчетливость и хитрость Петра Еремеевича Федорова. Этот человек напролом не пойдет: двадцать раз взвесит и только тогда будет бить наверняка. Экспансивного, решительного в действиях, порою даже опрометчивого Николая Акимовича Осадчего надо было сдерживать. Пользуясь любовью подчиненных, он мог увлечь их за собой на самое трудное и рискованное дело. А майоров Г. И. Савченкова и Ф. Н. Старченко отличали спокойствие и уравновешенность, сочетавшиеся с решительностью. Эти черты были определяющими в характере обоих. Тогда, в ту ночь, выбор мой пал на Федорова. Его батальон я выпустил первым.

- Петр Еремеевич, еще раз прошу тебя, будь осмотрительным,

в пекло не лезь. Ты для бригады сегодня ночью - ее глаза и уши.

- Меня не надо предупреждать, все будет в порядке, товарищ полковник.

Батальон двинулся вперед. Несколько часов я был в курсе его действий. Обойдя Опатув, он овладел селением Лагув и перерезал магистраль Сандомир Кельце. Танкисты Федорова с ходу разгромили вражескую роту, разогнали обозы, раздавили танками склады и, не встречая сопротивления, успешно продвигались на север. И все же в ту ночь кто-то будто подменил Федорова. Отбросив осмотрительность, он рванул далеко вперед. Его радиостанция удалялась все дальше и вскоре совсем замолкла. Ночью прекратилась связь со штабом корпуса. Полная неясность обстановки все больше тревожила меня. Посоветовался с Дмитриевым и Свербихиным. Из головы не выходила мысль: почему за нами не следуют остальные бригады? что задумал командир корпуса?

Сделал последнюю попытку связаться с Федоровым и генералом Митрофановым. Убедившись, что тот и другой молчат, решил не останавливаться, подал команду "Вперед!", и вся 55-я гвардейская взяла курс на север. Вслед за нами тут же потянулся 238-й артиллерийско-истребительный полк, которым командовал майор Русаков.

На дорогах к Ракуву, Иваниске, Лагуву видны были следы работы танкистов Федорова: десятки раздавленных машин, цистерн, фургонов... Регулировщики тут и не требовались: указателями служили сплошные разрушения.

Мы продолжали продвигаться на север.

И вдруг... как по единой команде, противник налетел на нас с воздуха, ударил из леса, накинулся из оврага. Бомбовые удары чередовались с артиллерийскими налетами. Бригада попала в ловушку: пропустив авангардный батальон Федорова, фашисты обрушились на ее главные силы.

С большим трудом нам удалось зацепиться за пустующий фольварк и оседлать примыкавшую к нему безымянную высоту. Подразделения, выскочившие на большое поле, приняли боевой порядок. Командир артполка с ходу развернул три артиллерийские батареи и открыл огонь. Командир роты крупнокалиберных пулеметов ДШК лейтенант Николай Игнатьевич Толстых стал обстреливать низко летящие самолеты и заставил их подниматься все выше и выше. Подошел батальон Старченко и тоже с ходу включился в огневой шквал. С чердака придорожного дома я увидел, как наш батальон автоматчиков спешно окапывается вдоль большого оврага.

Потрясение, вызванное внезапным ударом врага из засады,

стало проходить. Нам удалось организовать ответный огонь, выиграть несколько часов времени и, собравшись с силами, принять необходимые меры. По темпу стрельбы, по количеству летящих в нашу сторону снарядов и мин, по непрекращающейся авиационной бомбежке мы в основном правильно определили численность группировки противника. Соотношение сил сложилось не в нашу пользу. Особенно скверно было то, что 1-й батальон ушел далеко на север, а Осадчий со своими танкистами застрял где-то сзади. Со мной осталось меньше половины людей. Бригада оказалась как бы разорванной на части.

Во второй половине дня усилились авиационные налеты. Несколько фугасок крупного калибра попали в центр хутора, где расположился штаб бригады. Вышла из строя машина с радиостанцией, перевернулись кухни, загорелся штабной автобус. Связь со штабом корпуса по-прежнему отсутствовала. Сильный артиллерийский и минометный огонь по 2-му танковому батальону, по артиллерийским позициям и мотобатальону автоматчиков длился уже более 15 минут. А между тем снова появились бомбардировщики. Обработка нашего пятачка велась с каким-то особым остервенением.

Вслед за действиями авиации и артиллерии, как и следовало ожидать, началась атака. На горизонте показались немецкие танки. Из леса вынырнули десятки бронетранспортеров с пехотой. Начался штурм наших наспех оборудованных позиций.

Я чувствовал на себе вопросительные взгляды подчиненных. Это был тот случай, когда от командира требовалось особое самообладание, воля, выдержка. Я отлично понимал, что необходимо выиграть время, хотя бы несколько часов, дождаться темноты, собрать в единый кулак разбросанные батальоны. Но что я мог противопоставить неприятелю? Огонь немногочисленных танков и трех батарей противотанковой артиллерии? Огонь батальона автоматчиков? Положение могла спасти только неукротимая воля обороняющихся. Каждый, кто был на поле боя, понимал: надо во что бы то ни стало устоять. Отходить - некуда! Идти на запад, в гущу вражеской группировки, - бессмысленно; прорываться на юг или на восток к своим войскам - невозможно. Драться, громить врага, бить его по частям, остановить его наступление - вот задача, от выполнения которой зависела судьба сотен людей.

И задача эта была выполнена. То, что не смогло сделать оружие, сделали люди, их железная воля.

На время нам удалось остановить вражеские атаки. Это позволило совершить небольшую перегруппировку - расставить лучшим образом артиллерийские батареи, выдвинуть вперед две

танковые роты, создать резерв, оттянуть из фольварка штаб бригады: дома польского хутора являлись слишком хорошим ориентиром для авиации и артиллерии противника.

Я со своим штабом обосновался в глубоком овраге. Каким-то чудом добрался до нас гонец от Федорова. От гонца мы узнали о больших успехах батальона. Нашим танкистам удалось разгромить несколько немецких подразделений. Но этим они не ограничились. Продолжая стремительно наступать, батальон Федорова утром оказался на станции Островец, в глубоком тылу врага. Гитлеровцы, естественно, никак не ожидали появления советских танков и не среагировали должным образом на подходившую колонну. Наоборот, они были убеждены, что приближаются их собственные танки. В это время на станции как раз разгружался эшелон с танками, и гитлеровцы спохватились только тогда, когда в них полетели фугасные и зажигательные снаряды. Паника началась невероятная. Горели танки, вагоны, машины, метались беспомощные солдаты. На площади одна из танковых рот батальона Федорова наткнулась на батальон пехоты, выстроившийся с ложками и котелками у походных кухонь в ожидании завтрака.

Всего полчаса потребовалось нашему комбату, чтобы завершить разгром вражеского гарнизона. Федоров понимал, что дальше оставаться в Островце нельзя, и повернул батальон назад - навстречу главным силам бригады. Но нас в тот день он не нашел. Мы вели тяжелые бои восточнее Островца.

К вечеру положение на нашем участке осложнилось. Артиллерийский полк расстрелял почти весь боекомплект и потерял много орудий. Серьезные потери понес 2-й батальон. Поредели роты автоматчиков. Вышел из строя командирский танк, и я лишился связи с Федоровым и Осадчим. Как хотелось в тот момент, чтобы их батальоны ударили с тыла - это могло бы спасти положение.

В разгар боев противник захватил наши легковые машины. Бои приняли невероятно тяжелый характер. Все, кто мог еще стоять на ногах, вооружившись пистолетами, автоматами, гранатами, пулеметами и просто ракетницами, вели оборонительный бой. Все было пущено в ход. Мы готовы были идти врукопашную.

Охрипшими голосами передавалась команда: "Бить по пехоте, отсечь ее от танков!" В этом мы видели единственное спасение, ведь танки без пехоты не могли в предвечерние сумерки вести наступление на глубокий овраг, в котором мы залегли. А сумерки сгущались с каждой минутой. И вдруг прекратились бомбардировки с воздуха, замерли на земле танки, залегла

немецкая пехота. (Только на следующий день узнал я причину, заставившую фашистов остановить наступление. К ним в тыл вышел батальон Федорова, а на правом фланге появились танки Осадчего.)

Спасительная ночь густой мглой окутала наш овраг, и мы воспрянули духом, хотя положение наше по-прежнему было не из веселых. Я остался с экипажами без танков, с расчетами без орудий, со связистами без радиостанций, с шоферами без машин. Потери были велики, но, несмотря на это, бригада продолжала жить и бороться. Старченко привел в порядок свой батальон, мы пополнились подошедшими разведчиками, саперами. После этого пешая группа, с которой я решил прорывать вражеское кольцо, чтобы соединиться со своими танковыми батальонами, достигла тысячи человек.

Мы начали готовиться к ночному броску. Но и противник перегруппировывал силы, намереваясь с наступлением рассвета окончательно расправиться с нами. Свою пехоту немцы расположили по восточным склонам нашего оврага, расставили десятки пулеметов, несколько минометных батарей, танками опоясали все выходы из нашего района. Главный расчет они строили на том, что мы наверняка испугаемся танкового заслона, бросимся в сторону засевшей пехоты и попадем под ее мощный пулеметный и автоматный огонь, от которого не спастись.

Но гитлеровцы забыли, что имеют дело с опытными танкистами, знающими не только сильные, но и слабые стороны танков.

Для нас не было секретом, что ночью они слепы, прицельный огонь их неточен, управление неустойчиво.

Без малейших колебаний я принял решение нанести главный удар по танковой группировке врага. Успех ночной атаки зависел от нашей дисциплины, организованности и решительности.

Небольшая группа автоматчиков огнем и демонстративными действиями привлекла к себе внимание немецких пехотинцев, которым показалось, что мы попадаем в искусно расставленные сети. На самом же деле мы приступили к реализации намеченного плана. Условный сигнал - и сотни людей поползли по мокрой траве в направлении немецких танков. Одежда наша сразу пропиталась росой. Люди, целые сутки не бравшие в рот ни крошки хлеба, продвигались с трудом, теряя последние силы. На преодоление трехсот - четырехсот метров ушло более часа. И все-таки цель была достигнута. Оказавшись рядом с танками, в мертвой зоне, где огонь их не так уж опасен, все мы вскочили на ноги и с криком "ура!" бросились к танкам. Мы забрасывали их гранатами, швыряли в моторные люки траву, землю, все, что

попадалось под руку. Ярость людей была так велика, что они крушили все встречавшееся на пути. Немецкие танкисты, не на шутку перепугавшись, задраились в своих бронированных коробках.

В поединке с фашистскими танками победа осталась за нами. Прорвав боевые порядки врага, мы ринулись на соединение с нашими батальонами. Позади остался еще один трудный боевой день. А сколько таких дней на счету у каждого фронтовика! На рассвете вышли к большому полю. На нем кое-где еще торчали головки лука, репы, моркови. Все накинулись на овощи и стали есть. Подкрепившись таким образом, мы вновь обрели силы для двадцатипятикилометрового броска к фронту.

Перед Опатувом столкнулись с еще одной немецкой частью, занявшей оборону на нашем пути. Но теперь, после соединения с батальонами Осадчего и Федорова, мы без особого труда разгромили ее, а утром уже были в расположении войск родной 3-й гвардейской танковой армии.

В середине дня в большом штабном автобусе, загнанном по самую крышу в глубокую яму, состоялась встреча с командиром корпуса генералом Василием Андреевичем Митрофановым. Мне хотелось, чтобы он знал, какую горечь и обиду пережил я за вчерашний день. Генерал молча слушал мой доклад, не прерывал даже тогда, когда посыпались упреки по адресу штаба корпуса. Он хорошо понимал мое состояние.

- Как же, товарищ генерал, действовать без связи, без разведки, в одиночку? Почему вы не разрешили мне остановиться у Лагува, мало того, потребовали выполнения нереальной задачи? Что я мог сделать один без поддержки главных сил корпуса?

Генерал Митрофанов продолжал молчать, не сводя с меня глаз. Потом поднял телефонную трубку и соединился с командармом:

- Драгунский находится у меня. Задачу выполнил, дошел до Островца и Бодзыхува, обнаружил подход новых эшелонов. Очевидно, выгружается свежая немецкая танковая дивизия. Полагаю, что контрудар в сторону Опатува, Сандомира неминуем в ближайшие дни.

Закончив доклад, Митрофанов внимательно выслушал командарма и в свою очередь сказал:

- Я вас понял. Сделаю, как приказано. Интересуетесь его настроением? Обижается на нас за отсутствие связи, разведки, за то, что не дали в помощь Головачева и Слюсаренко, не выделили авиацию. Сидит у меня в автобусе и допекает меня... А трубку сейчас передам.

- Ваше состояние мне понятно, - услышал я через секунду голос Павла Семеновича Рыбалко. - Но поймите же и вы нас: мы ведь не на прогулку вас посылали. Нужно было выяснить, что делается в тылу у противника. Командующий фронтом приказал послать туда сильную группу. Выбор пал на вашу бригаду. Нам же было приятно услышать, на что способны наши танкисты.

- Товарищ командующий, спасибо вам за доверие. Но разрешите все же мне высказать все, что накипело на душе.

- Охотно слушаю.

Ободренный этими словами, я более твердым голосом продолжал:

- Зачем было скрывать от меня правду? Я должен был знать, чего вы хотите от меня и от подчиненных мне танкистов. Зная свою задачу, мы могли бы действовать иначе...

- Дорогой друг! - перебил меня командарм. - Я согласен, что подчиненным надо говорить правду, и только правду. Но иногда в интересах дела не следует раскрывать все карты... Если бы вам сказали, что бригада направляется в разведку, уверяю вас, она дальше Сташува не пошла бы. Тот же Федоров добросовестно сообщал бы: "Наблюдаю, высматриваю, заметил". Этим бы дело и ограничилось. А так за одни сутки вы пробрались на шестьдесят километров в глубь вражеской обороны и на многое раскрыли нам глаза...

Павел Семенович Рыбалко душу человеческую знал хорошо, и спорить с ним было трудно...

Немного отдохнув и получив в тот же день от командарма несколько десятков танков, мы сразу вступили в бой. Враг рвался к Опатуву, Сандомиру. Бои на плацдарме вспыхнули с новой силой...

* * *

Спустя полгода мы снова оказались в сташувских лесах, на том самом дорого доставшемся нам плацдарме и как раз в тех местах, где дралась 55-я бригада.

Проехали через большую поляну. Где-то здесь, на лесной опушке, в августе прошлого года был подбит командиром батальона Осадчим "королевский тигр". Бой длился несколько часов. Прорваться вперед было нелегко: мощные скорострельные танковые пушки гитлеровцев плотной огневой завесой преградили нам путь. А властный, суровый голос командира корпуса Василия Андреевича Митрофанова требовал продвижения вперед, и только вперед.

Я метался из стороны в сторону в поисках выхода. Под рукой оказался батальон Осадчего - последний резерв командира бригады. Его-то я и бросил в одну из лесных просек. Осадчему

удалось выйти в тыл немецкой засаде. Огонь батальона Федорова с фронта, а затем удар во фланг и тыл, предпринятый Осадчим, заставили фашистов отойти. Путь вперед был открыт для нас...

И вот сейчас в машине разгорелся спор между Дмитриевым и Свербихиным. Александр Павлович утверждал, что первый "королевский тигр" был подбит Осадчим именно на той поляне, которую мы в тот момент проезжали. Свербихин доказывал, что танковая дуэль произошла в другом месте. В спор вмешался шофер Георгий Гасишвилиа:

- Нет, нет, не здесь, - с заметным грузинским акцентом сказал он. - Да вы сейчас сами увидите. Я очень хорошо помню место. Я ведь даже слил бензин из того "тигра". Было это на лесной опушке.

Дмитриев стоял на своем, а переспорить его было трудно.

Но Гасишвили был прав. Проехав несколько километров, мы увидели на опушке обгоревший танк с фашистской свастикой на борту. Это был он, подбитый Осадчим "королевский тигр". А чуть дальше, там, где начиналось поле, на котором стояло несколько одиноких сосенок, виднелось небольшое кладбище. Здесь были похоронены бойцы нашей бригады, погибшие в боях за Сандомирский плацдарм.

Георгий Гасишвили притормозил машину. Мы подошли к могильным холмикам, стали читать знакомые имена боевых товарищей - Андровского, Кузьмина, сержанта Володи Самойловича и многих других дорогих нам людей, с которыми породнила нас война и которых забрала война. Сняв шапки, поклонились могилам. Молчал Гасишвили, тяжело дышал Дмитриев, мрачно оглядывал маленькое кладбище Свербихин.

У могилки нашего любимца Володи Самойловича стоял, как часовой, молодой тополек. На небольшой латунной пластинке с именем и фамилией сержанта были выгравированы цифры "1927-1944".

Шестнадцатилетним пареньком пришел он к нам в бригаду осенью 1943 года на Днепре. В боях Володя завоевал право на уважение. Бойцы постарше полюбили его, как родного сына. Молодые танкисты видели в нем веселого, храброго друга. Это был скромный, мечтательный и в то же время очень храбрый юноша. Порой мне казалось, что он даже не понимает, что такое смерть, хотя я знал: в 14 лет мальчик уже испытал ужасы ленинградской блокады, пережил потерю всех близких, видел беспримерный героизм защитников родного города. В те дни Володю встречали и на позициях артиллеристов, и в траншеях стрелков. Потом его - ослабевшего, истощенного - вывезли на Большую землю и там поставили на ноги, а через год мальчик

прибился к нашей танковой части и вскоре стал заправским танкистом. Он был для нас олицетворением юности, светлого будущего, и мы оберегали паренька, хотя знали, что на войне смерть ежеминутно подстерегает каждого. Володя стал башнером на командирском танке. Мне казалось, что это самое безопасное место: танк находился на командном пункте командира бригады в одном-двух километрах от противника и был лучше защищен. И все же...

Несчастье с Володей произошло 21 августа 1944 года. День был жарким и спокойным. Казалось, гитлеровцы решили дать нам "выходной". К полудню, разморенные зноем, бойцы прикорнули в траншеях. Но во второй половине дня сотни самолетов несколькими волнами обрушились на нашу оборону и начали кромсать ее. Все содрогалось от взрывов сверхтяжелых бомб и мощного артиллерийского обстрела. Истошно визжали над нами мины немецких шестиствольных минометов. "Мессершмитты" на бреющем полете обстреливали из пулеметов все живое. А по земле в нашу сторону ползли вражеские танки. За ними следовала пехота на бронетранспортерах.

Немцы наступали методично, с нарастающей силой. Наш изрядно ослабленный фронт был прорван. На правом фланге образовалась зияющая брешь, в которую устремились немецкие танки. В этот критический момент встал во весь рост командир соседней 23-й мотобригады Александр Головачев. Он повел в контратаку офицеров своего штаба и солдат комендантского взвода. Отходившие подразделения остановились. Я видел со своего КП, как к Головачеву со всех сторон бежали люди. Контратакующая группа увеличивалась с каждой минутой, и вскоре все перемешалось в ожесточенной рукопашной.

На помощь Головачеву командование бригады бросило танковый батальон Осадчего. Я тоже пошел с этим батальоном в атаку.

На левом фланге усилила огонь соседняя с нами танковая бригада полковника З. К. Слюсаренко. Гитлеровская пехота не выдержала контратаки и, отрезанная от своих танков, стала откатываться. Но немецкие танки продолжали наступать, не замечая отхода своей пехоты. Отдельные танки вышли к нам в тыл. Нужно было расправиться и с ними. Часть батальона Осадчего развернулась против фашистских боевых машин. В тыл им двинулась группа из мотобригады Головачева. Увидев это, я бросил на поддержку группе свой последний резерв два танка: мой и начальника штаба. Бой уже шел сзади нас. Трудно было разобраться, чьи снаряды летят, кто стреляет. Боевые порядки смешались. Разобщенные подразделения и неуправляемые

отдельные танковые группы дрались изолированно. Горели наши и вражеские тайки, взрывались автомашины. Над полем боя неожиданно появились советские самолеты. Они покружили над нами, но с воздуха невозможно было разобраться в обстановке, и самолеты отвалили в сторону.

Два часа еще шел кровопролитный бой на нашем пятачке. Героически дрались пехотинцы Головачева, храбро бились танкисты Слюсаренко, истекали кровью танкисты 55-й бригады.

В самый критический момент подошла помощь, и враг откатился.

К утру мы разыскали наш командирский танк. С распоротым боком, с разорванной на части гусеницей, он неуклюже уткнулся в воронку. В каких-нибудь двух-трех десятках метров от него стояли два сгоревших фашистских танка с изуродованными башнями, с опущенными в землю хоботами-пушками. Тут же лежал перевернутый набок немецкий тупорылый бронетранспортер.

В заросшем бурьяном овражке, прикрытый куском рваного брезента, лежал Володя Самойлович. Рядом мы нашли его верных друзей - командира танка Евгения Белова и механика-водителя Виктора Савина. Оба были тяжело ранены и лишь чудом остались в живых.

От Белова мы и узнали подробности этого боя. Ребятам удалось подбить четыре вражеских танка - Володя стрелял метко, - но экипаж оказался в тылу у немецких танкистов. И тут один за другим два немецких снаряда пронзили борт и основание башни танка. Третий снаряд угодил в гусеницу, и она отлетела в сторону. Потерявшая подвижность машина зарылась в песок. Тяжелораненые Виктор Савин и Евгений Белов без сознания распластались на снарядном ящике. А Володя Самойлович не сдавался: пушка была цела и оставался еще десяток снарядов. Он продолжал неравную борьбу.

Ни одного снаряда, ни единого патрона, ни одной ракеты не осталось в танке. Так закончил свою короткую жизнь юный ленинградец...

Громя фашистского зверя на польской земле, обагренной кровью советских солдат и польских патриотов, мы неизменно чувствовали помощь и поддержку братского польского народа.

Не могу не рассказать волнующую историю, которая произошла в те памятные дни.

На одном из участков сандомирского плацдарма в районе Островец, Бодзыхув, Воля-Груецка группа танков нашей бригады после ожесточенных боев во вражеском тылу не смогла прорваться к основным силам. Прошло несколько дней. Связь с

этой группой прервалась, и мы ничего не знали о судьбе танкистов. Посланные на поиск разведчики не вернулись. Шли недели, месяцы... Мы считали всех товарищей погибшими.

Миновало почти четверть века. И вот в День танкистов в сентябре 1967 года "Красная звезда" опубликовала статью полковника запаса Героя Советского Союза П. Е. Брайко "Кто вы, четыре танкиста?".

Просматривая статью, я неожиданно встретил названия населенных пунктов, знакомые по боям в августе 1944 года на сандомирском плацдарме. Это насторожило меня. Стал читать внимательнее. Да, в газете рассказывалось о событиях, имеющих непосредственное отношение к боевым действиям нашей бригады: о судьбе экипажа танка, подбитого фашистами в неравном бою, о том, как польские крестьяне Францишек и Казимера Цымбалы спасли жизнь четырем советским воинам.

А было это так. Покинув танк и захватив с собой оружие, танкисты решили пробраться к своим, но пути отхода были блокированы эсэсовцами и жандармерией. Мало того, гитлеровцы неожиданно начали прочесывать местность. Пытаясь уйти от преследования, наши ребята заскочили в первый попавшийся двор. Они рассчитывали на помощь местных жителей. И не ошиблись.

Хозяевами дома оказались польские крестьяне муж и жена Цымбалы. Неподалеку слышалась автоматная стрельба. Раздумывать было некогда, и поляки спрятали танкистов в картофельной яме. Через несколько минут во дворе Цымбалов появилось около десятка фашистов. Угрожая хозяевам дома автоматами, они стали искать русских танкистов.

На протяжении нескольких дней немцы обшаривали буквально каждый двор в Воле-Груецкой и усиленно охраняли дом Цымбалов. И все же те умудрялись по ночам передавать своим подопечным пищу и воду.

За то, что крестьяне отказались выдать советских воинов, гитлеровцы отправили в концлагерь всех мужчин деревни. Среди них был и Францишек Цымбал. Казимера осталась с матерью-старушкой и четырьмя маленькими дочерьми. И все же, ежеминутно рискуя жизнью детей, смелая полячка продолжала заботиться о русских парнях.

Положение стало критическим, но хозяйка дома не пала духом. По ее предложению танкисты продолбили дыру в погреб, через которую легче было передавать пищу и воду. Так продолжалось 156 дней и ночей, пока 12 января 1945 года в Волю-Груецкую не пришла Советская Армия.

Спустя много лет после войны Советское правительство

наградило супругов Цымбалов орденами Отечественной войны (Францишека - посмертно).

Прочитав все это, я очень захотел увидеть замечательную польскую патриотку. И случай помог: Советский комитет ветеранов войны пригласил Казимеру Цымбал в Москву. Как родную мать, как близкого и дорогого друга встречали Казимеру спасенные ею танкисты, ветераны войны и просто незнакомые люди, узнавшие о ее подвиге.

С Казимерой приехала ее старшая дочь Альфреда, которая в годы войны вместе с мужем Тадеушем Иреком и со своим братом Михаилом сражалась в рядах польских партизан.

Гости из Польши побывали у меня в гостях. Большой радостью было для Казимеры Цымбал увидеть за празднично накрытым столом спасенных ею танкистов 55-й бригады Кирилла Обозного, Владимира Контарева, Семена Березина. До глубокой ночи длилась волнующая встреча людей, спаянных братской дружбой, которая родилась в годы совместной борьбы с фашизмом.

Возле Сташува мы догнали Головачева, Слюсаренко, Чугункова, тоже направлявшихся в штаб армии. На опушке леса, недалеко от окраины города, сделали остановку. Познакомились с офицерами, прибывшими на смену раненым и погибшим. Побалагурили со старыми фронтовыми друзьями - не часто представляется такая возможность. Потом кто-то предложил перекусить, и Дмитриев, не страдавший отсутствием аппетита, подхватил это предложение:

- Действительно, давайте подкрепимся: ведь в военторге штаба армии зимой снега не выпросишь.

Вмиг раскинули плащ-палатку, каждый выложил на "стол", кто чем богат. У кого-то нашлась фляжка с "горючим". Все оживились, стали вспоминать прошлое - ведь встретились люди, не первый день воевавшие плечом к плечу.

* * *

В Сташуве шофер резко притормозил машину перед Девушкой-регулировщицей - моей давнишней знакомой.

- Не опоздали, Машенька? - спрашиваем ее.

- Наши никогда не опаздывают, - улыбаясь, ответила девушка и грациозно взмахнула флажком, указывая нам путь к штабу 3-й гвардейской танковой армии. - Привет однополчанам! - донесся к нам ее звонкий голосок.

- Машенька, где будешь встречать нас в следующий раз? - громко спросил начальник политотдела.

- На Одере буду встречать...

И слова ее сбылись.

Белокурая Машенька идет с нашей армией по дорогам войны от самого Киева. Она помогала 55-й бригаде выйти за линию фронта в памятные дни 1943 года в Паволочи. Танкисты видели ее на дорогах Украины и на улицах Львова. Взмахами своего флажка она указывала путь колоннам танков и автомашин на дорогах Польши. Ночью регулировщица в плащ-накидке сигналила зеленым фонариком нашим танкам, которые двигались к переправам на Висле, а потом и на Одере...

Штаб нашей армии расположился в лесу за Сташувом. По лесным дорогам и просекам стекались сюда машины. К назначенному времени подъезжали командиры полков и бригад, командиры корпусов, их заместители и начальники штабов, начальники политотделов - весь руководящий состав 3-й гвардейской танковой армии.

Несколько просторных госпитальных палаток, смонтированных вместе, еле вместили всех прибывших. На столах разложены карты, на стенах палаток развешаны большие схемы с жирными красными и синими линиями и стрелами. Посреди этого импровизированного зала стоял огромный ящик с песком, на котором был изображен рельеф местности. Собравшиеся оживленно разговаривали, ожидая приезда командующего фронтом И. С. Конева.

Многих из тех, кого я знал и видел в июне сорок четвертого, не было теперь среди командиров бригад и полков. Одни погибли в последних битвах на Висле, другие были ранены и находились в госпиталях. Вместо убывших появились новые командиры частей и соединений.

Оживление принес с собой вечно молодой, улыбающийся корреспондент нашей газеты, поэт и старейший комсомолец страны Александр Ильич Безыменский, возле которого сразу собралась группа людей.

По команде "Смирно!", поданной зычным голосом начальника оперативного отдела полковника Еременко, сразу наступила тишина. Сопровождаемый группой генералов, вошел маршал Конев.

Все мы знали, что в скором времени предстоит большое наступление. Недаром на этом плацдарме сосредоточились танковые армии П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко, общевойсковые армии А. С. Жадова, К. А. Коротеева, В. Н. Гордова, П. А. Курочкина, И. Т. Коровникова, Н. П. Пухова и многие другие объединения и соединения.

Наш 1-й Украинский фронт стоял на одном из главных направлений - отсюда шел кратчайший путь к жизненно важным центрам фашистской Германии.

Начальник штаба армии генерал Дмитрий Дмитриевич Бахметьев доложил план операции. Говорил он хорошо, выразительно, без конспектов. Большая указка легко скользила по рубежам обороны противника, по жирным красным стрелам, указывавшим направление нашего предполагаемого наступления. Взгляд больших умных глаз Дмитрия Дмитриевича был устремлен на командующего фронтом. Казалось, только маршалу Коневу рассказывал Бахметьев о предстоящем прорыве глубоко эшелонированной обороны противника вдоль рек Нида, Пилица, Варта, Одер. Эти рубежи, связанные между собой опорными пунктами, пока не были заняты войсками: гитлеровцы только подтягивали резервы.

Охарактеризовав силы противника и ознакомив нас с местностью, на которой предстоит воевать, Дмитрий Дмитриевич стад излагать план предстоящих действий армии.

Главный удар войск 1-го Украинского фронта направлялся на Ченстохов, Радомско. Обходящие стрелы шли на Краков и в обход Силезского промышленного района. Жирные стрелы на схеме выводили войска в центральную и южную часть Германии. Этот удар отрезал Венгрию и Чехословакию с их высоким промышленно-экономическим потенциалом от Германии и раскалывал ее на две части.

Доклад генерала Бахметьева подходил к концу: он перешел к распределению сил и средств по корпусам. Маршал Конев вдруг встал, направился к одной из схем, внимательно посмотрел на нее и спросил Бахметьева:

- А куда вы загнали истребительно-артиллерийскую бригаду? Почему она оказалась в хвосте?

Генерал Бахметьев снял очки, медленно протер их, посмотрел на схему, перевел взгляд на Конева и спокойно ответил:

- Товарищ маршал, мы исходили из того, что танки более подвижны, а значит, смогут быстро завязать бой. Артиллерия же на тягачах менее поворотлива и скует действия вторых эшелонов и резервов.

- Танки-то завяжут бой, а кто его развяжет?.. Ну что ж, если вы не находите дела для приданной артиллерии, оставляйте ее в обозах, я буду вынужден передать ее генералу Лелюшенко...

Бахметьев растерялся.

- Товарищ маршал, я исправлю эту ошибку, - быстро нашелся П. С. Рыбалко. - Мы раздадим артиллерию по колоннам и поставим ее ближе к голове. Должен вам доложить: это мой просчет. Вчера Дмитрий Дмитриевич предлагал вариант, близкий к вашему. Я его не утвердил. А вот сейчас начальник штаба решил выгородить меня и, как видите, попал впросак...

Все рассмеялись. Улыбнулся и Конев.

- Запомните, товарищи, мы обязаны упредить врага, - твердо сказал маршал. - Нам нужно прийти раньше немцев к Ниде, Варте, Пилице, Одеру. Не дать противнику укрепиться на этих рубежах - вот что главное. Сумеем сделать это - враг будет разгромлен с ходу, и задача будет нами решена. А решать ее должны наши танковые соединения, мобильные и быстрые передовые отряды.

Слушая затем генерала Рыбалко, излагавшего подробный план действий, я думал и о роли 55-й бригады в будущих боях. Свое решение он доводил до нас, как всегда, четко, доходчиво, логично.

В заключение выступил Иван Степанович Конев. Он медленно встал, взял указку и подошел к схеме:

- Командующий армией генерал Рыбалко и его начальник штаба генерал Бахметьев уже изложили вам план операции и предполагаемых действий. Вполне согласен с ними. Предлагаемое решение будет рассмотрено и утверждено. Артиллерию, Павел Семенович, поставьте в голову колонны. Это вопрос принципиальный. Надо, чтобы танки были свободны в своих действиях, а не скованы, не втянуты в бой с головными силами противника. Если артиллерия будет в голове, она скует его действия, даст возможность своевременно развернуться нашим танкам и под прикрытием артиллерии они смогут выбрать уязвимый фланг и бить неприятеля по частям.. Кроме того, артиллерия, будучи ближе к голове, сможет лучше поддержать своим огнем атаку танков.

Маршал оторвался от карты, подошел к нам, окинул острым взглядом сидящих впереди, не повышая голоса продолжал:

- Мы с вами стоим на пороге фашистской Германии. Необходим еще один прыжок на пути к полной победе. Нам выпала большая честь одними из первых ворваться в пределы этой страны. Чем ближе к заветной цели, тем ожесточеннее будет борьба. Задача эта нам по плечу. Наш 1-й Украинский фронт располагает огромной ударной и огневой силой. Танковые армии Рыбалко и Лелюшенко, механизированные и танковые корпуса Фоминых, Полубоярова, Кузнецова нацелены на запад. Им предстоит вырваться вперед, с ходу захватить водные преграды Ниду, Пилицу, Вислу и Одер, овладеть оборонительными рубежами, крупными железнодорожными узлами Кельце, Радомско, Ченстохов, Краков, парализовать тылы врага, расстроить управление войсками.

Я сидел впереди и видел, как у этого сурового, спокойного человека загорелись глаза.

- Не ввязывайтесь в мелкие стычки, обходите узлы сопротивления, не задерживайтесь в городах, выходите на оперативные просторы, не оглядывайтесь по сторонам и не ищите флангов. В руках фронта наши танковые войска - это стальная стрела, которая должна успешно проникнуть в глубь Германии. В центре, на фланге и вместе с вами идут общевойсковые армии Жадова, Курочкина, Гордова, Коротеева, Коровникова, Пухова. Они на своем пути все подберут и подчистят. Я знаю вас по предыдущим боям, хорошо знаком с вашим командующим Павлом Семеновичем Рыбалко. Это дает мне основание надеяться, что действия наших мужественных танкистов будут успешными.

Я жадно всматривался в лицо маршала, о котором много слышал еще тогда, когда в ранней молодости лейтенантом служил на Дальнем Востоке.

Впервые я увидел генерала Конева в тяжелое время под Ржевом глубокой осенью 1941 года. Через год наш 3-й механизированный корпус входил в состав Калининского фронта, которым командовал Иван Степанович. В дальнейшем видел его у Белгорода, Харькова, на Левобережье Украины. Но особенно запомнилась встреча в первых числах июня сорок четвертого недалеко от Тернополя, в период подготовки к Львовско-Сандомирской наступательной операции. В дальнейшем, в ходе боев, я не раз встречал его в боевых порядках войск, сражавшихся на главном направлении, на самых опасных участках фронта...

И вот теперь увидел маршала в процессе организации одной из крупнейших операций Великой Отечественной войны - Висло-Одерской наступательной операции.

Закончив свое выступление, командующий фронтом попрощался с нами и уехал в другую армию.

Позднее, когда все уже разъехались по своим местам, командир корпуса генерал Митрофанов, задержавший нас с Дмитриевым и Свербихиным, объявил свое решение. А перед самым отъездом он напомнил:

- Смотрите, товарищ Драгунский, командарм приказал после реки Нида вашу бригаду пустить в передовой отряд. Это вас устраивает?

- Вполне! - ответил я. - Все будет в порядке, товарищ генерал!

На открытом "виллисе" мы втроем мчались в свою часть. Все мысли были заняты предстоящими боями. Итак, бригада опять в передовом отряде...

Я обернулся к своим друзьям, которые тоже, видимо, размышляли о поставленной нам новой задаче:

- Александр Павлович, что ты думаешь насчет передового

отряда? Нас же снова будут ругать? Да и как оно может быть иначе! Вырвешься далеко ругают. Не оторвешься от своих войск - опять плохо...

- Ничего, - успокоил Дмитриев, - за одного битого двух небитых дают. Прогуляемся по вражеским тылам - нам это не впервой. Надо серьезно все продумать.

- Только не сегодня, - заметил начальник штаба. - Сегодня будем отдыхать. А готовиться начнем завтра.

Когда подъехали к расположению бригады, часовой сразу узнал машину и быстро открыл шлагбаум. Через несколько минут мы очутились в натопленной землянке. Какой она показалась уютной! Петр Кожемяков накрыл на стол. От котелков с наваристым украинским борщом столбом валил пар.

После ужина начальник штаба Свербихин ушел к себе, а мы с Дмитриевым решили обойти землянки. Надо было повидать командиров батальонов, рот, поговорить с танкистами о предстоящих делах. После ярко освещенной землянки лес показался нам сплошной черной стеной, но постепенно глаза привыкли к темноте, и мы стали различать лесные тропинки и просеки.

То тут, то там вверх взлетали снопы золотистых искр: в землянках вовсю топили нечурки. Жизнь в землянках била ключом: офицеры склеивали карты, изучали по справочнику местность. Во втором батальоне шло партийное собрание, посвященное задачам коммунистов в предстоящем бою.

Обойдя подразделения, немного уставшие, но радостные, мы возвратились к себе.

Со следующего дня подготовка к предстоящему наступлению пошла полным ходом. Танкисты, переодетые для маскировки в форму других родов войск, по многу раз в день ездили к переднему краю. Механики-водители еще и еще раз проверяли прочность мостов. Саперы ремонтировали дороги, артиллеристы оборудовали огневые позиции. Танки загружались снарядами, патронами, продовольствием, заправлялись горючим.

Боевая задача доводилась до каждого солдата. На партийных собраниях принимали в партию тех, кому предстояло вскоре идти в бой.

Час наступления приближался.

На оперативных просторах

Последние хлопоты, связанные с подготовкой к предстоящему наступлению, закончились. Угомонился взбудораженный лагерь. Темнота окутала все вокруг. Бесконечной была та тревожная ночь. Мысли о предстоящих боях, о судьбах однополчан-танкистов не покидали меня. Уснул я только перед

самым рассветом.

- Началось! - раздался над самым ухом голос адъютанта.

В распахнутые двери землянки ворвались медные звуки горна, и через несколько минут ожил дремавший лес. Из землянок, застегивая на ходу телогрейки, полушубки, комбинезоны, подгоняемые сигналом и легким морозцем, бежали к своим танкам, орудиям, машинам танкисты, артиллеристы, десантники. Брезенты и маскировочные сети полетели на землю. Заскрежетали люки башен. Густой дым от заведенных моторов окутал лес.

Откуда-то издалека, с переднего края, доносились глухие разрывы снарядов. Мы знали, что в эти часы пошли в атаку передовые батальоны 1-го Украинского фронта. Атака наших передовых батальонов была только началом развязка наступила тогда, когда в 10 часов началась двухчасовая артиллерийская подготовка. В мощи огня чувствовался почерк маршала Конева он умел в нужный момент мастерски сконцентрировать артиллерию на главном и решающем направлении. Создавая плотность артиллерии до 250 орудий на километр фронта, командующий обеспечивал надежный прорыв обороны, прорубал артогнем ворота во вражеской обороне, направляя и пропуская через них свои главные силы. Десятки тысяч снарядов и мин, фугасных бомб кромсали и взрывали немецкую оборону. В последнее время нервы у немцев стали сдавать. Особенно это было заметно по мере приближения советских войск к границам рейха. Сегодня гитлеровцы тоже не выдержали: за 45 минут до окончания артиллерийской подготовки наши стрелковые взводы с танками стали демонстрировать атаку. Их действия враг принял за начало наступления главных сил фронта и вывел свою живую силу и огневые средства из укрытий в первую и вторую траншеи.

На атакующие подразделения обрушился огонь артиллерии, минометов. Вводились в бой резервы противника. Этого и добивался командующий войсками фронта. Теперь ему уже докладывали о местонахождении вражеских артиллерийских позиций, об опорных пунктах, узлах связи, командных пунктах.

И тогда по гитлеровцам был нанесен мощный 15-минутный огневой налет нашей артиллерии. Управление врага было парализовано, в окопах и траншеях почти не осталось живых гитлеровцев.

Началась одна из самых крупных наступательных операций по вторжению советских войск в Германию.

* * *

Морозное утро. В лесной тишине далеко разнеслись торжественно произнесенные слова команды: "Под Знамя,

смирно!" Перед строем проплыло алое полотнище гвардейского Знамени, с которого на танкистов смотрело знакомое с детства лицо Ильича. Знамя пронес Герой Советского Союза старший сержант Николай Никитович Новиков, ассистентом у Знамени был прославленный пулеметчик, сын азербайджанского народа Герой Советского Союза Авас Касимович Вердиев.

Короткий митинг открыт. На нем выступали ветераны бригады - Клим Мокров, Николай Новиков. Выступали те, кто в суровые дни сорок первого года вели смертельные и неравные бои с фашистами под Белостоком и Ковелём, в Прибалтике и под Ленинградом, под Москвой и Одессой. Мы долго ждали этого дня. Сегодня открылась еще одна страница войны - начинался поход к немецкой границе, в Германию.

По принятой традиции я опустился на колено. Рядом со мной были начальник политотдела Дмитриев и начальник штаба Свербихин. Перед нами застыл в строю личный состав бригады.

В тот день давали гвардейскую клятву на верность Родине и боевому Знамени братья Михаил и Валентин Рябовы. Я не мог оторвать взгляда от юных бойцов-комсомольцев. Я знал этих замечательных ребят со времен боев на Днепре.

Братья были очень похожи друг на друга. Посмотришь на них, и сразу приходит мысль: "Конечно, это братья, и, наверное, близнецы". Но когда познакомишься поближе, ясно видишь разницу в характере. Валентин - бойче, разговорчивее, Михаил - более сдержан. Чувствовалось, что он во всем полагался на брата и уважал его как старшего.

Родом они были с Кубани. В суровые дни 1942 года Валентин, учившийся в ремесленном училище, вернулся из города в станицу. Отец ребят, Василий Дмитриевич Рябов, к тому времени ушел на фронт. Мать умерла. И застал Валентин дома только пятнадцатилетнего Мишу. Что делать? Долго думали братья и решили обратиться в военкомат. Но в армию их не взяли. Тогда ребята забросили за спину мешки с харчами и ушли из родной станицы, к которой приближался фронт. Оказавшись в тылу страны, братья снова направились в военкомат. На этот раз Валентина призвали в армию, а Михаилу опять отказали. Когда призывников стали строить в колонну, Валентны сказал брату:

- Становись, Мишка, в ряд. Если будут проверять по списку, назови мое имя. В колонне никто тебя не обнаружит...

Так и сделали. Вместе с колонной братья пришли на вокзал, сели в вагон. Когда же пополнение прибыло в маршевую роту и прибывшим приказали рассчитаться по порядку номеров, вместо ста налицо оказался сто один человек. Последовала команда повторить расчет. Результат получился тот же.

- Кто-то лишний, - сказал командир. - Ну да ладно, пусть будет сто один.

На фронт ребята попали на Днепре в конце 1943 года. Стояли сырые, холодные дни, дули пронизывающие ветры. Братьев послали в разведку: Валентина - в группе, отправлявшейся за "языком", Михаила - на поиски места для переправы.

С заданием оба справились успешно, их так и оставили в разведке. Братья Рябовы стали отличными разведчиками. На груди у каждого было уже по два ордена и по медали. И вот Валентин с Михаилом удостоились чести быть принятыми в славную семью гвардейцев...

Новиков, Вердиев и весь знаменный взвод направились в голову колонны и установили Знамя на командирском танке.

Громкое "ура!" прокатилось над лесом, смешавшись с эхом артиллерийской канонады. Зычная команда "По машинам!", и люди стремглав бросились к танкам, бронетранспортерам, орудиям. Над колонной замелькали разноцветные командирские флажки...

Только к ночи вышла бригада в назначенный район: двумя колоннами уткнулась в берег реки Нида. В тот день я еще раз убедился, как нелегко совершать марш в тылах своих войск. Казалось, все было предусмотрено, рассчитано, расписано, даже проиграно и отрепетировано на картах и ящиках с песком. И все же целый день мы наталкивались на медико-санитарные батальоны общевойсковых армий, на кухни и обозы дивизий первых эшелонов и даже на обозы военторга.

Комбату Федорову, который шел со своим батальоном впереди бригады, пришлось основательно поработать. Когда не давали результатов ни просьбы, ни угрозы, приходилось выдвигать вперед танки, которые "культурненько" прижимали к обочине дороги все и вся, расчищая таким образом путь нашей колонне.

55-я бригада шла в передовом отряде. Задача, поставленная перед ней, была предельно ясной: обогнать части 9-го мехкорпуса генерала Сухова, пройти через боевые порядки 52-й армии генерала Коротеева, войти в прорыв через ворота, прорубленные этими войсками, и устремиться вперед, в оперативную глубину. Наш командарм и его штаб, разрабатывая эту операцию, особое внимание уделили передовым отрядам, которые должны были не ввязываться в мелкие бои и стычки, не оглядываться по сторонам, обходить населенные пункты и оказаться далеко во вражеском тылу, захватывая там аэродромы, железнодорожные станции, рубежи обороны, жизненно важные центры, а также деморализовать управление вражескими войсками и их

снабжение.

Павел Семенович Рыбалко пристально следил за тем, как выходят в свои исходные районы бригады, предназначенные для действий в передовых отрядах. Командарм доверял людям и знал их. Нередко он сам подсказывал, кого можно послать для выполнения дерзкой и смелой задачи, кого назначить на прорыв обороны, кого использовать для закрепления плацдармов...

* * *

Рассекая кромешную темень и мокрый снег, к нам в реденький лесок подкатил "виллис" генерала Рыбалко. По широкой улыбке, по радостно сияющим глазам генерала чувствовалось, что дела на фронте идут успешно.

- У вас все готово?

- Абсолютно все, - ответил я командарму.

Хотя тылы бригады пока еще застряли в хвосте войск 52-й армии, я был уверен, что к утру они приползут, так как хорошо знал начальника тыла бригады Леонова. Он со своим обозом, если не будет другого выхода, проскочит даже через игольное ушко, но нас догонит.

- Задачу все уяснили?

- Все, товарищ генерал.

- Как будете брать Енджеюв? - продолжал задавать вопросы Рыбалко.

- По обстановке. Во всяком случае, товарищ генерал, решил действовать без оглядки.

- Это правильно. - Сурово взглянув на меня, Рыбалко поднял над головой сжатый кулак, указал им в сторону фронта: - Темпы, темпы нужны. Вам надо уйти завтра на шестьдесят - восемьдесят километров от линии фронта, захватить Енджеюв, перерезать дорогу Кельце - Краков, захватить аэродром. Пройдетесь с огоньком и к вечеру будете в Енджеюве. Поняли меня?

Я внимательно слушал командарма. Этот обычно уравновешенный человек вдруг предстал предо мной по-юношески задорным и темпераментным.

- Товарищ командующий, я так и понял свою задачу. Больше того, если не подойдет вовремя Головачев, буду брать город одной бригадой, а частью сил захвачу аэродром и перережу дорогу на Краков.

- Это было бы очень хорошо, - поддержал Рыбалко. - Во всяком случае завтра к исходу дня буду у вас в городе Енджеюве.

- Милости прошу, обязательно приезжайте, - сказал я командарму, будто приглашал его к себе в дом.

По глазам Павла Семеновича я понял - мои планы он одобряет.

Через несколько минут мы с ним были недалеко от полуразрушенного моста, куда головой уткнулся батальон Федорова. На мосту возились саперы, а правее бригадный инженер Быстров взрывал ледяную корку, затянувшую реку, подготавливая проходы для танков. Здесь же, на берегу, направляя на карту луч маленького фонарика, Федоров доложил командарму полученную задачу.

Рыбалко иронически посмотрел на комбата:

- А не заплутаетесь с такой картой?

- Никак нет, товарищ генерал, выйду и без карты куда приказано.

- Вы правы, воюют на местности, на земле. Но все же комбату надо видеть дальше, а без карты дальше своего носа не увидишь. - И тут же по свойственной ему манере быстро менять тему спросил: - Как будете брать Велюнь?

Вопрос этот для комбата был неожиданным: ведь такой задачи ему не ставили. Город Велюнь находился в 150 километрах от линии фронта.

- Для командира батальона это уже далековато, - попытался я заступиться за Федорова.

- Неправильно! - резко оборвал меня Рыбалко. - Он. должен знать главное направление удара, должен иметь в руках даже план Берлина.

Спорить я, естественно, и не думал, хотя мне казалось, что Павел Семенович был не совсем прав. Откуда командирам батальонов знать замысел фронтовой или армейской операции? Даже мы, командиры бригад, не были посвящены в план фронтового командования. Среднее руководящее звено командиры полков, бригад, дивизий - не знало деталей даже армейских операций. Да это было нам и ни к чему. Для нас всегда действия наших частей и соединений, их удары были решающими, и потому мы постоянно считали, что находимся на главном направлении. Ведь на пути нашего наступления каждый город, каждая деревня, любой опорный пункт или оборонительный рубеж были главными. Это, по крайней мере, всегда внушал нам сам Рыбалко.

Теперь, стоя на берегу Ниды, генерал продолжал отчитывать меня:

- Воюют роты, батальоны. От их действий зависит успех корпусов, армий и, если хотите знать, успех фронта. А вы обрекаете ваших комбатов на полное незнание обстановки и перспектив дальнейших действий.

Я попытался было сослаться на наши наставления, которые не рекомендуют говорить лишнего подчиненным в целях

сохранения секретности. Сказал и сам был не рад этому. Командующий сурово отчеканил:

- Я наставления знаю не хуже вас, сам участвовал в их разработке. Но поймите, наш офицер заслуживает большего доверия. Пусть знает комбат наши планы, наши перспективы. Пусть зримо ощущает Одер, Дрезден, Берлин и всю нашу конечную победу... Устав - не догма. Помните, что говорил по этому поводу еще Петр Первый? "Не держись устава, яко слепой - стены..."

Усилившаяся артиллерийская стрельба, зарево пожаров напоминали нам, что сейчас не время для дебатов. Командарм заторопился на свой командный пункт.

- Ну что ж, друзья, мне пора ехать. Не забывайте, бои будут ожесточенные. Мы сейчас воюем за себя, за нашу Родину и за наших союзников. Вы, наверное, слышали, что союзники зажаты под Арденнами. Надо помочь. Иначе им придется туго. Вот мы и ударим с огоньком, - продолжал он. - Скоро, очень скоро мы станем обеими ногами на землю противника. А вам, вашей бригаде, быть первой. Понятно?

Командарм по-дружески простился с нами, легко вскочил в машину, и она тут же скрылась в непроглядной темноте.

* * *

На второй день гигантского зимнего наступления войска фронта вышли на западный берег Ниды. Артиллерия и минометы взорвали плотину и вскрыли ледяную корку. Вода оказалась спущенной, и тридцатьчетверки перешли реку по дну.

Мы двигались мимо развороченных дзотов, мимо изуродованных оборонительных сооружений противника, проходили по очищенным от мин дорогам. Путь на Енджеюв был открыт.

В эфир передали мою команду оставить шоссе и уйти с центральной магистрали - мы действовали по выработанной в предыдущих боях тактике обходов. Вся бригада поползла оврагами, балками, по бездорожью. 1-й батальон выскочил южнее и юго-западнее города. Удар танкистов Федорова был настолько быстрым и внезапным, что гитлеровцы не успели опомниться. Одна из рот батальона захватила железнодорожную станцию, другая вышла к аэродрому. Немцы даже не пытались обороняться. Они приняли вначале наши танки за свои. А когда разобрались, было уже поздно. С востока и юга подошли главные силы бригады. Сложились благоприятные условия для выполнения давно вынашиваемого мною плана: развернуть бригаду и атаковать город с ходу, не терять ни минуты, не ждать подхода мотострелковой бригады Головачева.

65 танков и 20 самоходок развернулись в боевую линию. В воздух взвились ракеты, и сотни снарядов полетели в сторону фашистов. Вслед за десятиминутным огневым налетом танки ринулись вперед, преодолевая противотанковые и противопехотные заграждения. Через полчаса они уже добрались до окраины Енджеюва. Боевой азарт увлек меня в цепь автоматчиков, которые с криком "ура!" неслись вслед за танками. Слева и справа от меня бежали начальник политотдела, офицеры штаба. Неприцельный, неорганизованный и неуправляемый огонь противника постепенно стихал.

Немцы отходили к городу, надеясь, что стены домов спасут их от гибели. Наши танки, набирая скорость, устремились по улицам Енджеюва. Я вскочил на какой-то отставший танк, он и вынес меня на центральную площадь.

Город был в наших руках. Мы захватили тысячи пленных, аэродром с уцелевшими самолетами, огромные склады. Освободили два эшелона с советскими людьми, которых гнали на запад в фашистскую неволю.

Немного времени потребовалось нам, чтобы очистить город от засевших гитлеровцев. Поляки помогли выловить фашистов и организовать сборный пункт военнопленных.

Командир мотобригады - мой друг Александр Головачев был ошарашен, узнав, что 55-я танковая бригада находится уже в самом городе. Сначала он не поверил этому, и для уточнения обстановки одна его батарея успела сделать залп, но, к счастью, обошлось без потерь. Сразу полетели радиограммы командиру корпуса, командарму и Головачеву - прекратить огонь по городу. Вскоре я встретился с Головачевым.

- Почему ты меня не подождал? - с укором сказал он. - А еще земляк! Договорились организовать взаимодействие, составили таблицы, установили сигналы, а ты действуешь как партизан.

- Саша, ради бога, не сердись! Не мог я тебя ждать. И не волнуйся, впереди еще много городов, много деревень, не один раз еще повоюем вместе. До победы не так близко, как нам хотелось бы...

Головачев сердился, упрекал меня, но взгляд его был добрым. Я понял: в душе он был рад успеху бригады.

В Енджеюв прибыл начальник штаба армии Дмитрий Дмитриевич Бахметьев. Он осмотрел аэродром, железнодорожную станцию, распорядился эвакуировать пленных. Разобравшись в обстановке, уточнил дальнейшую задачу бригады и на прощание неловко сжал меня в объятиях.

- Молодцы! Так и скажу Павлу Семеновичу. Ведь 55-я бригада перерезала важную магистраль Кельце - Краков и открыла дорогу на Ченстохов. Туда мы с утра запустим бригаду Чугункова...

В ту же ночь танковые бригады, корпуса, вся наша танковая армия устремились в образовавшуюся брешь в обороне противника, ломая по пути его сопротивление. Войска ринулись вперед, обгоняя отступавших и бегущих на запад немцев. Вот он - оперативный простор, о котором все время твердил Иван Степанович Конев, о котором мечтал Павел Семенович Рыбалко и мы - командиры частей и соединений.

Не оглядываться назад, не бояться открытых флангов - только вперед и вперед, деморализуя тылы врага, нарушая его

управление, уничтожая резервы в глубине, - вот чего мы добивались в январские дни 1945 года.

Весь 1-й Украинский фронт развернулся широким веером. На правом фланге в направлении Кельце глубоким клином врезалась армия Д. Д. Лелюшенко. Наша армия развивала стремительное наступление на Ченстохов. Южнее, на Краков, шли отдельные танковые корпуса фронта. Быстрыми темпами наступали войска К. А. Коротеева, А. С. Жадова, П. А. Курочкина, В. Н. Гордова, Н. П. Пухова, И. Т. Коровникова. Остановить эту танковую армаду и следовавший за ней человеческий поток, тысячи машин, десятки тысяч орудий и минометов было почти невозможно. Фашистские войска откатывались на запад, растворялись в лесах. Отступающие деморализованные гитлеровцы спешно занимали заранее подготовленные, глубоко эшелонированные оборонительные рубежи. Подходившие из тыла резервы немецкое командование бросало в бой с ходу, разрозненно и неорганизованно.

Нида и Пилица с их оборонительными рубежами остались далеко позади нас. Это был уже глубокий тыл. С большим волнением мы приближались к реке Варта прежней немецкой границе. Ночь на 18 января выдалась слякотной. Липкий, мокрый снег забивал смотровые щели в танках, очистители застревали на ветровых стеклах автомашин. Колонна преодолевала непролазную грязь со скоростью два-три километра в час. Пристроившись в хвосте какой-то колонны, мы почти вслепую ползли за ней.

У самого моста я остановил бригаду. Шедшая впереди колонна с выключенными фарами миновала мост и скрылась в темноте. Бригадный инженер Н. И. Быстров со своими саперами осматривал устои, перила и все детали моста.

- Танки по такому мосту не пройдут! - таково было заключение инженера. - Усилить мост можно только с утра - под руками нет никаких материалов.

- Завтра будет поздно, Николай Иванович. Сегодня ночью мы должны быть на немецкой земле.

Танки, тяжело кряхтя, отошли в сторону, уступив место колонне автомашин, броневиков, радиостанций. Вместе с ними переправился и штаб бригады.

Вот мы и на немецкой земле. Кругом темно. На дороге пустынно. Первый населенный пункт на территории Германии встретил нас темными окнами брошенных каменных домов...

Инженер Быстров выполнил приказ. Танки бригады в ту же ночь переправились через Варту. Нелегко досталось это саперам и танкистам: уровень воды доходил до полутора метров, заливало

люки механиков-водителей. Но мокрые, продрогшие танкисты были вознаграждены за эту трудную ночь - они одними из первых достигли старой германской границы и обеими ногами встали на вражескую землю.

Меня все время одолевало беспокойство: кто проскочил впереди нас? не сбилась ли с маршрута бригада Слюсаренко? не выкинет ли чего Головачев в отместку за Енджеюв?

И только утром, когда стало совсем светло и рассеялся туман, удалось в конце концов разобраться. Оказалось, что впереди нас всю ночь маячил немецкий пехотный батальон. Он уходил на запад, мы же спокойно следовали за ним. Этот батальон и привел нас к мосту, к переправе. Плененный нами немецкий офицер признался, что они тоже не разобрались в обстановке, приняли нашу колонну за свою.

Посмеиваясь в душе, смотрел я на Осадчего, шедшего в ту ночь впереди с головным отрядом. Заметив мой взгляд, комбат смутился и очень выразительно показал кулак разведчику Борису Савельеву. Оба прохлопали противника. Этот случай надолго остался темой едких шуток по адресу Осадчего.

В тот же день я узнал, что бригады Слюсаренко и Головачева тоже форсировали Варту, но на других участках. Неудержимо неслась к границе 52-я армия генерала Коротеева. Наступление продолжалось по всему фронту, и наши дороги проходили теперь через горящие города и деревни фашистской Германии.

Мы продолжали неотступно преследовать врага, с боями уходившего на запад. Ночь застала нас в небольшом населенном пункте.

"За мной!" - полушепотом скомандовал автоматчикам молодой голубоглазый лейтенант Николай Бессонов.

Автоматчики мгновенно соскочили с машины и устремились в первые дома. В них было пусто. Обитатели бежали. За поворотом кривой улочки виднелся двухэтажный дом с плохо зашторенными окнами: на улицу просачивались узкие полоски света. Мы с автоматчиками вошли в дом, и нас уже на пороге встретили радостные крики: в доме укрывались русские девушки, угнанные фашистами из Херсона, Запорожья, Киева. Второй день они ждали здесь своих освободителей.

На столе неярко светила самодельная керосиновая лампа. Бледные, изможденные лица сияли.

- Мы так ждали вас, так ждали...

Девушки наперебой рассказывали о долгих месяцах фашистской неволи, о непосильной работе, которую их заставляли выполнять.

Можно было много часов слушать повесть о их горестной

жизни, но нас торопил воинский долг - надо было наступать дальше на запад.

- Что нам делать? - в один голос спрашивали девчата.

- Собирайтесь в дорогу. Через день-другой вас увезут на Родину.

Вышли из дома. Рядом со мной шагал лейтенант Бессонов. Он был задумчив и неразговорчив, силился скрыть волнение, но это не удавалось. Я знал Николая Бессонова второй год. Знал, что до войны он был токарем на одном из заводов Нижнего Тагила, что в августе 1942 года добровольцем ушел в армию и окончил Свердловское пехотное училище. Фронтовой путь молодого офицера начался в 104-м стрелковом полку 62-й стрелковой дивизии. К нам Николай Бессонов попал из госпиталя, где лечился после ранения, и попал не случайно - в 55-й бригаде воевал его отец - Александр Григорьевич Бессонов. Но встретиться им не пришлось: отец погиб незадолго до прибытия сына.

Я понимал состояние лейтенанта. Видимо, разговор с украинскими девушками, вызволенными из фашистской неволи, снова напомнил ему о гибели отца. Ведь его сразила фашистская пуля...

Мы забрались в машины и догнали колонну.

На дорогах и магистралях то и дело попадались толпы изможденных, оборванных людей: французов, бельгийцев, голландцев, чехов, датчан, югославов. Встречая советских солдат, они страдальчески улыбались, выразительно жестикулировали, плакали. "Рус, рус", "советик", "братья", "виктория", "товарищ", - обращались они к нам.

А мы шли все дальше и дальше. Наступали и днем и ночью. Куда только девалась усталость! По радио было слышно одно: "Вперед, вперед!".

Не встречая организованного сопротивления противника, мы действительно ушли далеко вперед и оторвались от общевойсковых армий чуть ли не на восемьдесят километров.

Как затравленный зверь, метался враг в поисках лазейки, чтобы выскочить из советских котлов, по везде натыкался на танкистов Рыбалко и Лелюшенко, на дивизии Жадова и Коротеева, Курочкина и Гордова.

На марше, буквально с неба, к нам свалился желанный гость: офицер связи доставил на самолете По-2 карту. Красным карандашом был обведен на ней кружок вокруг города Велюнь. Это означало, что бригаду следует повернуть на северо-запад, совершить марш-бросок на 120 километров и к утру овладеть городом Велюнь.

Сборы были недолги. Пока Свербихин доводил новую задачу до комбатов, начальник тыла бригады Леонов организовал питание людей, одновременно шла заправка машин, танки пополнялись боеприпасами. С наступлением темноты бригада снова тронулась в путь.

Я прекрасно понимал, как трудно будет выполнить эту задачу. Вблизи нас советских войск не было. Помощи ждать не от кого: Велюнь находился на большом удалении от наших передовых частей. Решение могло быть одно - ночью с ходу ворваться в город и, разделавшись с гарнизоном, выполнить боевую задачу. В голову колонны был поставлен 2-й батальон, которым командовал Григорий Савченков. Я со штабом следовал за ним, ведя за собой два танковых батальона, батальоны автоматчиков, артиллерийский дивизион. Решено было колонну сжать до предела, сделать ее компактной. Тыл бригады с надежной охраной мы оставили на месте, чтобы кухни, цистерны, ремонтные летучки не затрудняли маневра главных сил, не путались под ногами.

Выключив фары, растянувшись на несколько километров, наша танковая колонна неслась по дорогам Германии, обгоняя обозы и отдельные машины гитлеровцев. Они аккуратно сходили на обочину, предоставляя нам асфальтированную дорогу. В темноте, не разглядев нас, немцы, конечно, были уверены, что пропускают вперед свои танковые части. На это мы и рассчитывали, решившись на столь необычный ночной рейд.

Я стоял в танке, упираясь ногами в снарядный ящик, и держал в руках выносное радиоустройство, готовый в любую минуту развернуть бригаду и вступить в бой.

Мимо мелькали города, деревни, хутора, погруженные во мрак и безмолвие.

Где-то около полуночи поступило сообщение от Осадчего, что его батальон догоняет легковая машина с выключенными фарами. Я приказал уточнить, чья машина и куда следует. Через несколько минут комбат доложил: "Машина немецкая, в ней несколько человек, идет на большой скорости. Жду вашего распоряжения". Мой приказ был предельно кратким: "Машину задержать, пленных доставить ко мне", а про себя подумал: "Интересно, что за гуси нам попались?" Каково же было мое удивление, когда Осадчий сообщил, что в машине находятся... два военных корреспондента - Безыменский и Борзунов.

Александр Ильич Безыменский и Семен Михайлович Борзунов были давними и добрыми друзьями нашей бригады, знали ее людей, часто бывали у нас, много писали о славных делах танкистов в армейской и фронтовой газетах.

Узнав от Рыбалко, что 55-я бригада действует в тылу врага, Безыменский и Борзунов решили во что бы то ни стало добраться до нее. Прихватив с собой два автомата и ящик гранат, они сели в небольшую, черного цвета, трофейную немецкую машину и, не раздумывая о возможных последствиях этого, прямо скажем, рискованного шага, отправились искать бригаду...

Забегая вперед, скажу, что через несколько дней появилась статья о ночном рейде нашей бригады по тылам врага и о взятии Велюня. Но обо всем по порядку.

Перевалило далеко за полночь, когда, выскочив на опушку леса, мы очутились вблизи какого-то города. Ночью он казался диковинной громадой, распластанной в огромной котловине. В разных концах ее светлячками мигали покачивающиеся на ветру затемненные электрические фонари. Поелозив по карте, вглядевшись в темноту, мы попытались отыскать на местности какие-нибудь ориентиры, с этой же целью долго смотрели на небо в поисках знакомых звезд. Светящиеся стрелки часов показывали три часа ночи.

- Это все-таки должен быть Велюнь, - убеждал меня Свербихин.

По километражу, по времени, затраченному на марш, все как будто сходилось. Но на карте были показаны равнина и леса, которые с трех сторон охватывали Велюнь. А перед нами была котловина.

К моему танку подошли командиры батальонов, командиры рот. А голову сверлила мысль: "Только не медлить - иначе все сорвется".

Из темноты вынырнули разведчики.

- Все в порядке, товарищ комбриг, это и есть наш город! - запыхавшись, радостно доложил Борис Савельев.

- Чей, чей? - переспросил Дмитриев.

- Ничего, город будет нашим, - послышался голос Осадчего.

Начальник разведки бригады подал мне табличку. Направил луч фонаря на темную эмаль - сомнений нет: крупными белыми буквами выведено: "Велюнь".

Вздох облегчения вырвался из груди. Вокруг плотной стеной стояли боевые друзья, подчиненные, они ждали решения, приказа и были готовы немедленно действовать.

Выслушав приказ, офицеры бегом бросились к своим подразделениям, чтобы выполнить его.

Батальоны выходили в свои районы для броска на город. Савченков со своими ротами направился на противоположную опушку леса для атаки на западную окраину Велюня. Федоров и Осадчий приготовились вторгнуться с юга. Особую задачу

получили автоматчики - они должны были прокладывать путь танкам, освещая ракетами тесные извилистые улочки города.

Даже в такой напряженный момент языкастый Старченко не сдержался и беззлобно подковырнул своего друга Осадчего:

- Ну, Николай Акимович, хватит тебе на танках возить мою пехоту. Теперь постарайся сам не отстать от нее, не то будет жарко.

- Ладно, ладно, мы еще посмотрим, кто сильнее! - на ходу парировал Осадчий. - Смотри, дружище, не пропади без моих танков...

Я со штабом и резервной танковой ротой пристроился позади батальона Федорова.

- Готов? - запросил по радио Свербихин.

- Готов, - ответил Федоров.

- Третий готов, - повторил за ним Осадчий.

О готовности доложили автоматчики, артиллеристы, саперы и разведчики.

- Начнем, Григорий Андреевич? - обратился я к Свербихину.

- Рискнем, - ответил он, и в эфире раздалось: "Буря", "Буря"!

Завыли моторы, затарахтели гусеницы. Танки, артиллерия, минометы, пулеметы открыли залповый огонь. Снопы трассирующих пуль и снарядов полетели на город, догоняя друг друга. Тысячи разноцветных ракет взвились над ним. Танкисты и шоферы включили фары. Ночь отступила. Бригада ринулась на Велюнь.

Обезумев от неожиданности, немецкие солдаты в одиночку и группами выскакивали из казармы. Никем не управляемые, они метались из стороны в сторону и натыкались на наших автоматчиков, танкистов. В незавидное положение попали офицеры гарнизона, расквартированные по всему городу. Их попытки организовать сопротивление успеха не имели. Разведчики бригады оказались и на сей раз на высоте. Андрей Серажимов каким-то чудом добрался до электростанции и выключил свет. Его заместитель Николай Новиков хозяйничал на телефонной станции.

Нелегкой была эта ночь. Плана города мы не имели - это затрудняло продвижение рот и батальонов. И все-таки, отдавая приказ на начало ночных действий, мы рассчитывали не только на риск, без которого, кстати, немыслим ни один бой. Мы полагались на боевой опыт бригады, которой уже не раз приходилось действовать в аналогичных условиях. Мы рассчитывали на сработанность и четкое взаимодействие внутри части между танкистами и мотобатальоном, между ротами автоматчиков и артиллерийской, а также минометной батареями,

которые вырабатывались годами в ходе боев. Я, как командир бригады, рассчитывал на понимание подчиненными сложившейся обстановки, на смелость, находчивость и боевой опыт моих верных соратников: сибиряка П. Е. Федорова, крымчанина Г. И. Савченкова, уроженца солнечной Украины Н. А. Осадчего. Рассчитывал я также на полное взаимопонимание и поддержку моих ближайших помощников: кадрового офицера Г. А. Свербихина и бывшего секретаря райкома партии А. П. Дмитриева.

Мои надежды оправдались.

К рассвету Старченко со своими автоматчиками очистил южную и центральную часть города. На западную окраину Велюня входили танкисты 53-й танковой бригады полковника В. С. Архипова. Не отстала пехота генерала Коротеева. На северной окраине активно действовали части 254-й стрелковой дивизии.

Рыбалко торопил свои корпуса, подстегивал танковые и механизированные бригады, требуя от всех незамедлительно использовать успех передовых отрядов. Сам он на открытой машине, охраняемой небольшой группой автоматчиков, мчался к нам в бригады и батальоны, которые вырвались далеко вперед.

* * *

На небольшом косогоре неподалеку от города раскинулся хуторок, окруженный решетчатой оградой и двумя рядами высоких тополей. Свербихин облюбовал его для штаба. Место оказалось удачным. Из окна двухэтажного дома был виден поверженный Велюнь. В эти утренние часы город был затянут пеленой серого дыма.

Проведенные в боях бессонные ночи, нервное напряжение, физическая усталость валили с ног. Голова гудела. В ушах стоял звон. Наброшенный на голову полушубок отключил меня от всего происходящего в штабе, где жизнь и работа вошли в привычное фронтовое русло: обрабатывались данные разведки, отдавались распоряжения, посылались очередные донесения, направлялись в батальоны машины с боеприпасами, цистерны с горючим, политотдельцы торопились в роты. Меня сковал тяжелый сон.

И вдруг голос Кожемякова:

- Немцы...

Адъютант теребил меня за руку.

- Какие немцы? - не понял я спросонья.

- Колонна гитлеровцев движется в направлении штаба...

Сон сняло как рукой. Прильнув к окну, я разглядел в бинокль силуэты танков, четыре длинных орудия, много пехоты.

- Почему вы решили, что это немцы?

- Не может быть, чтобы там оказались наши, - сказал

Свербихин.

Мы выбежали из дома. Григорий Андреевич Свербихин поднял уже весь штаб по тревоге. Взвод связи, саперная рота, его и мой танки занимали западные скаты высоты. Рота крупнокалиберных пулеметов ДШК и разведчики Серажимова расположились в овраге. Резервную танковую роту подтянули ближе к поместью. Тем временем вражеская колонна медленно продолжала ползти в направлении хуторка. Противник, казалось, ничего не видел, никого не замечал. Как выяснилось позже, фашисты не знали, что Велюнь находится в наших руках.

- Как будем встречать незваных гостей? - спросил меня Свербихин.

- С почестями. Главное - терпение, выдержка. Пусть колонна выйдет из леса, подойдет поближе. Тогда и навалимся на нее...

Расстояние между нами и противником сокращалось с каждой минутой.

Дмитриев дернул меня за рукав полушубка:

- Не пора ли?

- Не торопись, пусть подойдут ближе...

А теперь - пора! По моему знаку взвился в небо сноп зеленых ракет. И сразу застрочили автоматы, басом заговорили крупнокалиберные пулеметы, посылая трассирующие пули в гущу вражеской колонны.

В тот же миг рванулась к лесу и отрезала гитлеровцам пути отхода танковая рота молодого офицера Манина. В помощь ей по моей команде начала действовать резервная танковая рота: огнем и гусеницами она стала уничтожать фашистскую колонну с тыла. Попытка врага вырваться из наших танковых клещей потерпела полный крах. Внезапно вспыхнувший бой был жарким, но скоротечным. За каких-нибудь полчаса все было кончено.

Дорого заплатили фашисты за свою беспечность. На поле боя осталось четыре танка, несколько подбитых орудий, свыше трехсот убитых. Около ста человек были взяты в плен. Немногим удалось вырваться из засады.

Старшина Николай Новиков доставил в штаб командира разгромленного сводного отряда.

Передо мной стоял коренастый полураздетый немецкий офицер с горящими от злости бесцветными глазами и отвисшей губой.

- Вот его мундир, документы, Рыцарский крест и все регалии, - доложил разведчик.

- Эсэс? - спросил я.

Офицер отрицательно замотал головой. Но пленные разоблачили своего бывшего командира. Оказалось, что именно

этот матерый фашист сколотил тысячный отряд из солдат фольксштурма и повел его в Велюнь. Только вчера на площади соседнего городка он с пеной у рта призывал воевать до победного конца...

Офицер связи доложил мне, что возле штаба остановилась машина командарма. Я побежал встретить Рыбалко. Докладывать Павлу Семеновичу подробности боя было излишним: он наблюдал все сам.

- Где ваша бригада? - первым делом спросил командарм.

- В городе и к северу от него.

Рыбалко неодобрительно покачал головой:

- Интересно у вас получается: бригада в городе, а командир бригады со своим штабом оторвался и воюет в одиночку. Вы как считаете - это нормальное явление?

- В данном случае считаю это правильным, товарищ генерал... Да и недавние события подтвердили это. Ведь именно здесь большая группа гитлеровцев пыталась выйти на Велюнь.

Я еще не остыл после боя и был сильно возбужден. Павел Семенович понял это. Он вплотную приблизился ко мне и по-отечески сказал:

- А горячиться не нужно. Я ведь переживал за вас. Вспомнился аналогичный случай под Львовом, когда чуть не погибли вы с генералом Митрофановым. Ну да ладно, что вспоминать прошлое... Расскажите лучше, как вы сумели ночью захватить Велюнь?

Мы вошли в дом. сели за стол, и я подробно изложил ход ночных действий.

Слушая мой пространный, не совсем последовательный доклад, Павел Семенович только покачивал головой да изредка отрывисто произносил тихим, глухим голосом: "Хорошо", "Очень хорошо", "Молодцы"...

Приглядевшись, я заметил, что командарм дремлет. Лицо его осунулось, щеки заметно ввалились, под глазами резче обозначились мешки. Здоровье у Павла Семеновича было основательно подорвано, но он не щадил себя: носился по фронту, днем руководил боями, по ночам осуществлял большие перегруппировки соединений и частей, успевал побывать в передовых отрядах, находил время подогнать и подстегнуть отстающие части. И только для отдыха времени всегда не хватало...

Я рукой дал знак, чтобы не шумели. Воцарилась тишина. Но Павел Семенович тут же вскочил:

- Вы думаете, я уснул? Нет, братцы, не до сна теперь. Устал - верно. Но отдыхать будем после победы.

На скорую руку позавтракав с нами, Рыбалко сказал:

- Оставьте часть сил для прикрытия города, а сами немедленно собирайте бригаду и так же, как раньше, не ввязываясь в затяжные бои, жмите к Одеру.

Подробно проинформировав нас о задаче, которую имеют командир корпуса и командиры бригад Слюсаренко и Чугунков, командарм словно бы подвел итог всему сказанному:

- Нам нужно выйти к Одеру раньше, чем немцы займут оборону. В этом главное.

Взяв карту, Свербихин красным карандашом начертил жирные линии, которые потянулись на запад.

Я вышел проводить генерала до машины.

- Ну а то, что вы разгромили этих вояк, - хорошо, мертвые не воюют. Фашисты нашего брата не жалеют, это вам отлично известно. Пусть расплачиваются по большому счету. - И, уже садясь в машину, Павел Семенович, устало улыбнувшись, спросил: - Где же теперь вас догонять?

- На Одере, товарищ генерал, - уверенно ответил я. К началу февраля войска 1-го Украинского фронта вышли на Одер и овладели огромным плацдармом на его западном берегу.

Глейвиц (Гливице), Катовице, Рыбник, Оппельн (Ополе), Бриг (Бжег) весь Силезский промышленный район был освобожден от фашистских войск. Преследование врага продолжалось днем и ночью. Неудержимой лавиной неслись танки на запад.

Зимнее наступление советских войск спасло союзников, оказавшихся в тяжелом положении под Арденнами. Под ударами наших фронтов немцы откатывались на запад, к Берлину. Они испытывали оперативное удушье. Мы отняли у них свободу маневра.

В Прибалтике и Восточной Пруссии перемалывались тридцать окруженных вражеских дивизий. Войска 2-го Белорусского фронта вклинились далеко на северо-запад и вышли к Балтийскому морю. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, освободив Болгарию, Югославию, Румынию, завершали уничтожение больших группировок врага в районе Будапешта.

Армии 4-го Украинского фронта спускались с Карпат. 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты железной стеной стали на берлинском стратегическом направлении.

* * *

Со времен гибели Римской империи Европа не знала ничего подобного тому, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года, писал в своей книге "Танковые сражения 1939-1945 гг." начальник штаба 4-й танковой армии фашистский генерал Ф. В. Меллентин. И он был недалек от истины.

Хорошо зная, какую роль сыграет в дальнейшем западное побережье Одера, командующий фронтом направил в этот район танковые армии П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко, танковые корпуса Г. Г. Кузнецова, П. П. Полубоярова и Е. И. Фоминых, стрелковые дивизии из армий А. С. Жадова и К. А. Коротеева. Одер был форсирован на стокилометровом фронте и на противоположном берегу захвачен плацдарм. Позади остались Польша и Силезский промышленный район.

Войска 1-го Украинского фронта не довольствовались тем, что стали на одерских землях, они изготовились для броска на реки Бобер и Нейсе. Туда устремились войска Рыбалко, Жадова, Лелюшенко. С боем были взяты города Штейнау, Лигниц (Легница), Гайнау (Хойнув), Штеглиц. Теперь уже и Одер оказался позади, стал для нас глубоким тылом. Здесь приютились госпитали, расположились ремонтные базы, мастерские, фронтовые и армейские склады.

Хозяйками немецких шоссейных дорог стали девушки-регулировщицы армейских дорожных батальонов. Наша регулировщица Машенька Сотник направляла своими флажками танки, пехоту, артиллерию все дальше на запад - на Лигниц, Гайнау, Бунцлау (Болеславец), по дорогам, которые вели в глубь фашистской Германии.

Правнуки Кутузова

Второй день не было никаких вестей о батальоне Федорова. Посланный к танкистам офицер связи где-то застрял и не вернулся. Заместитель командира бригады Иван Емельянович Калеников, проблуждав целую ночь в поисках батальона, вернулся ни с чем.

На подготовку к наступлению на Бунцлау командир корпуса генерал Иванов дал нам менее суток. Бригаду надо было собрать, привести в порядок, а она еще до сих пор вела затяжные бои в районе Яуер (Явор). Ночные действия нарушили управление бригадой. Только к утру удалось вытащить из боя батальоны Осадчего и Старченко. Капитан Коротков, заменивший погибшего накануне командира 2-го батальона Савченкова, был на подходе. Не хватало лишь батальона Федорова.

- Да никуда он не денется, - успокаивал меня начальник политотдела. Вы же знаете этого хитреца. Не верю я, чтобы немцы застукали его в горах.

Долго расспрашивал я Осадчего. Николай Акимович виделся с Федоровым вчера днем. Тот сообщил, что получил задачу от начальника штаба бригады выйти южнее Зорау, перехватить дороги, идущие с гор, и обеспечить действия бригады и корпуса.

- Ну а что было дальше? - допытывался я.

- Больше я не видел Петра Еремеевича, но слышал где-то в стороне танковую стрельбу, - ответил Осадчий.

Настроение у меня было подавленное. Позавчера в одном из небольших населенных пунктов на моих глазах погиб командир батальона Григорий Савченков. Произошло это так.

Батальоны Федорова и Осадчего, обходя под покровом ночи мелкие населенные пункты, вырвались далеко вперед. Из радиограммы мы узнали, что их подразделения подходили к Гайнау. Это была большая удача. Район Гайнау находился в сорока километрах от нас. Мы рассчитывали выйти туда только во второй половине завтрашнего дня, а тут такой успех. Посыпались распоряжения Федорову и Осадчему: овладеть городом. А главное - надо было теперь поставить эту задачу Савченкову и Старченко и повернуть их на северо-запад. Но я, как на беду, замешкался, непростительно отстал со штабом бригады.

Остановились у каменного дома. На карте Савченкова я прочертил маршрут движения и пунктирной линией пометил, куда ему выходить к утру. Комбат на ходу свернул самокрутку, лихо вскочил на танк, и батальонная колонна скрылась в темноте.

Штабные машины еще не успели тронуться, как нас окружила толпа освобожденных советских девушек и парней. В большинстве своем это были подростки, но выглядели они старичками. Полураздетые, обутые в несусветные соломенные чувяки, с изможденными, сморщенными лицами и огромными глазами, глядевшими на нас с выражением мольбы, благодарности и пережитого ужаса, они вызывали не только глубокое сочувствие, но и невыразимую боль. Каждый из нас вспоминал своих братьев и сестер: ведь многих из них постигла такая же участь.

Ребята засыпали нас вопросами, мы едва успевали отвечать. И вдруг на окраине селения раздался сильный взрыв, вспыхнуло пламя, а вслед за тем в той же стороне началась автоматная перестрелка.

Вместе с комбатом автоматчиков и офицерами штаба мы помчались туда и увидели горящий танк, а рядом на окровавленном брезенте обезображенного до неузнаваемости комбата Г. И. Савченкова. Засевшие в одном из домов фаустники сделали свое черное дело.

В прошлом крымский шофер Григорий Иванович Савченков стал одним из опытных и боевых танкистов. В ту ночь осиротел 2-й батальон, которым он командовал долгие месяцы, командовав умело, умно, вдохновенно, отдавая подчиненным не только все свои знания, но и душу. И не случайно люди были готовы идти за ним в огонь и в воду.

Полной мерой рассчитались мы с врагом в ту же ночь...

"Что же все-таки случилось с Федоровым? - волнуясь, думал я. - Неужели тоже попал в беду?" Эти мысли я гнал прочь. Хотелось верить, что он найдет выход из самого сложного положения. За плечами этого внешне неприметного офицера была уже большая жизнь.

Петр Еремеевич Федоров являлся танкистом по призванию и воевал в качестве командира танка еще у озера Хасан. В октябре 1941 года он уже лейтенантом попал в танковую часть, в рядах которой участвовал в битве за Москву. Затем освобождал Ясную Поляну, Калугу, Юхнов, Мосальск, Киров.

После этих тяжелых боев П. Е. Федоров вступил в Коммунистическую партию, и вся его дальнейшая фронтовая жизнь стала образцом для товарищей.

В августе 1942 года старший лейтенант Федоров во главе танковой роты прибыл на Брянский фронт. Здесь был ранен, но, едва залечив раны, вернулся в свою часть и освобождал с танкистами Калач, Россошь, Чугуев, Харьков, Краснодар.

А наступление советских войск продолжалось. На широких просторах орловских полей танкисты Федорова впервые встретились с хваленными немецкими "тиграми". Его танк в селе Слободка под Орлом в числе первых смелым тараном поразил вражескую машину. Легенда о неуязвимости "тигров" была развеяна в прах. Экипаж представили к награждению. Механик-водитель Иван Минович Дуплий был удостоен звания Героя Советского Союза.

В последующие годы П. Е. Федоров воевал в составе только 55-й бригады. Он участвовал во многих боях, операциях и вызывал всеобщее восхищение своими ратными подвигами. Многочисленные ранения не задерживали комбата в госпиталях.

Каждый раз, когда в ходе боя становилось особенно трудно, я без колебаний ставил на самые ответственные участки именно 1-й батальон, которым неизменно командовал сибиряк П. Е. Федоров. "Умен, хитер, сноровист", говорили о нем в бригаде. И это было абсолютно справедливо. Грудь комбата украшали два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, орден Александра Невского, медали. А совсем недавно командарм Рыбалко вручил ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Наша тревога за Федорова, к счастью, оказалась напрасной. К ночи он прибыл в бригаду целым и невредимым. Да к тому же доставил большую группу пленных и десяток исправных машин с оружием и другими трофеями.

Ох и попало ему тогда! Отчитал я его по всем статьям.

Пообещал даже снять с батальона. А он стоял передо мной не шевелясь, молчал, но глаза смеялись...

- Чего ты застрял? Или забыл, что завтра идем всей бригадой в бой?

- Не виноват я, товарищ полковник. Еще ночью и утром рвался к вам, но меня не пустили.

- Ну а радиограммы получил? - вмешался Свербихин.

- Не до них было, - буркнул себе под нос комбат.

- Так в чем же дело, товарищ Федоров? - не утерпел я. - Кто вас не пустил?

- Фашисты не пустили... Сначала я их держал у выхода с гор, выполняя ваш же приказ, товарищ полковник, а потом они меня обошли с трех сторон и давай колошматить. Целый день вырывался из их "объятий", лишь к ночи обманул и выскочил.

* * *

Подготовка к наступлению подходила к концу.

Задача, поставленная командиром корпуса, сводилась к тому, чтобы с рассветом выйти на восточный берег реки Бобер, прикрыться с запада этой рекой, а главными силами наступать в направлении города Бунцлау и овладеть им.

Со стороны Гайнау на восточную окраину города должна была наступать бригада Слюсаренко, а еще южнее - бригада полковника Чугункова. Мы успели договориться с соседними бригадами. Установили условные сигналы взаимодействия: первый, кто выйдет к Бунцлау, должен был дать радиосигнал и серию ракет.

В первом эшелоне 55-й бригады наступали батальоны Осадчего и Короткова, который заменил погибшего Савченкова, во втором эшелоне - Федорова. Старченко усиливал автоматчиками батальоны первого эшелона.

На рассвете 10 февраля бригада приступила к выполнению боевой задачи. Совершив почти сорокакилометровый марш, Осадчий достиг реки Бобер, имея левее себя батальон Короткова, и повел наступление на Бунцлау.

У самого города противник встретил нас сильным огнем артиллерии и танков. Наступление приостановилось. Стало ясно, что с ходу Бунцлау нам не взять. К тому же отстал приданный нам артиллерийский полк. Пока подтянулись артиллеристы, прошло немало времени. Командир корпуса нервничал, командарм потребовал энергичных действий и намекнул, что затяжка происходит по моей вине. На участок Чугункова была подтянута бригада Головачева. Время перевалило за полночь, и надо было торопиться, чтобы не допустить изнурительных ночных уличных боев.

Город Бунцлау и река Бобер имели для нас большое значение. Это были ворота к реке Нейсе, откуда шли дороги на Лаубан (Любань), Котбус, Дрезден.

Во второй половине дня 55-я бригада усилила свои атаки. Огонь обрушился на город с трех сторон. На помощь танкам пришли вся наша артиллерия и гвардейские минометы; вступила в бой пехота. В городе возникли очаги пожаров, участились взрывы, началась паника. Немцы взорвали мост через реку. К вечеру их сопротивление было окончательно сломлено. На северной окраине Бунцлау вспыхнули зеленые ракеты, означавшие, что 55-я бригада находится уже в городе и входить в него можно свободно.

В ответ на наш сигнал Слюсаренко с востока, а Чугунков и Головачев с юго-востока также вошли в Бунцлау. Бросив танки, артиллерию, раненых, склады, базы, гитлеровцы бежали в направлении Лаубана, Герлица. Они рассчитывали, что за рекой Нейсе спасутся от наших сокрушающих ударов.

А Бунцлау продолжал гореть. Невиданной силы снегопад, начавшийся еще днем, усиливался с каждым часом. Огромные снежные хлопья залепляли стекла машин, забивали смотровые щели в танках, проникали внутрь через малейшие отверстия. Двигаться приходилось буквально вслепую. Танки и артиллерия медленно ползли по улицам горящего города. Танкисты открыли все люки танков, водители распахнули дверцы и наполовину высунулись наружу, чтобы хоть что-нибудь разглядеть впереди.

Густо падавшие крупные хлопья снега, пронизанные багровым заревом пожаров, и яркий свет невыключенных в спешке электрических фонарей, окруженных красно-зеленым нимбом, схожим с радугой, придавали поверженному городу фантастический вид.

Я ехал в открытой легковой машине, зажатой со всех сторон танками. Что-то промелькнуло впереди, завертелось в снежном вихре. И я вдруг четко увидел перед машиной женщину в темном платье с белым воротничком. Почему это она пляшет на мостовой? Не галлюцинация ли это? Видно, что-то со мной неладное, не иначе как стал сдавать... А что ж, и не мудрено: целый месяц идут беспрерывные бои - тут не до сна, не до отдыха, нервы напряжены до предела, да и старые раны дают о себе знать...

Командиры взводов, командиры танков и отделений, механики и солдаты приноровились к тяготам войны и ее особенностям. По ночам они ухитрялись спать даже на башне танка и у миномета, спать стоя, спать на ходу. Я же был лишен и такой отдушины. Днем бои, а ночью подготовка к решению новых

задач. Их надо было осознать, прочувствовать, изучить, сделать прикидки по карте, принять решение, отдать необходимые распоряжения, произвести перегруппировку, подвезти за ночь продовольствие, боеприпасы, горючее... На войне утро наступает всегда слишком быстро. А с ним приходят новые бои, новые марши. Так и случилось, что я в последние дни уже изнемогал от усталости и недосыпания.

- Заболел я, кажется, Георгий, - пожаловался я шоферу.

- Что с вами, товарищ полковник?

- Начались галлюцинации. Сквозь снежные хлопья вижу танцующих женщин. Смотри, вон одна, другая, третья...

- Я тоже вижу! - крикнул Гасишвили и резко затормозил машину.

Мы выскочили из "виллиса". Остановилась вся колонна. Нас сразу окружила толпа женщин. Одинаково одетые в темные платья с белыми воротничками, они визжали, хохотали, приплясывали. Это производило жуткое впечатление.

Мы принялис.ь расспрашивать женщин по-русски и по-немецки - кто они, откуда, что случилось. Но в ответ они только размахивали руками, указывая на стоящее неподалеку здание, охваченное пламенем.

Андрей Серажимов со своими разведчиками кинулся к горящему дому. Изнутри раздавались вопли, душераздирающий плач. Наконец-то разобрались в происходящем. В этом доме, оказывается, находилась женская лечебница для душевнобольных. Персонал, в панике удирая из города, запер больницу. Когда загорелся соседний дом и огонь добрался до лечебницы, больные в страхе стали выпрыгивать из окон второго и третьего этажей. Несчастных женщин спасли от гибели наши разведчики. Мигом взломав двери, они вывели на улицу всех, кто еще оставался в здании.

В центре города пожаров было меньше. Комендант штаба нашел не тронутую войной тихую улочку. Здесь в одном из небольших домов разместился штаб. Вскоре от командира корпуса была получена радиограмма:

"До утра ни с места! Организовать оборону в западной части города вдоль берега реки Бобер. Личный состав держать в готовности. Завтра, 11 февраля, наступать на Лаубан".

Неужели удастся все-таки часок-другой соснуть?

Бушевавший все время снежный буран вдруг прекратился, словно по команде. Артиллерийская стрельба отодвигалась все дальше на запад. Умолкли автоматы. По улицам рыскали мотоциклы и броневики в поисках штабов, отставших и заблудившихся рот и батальонов, а также разных команд,

которых бывает полным-полно к концу боя в крупных населенных пунктах.

На сей раз у нас в бригаде все обошлось более или менее благополучно: все батальоны и роты были на месте.

Помещение штаба постепенно наполнялось людьми. Прибыли по вызову комбаты, командиры приданных подразделений, офицеры технической службы во главе с зампотехом Иваном Сергеевичем Лакуниным. Появился начальник тыла Иван Михайлович Леонов.

Нелегко быть начальником тыла в мобильной, всегда на колесах, танковой бригаде. Но Иван Михайлович отлично справлялся с делом. Всегда спокойный, предусмотрительный и осторожный, он в любой, даже самой трудной обстановке не терял самообладания и присущего ему чувства юмора. Но недавно он кое-чего, как говорится, недоучел и попал в такую переделку, что чуть было не потерял голову, да не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова.

Придерживаясь своего правила "будет жив тыл, будет и победа", он старался держать свое тыловое хозяйство подальше от места боев. Это было оправдано, когда боевые действия велись на нашей территории. Но теперь обстановка резко изменилась. Бои шли на вражеской земле. Преследуя отходящего противника, мы ушли далеко вперед и оторвались от тылов более чем на сто километров, в нашем же тылу оставались большие группы неприятеля. В поисках выхода из окружения они нередко натыкались на наши тыловые подразделения и часто изрядно трепали их. Вот в такую переделку и попало леоновское хозяйство. И получилось, что перед танками, бронетранспортерами, автомашинами одной из таких немецких групп оказались однажды наши слабо вооруженные кладовщики, ремонтники, медики, повара. Положение создалось катастрофическое. К счастью, в разгар этого неравного боя подошел стрелковый полк из 52-й армии, направлявшийся к фронту. Только это и спасло наших тыловиков. Воспрянув духом, они присоединились к нашим пехотинцам и приняли вместе с ними участие в уничтожении многочисленной группы фашистов.

С этого дня Леонов стал держаться ближе к боевым порядкам подразделении бригады, да и мы учли преподанный нам урок и стали лучше заботиться об охране своего тыла.

Но случай этот долго еще служил поводом для добродушных шуток над Леоновым, когда он оказывался в компании наших острословов-комбатов.

Вот и сейчас в штабе долго шла дружеская пикировка, которой всегда не прочь заняться люди, получившие короткую

передышку после трудных боев. Потом Леонова оставили в покое, началась промывка косточек сибиряка Федорова. Но тут вбежал запыхавшийся Дмитриев, и его радостное восклицание заставило всех умолкнуть.

- Слушайте Москву. Передается приказ Верховного Главнокомандующего.

Через распахнутую дверь, ведущую в соседнюю комнату, где стоял радиоприемник, мы услышали голос Левитана, сообщавшего, что при взятии Бунцлау отличились танкисты генералов Рыбалко, Иванова, Митрофанова, полковников Драгунского, Слюсаренко и других.

Заключительные слова приказа потонули в радостном шуме. Но предаваться ликованию было не время. Нас ждали хлопоты по подготовке к завтрашним боям, и мы тут же занялись необходимыми будничными делами. А на душе у нас было легко и радостно. В ту ночь мы, как никогда, хорошо отдохнули и отоспались. Утро оказалось чудесным. Мягкий морозец и яркие солнечные лучи приятно бодрили людей.

С самого утра через город проходили войска. Танки шли вперемежку с артиллерией. Мимо нас проследовала большая колонна пехоты. Я глядел из окна и думал: все идут, все спешат, у каждого свои направления, свои пути-дороги. Те же регулировщицы, те же Галочка и Машенька, которые указывали фонариками дороги на западных одерских равнинах, теперь уже направляют одних на запад к реке Нейсе, других на юг - к Лаубану, третьих на север - к Наумбургу.

Подошел начальник штаба бригады Свербихин и доложил, что нас вывели во второй эшелон и приказали оставаться на месте.

- Сколько же будем торчать здесь? - спросил я.

- Думаю, часа три-четыре...

Дмитриев, слышавший этот разговор, предложил съездить во 2-й батальон, к Короткову.

Не успели мы тронуться, подъехало несколько машин с генералами и офицерами. В передней машине сидел наш командарм. Как положено, я отдал ему рапорт о состоянии бригады.

- Мы переезжаем на новый командный пункт, целую ночь передвигаемся, столовая отстала, думаем у вас подкрепиться, как вы на это смотрите? лукаво подмигнув, спросил Рыбалко.

- Рады стараться! Разрешите, товарищ командующий, угостить вас завтраком? - предложил вовремя подвернувшийся Леонов.

Все направились в дом. Пока начпрод Мишенков накрывал на

стол, гости в другой комнате сгрудились у развернутой карты. Начальник разведки армии полковник Л. М. Шулькин что-то настойчиво доказывал генералу Бахметьеву. Тот, протирая очки, недоверчиво качал головой:

- Не верю, чтобы их восьмая танковая дивизия пришла из Венгрии. Положение у немцев там крайне тяжелое. Наверное, она переброшена с запада.

Шулькин настаивал на своем. "Пожалуй, он прав, - подумал я. - Ведь пленные показывали, что эта дивизия пришла с юга. Наша бригада столкнулась с ней еще в районе Рыбника и вела тяжелые пятидневные бои". Постепенно в спор втянулись начальник оперативного отдела армии полковник Еременко, начальник инженерных войск армии краснощекий, жизнерадостный Матвей Поликарпович Каменчук и даже каким-то чудом оказавшийся у нас корреспондент нашей фронтовой газеты Александр Ильич Безыменский.

Но Рыбалко быстро охладил пыл спорщиков.

- Дмитрий Дмитриевич, - обратился он к Бахметьеву, - я полагаю, Шулькин прав. Эта дивизия пришла прикрыть пути на Дрезден. Немцы боятся, чтобы Германию не оторвали от Чехословакии и Австрии. Во всяком случае, мы эту дивизию здорово потрепали, и вряд ли она станет для нас серьезной преградой на реке Нейсе.

Подкрепившись, все вышли из дома. День выдался по-зимнему ясным, погожим. Притих покоренный Бунцлау, прекратились пожары.

- Имейте в виду, Лаубан - крепкий орешек. Вам придется встретиться там не только с немецкими фашистами, но и с отщепенцами-власовцами. Туда подтягивается их дивизия, - сказал командарм.

Я поинтересовался, долго ли мы будем стоять в Бунцлау.

- Вот подойдет шестой танковый корпус, и я направлю его на Наумбург и Герлиц, а ваш седьмой танковый - на юго-запад. Ударим одновременно. Надо, чтобы эта свежая вражеская группировка распылила свои силы. Мы ее заставим драться там, где нам это выгодно.

Ближние улицы и переулки были заполнены нашими танками. В стороне дымили походные кухни. Вкусно пахло кашей и мясом. Гремели котелки. Повар просил топтавшихся вокруг солдат немного подождать, пока доктор снимет пробу.

Солдаты увидели командарма и стали подходить к нему, сначала те, что посмелее, потом и остальные.

- Хочу поблагодарить вас за вчерашние действия, - обратился к ним командарм. - Москва уже салютовала вам от имени Родины.

Мы вчера ночью на Военном совете решили представить пятьдесят пятую бригаду к награждению орденом Кутузова. И вот почему, дорогие товарищи. В городе Бунцлау, где мы сейчас находимся, умер великий полководец Михаил Илларионович Кутузов. Здесь неподалеку уцелел дом, в котором он жил и скончался. Здесь же ему поставлен памятник. - Павел Семенович сделал небольшую паузу, обвел глазами танкистов и, повысив голос, продолжал: - Мы с вами наступаем и идем по местам ратной славы наших предков, по кутузовским дорогам. Теперь, как сто тридцать лет назад, мы пронесем знамена нашей Отчизны на Герлиц, Дрезден, Лейпциг, мы освободим народы всей Европы. Мне хочется пожелать вам, правнукам Кутузова, успехов и нашей окончательной победы!

Рыбалко умолк. Генерал Бахметьев что-то шепнул ему. Генералы и офицеры быстро уселись в машины и тронулись к западной окраине города. Воины тепло провожали своего командарма. В ту минуту мне казалось, что Рыбалко сам схож с Кутузовым и статью, и лицом, и натурой - то же русское добродушие, незаурядный ум полководца и сердце простого солдата.

Александр Павлович Дмитриев предложил проехаться по городу.

Через несколько минут мы уже были на центральной площади Бунцлау у высокого темно-серого трехгранного гранитного обелиска. На нем было высечено:

"До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские, но здесь смерть положила предел славным его делам. Он спас Отечество и открыл путь освобождения Европы. Да будет благословенна память героя".

В нескольких минутах ходьбы от обелиска стоит небольшой двухэтажный дом. На нем - мемориальная доска. Немецкий народ чтил память русского полководца, который принес ему освобождение в тяжкую пору наполеоновского владычества. Мы подозвали старика немца, который боязливо разглядывал нас. Разговорились. Он оказался учителем. Предложил подняться на второй этаж. Мы вошли в просторную угловую комнату с большими окнами, выходящими на улицу.

- Вот кровать Кутузова, здесь была ширма, за которой сидел военный чиновник Крупенников, присутствовавший при последних минутах фельдмаршала. В эти двери входили император Александр и наш кайзер Фридрих-Вильгельм, чтобы проститься с великим русским полководцем...

Слушая немца-учителя, я невольно вспомнил лекции по военной истории, которые читал нам профессор Разин в

Академии имени Фрунзе. И перед моим мысленным взором ожили страницы истории Отечественной войны 1812 года.

...Шел уже 1813 год. Русская армия, возглавляемая Кутузовым, разгромила чужеземных захватчиков и изгнала их из пределов нашей Родины. Но кутузовская армия не остановилась на границе России - она продолжала добивать врага в Польше, Германии, Франции.

Русские полки продолжали идти на запад, однако самого Кутузова в силезском городе Бунцлау свалил недуг.

Вечером 27 апреля умирающего полководца навестил император Александр I. Он не любил фельдмаршала, но понимал, что не проститься с ним - означало бы нанести оскорбление всей России. В комнату к Кутузову самодержец России вошел вместе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом.

С трудом подняв отяжелевшие веки, Кутузов вгляделся в лицо царя. Александр боялся его. Большая, изувеченная ранениями голова полководца пугала императора.

- Простишь ли ты меня, Михаило Илларионович?

- Я прощаю вас, государь... Но простит ли вас Россия?

Александр вздрогнул, опустил голову. Потом встал, огляделся вокруг: не слышал ли кто этих слов? Фридриха он в расчет не брал, тот не знал русского языка. Но царю было невдомек, что за ширмой в левом углу комнаты сидел на табурете безмолвный свидетель этой сцены прощания - чиновник Крупенников. И слова фельдмаршала стали известны всей России.

28 апреля Кутузов умер. Весть о смерти полководца облетела всю армию, всю Россию. Днем и ночью к дорогам выходил народ, чтобы проститься с Кутузовым, тело которого везли на вечный покой в Петербург.

Молча покидали мы дом, где скончался Кутузов. У многих из нас, посетивших его, возникли одни и те же вопросы: почему гитлеровцы оставили в самом центре этого города памятник-обелиск Кутузову? чем объяснить, что уцелел домик-музей?

Старик - учитель будто прочитал наши мысли:

- Вас удивило, что дом Кутузова остался нетронутым? Я понимаю... Но история не только пишется, она хранится в сердце народа. Народ Германии благодарен русской армии, спасшей его от Наполеона... Кутузов пришел в Германию как освободитель. И город Бунцлау гордится, что стал последним приютом для великого русского полководца. А немцы умеют хранить реликвии...

- Ну а как вы относитесь к нам? - спросил старика Дмитриев. - Я имею в виду - к Красной Армии?

Наш добровольный гид посмотрел на нас усталыми,

поблекшими глазами:

- То, что скажу я, господин офицер, чистейшая правда. Ведь я говорю не из страха. Мне скоро восемьдесят. Я много видел и перестал удивляться, страшиться... Нельзя ставить знак равенства между немецким народом и наци... Вы же сами считаете, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается... Многие ждали вас...

* * *

Во второй половине дня мы тронулись в путь. Регулировщица вытянула руку с флажком, указывая на юг, на Лаубан. Дорога эта привела нас к памятнику Кутузову. Он стоит в лесочке, этот небольшой темно-серый гранитный памятник. У подножия много цветов. Это наши девушки успели украсить его.

Я остановил бригаду. На площадке перед памятником выстроились танкисты, автоматчики, артиллеристы, саперы, связисты. У самого памятника остановился танк "Кутузов". Его построили на собственные средства и подарили нам уральцы. Боевая, видавшая виды машина стала на какое-то время импровизированной трибуной. Начальник политотдела Дмитриев открыл митинг. Просто и задушевно выступили несколько человек.

Затем раздалась команда:

- Слушай приказ фельдмаршала Кутузова! - и прозвучали полные высокого смысла слова:

"Заслужим благодарность иноземных народов и заставим Европу с удивлением восклицать: непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель, достойная воинов. Будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты..."

Прогремел троекратный салют. Раздалась команда "По машинам".

Федоров, Осадчий, Коротков, Усков и Серажимов подняли вверх сигнальные флажки. Колонна тронулась в путь. Она шла на запад, в глубь Европы, шла по старым кутузовским дорогам, шла к победному завершению войны.

Мы двигались по немецкой земле, преодолевая распутицу.

- Ну и грязь - похлестче нашей! - вывел меня из раздумья голос Петра Кожемякова. - Я думал, мы до Берлина по асфальту будем катить.

Петро абсолютно прав. Чуть свернешь с дороги - сразу попадешь в липкое месиво. И вспомнились мне первые два года войны, когда фашисты, пытаясь оправдаться за неудачи, постигшие их войска под Москвой и Сталинградом, и не желая признать огромное превосходство Красной Армии, которая

наголову разбила гитлеровские войска, трубили на весь мир о том, как успешно помогают русским их верные союзники "генерал Зима", "генерал Грязь" и бездорожье.

И этим нелепицам верили. Верили не только в Германии. На Западе и за океаном тоже нашлись наивные люди, которые охотно приняли подобные лживые объяснения за чистую монету.

Зато советские войска, неудержимо наступавшие весной 1945 года по территории фашистского рейха, несмотря на страшнейшую распутицу и отсутствие дорог и мостов (они были взорваны или разрушены гитлеровцами, пытавшимися приостановить наше наступление), дали в этом плане наглядный урок фашистским оккупантам.

С трудом преодолевая километр за километром, двигались мы вперед. Двигались словно по пустыне - ни души, ни звука, лишь шуршание догорающих пожаров...

Немецкое население, напуганное геббельсовской пропагандой и свирепыми приказами фашистского командования, страшась возмездия за преступления, совершенные гитлеровцами на советской земле, убегало на запад, скрывалось в ближайших лесах, пряталось в подвалах и подземельях. Чудовище, именуемое войной, смердящее гарью и кровью, вползало теперь в города и деревни самой Германии, ломилось в каждый немецкий дом.

Не мы были повинны в этом. Эту участь уготовили многострадальной талантливой немецкой нации фашистские заправилы третьего рейха, развязавшие войну против нашей Отчизны. Миф о молниеносной победной прогулке по России разлетелся вдребезги под могучими ударами Красной Армии. Теперь нацисты убедились, что война - это пожары, разрушения, смерть и на их собственной земле, и в их родном доме.

Чтобы хоть немного ослабить петлю, которая все туже затягивалась на их шее, гитлеровцы предприняли самые отчаянные меры: объявили тотальную мобилизацию, взяли под ружье стариков и пятнадцатилетних мальчишек; спешно перебрасывали дивизии с запада на Восточный фронт. Потеряв укрепленные рубежи на Ниде, Пилице, Варте, фашистское командование пыталось во что бы то ни стало отстоять Нейсе, Шпрее, Лигниц, Котбус, Лукенвальде, Цоссен.

Особую опасность представляли в те дни фаустники, которые, как затравленные звери, метались по опустевшему городу.

Первые дни боев на территории Германии заставили нас изменить тактику действий. Теперь, подходя к населенному пункту, автоматчики соскакивали с танков, рассыпались во все стороны и первым делом огнем автоматов прочесывали улицы,

сжигали и расстреливали вражеские осиные гнезда...

Начинались изнурительные мартовские бои. Наступать по бездорожью становилось все трудней. Мы подходили к Нейсе.

С фанатизмом обреченных оборонялись гитлеровцы на рубеже этой реки. Продолжались многодневные кровопролитные бои за города Лаубан, Наумбург, Герлиц. Причем бои шли с переменным успехом. Давала о себе знать усталость. Люди и техника находились на пределе своих возможностей. Пополнение прибывало все реже. Наше наступление затухало.

55-я бригада уже два дня не могла сдвинуться с места: немецкий батальон, окопавшийся в ближайшей деревне, держал под сильным огнем все дороги.

Мы были вынуждены вести огневой бой. Постепенно артиллерийская дуэль стала стихать - обе стороны наблюдали друг за другом и, судя по всему, довольствовались этим. А командир 7-го гвардейского корпуса генерал Сергей Алексеевич Иванов, прибывший после тяжелого ранения из госпиталя и заменивший на этом посту генерала Митрофанова, требовал, чтобы мы шли только вперед, не считаясь ни с чем.

Наблюдая за ходом боя, я понял, что наличными силами ничего не сделаешь, а пополнение не поступало.

День был на исходе. Начавшаяся было артиллерийская стрельба постепенно умолкла. Штаб бригады занимался подготовкой ночных поисков разведывательных групп. Офицеры корпуса изредка запрашивали обстановку. Хотя положение на нашем участке было неизменным, порядок есть порядок.

В двенадцатом часу ночи, раньше обычного, шифровальщик протянул мне боевое распоряжение. Генерал Иванов приказал снять бригаду с занимаемых позиций, совершить ночной марш и к рассвету поступить в распоряжение бывшего нашего комкора генерала Василия Андреевича Митрофанова, который ныне командовал 6-м танковым корпусом.

Я вызвал начальника штаба - ему предстояло выполнять полученное распоряжение.

Тяжело ступая, Свербихин вышел из комнаты. Задача была не такой уж сложной, и я, зная исключительную исполнительность начальника штаба, решил часок-другой поспать. Когда проснулся, был четвертый час ночи.

- Где бригада? - первым делом спросил адъютанта, предварительно отчитав его за то, что вовремя не разбудил меня.

Кожемяков выскочил на улицу и через несколько минут доложил:

- Товарищ полковник, бригада находится на месте.

- Как "на месте"?

Вызвал начальника штаба:

- Почему батальоны не выведены из боя?

- Не знаю.

- Распоряжение о переходе на север отдано?

- Не знаю, - как во сне, произнес Свербихин.

- А вы знаете, чем это пахнет? - вышел я из терпения.

- Никаких распоряжений от вас я не получал и никому ничего не приказывал, - вдруг заявил он.

Я растерянно смотрел на Свербихина: что случилось? Не один день знал я этого человека. Оа был образцом исполнительности, дисциплинированности, смелости и честности. Он так поставил работу штаба, что другие комбриги завидовали мне. И вдруг такое! Уж не свихнулся ли он?

- Григорий Андреевич, вы не больны? Почему вы не отдали приказ комбатам? Где радиограмма, которую я ночью вручил вам?

- Я ничего не видел, - хмуро ответил начштаба.

Я смотрел на Свербихина и не узнавал его. Как я мог ошибиться в нем? Неужели этот исполнительный до педантизма штабной офицер, правая рука командира бригады, мог так измениться в один момент? По его вине сорвана боевая задача. Бригада должна была утром вступить совместно с частями 6-го танкового корпуса в бой. Дорога была каждая минута, каждая машина, каждый человек, а мы все еще находились на прежних позициях...

Свербихин молчал, бессильно опустив голову. На лице его проступили красные пятна. Но вид его не вызвал во мне сочувствия, наоборот, меня охватил новый прилив возмущения.

Не знаю, чем бы все кончилось, если бы в комнату не вбежал Дмитриев. Он стал между нами и спокойным голосом, негромко произнес:

- Товарищ Свербихин, объясните, что произошло...

- Я ничего не знаю о приказе... Я не помню, чтобы мне его отдавали... так же глухо твердил начальник штаба.

- Вы понимаете, что говорите? - снова спросил Александр Павлович. Дело касается выполнения боевого приказа.

Свербихин еще ниже опустил голову, стиснул правой рукой пальцы левой и молчал. Я закурил толстенную самокрутку, стараясь взять себя в руки, стал ходить по комнате, натыкаясь то на стол, то на табуретки. Это еще больше бесило меня. Пнув ногой табуретку, я подошел к Свербихину вплотную и каким-то не своим голосом прохрипел:

- Оставьте немедленно бригаду и идите куда хотите. Свербихин вздрогнул как от удара, втянул голову в плечи, весь

обмяк, неловко повернулся и, шатаясь, вышел из комнаты. Наступила тяжелая тишина.

- Ну, командир, решай, - услышал я, будто сквозь подушку, глухой голос Дмитриева, - приказ должен быть выполнен...

* * *

Отдавая приказ, командарм рассчитывал, что бригада ночным маршем преодолеет пятидесятикилометровый путь и выйдет в район западнее Наумбурга, чтобы внезапно совместно с 6-м корпусом ударить противнику в тыл. Ночь должна была скрыть наше передвижение. Теперь задача усложнялась, так как до рассвета было совсем недалеко...

Дорога, извиваясь, змейкой ползла на север. Дмитриев перебрался ко мне в "виллис" - он не хотел оставлять меня наедине с невеселыми мыслями. Колонна следовала за нами. Механики-водители и шоферы выжимали из моторов все возможное. Светало. До штаба 6-го корпуса было рукой подать. Зная Василия Андреевича Митрофанова, я полагал, что он выдаст мне по первое число, и внутренне приготовился к этому. Но, к счастью, все обошлось. Митрофанов был рад прибытию 55-й бригады. Дал нам целый день для организации разведки, рекогносцировки и приведения в порядок людей и техники.

Я же весь день думал о Свербихине. Из рассказа ординарца Свербихина мне стало известно, что произошло в ту ночь. Непрекращающиеся бои, сильное напряжение, бессонные ночи вконец измотали Григория Андреевича. К этому добавилось острое желудочное заболевание. Он едва двигался, превозмогая боль. Получив от меня документ с текстом приказа, Свербихин с трудом добрался до своей комнаты и потерял сознание. Когда он пришел в себя, у него, по-видимому, образовался провал в памяти.

"Правильно ли я поступил, отстранив Свербихина?" Эта мысль все время мучила меня. Формально я не имел на это никакого права. Вопрос о назначении и снятии начальника штаба бригады входил в компетенцию командующего армией. Но я не имел также права оставлять безнаказанно ни единого случая невыполнения приказа. Правда, если бы Григорий Андреевич на другой день пришел ко мне, все объяснил, я, может, и отменил бы свое решение. Но он этого не сделал. С болью в сердце мне пришлось расстаться с ним.

В тот же день сообщил командарму об отстранении Свербихина от должности. А вслед за тем представил его к награждению орденом Красного Знамени. Дмитриев, просмотрев наградной материал, спросил меня, логично ли это. Я сказал, что поступаю так по долгу совести, и настоял на своем. П. С. Рыбалко,

с которым я встретился через несколько дней, укорял меня, обвинял в самоуправстве, в превышении власти.

- Все это верно, товарищ командующий. Я действительно погорячился. Но в тот момент нельзя было поступить иначе.

- Зачем же вы одновременно с этим послали на Свербихина наградной материал?

- Одно другому не противоречит. Он заслужил эту награду в боях. И я прошу утвердить представление. А за промах, даже вызванный тяжелой болезнью, бывший начальник штаба бригады понесет наказание. Он должен был поставить меня в известность, что не в состоянии выполнять служебные обязанности.

Павел Семенович тяжело прошелся по комнате, остановился, пристально поглядел на меня:

- Свербихину место найду. Его любой комбриг возьмет. Орден мы ему тоже дадим - он его заслужил... Но по-товарищески советую вам: прежде чем принять решение, подумайте об этом серьезно.

Рыбалко был для меня не только начальником. В нем я видел товарища, друга, благородного человека. К его словам и советам всегда прислушивался, у него учился трудному искусству командовать людьми, руководить боевыми действиями. Мы часто беседовали на самые различные темы. Только поэтому я решился задать вопрос:

- А вы, товарищ командующий, как поступили бы в такой ситуации?

Павел Семенович помолчал, задумчиво склонил голову набок, потер пальцами мочку уха. Потом вскинул на меня лукаво блеснувшие глаза, попрощался и уехал...

Все как будто обошлось. Но на душе у меня остался горький осадок.

Судьба потом не раз сводила нас с Григорием Андреевичем Свербихиным. Закончилась война. В мае 1945 года в одном из городков Чехословакии в честь Победы был устроен прием. И тут среди боевых друзей я увидел Свербихина и подошел к нему. Мы долго молча стояли друг перед другом и вдруг улыбнулись и обнялись... А лет пять спустя наши дороги пересеклись снова. Я командовал тогда танковой дивизией на Востоке. Случилось так, что начальник штаба дивизии заболел и уволился, и я, будучи в Москве по делам службы, зашел к кадровикам, чтобы решить вопрос о вакантной должности.

Полковник, ведавший кадрами нашего округа, внимательно выслушал мою просьбу и предложил две кандидатуры. Каково же было мое удивление, когда одним из кандидатов, предложенных мне на должность начальника штаба дивизии, оказался Григорий

Андреевич Свербихин.

- Я бы остановился только да этой кандидатуре, - сказал я, протягивая полковнику личное дело Свербихина, - но...

Полковник улыбнулся, проворным движением раскрыл папку и показал характеристику, написанную мною в ту злосчастную ночь. Кто-то красным карандашом подчеркнул в ней отдельные строчки.

- Это писали вы?

- Да. И тем не менее хотел бы иметь такого начальника штаба дивизии. Правда, не уверен, пожелает ли он работать со мной? - смущенно признался я, в душе жалея, что невольно разбередил старую рану.

- Я полагаю, что не пожелает. Ведь вы его однажды обидели. И говорят, незаслуженно. По крайней мере, я бы на его месте не пошел...

- А вот я бы пошел. Обязательно пошел бы. И он пойдет. Прошу вас, позвоните при мне и предложите Свербихину эту должность...

Разыскивали Свербихина минут тридцать. Григорий Андреевич не сразу ответил на предложение. Прошло еще несколько минут. Это были минуты, как перед атакой... И вдруг в телефонной трубке послышался приглушенный расстоянием и волнением знакомый голос:

- А возьмет ли Драгунский меня начальником штаба дивизии? Во время войны у нас с ним была одна неприятная история...

- В том-то и дело, товарищ подполковник, что командир дивизии Драгунский просит назначить именно вас на эту должность.

- В таком случае я готов ехать.

Мы с Григорием Андреевичем работали долгие годы на Востоке и на Украине. И теперь, встречаясь с генералом Свербихиным, оба с удовольствием вспоминаем нашу боевую молодость. И в этом, по-моему, нет ничего удивительного. В жизни всякое бывает...

* * *

Бои в междуречье Бобера и Нейсе приняли затяжной характер. Нам так и не удалось захватить с ходу Лаубан и Герлиц. Силы наши истощились. Наступило самое время остановиться, но нельзя было терять инициативу.

Приказы по-прежнему подгоняли: "Вперед! Вперед!" И мы упорно продвигались на запад.

На подступах к Лаубану мы вышли в тыл противника и овладели большим поселком Вольдау. Нам удалось выловить

здесь почти роту гитлеровцев, остальные, побросав оружие, разбежались.

На окраине Вольдау, у самого леса, наши разведчики обнаружили огромный сарай, заваленный сотнями станков и разным промышленным оборудованием. Дорожка из сарая вела в подземелье. Когда разведчики бригады пробрались туда, они услышали стоны и плач. При свете фонариков и факелов солдаты увидели страшную картину: оборванные, заросшие, изможденные, одичавшие люди и десятки разлагающихся трупов. Оказалось, это были евреи, бежавшие с помощью поляков из Варшавского гетто. Их бежало около ста человек, теперь же осталось всего двадцать три. Почти два года скитались эти люди по лесам, прятались в оврагах, подземельях, катакомбах.

Много усилий потратил наш бригадный врач Леонид Константинович Богуславский, чтобы поставить на ноги этих несчастных...

Нелегко давался тогда каждый километр пути. Враг яростно сопротивлялся. Наши потери возрастали день ото дня. Бригада недосчитывала в своих рядах многих командиров взводов, рот, батальонов. Погибли замечательные солдаты и офицеры, прошедшие длинный путь от Волги и Днепра до Вислы и Одера.

В те дни погиб мой друг и земляк полковник Александр Алексеевич Головачев.

Фамилию Головачева я услышал впервые в одну из дождливых ночей в октябре 1943 года в землянке командарма, зажатой между оврагами на берегу Днепра. Провожая меня в бригаду, П. С. Рыбалко с теплотой сказал:

- Высоко ценю я командира двадцать третьей мотобригады полковника Головачева. Это - настоящий Чапай. Хочу, чтобы вы старались не отставать от него.

К утру я уже был в 55-й бригаде. И здесь снова услышал о Головачеве. А встретились мы впервые через несколько дней. Было это 30 октября. И с тех пор всю войну мы находились вместе, в одном корпусе, а наши бригады воевали рядом, всегда помогая друг другу.

Мы даже установили сигнал - "Земляк", - понятный только мне и Александру Алексеевичу. Если кому-нибудь из нас приходилось очень трудно в бою, в эфир летел этот радиосигнал, и каждый старался помочь друг другу, хотя бы частью сил.

Однажды за Вислой радисты принесли мне радиограмму с единственным словом "Земляк", и сразу один из своих танковых батальонов я повернул на помощь бригаде Головачева. Удар этого батальона во фланг вражеской группировки помог "Земляку" разгромить полк фашистской мотопехоты под Опатувом...

Александр Головачев проявил себя не только грамотным, умелым, опытным командиром бригады, но и человеком удивительной личной отваги, мужества, силы воли. И я горжусь, что звание Героя Советского Союза было присвоено нам с ним одним и тем же Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1944 года.

С первых дней Великой Отечественной войны Александр Головачев находился на фронте. Вначале командовал батальоном, затем бригадой. Боевое крещение 23-я мотобригада получила зимой 1942 года на Дону. Именно здесь на всю войну стали символом для его бойцов слова комбрига "Вперед, за мной!". Эти слова слышали они в Россоши и Чугуеве, на Днепре и Висле, на сандомирском плацдарме, в Польше, в Германии.

Когда бои развернулись далеко за Одером, в районе Лаубана, фашисты бросили против 23-й мотобригады Головачева свежие части. Бой принял ожесточенный характер и дошел до рукопашных стычек. Именно в этот период в очень трудном положении оказался один из батальонов 23-й мотобригады, вместе с которым находился и комбриг. Гитлеровцы ворвались в четырехэтажный дом и выбили охрану штаба. Головачев со своей радиостанцией остался на третьем этаже, А бои шли на лестничной клетке, дом начал гореть. И тут среди бела дня, на глазах у опешившего противника Александр Головачев по веревке спустился вниз, быстро собрал группу своих солдат, и положение вскоре было восстановлено.

Через несколько дней после этого случая я разговаривал с ним, но это была наша последняя встреча. 6 марта, за два месяца до нашей победы, Александр Головачев пал в бою смертью героя. Случилось это недалеко от маленькой немецкой деревушки Логау. 23-я мотобригада двигалась в направлении Наумбурга, когда наперерез колонне выскочили возле Логау немецкие танки.

Головачев быстро взобрался на башню самоходки и крикнул:

- По танкам, огонь!

Артиллеристы-самоходчики успели сделать два выстрела и подбить один танк. В это время с противоположного берега небольшой речки, рядом с которой произошла стычка, ударил из орудий второй фашистский танк. Головачев упал на дно самоходки, обливаясь кровью.

На другой день мы провожали в последний путь нашего боевого товарища. Прогремел солдатский салют, машина с телом командира 23-й Васильковской мотобригады Александра Алексеевича Головачева тронулась в далекий путь на Украину, в город Васильков...

Не так давно мне довелось прочитать письмо А. А. Головачева

к родным:

"...Я могу честно смотреть в глаза народу и сказать, что начал воевать в 6 часов утра 22 июня 1941 года. Я видел горечь первых поражений, а теперь испытываю радость наших побед... Я не допустил ни одного бесчестного поступка на войне. Был всегда там, где жарко. Семь раз тяжело ранен, а ран на моем теле всего одиннадцать. Если у меня не будет рук - буду идти вперед и грызть врага зубами. Не будет ног - стану ползти и душить его. Не будет глаз - заставлю вести себя. Пока враг в России - с фронта не уйду..."

В этих строках весь он - коммунист Александр Головачев, сын старого большевика, отважный солдат, талантливый офицер.

Александру Алексеевичу Головачеву посмертно было присвоено второй раз звание Героя Советского Союза. Я верю, придет время, и о нем будет написана книга, достойная его большой прекрасной жизни...

Отдав последние почести Александру Головачеву, мы, его фронтовые друзья, пошли дальше на запад, в глубь Германии, чтобы завершить окончательный разгром фашизма.

В конце войны

Перед последним броском

На Одер пробивалась весна. Не такая, как наша русская, звонкая и дружная, не такая, как та, что запомнилась мне с детства на родной Брянщине, когда вдруг в марте разгонит ветер тучи, под горячими лучами солнца сразу сникнут сугробы, зазвенит капель и глядишь - во все стороны побежали ручейки.

Весна на Одере наступала как-то по-особому, непривычно для нас. Пришедшие с Балтики густые туманы серым саваном покрыли поля и леса, съедая остатки искромсанного, перемешанною с землей закоптелого снега. Совсем недавно здесь шли тяжелые бои.

Уходившая зима была для нас по-военному удачной - за последние два месяца боев мы шагнули далеко на запад. Зимнее наступление вывело нас на дороги, ведущие к Берлину, Дрездену, в глубь Германии. Около тысячи километров прошли мы с боями за эти шестьдесят трудных зимних дней и бессонных ночей. Позади нашего фронта, позади нашей 3-й танковой армии остались Висла и Сандомирский плацдарм, реки Нида и Варта. Была очищена от фашистской нечисти многострадальная Польша. Перешагнув Одер, советские войска захватили за ним большой, до сотни километров по фронту и в глубину, плацдарм. Началось наше вторжение на территорию врага.

Чтобы как-нибудь закрыть эту брешь, преградить нам путь, Гитлер срочно снял с Западного фронта двенадцать дивизий.

Облегченно вздохнули союзники на Арденнском поле сражения. Широко раскрылись ворота для безостановочного марша американской и английской армий на восток, север и юг.

Не только для высшего командования, по и для нас, исполнителей, непосредственно ведущих боевые действия, - пехотинцев, танкистов, артиллеристов, летчиков, саперов и связистов, стали более четко вырисовываться контуры приближающейся победы. Всем своим нутром мы чувствовали: еще один удар по смертельно раненному фашистскому зверю - и ему конец.

А пока, в те туманные мартовские дни и в слякотные ночи, фронтовая жизнь шла своим чередом: совершались марши, производились перегруппировки, засылалась в расположение врага разведка, по графику вела огонь артиллерия, ловила летную погоду для штурмовки врага авиация.

И в то же время продолжались упорные бои на нашем 1-м Украинском фронте. Пехота генерала Курочкина брала опорные пункты на юге, войска генералов Пухова, Гордова, Коротеева, Жадова продолжали наступать, атаковать, отражать контратаки врага и с упорными боями приближались к реке Нейсе, отвоевывая выгодные рубежи.

Война есть война. Горели деревни и города. Дым от пожаров окутывал приодерские равнины и вечнозеленые сосновые леса. Возмездие пришло в гитлеровскую Германию.

Казалось, все идет, как изо дня в день, как месяц или два назад. Но это только казалось. На самом деле шла напряженная подготовка к решающему этапу войны. Ставка Верховного Главнокомандования, штабь1 фронтов приступили к разработке планов заключительного этапа войны. Подтягивались резервы, проводилась переброска войск, подходили все новые маршевые роты.

Когда готовились большие наступательные операции, мы, танкисты, постоянно чувствовали особое внимание со стороны командующего фронтом. Я уже говорил об этом, но не считаю лишним повториться.

Например, в начале июля 1944 года перед броском на Львов маршал И. С. Конев сам участвовал в подготовке командиров бригад. Заставляя нас "воевать" на ящике с песком, "брать" города, "форсировать" реки, он со свойственной ему высокой требовательностью и суровостью добивался правильного понимания будущих действий.

А когда начиналось наступление, мы часто видели И. С. Конева в боевых порядках наших войск на направлении главного удара. Казалось, он выжимал из танков и из нас, танкистов, все,

на что способны. Его смелые перегруппировки и решительные маневры танковыми корпусами, целыми армиями в ходе сражений удивляли многих, а порой казались даже неожиданными не только для противника, но и для самих исполнителей этих маневров. Стремительное движение танковых соединений на запад, поворот армии Лелюшенко на северо-запад, а танкистов Рыбалко - на юг, в тыл Силезскому промышленному району, захват городов в глубоком тылу противника, овладение с ходу вражескими оборонительными рубежами, рейды по тылам неприятеля - все это было характерным для его руководства танковыми и механизированными войсками.

Так же было и тогда, накануне действий, которым предстояло завершить войну. И. С. Конев вывел из боя две танковые армии, не дал им увязнуть в мелких боевых стычках, сосредоточил их в междуречье Одера и Нейсе и, несмотря на повседневную потребность в них, стал готовить к будущей операции.

Иван Степанович хорошо понимал роль танковых и механизированных войск в предстоящей операции, четко представлял развитие дальнейших событий и характер грядущих боев. Как опытный военачальник, он не без оснований предвидел, что эта танковая армада скажет свое слово на завершающем этапе войны.

* * *

Наша 55-я гвардейская танковая бригада была выведена в резерв в районе Гайнау и стала готовиться к предстоящим боям. Прибыло новое пополнение, с армейских складов подвозили в цистернах горючее, на машинах доставляли боеприпасы. Получили и долгожданное летнее обмундирование: сколько ни сопротивлялся серый, липкий туман, застилавший одерскую равнину, сквозь него все настойчивее пробивалось солнце. В теплых комбинезонах, в полушубках и телогрейках становилось жарко.

В те дни мы жили одной мыслью, одним желанием - участвовать в боях за Берлин, быть в Берлине. Солдаты мечтали об этом вслух, офицеры не меньше солдат хотели наступать на Берлин. Об этом думал и я, хотя понимал, что от моего желания в данном случае ничего не зависит.

Начальник политотдела бригады Александр Павлович Дмитриев, готовя личный состав к выполнению заданий, частенько говорил:

- Какая разница, где бить фашистов? Важно - скорее разгромить их.

В подкрепление этой мысли он разъяснял, как важно разгромить дрезденскую группировку противника, отсекая этим

от Германии Чехословакию, Австрию, Венгрию. Но когда мы оставались вдвоем, Дмитриев вздыхал:

- Так-то оно так, бить врага надо везде, но было бы здорово, если бы нашу бригаду бросили на Берлин...

Разумеется, об этой всеобщей мечте знал и наш командарм. Не раз в дни трудных боев на Одере Рыбалко подбадривал нас:

- Держитесь, хлопцы, скоро будем в Берлине! Бригада усиленно готовилась к последним боям. Мы понимали, что к концу войны должны прийти сильными, боеспособными, имея, как говорят танкисты, большой запас хода.

У меня самого, к сожалению, "моторесурсы" были на исходе: два тяжелых ранения все чаще напоминали о себе. Бригадный врач Леонид Константинович Богуславский знал об этом и как тень следовал за мной, требуя немедленного отъезда на лечение. Александр Павлович Дмитриев также давил на меня, без конца напоминая, что я обязан подчиняться врачам. Но мог ли я оставить в такой момент бригаду, с которой прошел всю войну? Мог ли покинуть боевых друзей, комбатов, ротных, рядовых танкистов, с которыми делил горечь неудач и радость побед на Днепре и под Киевом, под Львовом и на Висле, у Сандомира и в Силезии, на Одере и под Бунцлау?

А бригадные врачи - Богуславский и Ольга Пригода, чувствуя поддержку начальника политотдела, продолжали донимать меня. Эту коллективную атаку завершил телефонный разговор с командармом Рыбалко. На сей раз он был крайне нелюбезен:

- Я слышал, вы проявляете явную недисциплинированность и отказываетесь выехать на лечение. Ваше поведение мне непонятно. Война помимо всего прочего требует здоровых людей, способных переносить все тяготы фронтовой жизни. Я не хотел бы, чтобы вы стали обузой для бригады... - Командарм замолчал и, смягчая тон, после небольшой паузы добавил: - Судя по всему, мы на несколько недель получаем передышку. Воспользуйтесь ею: махните в тыл, подлечитесь. Успеете вернуться...

Немного успокоившись после разговора, я официально поблагодарил командарма за заботу. Рыбалко понял мое состояние и уже другим, дружеским тоном спросил:

- Что вас удерживает?

- Берлин, товарищ генерал.

В трубке послышалось какое-то одобрительно-радостное восклицание:

- Я так и полагал... Поверьте, голубчик, потому и гоню вас на "ремонт", чтобы хватило ходу до Берлина. Война у финиша. Но не думайте, что развязка будет легкой. Гитлер и его подручные сами не уйдут. Борьба предстоит трудная. Они собрали все, что могли.

Берлин - орешек крепкий. Так что поезжайте, лечитесь, готовьтесь к боям.

Спокойным ровным голосом Павел Семенович разъяснил, что фашисты стянули против нас все силы. Войска союзников спокойно идут к Берлину, Гамбургу, Лейпцигу, не встречая особого сопротивления. Нам же приходится брать с боем каждую деревню. И до самого разгрома фашизма будет именно так. Рассчитывать на слабость врага не приходится. Надо по-настоящему готовиться к серьезному сражению. В Берлине придется воевать за каждый дом. Если бои продлятся даже несколько дней, и в этом случае они потребуют не меньших усилий, чем многонедельная операция.

И уже совершенно иным тоном командующий закончил разговор:

- В вашем распоряжении три-четыре недели. Полагаю, этого хватит, чтобы подлечиться, набраться сил.

- Товарищ командующий, и все же боюсь, что приеду к шапочному разбору...

- Этого не случится... Думаю, вы не утратили чутье бывалого солдата... До скорой встречи.

На восток меня увозил вездеход, отбитый у гитлеровцев батальоном Осадчего где-то в районе Катовиц. Вместе со мной были неизменные Петр Кожемяков и Петр Рыков.

Всю дорогу я мечтал о встрече с друзьями. У кого из нас нет друзей в Москве? Были они и у меня: с одними вместе кончал училище, с другими служил на Дальнем Востоке и воевал на Хасане. Были там и однокурсники по Военной академии имени М. В. Фрунзе, товарищи по многим фронтам... Некоторые залечивали свои раны в московских госпиталях, иные после лечения стали преподавателями в академиях или попали на службу в центральные управления. Не зря, видно, говорят, что у старого солдата в любом городе найдутся сослуживцы.

Три дня и три ночи мелькали шлагбаумы, города и деревни. Машина скользила по асфальту, тряслась по булыжной мостовой, застревала в грязи и в рыхлом весеннем снегу. Наконец Старая Смоленская дорога, свидетельница многих войн, привела нас в ночную заснеженную Москву. Машина, пропетляв по незнакомым мне улицам, выехала на Серпуховку и остановилась в одном из глухих переулков возле покосившегося старинного одноэтажного домика. Здесь жили дальние родственники Петра Кожемякова.

В Москве я пробыл двое суток - этого оказалось достаточно, чтобы в Центральном военном госпитале мне перевязали не совсем еще зажившие раны и приняли меры для уменьшения боли в печени.

Все это время я не расставался со старым и верным другом Володей Беляковым. Нам было что вспомнить и о чем поговорить. Две ночи подряд просидели мы в его маленькой комнатке на Трубной площади. В нескольких шагах от нас спала Мария, жена Володи. Прижавшись друг к другу, посапывали его дочурки - Ирина и Наташа. Синели окна - начинало светать. А мы все вспоминали прошлое, наших друзей, многих из которых не было уже в живых. Говорили о скорой уже победе, гадали, как будет житься после войны...

Наконец закончились медицинские процедуры. Адъютант Петр Кожемяков тоже завершил свои дела: сдал машину, оформил железнодорожные билеты.

Мартовским днем в уютном плацкартном вагоне мы отправились на юг.

В Железноводске весна была в полном разгаре. Припекало солнце, зеленела трава, набухали почки на деревьях. На улицах и в парках было по-весеннему много людей. С волнением шагал я по знакомым улицам Железноводска, вглядываясь в каждый дом. А вот и военный санаторий "Дом инвалидов", где когда-то мне пришлось лечиться. Зашел в приемное отделение. Шагнул в кабинет начальника. За столом восседал незнакомый мне грузный человек.

- Где майор Мильчев? - сразу спросил я.

- Вы, очевидно, имеете в виду генерала Мильчева... Он находится у себя на родине, в Болгарии, и занимает высокий военный пост...

- Что ж, я счастлив, что доктор Мильчев дождался возвращения на свою освобожденную родину. Я многим обязан ему. В сорок четвертом он поставил меня на ноги.

Через час врачи и сестры уже знали о приезде их бывшего пациента. Первым делом меня повели в ту самую палату, из которой я в июне прошлого года сбежал на фронт.

В этой просторной комнате и состоялся "высший медицинский совет". Я сидел среди старых знакомых, добрых друзей и с гордостью думал о том, как много на свете хороших людей.

Терпеливо выслушав чисто профессиональные разговоры врачей, я попросил слова, чтобы внести некоторую ясность:

- В моем распоряжении всего двадцать один день. 10 апреля выезжаю на фронт. Задерживаться не намерен ни на минуту. С учетом этих сроков и прошу вести лечение. Обещаю быть дисциплинированным больным.

И начался ускоренный процесс лечения.

Сколько больных и раненых, сколько инвалидов Великой

Отечественной войны будут до конца своей жизни с теплотой и нежностью вспоминать всеисцеляющие руки врачей и медсестер из военных госпиталей и санаториев Кисловодска и Пятигорска, Ессентуков и Железноводска! Сотни госпиталей и санаториев приютил в годы войны этот чудесный край. Минеральные и серные источники и животворное кавказское солнце очень помогали спасению раненых, облегчению их страданий, возвращению людей в строй.

Быстро летели дни. На сей раз мой отъезд из санатория прошел без инцидентов. Меня тепло проводили на станцию и посадили в электричку. Поезд тронулся, набрал ход, а до меня продолжали доноситься дружеские напутствия: "Счастливо кончить войну... Ждем вестей из Берлина..."

Много хлопот ожидало меня в Москве. Неожиданно выяснилось, что мне будет очень непросто добраться до бригады. Погода стояла нелетная, а наши войска 16 апреля перешли в наступление. Ждать попутного транспорта я уже не мог.

Выручил неутомимый Володя Беляков, поднявший на ноги всех и вся. В середине ночи в моем номере в гостинице ЦДКА раздался долгожданный звонок.

- Все в порядке, - услышал я возбужденный голос Володи. - Выхлопотал все же у своего начальника новенький "виллис". Утром получай его на нашей базе и жми до самого Берлина.

От радости у меня дух перехватило.

- Володя, спасибо. Век не забуду. А своему начальнику передай - в долгу не останусь. Если придется штурмовать Берлин, постараюсь захватить машину Геринга или Геббельса и расплачусь.

Оба мы были в приподнятом настроении и, конечно, совсем не думали тогда, что мое шутливое обещание будет исполнено в самом ближайшем времени. Теперь, когда все давно позади, хочу поведать эту историю.

Между Потсдамом и Берлином, недалеко от автострады, идущей на юго-запад, в одной из летних резиденций Геббельса, стояли в гараже несколько новеньких, специально для него изготовленных "мерседес-бенцев". Одна из этих машин досталась мне. Спустя несколько месяцев после победы, когда 55-я бригада стояла в Австрии, юго-западнее Вены, в гости ко мне приехал Беляков. Ему я и вручил эту машину с просьбой передать ее по назначению...

Ну а тогда, ранним утром, наш маленький "виллис" помчался на запад. На третий день мы уже были на польской земле. В поисках кратчайшего пути свернули на Демблин, Радом, Ченстохов. Здесь нас постигла неудача. Мы не предполагали, что

переправа через Вислу в районе Демблина взорвана. А через железнодорожный мост длиной почти в километр, по которому проложены рельсы, машину не переправишь. Подниматься же севернее, к Варшаве, - значило потерять около суток.

Помощь пришла оттуда, откуда мы и не ждали: польские железнодорожники на скорую руку смонтировали подобие вагонетки, мы погрузили на нее свою машину и по железной дороге переправились на западный берег Вислы. Как ни торопились, но эта операция заняла у нас шесть часов.

Дальше путь лежал по уже пройденным с боями местам. Промелькнули знакомые названия городов: Енджеюв, Радомско, Велюнь, Рыбник, Лигниц, Бунцлау...

Перегоны были такие длиннющие, что даже здоровяк шофер Петр Рыков не выдерживал физического напряжения - то и дело клевал носом. В такие минуты его сменял Петр Кожемяков, а в дневное время я сам садился за руль, чтобы хоть немного помочь уставшим ребятам. Переправились через Одер, подъехали к Нейсе. Здесь уже чувствовалось дыхание фронта. Попадались госпитали, фронтовые базы, подвижные ремонтные мастерские. Все чаще и чаще встречались колонны машин, идущие за боеприпасами, спешили с горючим десятки автоцистерн, санитарные машины везли в тыл раненых. В густом лесу наткнулись на тылы 3-й гвардейской армии генерала Гордова. Стали расспрашивать встречных о нашей танковой армии. Каждый хотел нам помочь, разъяснял, показывал по карте, но данные были противоречивые, и трудно было понять, где находится 3-я танковая.

К утру 21 апреля немного разобрались в обстановке. Встретили штаб 13-й армии и узнали направление действий наших танкистов. Через несколько часов мы въехали в расположение тылов 3-й гвардейской танковой армии. Начальник отдела кадров, маленький, щуплый полковник Меркульев, желая блеснуть осведомленностью, не выпускал из рук карту, показывая линию фронта и местонахождение нашего корпуса.

- А где 55-я бригада?

- Позавчера была в тридцати километрах от Вюнсдорфа.

- Так это было позавчера, а сегодня?

Сведения у Меркульева, хотя и оказались устаревшими, отличались большой точностью.

Мы остановились на несколько часов во втором эшелоне, чтобы подкрепиться, почиститься, побриться. Я не мог предстать перед командармом и командиром корпуса, не приведя себя в полный порядок.

Нам повезло: проехав несколько десятков километров, мы

встретили нашу регулировщицу Машеньку Сотпник.

Соскочив с машины, я на радостях обнял ее.

От одного сознания, что встретилась эта маленькая белокурая девушка, прошедшая вместе с нами путь от Киева до Берлина, хотелось по-мальчишески прыгать, кричать, смеяться. Раз Машенька Сотник стоит на своем посту, значит, не потребуются больше ни карта, ни компас, никакие ориентиры: она все знает, все расскажет.

Не ожидая вопросов, девушка сообщила, куда ушла бригада и где она находилась минувшей ночью.

- Откуда ты все знаешь, ты же не была там?

- Сегодня утром встретила здесь раненого комбата Федорова. Он и рассказал. Бои идут упорные. Фаустники расстреливают наши танки из окон, из подворотен, с чердаков. Убит командир батальона Сафронов, ранен заместитель командира корпуса генерал Якубовский.

- Иван Игнатьевич?

- Да, он самый.

Я мысленно перенесся в прошлое... Мой боевой путь пересекался с дорогой, по которой шла 91-я танковая бригада И. И. Якубовского, на Днепре, под Киевом и Фастовом, на Висле. Слава его бригады гремела на нашем фронте. В период наступления командарм П. С. Рыбалко использовал 91-ю бригаду на главном, решающем направлении, она всегда являлась силой, которую бросали в бой в самый кризисный момент. В обороне же 91-я бригада была надежным щитом, прикрывавшим танкоопасные направления.

П. С. Рыбалко любил танкистов Якубовского и глубоко уважал комбрига. "Там, где Якубовский, там я спокоен, там непременно будет успех", частенько говорил командарм. И это было действительно так.

Мне самому не раз приходилось быть в подчинении генерала Якубовского: в Висло-Одерской операции, например, он являлся заместителем командира нашего 7-го гвардейского танкового корпуса. Кроме того, ему постоянно приходилось возглавлять корпусные и армейские оперативные подвижные группы, в составе которых нередко действовала и 55-я танковая бригада.

Ивана Игнатьевича уважали начальники и любили подчиненные. Волевой, безудержно храбрый командир, он отличался решительностью в своих суждениях и действиях и был беспредельно внимателен к людям. Личной отвагой и смелостью Якубовский нередко ставил себя в опасное положение. Но, невзирая ни на что, рвался вперед, и только вперед. И не случайно за плечами у него остались крупнейшие сражения

Великой Отечественной войны. Защитник Москвы, один из героев Сталинграда, участник Курской битвы, боев за Киев, Висло-Одерской операции. И надо же случиться такому: выйти из строя на подступах к Берлину, накануне окончательной победы над врагом...

Все эти мысли вмиг пронеслись в голове. На какое-то время я забыл, что стою на дороге рядом с добрым нашим другом регулировщицей Машей Сотник и что мне необходимо выяснить, как попасть в штаб армии.

К счастью, нашу регулировщицу сменила на посту ее напарница. Маша села в машину, чтобы показывать дорогу на КП. Сообщив одним духом все новости, девушка вдруг приумолкла и задумчиво произнесла:

- Как хочется побывать в Берлине...

- Обязательно побываешь, Машенька. Там мы отпразднуем нашу победу...

У шлагбаума нас встретил офицер. Он привел нас к домику начальника штаба армии. Дмитрий Дмитриевич Бахметьев познакомил меня с обстановкой, показал район, занимаемый нашим корпусом.

- А где бригада - точно не знаю, - прямо сказал генерал Бахметьев. - Но полагаю, что севернее Цоссена и должна уже подходить к Тельтов-каналу.

Начальник штаба позвонил командарму. Рыбалко передал, что ждет меня на КП.

В тот же день по разбитым дорогам, лесным просекам, петляя вокруг немецких населенных пунктов, мы добирались до своих войск. Продвигались медленно, все время обгоняя колонны машин, артиллерию разных калибров. Навстречу, уступая нам дорогу, шли люди - мужчины и женщины, подростки и дети, еле плелись старики. Оборванные, разутые, обросшие люди смотрели на войска, двигавшиеся на Берлин, приветственно махали руками, поднимали сжатые кулаки. Эти люди прошли через большие испытания. Они работали на заводах Берлинского района, сидели в тюрьмах, находилась в концлагерях. Напряженно всматриваясь в лица, я искал среди них моих без вести пропавших братьев, искал своих сестер. Я понимал несбыточность своих надежд, знал, что братья и сестры погибли, но такова уж природа человека - всегда хочется верить в лучшее.

Сколько же людей с оккупированных территорий было согнано в фашистскую Германию! Марш-поход освобожденных невольников начался еще в январе, когда наступление наших войск распахнуло ворота концентрационных лагерей и тюрем. Мы тогда находились в Польше и освобождали узников Майданека,

Освенцима и многих других концлагерей и фабрик смерти. С тех пор прошло более четырех месяцев, а все еще не иссяк бесконечный людской поток. На меня, видевшего много несчастий на войне, самое гнетущее, самое тяжелое впечатление производили эти люди - беспомощные, исстрадавшиеся.

"Виктория!", "Вив ля пэ!", "Победа!", "Фриден!" - раздавалось на различных языках. Слушая эти возгласы, видя радость на изможденных лицах, я думал о том, сколько бед принесла нам война, сколько крови и жизней она забрала. Да, много пережил каждый фронтовик. Но ради освобождения человечества, ради нашей победы над фашизмом, ради вот этих возвращенных к жизни узников стоило пройти через все испытания.

Наш "виллис" полз на север по запруженным дорогам. Теперь не было надобности узнавать направление у встречных офицеров и регулировщиков. Ориентиром служило озаренное пожарами небо, усиливавшаяся артиллерийская канонада. Над нами проплывали в сторону Берлина сотни самолетов, глухие взрывы фугасных бомб слышны были за десятки километров.

Без особого труда мы разыскали дорогу на КП командарма. В просторной комнате заброшенного особняка я снова увидел Павла Семеновича Рыбалко. Рядом с ним стоял незнакомый генерал с жгучими черными глазами и седеющей головой. Я растерялся, не зная, кто из них старший: оба генерал-полковники. Шагнул в сторону командующего. Рыбалко не дал мне закончить рапорт, крепко пожал руку, обернувшись к окружающим, подмигнул:

- Я же говорил, что Драгунский не опоздает. Солдатское чутье и на сей раз его не подвело. - И, обращаясь к стоявшему рядом генерал-полковнику, который оказался командующим артиллерией фронта, сказал: - Это командир пятьдесят пятой бригады. Был в госпитале. Подоспел вовремя. Все боялся, что опоздает к началу боев за Берлин... Войдет туда в числе первых - вторую Золотую Звезду получит, а не войдет - отберем и ту, что имеет.

Все находившиеся в комнате рассмеялись. Командарм еще раз осмотрел меня с головы до ног:

- Вид у вас хороший. Курортный. А теперь - за дело. Время не терпит.

Он подвел меня к столу, на котором распластался крупномасштабный план Берлина. Четко выделялись на нем квадраты улиц, площади, стадионы, станции метро, рейхстаг и имперская канцелярия. Голубые дорожки Тельтов-канала и Шпрее, петляя змейкой, извивались по окраинам, вползали в город и терялись где-то в лабиринтах улиц. Перед глазами

мелькали названия окраин и предместий. К западу тянулись сплошные леса и озера.

- Все это придется брать. Наша армия нацелена на юг Берлина и на его западную часть. Немцы готовились встретить войска маршала Жукова с востока, а мы еще ударим с юга, по самому чувствительному месту - во фланг.

Жирные стрелы на карте выводили 9-й механизированный корпус генерала Сухова к восточной части Берлина, две небольшие стрелки протянулись навстречу 1-му Белорусскому фронту - 8-й гвардейской армии Чуйкова и 1-й танковой армии Катукова. 6-й танковый корпус Митрофанова всеми своими бригадами шел прямо на север - к центру Берлина, к Тиргартену. Я нетерпеливо шарил глазами по карте в поисках своего 7-го корпуса, нашей бригады. И не сразу нашел пунктирную линию среди множества кружочков и стрел.

Начальник оперативного отдела армии, мой старый знакомый по академии, двухметровый богатырь Саша Еременко, протянул через мою голову огромную ручищу.

- Вот здесь ваша бригада, - показал он по карте. - Вчера ночью она уперлась в Тельтов-канал: перед самым носом у танкистов гитлеровцы взорвали мост.

Не зная, что представляет собой этот водный рубеж, я спросил, есть ли броды или обходы.

- Какие там броды! - вмешался полковник Матвей Поликарпович Каменчук, начинж армии. - Ширина канала до сорока - пятидесяти метров. Он весь в бетоне: стены отвесные, по северному берегу - бетонные укрепления. Сплошные населенные пункты и каменные постройки усиливают оборону.

Услышав эти слова, я несколько сник. С мнением Каменчука я не мог не считаться. Мы, командиры бригад и корпусов, знали его давно.

- Не запугивай, Матвей Поликарпович, - мягко улыбаясь, сказал Рыбалко. - Что бы там ни было, а действовать надо смело, решительно, не оглядываясь по сторонам. Бояться нам нечего, мы не одни. С востока идет 1-й Белорусский фронт. Рокоссовский размахнулся на севере, левее нашей армии на Потсдам наступает Лелюшенко. Понял? А это командующий 28-й армией Александр Александрович Лучинский, - пояснил Рыбалко, представляя меня высокому, стройному генералу. - Раз появилась пехота, нам, танкистам, ничего не страшно.

Прощаясь, Павел Семенович, как бы напутствуя, сказал мне:

- Поезжайте немедленно в свою бригаду, ознакомьтесь с обстановкой на месте, там будет виднее. Обязательно повидайте командира корпуса, он уже ждет вас. Кстати, у вас теперь новый

комкор генерал Василий Васильевич Новиков, старый, опытный вояка. И строгий. Спуску не даст.

Рыбалко был в приподнятом настроении и свое приказание сопровождал шуткой. Получив разрешение на отъезд, я дошел до дверей, но тут все же не выдержал, повернулся к генералу:

- Жду вас в Берлине, товарищ командующий.

- Буду, обязательно буду, - улыбнулся Рыбалко. - Но с одним условием. Обещайте принять меня только на Вильгельмштрассе. Имейте в виду: туда пойдет весь седьмой корпус.

Получив план Берлина, сопровождаемый офицером связи, окрыленный, ехал я к боевым друзьям. Встреча на КП и напутствие П. С. Рыбалко взволновали меня. Неиссякаемая энергия командарма передалась и мне, я испытывал небывалый прилив сил.

Машина, словно чувствуя мое нетерпение, мчалась на север на предельной скорости. Вскочили в Малов, повернули налево в направлении города Тельтов и сразу оказались в зоне заградительного огня. Офицер связи, сопровождавший нас до бригады, выбрал не совсем удачный маршрут. Прочертив по карте кратчайшую прямую, он рассчитывал, что этим путем мы быстрее окажемся на месте, но не учел, что центральная улица, как и весь городок Тельтов, простреливалась всеми огневыми средствами противника. Возвращаться назад, чтобы организовать поиски лучшего пути, было уже поздно и небезопасно. Оставалось одно: решительно сказать "Вперед!" - и "виллис" пошел нырять из воронки в воронку.

Никогда не терявший самообладания Рыков вцепился обеими руками в руль, направляя машину на окраину городка. Наш "козлик" шарахался из стороны в сторону, прижимался к степам домов, к толстым каменным оградам, прыгал через завалы и канавы. Водитель, обливаясь потом, с остервенением бросал машину в мало-мальски безопасные места, хотя таких мест, к сожалению, почти не было. И все-таки мы выскочили на окраину. Предстояло преодолеть небольшую поляну, за нею нырнуть в лесок, а там рукой подать до штаба бригады.

Огонь не утихал. С противоположного берега в нашу сторону с завыванием летели снаряды скорострельных зениток, чавкали минометы. Поляна к тому же насквозь простреливалась огнем автоматов.

И как назло, не было ни лощинки, ни оврага, ни кустарника. Пляска машины по изрытому снарядами и минами полю продолжалась всего несколько минут, но они показались нам вечностью. Снаряды ложились впереди и позади машины. Как ни старался Рыков, "виллис" заковылял на трех колесах.

Изрешеченный осколками, он проскочил рощицу и ворвался в обнесенный толстой кирпичной стеной двор заброшенного поместья. Офицер связи был ранен осколком, остальные отделались легким испугом. Нечего греха таить, пережили мы немало. Мысль о преждевременном выходе из строя или о случайной гибели не покидала меня. И не столько страх смерти владел мною - на воине до некоторой степени привыкаешь к этому чувству, - сколько сожаление и досада, что вот могут убить буквально в трех шагах от родной бригады, к которой так стремился!..

Наконец все осталось позади... Мы отдышались, испили водицы, перевязали рану нашему сопровождающему, сменили колесо и уже спокойно тронулись дальше. Шквальный огонь на нашем участке стихал, снаряды и мины рвались где-то в стороне. Через час мы были у своих.

Штаб бригады разместился на безлюдном хуторе, который не значился ни на одной из наших карт. Несколько знакомых легковушек, машина наших радистов, бронетранспортеры и мой стальной конь - танк Т-34 с номером "200" - стояли, уткнувшись в грязную кирпичную степу.

Всего несколько минут длилась встреча с боевыми друзьями. Первым делом познакомился с новым начальником штаба подполковником Шалуновым и другими офицерами, прибывшими за время моего отсутствия. Очень обрадовался, найдя живым и здоровым Александра Павловича Дмитриева, неразлучного фронтового друга, свыше трех лет возглавлявшего политотдел бригады.

Новый начальник штаба доложил обстановку и полученного с утра задачу. Все наши попытки форсировать канал в районе Штадтсдорфа не увенчались успехом.

Он подвел меня к окну, из которого просматривался Штадтсдорф, мост правее него и батальоны, окопавшиеся по южному берегу канала.

- Такого огня я еще не видел, - вздохнув, сказал Шалунов.

- А как с мостом?

- Захватить его не удалось. Немцы частично взорвали мост, а идти напролом нет смысла.

- Как смотрит на это командир корпуса? - продолжал допытывать я.

На широком и добром лице начальника штаба появилась улыбка:

- Ясное дело - ругается. Требует захватить противоположный берег.

Соединился по телефону с генералом Новиковым,

представился ему. Командир корпуса сказал, что находится от нас очень близко. Самое большее один-два километра в сторону. Радио и телефон в этих условиях ненадежны. И лучше всего, если я доберусь до него сейчас.

Особого желания оставлять бригаду у меня не было, но раз требует командир корпуса, значит, рассуждать нечего.

Добраться до КП корпуса на машине или бронетранспортере было абсолютно невозможно: гитлеровцы находились от нас в трехстах метрах. Пришлось идти пешком, а точнее, ползти, так как бешеный огонь прижал нас к земле. Переползая от дома к дому, адъютант, офицер связи и я стремились к одному достигнуть леса. Но здесь оказалось еще хуже: непрерывно рвались разрывные пули, задевавшие то деревья, то только хвою сосняка. К лесу вплотную примыкали дома, они и явились для нас спасением, хотя по ним били артиллерия и минометы. Начали перебежки от дома к дому, у одного из домов нас встретил офицер штаба корпуса.

Ситуация, в которой мы находились, не давала повода для веселья, но я все же не смог удержаться от смеха. Когда подползли к цели нашего путешествия, сопровождавший нас капитан кошкой юркнул в узкое оконце подвала двухэтажного дома и пропал. Через некоторое время из оконца высунулась рука, которая приглашала нас следовать тем же путем. То ли габариты мои оказались побольше, чем у капитана, то ли я не учел особенностей расположения узкого подвального отверстия, но, просунув в него голову, застрял и с большим трудом ввалился внутрь полуосвещенного подвала под дружный хохот находившихся там людей.

- Не удивляйтесь такой обстановке, она и для нас непривычна, - пробасил незнакомый голос. - Но это единственный способ добраться до меня. Подходы к дверям и сами двери просматриваются и простреливаются со стороны канала. Ночью, когда здесь закреплялись, не разбирались, что к чему, а сейчас уже поздно менять расположение.

Постепенно глаза свыклись с полумраком, и я увидел группу людей в продолговатом отсеке. В углу виднелись телефонные аппараты, в другом таком же помещении у радиостанции склонились два радиста. Рядом с комкором Василием Васильевичем Новиковым стояли знакомые мне генерал-полковник Николай Александрович Новиков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками нашего фронта, и мой старый фронтовой друг начальник политотдела корпуса Андрей Владимирович Новиков.

Отряхнув пыль и поправив помявшийся китель, я представился комкору и генерал-полковнику, а затем обнялся с Андреем Владимировичем. С этим простым, требовательным, справедливым и храбрым человеком мы встречались много раз на Днепре, на букринском плацдарме, под Киевом и Львовом, на Висле и на Одере. По натуре он был замкнутым, суровым. И тот, кто был мало знаком с Андреем Владимировичем, избегал встреч

с ним. Но мы, знавшие полковника, тянулись к нему. Он был умным, добрым и справедливым человеком. Не приходил в особый восторг от удач, но и не впадал в уныние при провалах. К его голосу прислушивались и политработники и командиры бригад, и не только потому, что он был гораздо старше и опытнее нас. Он умел расположить к себе людей.

Помню, в августе сорок четвертого, когда отрезанная от своих наша бригада дралась с превосходящими силами противника на сандомирском плацдарме, Андрей Владимирович каким-то чудом добрался до нас. Танков он с собой не привел, артиллерии - тоже, но его простые, ободряющие слова, само его присутствие в узкой траншее вселили уверенность, что найдется выход из положения, казавшегося безнадежным.

- Мы с тобой еще выпьем шампанского в резиденции Геббельса, - говорил он мне в минуту затишья.

- Дай бог уцелеть в этом аду, не до шампанского, - ворчал я.

- И чего ты себя хоронишь? Увидишь - будем в Берлине!

И вот мы встретились - хоть не в Берлине пока, но уже на подступах к нему. Как бы там ни было, мы добрались сюда. И увиделись в столь необычной ситуации. Чтобы успокоиться от охватившего меня волнения, я спросил шутя:

- Не слишком ли много Новиковых в одном подвале? Василий Васильевич снял позолоченные очки, протер стекла:

- Новиковых на Руси не меньше, чем Ивановых, особенно у нас на Калининщине. А то, что мы все трое оказались в одном месте, в этом виноваты именно вы. Была бы ваша бригада на той стороне канала, я не сидел бы здесь, да и Николай Александрович не приехал бы сюда. - Командир корпуса сделал паузу и перевел разговор в деловое русло: - Все-таки непростительно, что бригада топчется перед каналом. Днепр брали, Вислу первыми форсировали, позади оставили Ниду, Варту, Одер, а тут не можете перескочить через несчастный канал...

Василий Васильевич нервно заходил по подвалу. До этого я не знал генерала Новикова лично: он командовал другим корпусом. От людей же слышал много хорошего о нем, в частности, о его уравновешенности и личной отваге. Говорили, что генерала трудно вывести из терпения. И все же, впервые столкнувшись с новым командиром корпуса в служебной обстановке, я держался настороженно.

Комкор подошел к карте, я последовал за ним.

- Тельтов-канал - последний рубеж на пути к Берлину. Форсировав его, мы окажемся там, в Берлине. - Новиков говорил не спеша, чувствовалось, он хочет, чтобы подчиненные глубоко усвоили смысл каждой фразы.

Он ознакомил меня со своим предварительным решением форсировать канал на фронте в пять километров, на двух участках. На правом будет действовать бригада Шаповалова, на левом - 55-я. Нам придется пустить по взорванному мосту самоходный полк Костина, его легкие СУ-76. Надо только усилить настил.

Здесь я услышал, что в полосу корпуса прибудет артиллерийская дивизия прорыва, что на нашем участке будут действовать две артиллерийские бригады. Все это обеспечит надежное подавление противника. А приданный саперный батальон поможет осуществить переправу.

- Каким временем я располагаю для подготовки?

- В вашем распоряжении сутки. К исходу двадцать третьего апреля доложите о готовности.

Вопросов больше не было. В деталях же мне предстояло разобраться самому. Передо мною все было пока как в тумане. Первым делом необходимо было немедленно уточнить, почему перед этим чертовым каналом остановилась вся наша армия? Какой противник и сколько его перед нами? Следовало все разведать, продумать, что к чему, по-настоящему подготовиться к штурму.

Вместе с командиром корпуса мы поднялись на чердак, осторожно подошли к высокому узкому окну. Перед нами на многие километры открылась панорама местности. Справа, слева, впереди - сплошные населенные пункты, дачные поселки, сливавшиеся с городом, хутора, обнесенные кирпичными стенами, виллы, сады. Вдали множество озер. Не сразу увидел предмет своих поисков пресловутый Тельтов-канал. Василий Васильевич по привычке протер очки, правой рукой приподнял их над глазами.

- Смотрите. Справа город Тельтов, перед нами Штадтсдорф, а вон и разрушенный мост, который отдаю вам. Вправо от него участок прорыва двадцать третьей мотобригады.

На фоне зеленеющих озимых в бинокль был хорошо виден серый бетонированный берег. На отдельных участках просматривалась полоска воды.

Окончив обзор местности, мы спустились вниз. На столе, где недавно лежал план Берлина, на скорую руку был собран обед. Отказаться от угощения я не посмел.

Андрей Владимирович Новиков налил рюмку водки:

- За нашу уже близкую победу. А шампанское выпьем в самом Берлине...

За обедом молчавший до тех пор командующий бронетанковыми войсками фронта Николай Александрович

Новиков произнес негромким, мягким голосом:

- Василий Васильевич, посылая меня к вам, Иван Степанович Конев просил предупредить об особом положении вашего корпуса. Он нацелен на западную окраину города. Под натиском войск двух фронтов противник безусловно будет вынужден уходить на запад. Вам придется принять на себя удар превосходящих сил обезумевшего и страшного в своей агонии врага. Помните об этом и сделайте все, чтобы ваш корпус не оказался раздавленным. Комкор еще раз снял очки, без надобности протер их:

- Я это отлично понимаю. Скорее помогите мне пехотой, иначе корпус действительно может оказаться между молотом и наковальней. - Василий Васильевич обернулся ко мне: - До сих пор в третьей танковой армии вас знали как командира, не оглядывающегося назад, не боящегося открытых флангов. Надо эту марку выдержать.

- Выдержит, - вставил самый младший из Новиковых, начальник политотдела Андрей Владимирович.

* * *

Теми же задворками и той же рощей добирался я к себе в штаб бригады. С обстановкой немного свыкся и более уверенно делал теперь перебежки, меньше падал, реже кланялся снарядам и минам, щедро посылаемым с противоположного берега.

Весь следующий день ушел на подготовку к предстоящему форсированию канала, прорыву обороны.

С разведчиками и саперами, с командиром самоходного полка и с командирами батальонов, с офицерами приданной и поддерживающей артиллерии облазили районы исходных и артиллерийских позиций, наметили пункты переправы, исследовали подходы к каналу. В маскировочных халатах подползли к берегу, изучали режим огня противника, выявляли его огневые точки.

Как ни старались делать все скрытно, наши приготовления, передвижения войск, переход артиллерии на новые огневые позиции не остались не замеченными фашистами. Во второй половине дня, обнаружив подход советски* войск, а также большое скопление артиллерии и танков, противник усилил огонь. До поздней ночи на нашем берегу взрывались тяжелые снаряды, а немецкие зенитные орудия вели огонь по наземным целям. Этот день показал, что предстоит расколоть поистине крепкий орешек.

Напрашивалось решение изменить тактику наших действий в этом огромном городе. Все прежние методы: обход, атаки с ходу, выход на фланги, рейды по тылам врага - были неприемлемы в

данной обстановке.

Возросшее особенно за последние два года оснащение техникой в какой-то мере избаловало нас, танкистов. Командующий 1-м Украинским фронтом в ряде крупных операций создавал на поле боя такие условия, при которых мы имели самые широкие возможности для маневренных действий. Мы, танкисты, не ввязывались в затяжные бои на переднем крае, а зачастую входили в прорубленные ворота и действовали смело, без оглядки, разгоняя и уничтожая все и вся на своем пути, расширяя прорыв. Отрыв танков от пехоты иногда достигал ста километров. Обычным стал для нас захват с ходу подготовленных врагом в тылу оборонительных рубежей, а излюбленным методом был выход на оперативный простор в глубоком тылу противника, маневр в сторону флангов, взятие с ходу какого-либо важного политического и экономического центра, а затем рывок к широким водным преградам и захват плацдармов. Свежи были в памяти стремительный марш-бросок к Висле и захват сандомирского плацдарма, выход в тыл Силезского промышленного района и многие другие рейды и походы нашей танковой армии.

Но теперь обстановка не давала возможности действовать так, как мы привыкли. Ареной боев стали Большой и Малый Берлин, предместья этого огромного города, дальние и ближние подступы к нему; каждая улица, каждый дом, каналы и реки превратились в объекты атак.

А нацизм еще рассчитывал продлить свое существование. Гитлер надеялся на какое-то чудо, он возлагал большие надежды на 9-ю и 12-ю армии, спешившие в Берлин, на подходящие резервы, на новые формирования, на свой офицерский корпус, офицерские училища, на гестапо и штурмовиков, на тотальную мобилизацию стариков и детей, на батальоны фольксштурма и, конечно, на фаустников. Главари фашистского рейха надеялись также на то, что войска США и Англии сумеют опередить Советскую Армию и, овладев Берлином, помогут сохранить им жизнь, а может быть, свободу. Нам предстояло грандиозное сражение, распадавшееся на множество боев тактического значения, фронтальных ударов и штурмов отдельных опорных пунктов - боев упорных и при всей своей раздробленности объединенных и управляемых единой волей.

* * *

Подготовка к форсированию канала была завершена к исходу дня. В предвидении затяжных боев в городе и на его улицах мы распределили мотопехоту по танковым ротам. За счет батальона автоматчиков, за счет комендантского взвода, саперной роты,

разведчиков были созданы штурмовые группы, способные вести ближний бой с засевшими в домах, на чердаках и в подвалах фаустниками и автоматчиками. За каждым танком были закреплены пять-шесть автоматчиков, саперов, разведчиков. Таким образом, танки как бы имели собственный "гарнизон".

Я понимал, что принятые меры недостаточны. Проблема нехватки пехоты оставалась нерешенной. Действовать без нее в Берлине было невозможно. Где ее взять?

Мне пришла в голову мысль, которую я высказал начальнику политотдела и начальнику штаба:

- Не использовать ли в качестве пехоты танкистов, потерявших в предыдущих боях свои танки?

Мои друзья это одобрили, а танкисты живо откликнулись. С автоматами и пулеметами, снятыми с подбитых танков, они примкнули к штурмовым группам. К ним присоединились ремонтники, писари, хозяйственники. Всем хотелось участвовать в штурме Берлина, в завершении разгрома врага. Я понимал все это, но опасался другого. Человек остается человеком. Чувство самосохранения - живучее чувство. В последние дни войны, когда уже близка была победа, к которой мы все так стремились, тяжело становилось от одной мысли, что придется умереть. В это время и могло проявиться с особой силой чувство самосохранения. Но если люди будут избегать риска, это может затормозить наступление. В такой ситуации одного усиления разъяснительной работы мало - нужен личный пример командиров, коммунистов, комсомольцев.

В тяжкую пору 1941-1942 годов, в боях на Днепре, на Украине и в Белоруссии таких проблем не было. Многие из нас не надеялись уцелеть в той чудовищной мясорубке, и вероятность остаться живым была тогда действительно невелика. Бросаясь в бой, мы думали о победе, хотя и не были уверены, что увидим ее. Я видел не раз, как бойцы шли на верную гибель во имя маленькой победы на своем участке фронта над небольшой группой врагов, подчас даже в поединке. Ведь само собой подразумевалось, что от этих наших частных, небольших успехов в то время зависел большой успех Родины в смертельной схватке с фашизмом.

Идя в атаку, фронтовики любили говорить: "Двум смертям не бывать, а одной не миновать". В этих словах была своя доля правды. Но наряду с личным бесстрашием, с презрением к врагу эти слова в какой-то мере выражали и человеческую слабость - неверие в то, что можно остаться живыми на войне.

Мои опасения, к счастью, оказались напрасными. И как порадовался я за наших бойцов, когда с первого дня битвы за

Берлин убедился, что не прав, что просто недостаточно знал даже тех людей, с которыми сроднился за годы войны. Сознательность советских воинов была выше, чем личные переживания. Неиссякаемая воля к победе, безудержная решимость скорее и окончательно уничтожить фашизм, глубокая вера в правоту нашего дела породили небывалый массовый героизм. Люди рвались в бой. Тот, кто дошел до логова фашистского чудовища, отлично понимал, что будут означать для грядущих поколений слова: "Я брал Берлин..."

Тельтов-канал

И вот началось. Забрезживший рассвет померк в море огня артиллерийской подготовки. Воздушная волна огромной силы прижала нас к земле. Дмитриев, стараясь перекричать неистовый шум, басил мне в ухо:

- Ну и концерт! Красота!..

Начальник штаба бригады, восхищенный этим величественным зрелищем, восторженно произнес:

- Маршал Конев превзошел самого себя. Пожалуй, это было верно. Давно я не видел такого шквального огня. Прорыв киевских позиций противника в ноябре 1943 года, взлом вражеской обороны в битве за Львов, январское наступление 1945 года с сандомирского плацдарма - все эти грандиозные операции, в которых мне довелось участвовать, не могли сравниться с тем, что происходило в предутренние часы 24 апреля на Тельтов-канале.

Подтянуть на узкий участок прорыва за каких-нибудь два дня целый артиллерийский корпус, создать невиданную до сих пор артиллерийскую плотность в 600 орудий на один километр фронта, подвезти такую массу снарядов, организовать систему огня, привязать с ходу эту махину артиллерии к местности, к определенным целям, рассчитать по времени - все это являлось не легким делом. Сделать и организовать его были способны только талантливые полководцы, какими являлись маршал Иван Степанович Конев, а также опытные генералы-артиллеристы Корольков, Волкенштейн и многие другие.

Через головы танкистов летели десятки тысяч артиллерийских снарядов. За нашей спиной тяжело дышали минометы. Огненные трассы залпов "катюш" бороздили небо. В сторону фронта прошли советские бомбардировщики, с ревом над самой землей стайками пронеслись штурмовики генерала Рязанова, над ними - ястребки Покрышкина.

Северный берег канала и южная окраина Берлина были охвачены пожарами и окутаны дымом. Взлетали в воздух обломки оборонительных сооружений, разваливались дома, разлетались

баррикады и завалы, возведенные гитлеровцами. Стонала изуродованная земля. Гибли тысячи гитлеровцев, загнанных в окопы, траншеи, подвалы и на чердаки, чтобы преградить Советской Армии путь к Берлину. Бессмысленно было сопротивляться натиску двух фронтов, силе сотен полков, стальной лавине шести тысяч советских танков, огню сорока тысяч орудий, налету армады самолетов.

Напрасно Геббельс до хрипоты кричал, что русские, стоя у стен Берлина, не прорвутся в него так же, как в свое время немцы не взяли Москвы, хотя и дошли до нее. Напрасной была и вера его соотечественников в какое-то новое могущественное оружие, разрекламированное нацистской пропагандой, - оно не появилось. Напрасны были надежды Гитлера на резервы, вызванные в Берлин с юга и с запада. Их уничтожили в лесах Котбуса войска генералов Гордова, Жадова и Пухова, а те, кому удалось спастись, разбежались потом под ударами танковых и механизированных бригад, действовавших в составе армий Рыбалко и Лелюшенко.

И все-таки, отрезанные с трех сторон, находясь под угрозой полного окружения, фашисты продолжали сопротивляться с бешеным фанатизмом, до последнего момента ожидая какого-то чуда. Но чуда не случилось. Путь на запад был вскоре плотно закрыт в результате сильных фланговых ударов двух наших фронтов. Гитлеровцы, словно звери, обложенные со всех сторон, яростно огрызались, выли, но все еще пытались кусаться. Они понимали, что наступил час возмездия за все преступления: за миллионы жертв Освенцима и Дахау, Маутхаузена и Бухенвальда, Варшавского гетто и Бабьего Яра, Лидице и Орадура, и те, у кого были руки в крови, дрались до последнего, в плен не сдавались. Сопротивление оставшихся в живых защитников рейха поддерживалось страхом смерти. Фюрер стал применять жестокие карательные меры. Тех, кто оставлял позиции, ждали виселицы, расстрелы, летучие полевые суды.

Для людей, отравленных идеями нацизма, наступало тяжелое похмелье. Немцы увидели, куда завела их авантюристическая политика фюрера. И рухнула вера в кумира, за которым когда-то они шли безоглядно дорогами побед и преступлений. Последний бастион рейха - Берлин находился в смертельной агонии...

Минутная стрелка медленно ползла вверх. Шквальный огонь артиллерии стал удаляться на север. Пятисотки и тысячекилограммовые фугаски рвались уже где-то в стороне. Приближалось время броска пехоты и танков в атаку.

- Осталось пять минут, - раздался рядом со мной голос начальника разведки Бориса Савельева.

Начальник штаба бригады Василий Матвеевич Шалунов повернул голову в мою сторону, Дмитриев, глядя на часы, безмолвно отсчитывал оставшиеся до атаки минуты и секунды.

- Отдайте команду! - сказал я и не узнал своего голоса.

Начальник штаба во всю мочь крикнул в выносную трубку радиостанции:

"Ястреб", "Волга", "Секундомер"! Вперед, вперед!

Кто-то, подхватив команду, выпустил в небо серию зеленых ракет. Разведчики, саперы, автоматчики вырвались из своих окопов и помчались к берегу.

Саперы волоком тащили деревянные переправочные лодки, за ними змейкой бежали десантники. На мосту с группой десантной роты уже орудовал бригадный инженер майор Н. И. Быстров. Этот красивый, с тонкими чертами лица юноша всегда изумлял меня находчивостью, смелостью и умением применять в бою самые различные новшества. У него был какой-то особый нюх, помогавший без разведки безошибочно определять проходимость мостов на глаз, устанавливать наличие минных полей. Вот и сейчас от Быстрова прибежал связной, передавший, что есть возможность пропустить по полувзорванному мосту легкие самоходки.

- Все идет по плану, - бодро докладывал Шалунов.

Все мы, находившиеся на берегу канала, понимали, что действия 55-й бригады являются лишь частицей широко задуманного, организованного и всесторонне обеспеченного плана форсирования Тельтов-канала в полосе 3-й танковой армии. В тот же час, даже в те же самые минуты, аналогичный бросок совершали бойцы 6-го и 7-го танковых корпусов.

Форсирование было намечено также на участках 22-й и 23-й мотострелковых бригад. Но мотострелковым частям было проще, чем нам, - им не требовалось переправлять тяжелые танки и самоходки, а солдаты всегда сумеют преодолеть сорок метров вплавь.

Однако, даже зная это, каждый из нас все же чувствовал себя так, будто от его личных усилий зависит исход всего сражения.

Когда рассвело, мы увидели на противоположном берегу много темных точек. Это были солдаты наших штурмовых групп. Вот они побежали вперед, залегли, двинулись опять. Взвод за взводом на ту сторону перебрался весь батальон автоматчиков.

Я прекрасно сознавал, как необходимо оказать помощь автоматчикам. Что сделаешь на том берегу одним легким оружием?! Если мы не примем мер, не поддержим батальон, он неминуемо погибнет.

Рядом со мной появились командиры двух бригад

артиллерийской дивизии прорыва. Они быстро разобрались в сложившейся обстановке и уже отдавали необходимые распоряжения.

Выполняя команду о переброске через канал передовых наблюдательных пунктов, мимо нас пробежала группа молодцеватых артиллеристов, навьюченных треногами, буссолями и прочей необходимой артиллерийской аппаратурой. И вскоре перед наступающим батальоном автоматчиков встала стена разрывов, прикрывая их от огня врага.

Только через два часа доложил Николай Иванович Быстров о готовности моста, накануне выведенного немцами из строя. Сшитый на живую нитку под ураганным огнем, этот мост мог выдержать только легкие танки. По нему сразу были пропущены минометная батарея батальона автоматчиков и одна приданная ему артиллерийская батарея - это до некоторой степени уже облегчало положение автоматчиков.

Майор Старухин, командовавший автоматчиками, оставшись один на один с противником, стал теребить меня, требуя незамедлительной помощи. Положение этого батальона становилось все труднее, потому что уцелевшие группы гитлеровцев пришли в себя после артиллерийской подготовки и начали огрызаться. Можно было ожидать и контратаки.

По сигналу бригадного инженера к мосту пошли самоходки. Успех самоходного полка мог решить очень многое в этом бою: переправившись на противоположный берег, он поддержал бы действия батальона автоматчиков. Продвижение же самих самоходчиков километра на три-четыре вперед создало бы условия для наводки переправы и пропуска остальных войск.

Действия двух артиллерийских бригад были направлены на отсечение противника. С южного берега вели огонь танковые батальоны, ожидавшие, когда будет готова переправа.

Артиллерийская и танковая дуэль длилась больше часа. Гитлеровцы активизировались. Два вражеских артиллерийских дивизиона обрушили свой огонь на переправу, и через полчаса моста не стало. Быстрову удалось переправить через канал только три самоходки, а две вместе с обломками моста рухнули в канал. Тогда и погиб командир полка подполковник Костин.

Батальон автоматчиков остался на маленьком пятачке один, не имея в своем распоряжении ни достаточного количества танков, ни артиллерии. Для него наступили критические минуты - батальон залег. Дальнейшее его продвижение приостановилось. Переправившиеся самоходки были сожжены противником. Реальную помощь Старухин получил только от двух артиллерийских бригад, огонь которых сорвал попытки немцев

сбросить наших автоматчиков в канал. Да еще на левом фланге батальон Гулеватого прижал к земле роту немецкой пехоты, намеревавшуюся ударить в тыл нашим автоматчикам.

Тяжелый огневой поединок длился несколько часов. Мы приковали огневые силы и средства противника к себе, лишили его широкого маневра на всем участке. Но это, в сущности, было все, чего мы достигли...

Примерно такая же ситуация сложилась и у моего правого соседа.

Однако именно то, что мы приковали к себе огневые средства противника, сыграло известную роль, облегчив активные действия других соединений. В центре танковой армии 22-й, а потом и 23-й мотобригадам удалось полностью форсировать канал, удержать плацдарм и обеспечить переправу главных сил. А через несколько часов там был наведен мост, по которому лавиной хлынули танковые бригады и корпуса. Битва за Тельтов была выиграна, ворота в Берлин открыты.

* * *

В сумерках того же дня, когда бригада подходила к переправе, у самого моста нас догнал Василий Васильевич Новиков. Командир корпуса был в хорошем настроении.

- Видел, я, видел, как вы хотели брать мост. Да не тут-то было, сказал он шутливо. - Во всяком случае гитлеровцев вы напугали. Завертелись они вдоль берега, а это было нам на руку.

Новиков вытащил из-за голенища помятую карту, расправил и разложил ее на крыле "виллиса". Проведя карандашом линию на север, он тут же продолжил ее в северо-западном направлении до предместья Берлина - Целендорфа. Оттуда пунктир пробежал к автостраде и поднялся на западную окраину Берлина.

- Вот и все. Ясно?

- Без слов понятно, товарищ генерал.

- Понятно-то оно понятно, но тебе придется серьезно подумать. - Впервые за дни нашего знакомства комкор, перешел на "ты", и это сразу подняло настроение. - Смотри, какие постройки и сколько их. Уйма. Впереди, слева от нас, начинаются дома, виллы, усадьбы. Каждый дом придется брать с боем. Вся надежда на пехоту, на штурмовые отряды.

Василий Васильевич продолжал спокойным голосом давать указания, часто употребляя слово "попятно", хотя и для него, и для меня было слишком много непонятного. Предстояло решать задачу со многими неизвестными. Ничего не было известно ни о характере обороны, ни об укреплениях, возведенных фашистами, ни о том, какими силами они обороняются, какими резервами располагают в полосе наших действий.

Ясно было и для Новикова, и для меня одно - предстоит медленно, осмотрительно прогрызать оборону, осторожно и в то же время решительно, безостановочно вести наступление. Каждая улица таила в себе множество неожиданностей. Бригада наступала на самом левом фланге корпуса и армии. Локтевой связи с частями генерала Лелюшенко, которые слева от нас шли на Потсдам, не было.

Только по отдаленной артиллерийской стрельбе да по глухим взрывам я догадывался, что там наступают танкисты 4-й танковой армии.

Генерал Новиков перепрыгнул через борт на сиденье "Виллиса" и уже на ходу крикнул:

- В нашей жизни подобное не повторится! Мы - в Берлине, вы это понимаете?

"Виллис" развернулся и умчался к переправе.

"Вы это понимаете?" Я улыбнулся этим словам. Как не понять? Хотелось ответить генералу: "Да, очень хорошо понимаю, и каждый понимает, что значит оказаться в Берлине. Этот факт сам по себе уже является символом победы над фашизмом. "Мы - в Берлине" - означало победу нашей Родины, победу каждого из нас". Перешагнув Тельтов-канал, мы встали на берлинскую землю, горящую, взбудораженную, и нас уже невозможно было остановить, а тем более повернуть вспять.

В ту ночь танки вместе с разведчиками Серажимова, саперами Быстрова, автоматчиками Старухина и Хадзаракова вползали в предместье Берлина. Миновали поселок Шенов, оставили в стороне Кляйн-Махнов, втянулись в приглаженные рощи, сады, примыкающие к станции Лихтерфельде-Вест. Странные это были бои. Дело приходилось иметь с непонятной обороной и с невидимым противником, который то внезапно появлялся, то неведомо как скрывался от нас.

Траншеи, отдельные окопы, перепаханные улицы, наспех смонтированные доты в подвалах особняков, огневые точки на чердаках, вкопанные на перекрестках улиц танки, укрытые в домах зенитные орудия. Целый день отдельными группами, взводами и ротами мы очищали от гитлеровцев это густонаселенное предместье Берлина. В наших руках оказалась сначала железнодорожная станция Целендорф, а затем и весь район Лихтерфельде. Об этом радостном событии был немедленно оповещен командир корпуса. В ответ на мое донесение он прислал радиограмму: "Сегодня овладеть районом Целендорф".

В Лихтерфельде срочно стягивались тылы и ремонтные подразделения бригады. Надо было иметь их под руками,

приблизить к наступающим батальонам. Я опасался, что они могут затеряться на многочисленных улицах в в переулках, остаться же без боеприпасов, горючего, продовольствия, без средств ремонта танков в этом разрушенном, горящем городе было просто немыслимо. Поэтому я тащил за собой все свое хозяйство. Из тыловых подразделений мы сформировали большой отряд, составлявший гарнизон прикрытия. Начальник тыла - опытный офицер, практичный хозяйственник и храбрый воин - майор Иван Михайлович Леонов быстро осваивал захваченные районы, устанавливал в них необходимый воинский порядок.

Еще у моста через канал, уточняя задачу, генерал Новиков указал мне на крупный пункт в южной части Большого Берлина - Целендорф:

- Имей в виду - это ключ к Берлину. Он запирает юго-западную часть города и должен быть в наших руках сегодня к ночи. Старайся не ввязываться в уличные бои.

Полученная радиограмма еще раз подтвердила категоричное требование комкора.

Легко сказать "не ввязываться в уличные бои", а как это сделать, когда впереди преградой легли озера Крумме-Ланке и Шлахтензее, а справа и слева рощи, сады, нагромождение вилл, усадеб, дворцов. В Целендорфе, в этом живописном предместье Берлина, осела крупная фашистская буржуазия - главари гитлеровского рейха. Они превратили этот район в опорный пункт частей, оборонявших пути к центру города.

На станцию Лихтерфельде, где расположился штаб бригады, прибыли командиры батальонов, сюда за получением задачи я вызвал артиллерийских начальников. Здесь же ждали приказа саперы и разведчики.

И тут, как назло, загадочно притаился Целендорф. Таинственно молчал черный лес впереди, затихли переулки. А по опыту я уже знал: тишина на войне всегда таит в себе что-то зловещее.

Два часа ушло на то, чтобы организовать наступление бригады. Разведка на двух танках во главе с угрюмым лейтенантом Андреем Серажимовым выдвинулась в Целендорф. Рота автоматчиков капитана Хадзаракова направилась к опушке леса. Два артиллерийских дивизиона развернулись на огневых позициях. Здесь же недалеко от меня в готовности поддержать главные силы танкистов 55-й бригады развертывалась подошедшая артиллерийская бригада.

На Целендорф пошли два танковых батальона. В 1-м батальоне на пятом танке разместилась небольшая оперативная группа командира бригады, в которую входили разведчики,

саперы и автоматчики. Заняв свои места, мы понеслись вперед.

2-й батальон следовал за нами на расстоянии нескольких километров. Он имел задачу поддержать нас и быть готовым, в случае неудачи, обойти нас справа, а если это окажется невозможным, то мимо озера Вальдзее - слева.

Мы отлично понимали, что противник не отдаст без боя этот важный район в юго-западной части Берлина: потеря его означала серьезное ослабление всей немецкой обороны. Из Целендорфа шли дороги к автостраде, через него проходила железнодорожная магистраль Берлин - Потсдам. Овладев этим районом, мы наглухо запирали выход немецкой группировки на запад. Главное же - это был кратчайший путь в западные районы Берлина в Шарлотенбург, на стадион "Олимпия", в Рулебен, где мы могли соединиться с войсками 1-го Белорусского фронта, замыкая кольцо окружения внутри Берлина.

Мысленно перебирая все это, я с тревогой вслушивался в наступившую внезапную тишину. Уж не ловушка ли это? Так думали все: и я, и офицеры штаба, и те, кто находился со мной у железнодорожного переезда. Если это ловушка, то действовать надо особенно осторожно, предусмотрительно, не поддаваясь на хитрости врага.

Продумав несколько вариантов, я решил оставить резерв силой до батальона, подчинив его начальнику штаба бригады Шалунову, который оставался со штабом на месте. Сам же с авангардным батальоном на максимальной скорости, на какую только способны тридцатьчетверки, проскочил к мертвому пространству у железнодорожного переезда.

Не раздалось ни одного выстрела со стороны леса. Зловеще молчал и Целендорф. За моим танком шли восемь доджей, на которых, задрав кверху стволы, были установлены крупнокалиберные зенитные пулеметы ДШК. Зенитчики крепко держались за рукоятки пулеметов, готовые в любую минуту открыть огонь по фаустникам и по любым другим огневым точкам врага.

Эту роту, не однажды выручавшую нас в беде, я всегда держал в своем резерве. Вот и теперь во время броска через мертвую долину к мрачному лесу машины с установленными на них пулеметами окружали командирский танк с десантом.

С приближением к Целендорфу явственнее стали вырисовываться контуры разноэтажных домиков с типичными для Германии остроконечными крышами. Когда замелькали почерневшие, голые деревья парков и садов, перекрывая шум танкового мотора и лязг гусениц, раздался голос Савельева:

- Серажимов вышел на площадь. Все в порядке.

Шедший впереди танк сбавил скорость. Повинуясь ему, притормозили остальные машины. И тотчас вокруг моего танка появились стволы зениток.

Не сразу дошло до моего сознания то, что случилось в последующие секунды. Воздушной волной весь наш десант был сброшен на землю. Только тогда, когда над головой зажужжали пули, когда столб огня поднялся к небу и улица закачалась от взрыва, я понял, что гитлеровцы действительно приготовили нам сюрприз. Хотя мы и ожидали подвоха, внезапный удар противника был ошеломляющим.

Рядом оказался Савельев, он помог мне встать на ноги. Вместо того чтобы отдать команду, я вдруг почему-то начал усиленно счищать грязь с одежды. Это было нелепо, но, очевидно, механические движения помогли мне постепенно преодолеть растерянность. К счастью, этого никто не заметил. А отдавать команды и не потребовалось: в бой самостоятельно втягивались танкисты, автоматчики, зенитчики и все, кто находился в Целендорфе.

Танкисты развертывали башни танков в сторону домов и осколочно-фугасными снарядами вдребезги разносили верхние этажи. Вездесущие зенитчики посылали огненные трассы в окна и чердаки. Не отставали и минометчики. В огневой бой втянулись автоматчики, которые группами рассыпались по улицам, домам и самостоятельно выполняли задачу, поставленную им перед боем.

С несколькими подчиненными я стоял у танка, пытаясь уловить смысл происходящего, оцепить обстановку. Это мне не удавалось. Кругом все гремело от неистовой стрельбы, взрывов, трескотни пулеметов. Где противник, какие у него силы, что за оборона - понять было трудно. В конце концов немного разобравшись, осмыслив происходящее, приказал двум артиллерийским дивизионам открыть огонь и последовательно обстреливать участки улиц. Через несколько минут над головой прошелестели наши тяжелые снаряды, а спустя некоторое время к нам подключилась минометная бригада артиллерийской дивизии прорыва.

Постепенно бой стал принимать организованный характер. Мотострелковая рота капитана Хадзаракова, направленная в обход Целендорфа с севера, повернула в город, примкнула к остальным ротам и начала выкуривать врага из домов, с чердаков, из подвалов. 2-й танковый батальон выскочил на северную окраину, овладел имением Дюппель и прикрыл главные силы бригады с севера. Там изготовилась к контратаке из района станции Вест-Целендорф большая группа противника.

Нам в этот день определенно везло. Начальник штаба

доложил о прибытии дивизиона "катюш"; правда, прибыли они не в наше распоряжение, а просто в район действий бригады - приказ на открытие огня должен был исходить только от командира корпуса. Но кто в подобной обстановке будет считаться с таким запретом? Взяв на себя смелость, я заставил командира дивизиона открыть огонь. Залп "катюш" по контратакующей группе гитлеровцев сорвал их планы...

Перевалило за полдень. Сопротивление гитлеровцев постепенно ослабевало. Стычки продолжались в отдельных домах, на улицах. И хотя все еще огрызались фаустники, глухо хлопали ручные гранаты, а над нашими головами шипели разрывные пули, уже не чувствовалось четкого руководства немецкой обороной, прекратился тот бешеный огонь, какой был вначале.

Мы были уверены: еще одно усилие - и Целендорф удастся взять. Оставалось очистить район железнодорожной станции Крумме-Ланке, выйти в район межозерья, а там перерезать автостраду и идущую параллельно ей железную дорогу Шарлотенбург - Потсдам.

Но мы рано приняли желаемое за действительное...

Командир батальона Гулеватый доложил:

- Продвигаться не могу, горят мои передние танки...

Я понимал, по радио с Гулеватым не договоришься. И направился со своей группой на главную улицу - Фишерюгендштрассе. У станции Крумме-Ланке мы натолкнулись на колонну танков батальона.

Прежде чем выслушать комбата, сгоряча изрядно отчитал его. Я полагал, что у меня есть для этого все основания. Только что разведчики доложили о выходе на западную окраину Целендорфа, туда же просочились наши автоматчики, а тут - остановка. Гулеватый вышел из себя:

- Смотрите сами, товарищ полковник, если не верите! Два танка горят. Идти вправо - натыкаюсь на озеро Крумме-Ланке, а слева тоже не пройти - за железной дорогой большое озеро Шлахтензее. Что делать?

Немного успокоившись, я стал разбираться в причинах задержки батальона. Фашистская зенитка из углового дома стреляла вдоль улицы. Огневая позиция была выбрана очень удачно, орудие искусно замаскировано. Обнаружить его и уничтожить танкистам было нелегко, а идти напролом - слишком рискованно: на этом маленьком участке можно было угробить все танки, не решив главной задачи.

- Вывести батальон из-под удара. Обойти озеро Шлахтензее, выйти в Николасзее и выполнить задачу! - приказал я. - Хотя такой маневр займет еще несколько часов, но зато будет меньше

жертв, сохранятся танки.

Тяжело закряхтели моторы. Неуклюже начали разворачиваться танки. Создалась неизбежная в таких условиях пробка. Поднялся шум, послышались крепкие выражения...

И вдруг... вражеская зенитка, расстреливавшая наши танки, замолкла. В суматохе это даже не сразу заметили. Что за чудеса? Пушка, принесшая нам столько хлопот, вдруг задрала свой длинный хобот кверху и замолчала. Сдаются они, что ли? Или готовят новый подвох?

Как бы там ни было, мы поспешили использовать момент. Целендорф был окончательно очищен. Путь к автостраде открыт. Генералу Новикову немедленно отправлено по радио донесение о взятии этого очень важного и сильного опорного пункта - последнего предместья в юго-западной части Берлина.

* * *

Что же все-таки произошло с немецкими зенитчиками?

На площади у трехэтажного дома, окнами выходящего к главной улице, по которой недавно прошли батальоны, суетились люди. Подъехав на своем танке, я увидел сутулую фигуру лейтенанта Серажимова. Его обросшее черной щетиной лицо показалось мне осунувшимся. Густые сросшиеся брови нависли над глазами.

Я спрыгнул с танка и подошел к лейтенанту:

- Что случилось? Почему отстали от Гулеватого и Старухина?

Сумрачный, неразговорчивый лейтенант показал рукой во двор, и мы молча последовали за ним. Прошли садик, свернули к входу в подвал, где была установлена зенитная пушка, и тут глазам открылась поразившая нас картина: на полу подвала мы увидели трупы четырех гитлеровских солдат - орудийный расчет в полном составе, а на казенной части орудия ничком лежал мертвый боец бригады комсомолец Василий Лисунов, вцепившийся в горло фашистскому офицеру. С трудом разжали мы его пальцы, отбросили в сторону гитлеровца и вынесли на улицу тело отважного разведчика.

- Почему Лисунов попал в подвал, как он проник туда? - спросил я у Серажимова.

Усталыми от бессоницы глазами лейтенант с тоской посмотрел на меня:

- Василий попросил разрешения садами пробраться с тыла в этот подвал, чтобы заставить замолчать немецкое орудие... Я ему, товарищ комбриг, разрешил. Иначе не мог. Зенитка подбила два танка, перехватила центральную магистраль и могла наделать много бед. С моего разрешения Лисунов пополз выполнять задачу. Минут через десять пушка перестала стрелять. Я услышал

из подвала крики "Хальт!", а потом началась автоматная стрельба, взрывы. После мы увидели, как ствол орудия подскочил кверху. Раздался пистолетный выстрел - и все умолкло. - Серажимов вздохнул и виноватым голосом продолжал: - Мы опоздали всего на несколько минут. Тут большая моя вина. Мог же послать с ним Тынду, Головина, Гаврилко. Все они были под рукой. Да я вот недодумался... А когда спохватился, было уже поздно.

Я не стал упрекать лейтенанта. В бою не всегда бывает так, как хочется, не всегда можно обдумать каждый свой шаг и поступок. Главное было сделано, хотя и дорогой ценой. Я только с болью сказал:

- Василий Лисунов ценою жизни открыл путь бригаде. Этими словами я хотел успокоить и себя, и командира взвода разведчиков. Всем сердцем я сочувствовал лейтенанту. Гибель Василия Лисунова, семнадцатилетнего комсомольца, любимца бригады, была для всех очень чувствительной утратой.

Мысли вернули меня к тому дню, когда я впервые встретил этого парня.

Летом 1943 года на попутных машинах добирался я из госпиталя на фронт, к себе в бригаду. Где-то недалеко от Полтавы в грузовик на полном ходу вскочили три паренька. Каждому было лет по пятнадцать-шестнадцать. Увидев офицера, они, испуганно переглянувшись, прижались в угол кузова.

Несколько минут мы молча разглядывали друг друга. С нежностью смотрел я на них. Ребята напоминали мне двух моих братьев-комсомольцев. С первых дней войны они оба ушли на фронт и оба погибли: один - в начале войны на Украине; другой - под Сталинградом в конце 1942 года.

Не потребовалось много времени, чтобы узнать, что мои новые знакомые тоже комсомольцы, харьковчане, жили недалеко друг от друга, учились в одной школе на Холодной горе.

Ребятам-харьковчанам довелось пережить голод, нищету, террор врага, смерть близких. Три комсомольца - Саша Тында, Вася Зайцев, Василий Лисунов дали клятву мстить фашистам.

Когда наши войска подошли к Харькову, молодые патриоты не раз переходили линию фронта, доставляли советским частям сведения о противнике, о размещении немецких батарей, складов. А когда Харьков был отбит и стал глубоким тылом, они решили пойти добровольцами и Красную Армию.

Узнав, что рядом с ними находится командир танковой бригады, ребята молча гипнотизировали меня. "Возьмите нас к себе. Мы не подведем", - можно было без труда прочитать на их лицах.

Я долго колебался. Слишком молоды были все трое для

тяжелой фронтовой жизни. А тут еще снова вспомнил своих погибших братьев и твердо решил вернуть мальчишек домой.

Заночевали в лесу под Киевом. Ребята притащили откуда-то сено, раздобыли молодой картошки, свежих огурцов, вьюном вертелись вокруг меня. Целую ночь ворковали. Ни они, ни я так и не сомкнули глаз. А утром я дал согласие зачислить их в бригаду и ни разу потом не пожалел об этом.

Через два дня мы были на месте. Танкисты тепло встретили нас, безоговорочно приняли в свою семью юных друзей. Тында, Лисунов и Зайцев стали со временем отличными разведчиками.

Все в бригаде любили ребят. Одним они были как младшие братья, другим годились в сыновья. Ребята крепли, мужали. С каждым днем росло их боевое мастерство. На сандомирском плацдарме за удачную разведку и захват двух "языков" Вася, Саша и Василий получили орден Отечественной войны I степени. В польском городе Сташув, еще занятом фашистскими захватчиками, отважная троица (тоже во время разведки) водрузила на здании ратуши двухметровый красный стяг.

И когда через день, разбив фашистский батальон, мы окончательно освободили Сташув и вошли в город, первое, что увидели, - было развевавшееся над ратушей ярко-красное полотнище, изрешеченное пулями и осколками мин.

А в конце августа там же, на сандомирском плацдарме, погиб один из трех харьковчан - Вася Зайцев. Он остался в траншее, которую захватили гитлеровцы. Ночью на наш участок обороны прибыл батальон Осадчего. Я направил его в контратаку. Противника удалось отбросить. И тогда мы нашли изуродованное тело Васи Зайцева, а вокруг него в траншее - восемь вражеских трупов.

Гибель шестнадцатилетнего комсомольца тяжело переживали солдаты и офицеры бригады.

И вот у стен Берлина погиб второй комсомолец из тройки харьковчан Василий Лисунов... А всем нам так хотелось, чтобы эти ребята остались живы, дождались победы.

Положив тело погибшего на танк, мы написали на башне: "Мстить за Василия Лисунова" - и устремились вперед на врага. Погибший разведчик шел с нами в атаку - в логово фашистского зверя...

Похоронен наш юный друг, на кладбище в районе Трептов в Берлине вместе с другими героями штурма фашистской столицы.

* * *

Бой в Целендорфе прекратился, стрельба удалялась с каждой минутой, шум танков утихал. Ко мне подтянулся Шалунов со штабом, подошли тылы Леонова. У этого разумного

хозяйственника всегда была под руками колонна "скорой помощи", или "красный обоз", как прозвали танкисты бригады три-четыре машины с боеприпасами, пять цистерн с горючим, машины с продовольствием, запасным оборудованием и неприкосновенным запасом спирта.

- Куда подать колонну? - был первый вопрос И. М. Леонова.

- Стоять на месте. До ночи - никуда.

- Помогите мне, - стал просить Иван Михайлович, - хоть один танк оставьте да взводик автоматчиков, а то расколошматят меня в клочья...

В этих местах и в самом деле было небезопасно. Пытавшиеся вырваться из окружения группы гитлеровцев и отдельные их подразделения, блуждавшие в поисках своих частей, натыкались на наши тылы и причиняли немало бед. Но оголить подразделения, взять у них в такое время танки и автоматчиков для усиления тыла было непозволительной роскошью. Кроме того, я был уверен, что Леонов сам сумеет выйти из затруднительного положения. Я знал, у него есть свой собственный маленький резерв, в состав которого входили вооруженные шоферы, кладовщики, ремонтники и другие специалисты-хозяйственники. С их помощью он прочесывал населенные пункты, охранял свое расположение и даже нападал на мелкие группы гитлеровцев, когда того требовала обстановка...

* * *

Расстроил меня вернувшийся из батальона Дмитриев:

- Погиб Петр Кузьмич Немченко, замполит Осадчего.

- Как так? Всего час назад я видел его на башне танка...

- Немецкие автоматчики срезали замполита при выходе из Целендорфа, подавленно сказал Александр Павлович, закручивая, как всегда, длинную козью ножку.

- Жаль, хороший парень был Немченко.

- Не то слово, - вставил находившийся рядом секретарь парткомиссии Иван Иванович Перегудов.

Перед моими глазами встал, как живой, замполит 3-го батальона. Впервые я познакомился с ним еще перед Львовско-Сандомирской операцией. Представляя мне политаппарат бригады, Александр Павлович как-то виновато шепнул, указывая глазами на Немченко:

- Я его еще не раскусил. Медлительный какой-то, неразговорчивый. Не похож на политработника...

Передо мной стоял невысокий, нескладный человек в обвисшей гимнастерке, с опущенным ниже живота ремнем. В нем не было ничего солдатского. Захотелось спросить: воевал ли он? Но тут в глаза бросились боевые награды на груди Немченко.

Стало стыдно собственной мысли. Хорошо, что не успел задать неуместный вопрос. Чтобы как-то прервать затянувшуюся паузу, спросил:

- Кем вы были до войны?

- Коммунистом, товарищ полковник.

- Вы меня не поняли, товарищ майор, я хотел узнать вашу профессию.

- Моя профессия - партийный работник, а должности занимал различные: был заведующим библиотекой, пропагандистом, работал в профсоюзных органах.

Запомнился мне этот короткий разговор. Впоследствии я видел Немченко с батальоном в боях у Равы-Русской, под Львовом, на Висле и сандомирском плацдарме. Он не выносил высокопарных, трескучих, холодных фраз, но знал истинную силу правдивого большевистского слова и умел пользоваться этим грозным испытанным оружием. И люди чувствовали в нем настоящего партийного вожака, душой тянулись к нему. Он не ошибся, отвечая на мой вопрос: он был и до войны, и в огне боев настоящим коммунистом.

Позже и Дмитриев, и я, и все наши танкисты полюбили Петра Кузьмича Немченко.

В бою Немченко был неистов, сражался с ожесточением, которое передавалось всем бойцам батальона. Помнится, в те дни, когда мы расширяли свой пятачок на сандомирском плацдарме, в 3-м батальоне осталось всего три танка. С большим трудом я буквально выгнал из боя комбата Осадчего, чтобы сохранить его штаб, избежать ненужных потерь. Полагал я, что вместе с комбатом ушел и его замполит.

Штаб 3-го батальона по моему приказанию был отправлен за Вислу на переформирование и пополнение батальона. Каково же было мое удивление, когда через несколько дней после очередного боя ко мне на КП были доставлены танкисты, спасенные из горящей машины, и среди них - замполит 3-го батальона майор Немченко, обожженный, в изодранном, опаленном комбинезоне, со следами крови на лице и руках.

- Почему вы здесь? - набросился я на него. - Почему остались? Это безрассудство - с тремя танками лезть в пекло!

- А вы, товарищ полковник? Вы почему здесь? У вас в бригаде едва наберется дюжина танков. Вы не ушли из боя. Зачем же упрекать меня?..

Тон замполита вывел меня из терпения. И без того было тошно. Немцы беспрерывно атаковали, потери росли, в строю остались считанные танки и полсотни автоматчиков, обещанное командиром корпуса пополнение не приходило, а тут еще этот

майор, так вызывающе разговаривавший с комбригом.

- Хватит! - взорвался я. - Отправляйтесь немедленно к Осадчему! - И, немного поостыв, высказал все, что накипело: - Я не потерплю в бригаде распущенности и самовольных действий. Офицер должен быть дисциплинированным, а политработник - вдвойне.

- Теперь я могу уйти, товарищ полковник? В батальоне не осталось ни одного танка...

Голос майора Немченко прозвучал глухо, заросшее рыжей щетиной лицо побледнело, губы скривились в горькой усмешке, и только глаза лихорадочно блестели. Он неуклюже протиснулся в узкую щель выхода и исчез.

За самовольные действия на сандомирском плацдарме он был мною строжайше предупрежден. За образцовое выполнение боевой задачи и личное мужество командующий армией наградил Немченко орденом Красного Знамени. Кличка Кузьмич, данная ему Осадчим, Федоровым, Гулеватым, прочно утвердилась за ним. Впрочем, это была не кличка. Так, по отчеству, на Руси испокон века величают уважаемых людей.

Именно таким был наш Кузьмич. С виду угрюмый, немногословный, нескладный, это был человек добрейшей души и беспредельной храбрости.

Как-то перед зимними боями 1945 года я забрел на огонек в землянку к Немченко. На дворе стоял морозец, для тех мест довольно-таки внушительный градусов девять - двенадцать. Раскаленная железная печурка издавала приятное тепло. Хозяин землянки смутился, растерянно забегал взад и вперед. Потом, видимо приняв серьезное решение, положил на пустой снарядный ящик, служивший столом и табуреткой, баклажку, консервные банки, вытащил железные кружки, кусок черствого хлеба:

- Прошу, товарищ комбриг, угощайтесь.

- Благодарю. Но я не за этим пришел. Обходил сторожевое охранение, увидел огонек и забрел...

Мы провели тогда без сна почти всю ночь. То ли горячая печурка, немудрящий уют фронтовой землянки и кружка водки, то ли тепло человеческой беседы отогрели душу майора, но в ту ночь Кузьмич поведал мне многое из того, что хранил в тайниках своего сердца.

С горечью высказал он обиду на один из райкомов партии за то, что его не сразу послали на фронт. Тогда и узнал я, что воюет Кузьмич с лета 1942 года. Именно с этого момента началась для него жизнь политработника-фронтовика: то в окопах, то в госпитале, долгие бои, кратковременный отдых, новое формирование. Старший лейтенант интендантской службы

превратился в капитана пехоты, а потом перешел к танкистам.

В землянке сидел передо мной майор, замполит танкового батальона, отмеченный многими правительственными наградами. Я знал цену каждого его ордена, каждой медали. Что ни награда - то бой, атака, взятый кровью населенный пункт... Ведь каждый боевой орден - это героическая повесть, нередко имеющая трагический конец. А сколько людей не получили этих наград! Случалось, подберут раненого героя на поле боя, отправят в глубокий тыл, а там ищи - его. И поныне, спустя почти четыре десятилетия после войны, еще не все награды нашли всех своих хозяев...

Наш разговор в землянке затянулся.

- А знаешь, Немченко, - признался я, - Александр Павлович хочет взять тебя в политотдел.

- Не уйду я от своих танкистов, не могу оставить Осадчего. Уж очень хороший мужик, простой, смелый. И что греха таить, тоска меня съест, а он без меня пропадет - горяч чересчур...

Я задумался. Только недавно Николай Акимович Осадчий сказал мне почти такие же слова о своем замполите, да еще прибавил: "Очень умный, степенный, рассудительный человек. Много помогает мне".

Как приятно было слушать это и сознавать, что комбат и замполит живут дружно, уважают друг друга.

- Ладно, разберемся. Поговорю с начальником политотдела, - пообещал я.

- Товарищ полковник, говорить вряд ли придется. Войне скоро конец. А с моей выправкой не бывать мне кадровым офицером. Да я и не жалею об этом... Вот дойдем до Берлина, а там демобилизуюсь - и к своей жинке, к сыну, в родные края. Пиджак надену...

В приподнятом настроении покинул я Немченко. Придя к себе, долго не мог уснуть...

И вот его не стало. Погиб у того самого заветного рубежа, к которому так стремился.

Дмитриев тронул меня за рукав, выводя из задумчивости:

- Где будем хоронить?

- Где хоронить будем? С собой повезем, только с собой. Распорядись положить Немченко на танк.

Я подвел начальника политотдела к командирскому танку, приподнял плащ-палатку и указал на лежавшее там тело Василия Лисунова:

- Пусть и они пойдут с нами штурмовать Берлин. Ведь оба дошли до него. Они своей жизнью и смертью заслужили это.

На танках, прорывавшихся к Берлину, вместе с нами были

вечно живые наши товарищи - старый коммунист Немченко и семнадцатилетний комсомолец Лисунов.

В Берлине

За Целендорфом тянулись леса и озера, на берегу которых раскинулось несметное количество вилл, дачных поселков, фешенебельных особняков. Они были так разбросаны, что затрудняли ориентировку. Смотришь на карту и видишь рощи, а на самом деле кругом сплошные каменные постройки, которые дают о себе знать на каждом шагу. Фашистское командование включило их в систему обороны, разместило в них отдельные гарнизоны, оборудовало огневые позиции. Вот почему, когда мы подходили к автостраде, со всех сторон неслись в нашу сторону снаряды различных калибров, шуршали болванки самоходных установок.

Командира батальона Т. Е. Гулеватого я застал на южном берегу озера Крумме-Ланке в тот самый момент, когда он ставил задачу пехоте. Обстановка была ему неясна. Танки стояли под огнем противника, пехота залегла, артиллерия прекратила огонь, чувствовалась какая-то неразбериха. Противник продолжал стрелять, наши довольно лениво огрызались. После горячего дневного боя в Целендорфе к вечеру темп наступления снизился, установилась непонятная пауза.

- Трофим Еремеевич, так мы только через год достигнем автострады и людей своих здесь положим. Почему не обходишь эту виллу?

- Пробовал. Но особняков так много, что обходишь один, а натыкаешься на другой.

Я готов был обрушиться на него с упреками, но передо мной стоял усталый человек, не спавший много ночей. Бранить его было жестоко и бесполезно. К тому же я твердо старался не подражать тем начальникам, которые в трудную минуту занимались только тем, что запугивали подчиненных. По собственному опыту я знал, как важно протянуть человеку, попавшему в беду, руку помощи, как благотворно действует каждое слово участия, произнесенное в нужный момент, какую силу способно оно придать тому, у кого, казалось, уже опустились руки. К тому же комбаты не были виновны в том, что мы вынужденно топтались на месте.

Танкисты были плохо подготовлены к штурмовым и осадным действиям в крупных городах, в условиях жесткой и специфической обороны, на которую мы натолкнулись в боях под Берлином. Начиная с 1943 года, особенно после победы в Курской битве, мы постоянно слышали из уст командующего фронтом и командармов: "Не оглядываться назад", "Не бояться открытых

флангов", "Обходить противника", "Смелее выходить в тыл врага".

Но на подступах к Берлину нам выпала нелегкая задача. Город надо было взять целиком, не оставив в нем ни одного врага. Шаг за шагом здесь предстояло очищать каждый дом и каждую улицу - таков был единственный путь к победе.

Наступать нам предстояло медленно, методично взламывая каждый узел обороны.

Пока мы с Гулеватым разбирались в обстановке, подъехал со штабом Шалунов, за ним потянулись две артиллерийские бригады. В пробитую брешь в районе Целендорфа хлынули корпусные части. Некоторые из них командир корпуса направлял прямо ко мне для усиления бригады. Особенно я был рад двум стрелковым ротам соседней 23-й мотострелковой бригады. В условиях нехватки пехоты эти подразделения оказались для нас манной небесной.

Постепенно под моим командованием собралась довольно сильная группа. Предстояло накоротке сорганизоваться, поставить всем подразделениям и частям задачи, а затем немедленно бросить их на железнодорожную линию и автостраду, идущие из Берлина на Потсдам.

- Ну а теперь за работу. Начнем воевать по науке, - сказал я Гулеватому.

Его скуластое лицо посветлело. Повеселел и Дмитриев, стоявший рядом со мной. Он даже шутливо сказал, что вряд ли можно назвать научным методом ведения войны то, как мы сейчас колошматим гитлеровцев в хвост и в гриву. Я согласился с этим справедливым уточнением и в свою очередь заметил, что о способах и методах ведения войны мы еще поговорим особо, после того как возьмем Берлин и подобьем бабки...

Через час мы привели роты и батальоны в порядок, и бригада возобновила наступление.

По ближайшему поселку, примыкающему к железной дороге, по трем особнякам, откуда била немецкая артиллерия, по горе Хафельберг, являвшейся сильным опорным пунктом, мы произвели пятнадцатиминутный огневой налет. Семь артиллерийских и минометных дивизионов обрушились на оборону противника. Танки огнем скорострельных пушек прямой наводкой методично и последовательно обрабатывали каждый дом. Шумливые крупнокалиберные пулеметы ДШК огненными трассами решетили чердаки, вызывая пожары.

К ночи исступленное и безнадежное сопротивление гитлеровцев в этих районах прекратилось. Фашистские солдаты были выбиты из последних домов. Преследуемые нашими танками и автоматчиками, они попытались скрыться в лесном

массиве Берлинервальд. На некоторое время им удалось зацепиться на высотах горы Хафельберг, но и там мы их настигли. В этот день враг потерял большое количество артиллерии и тяжелого оружия. Управление боем у него нарушилось. Физически и морально надломленные, голодные, гитлеровцы уже не выдерживали натиска наших танков, не могли устоять против могучей силы нашего боевого наступательного духа. Путь на западную окраину Берлина был открыт. Позади остался еще один трудный день. Подводя итоги, мы подсчитали и свои немалые жертвы, но зато в наших руках оказались Целендорф и автострада, Берлинервальд и Крумме-Ланке. Мы вступили на южную окраину Берлина и, ломая все преграды, шагнули к западной части города.

Перед рассветом командирский танк уткнулся в колонну 1-го батальона.

- Почему топчетесь на месте? - спросил я стоявшего недалеко лейтенанта.

Он махнул рукой, указывая на колонну танков, застывших на обочине дороги. Я вылез из танка и с трудом нашел командира батальона Т. Е. Гулеватого. Лучом фонарика он шарил по плану Берлина.

- Кто теперь держит вас?

- Запутался, товарищ полковник. Не знаю, куда идти. То ли карты врут, то ли мы с разведчиками наколбасили. На всякий случай я послал их узнать, куда выходит эта дорога.

- Как же так, Еремеич? Неужели забыл, где находишься? Мы же в Берлине. Или ты думал, что немцы еще и проводника дадут?

Комбат, смутившись, ниже склонился над картой.

Справа со стороны нескольких особняков, отделенных друг от друга садами, доносился непонятный говор, слышались крики. К нам приближалась группа людей.

Разведчики Серажимова, запыхавшись, докладывали:

- Искали немцев, а наткнулись на японцев, швейцарцев и еще каких-то иностранцев.

Борис Савельев дал более вразумительную справку. Оказалось, что рядом с нами находились летние резиденции разных посольств. Спасаясь от огня, дипломаты перекочевали сюда, считая, что здесь более безопасно: никому из них не пришло в голову, что советские танкисты могут выйти к реке Хафель, западнее Берлина, как раз в эти живописные леса.

- И каково самочувствие господ дипломатов? - с иронией спросил Дмитриев.

- Немножко хуже, чем на дипломатическом приеме, - в тон ему ответил Савельев. - Видно, перепугались не на шутку.

- Бог с ними, с дипломатами, - перебил я не в меру разговорившегося разведчика. - Скажите лучше, вы узнали, где мы находимся?

- Так точно, узнал! - отрапортовал Серажимов. - Мы находимся совсем близко от района Хеерштрассе, недалеко от стадиона "Олимпия".

На плане Берлина мы сразу нашли эти крупные ориентиры. Асфальтированная дорога, обозначенная жирной красной линией, выходила на самую западную окраину города - в район Шарлотенбурга, на улицы, которые вели к зоологическому саду. А именно туда, к Тиргартеиу, нам было приказано выйти.

Оперативная группа бригады, находившаяся на танке и нескольких машинах, перекочевала в расположение авангардного батальона, ближе к ротам автоматчиков, к разведчикам и саперам, ко всем тем, кому выпала трудная задача штурмовать центральные районы Берлина.

Оторвавшись от берега реки, колонна миновала гору Даксберге, оставила позади особняки Шпрунгшанце в повернула направо к городу. Бригада ползла медленно, настороженно. Как закрученная стальная пружина, она готова была в любую минуту распрямиться и нанести огромной силы удар.

Из предрассветной дымки постепенно выступали серые окраины Берлина. Где-то в восточной части немецкой столицы, в центре ее полыхали пожары. К небу тянулись черные столбы дыма, подсвеченные языками пламени.

Я стоял на танке с офицерами штаба. Куда девалась усталость бессонных ночей! Мы вступали сегодня, сейчас, утром 26 апреля 1945 года, на центральные улицы Берлина.

Опираясь рукой на ствол танковой пушки, я чувствовал дрожание мотора, а мне казалось, что слышу биение сердца моих друзей Савельева, Быстрова, Серажимова и всех тех, кто шел по войне долгих четыре года, всех живых и мертвых, мечтавших дойти до этого осиного гнезда и сполна рассчитаться с нацистскими заправилами за смерть, кровь и слезы, которые они принесли на советскую землю.

Светало. На нас стеной надвигался горящий содрогающийся город. Черные готические буквы на белой эмалевой табличке, прикрепленной к стене крайнего дома, гласили: "Хеерштрассе". Громкое, взволнованное "ура!" разнеслось по улице. Приказ выполнен! Мы вышли точно в заданный район, на западную окраину Берлина. Отсюда будем наступать на Шарлотенбург, на Тиргартен и дальше туда, куда прикажут.

- Немедленно донести командиру корпуса наши координаты! - распорядился я.

Шалунов помчался к радиостанции.

Подошел сияющий Дмитриев, потащил меня к двум захваченным "фердинандам". К нам подключились Старухин, Осадчий, Гулеватый, Быстров, Савельев. Кто-то повелительно скомандовал: "Не шевелиться", и трофейная "лейка" сфотографировала нас - усталых и счастливых сынов России у трофейных немецких самоходок на западной окраине фашистской столицы.

"Когда-нибудь эти снимки мы будем показывать нашим детям, внукам, думали мы. - Пусть знают, какой была юность их отцов и пусть гордятся нами..."

Бригаде повезло. На Хеерштрассе в те утренние часы было затишье. Гитлеровские штабисты не предполагали, что советские войска окажутся на самой западной окраине города. Бои шли на востоке Берлина, в центре его, войска двигались с юга, просачивались на севере, а вот наше появление в этом районе оказалось для фашистов полнейшей неожиданностью. Они не подготовились к встрече, и мы воспользовались этим - начали наступать вдоль притихшей Хеерштрассе.

Необычная тишина вызывала у нас тревогу и настороженность. Молчала немецкая артиллерия, притаились фаустники, никто не швырял гранат из окон... Мы, естественно, понимали, что шоковое состояние, в которое впали гитлеровцы, продлится недолго, что они вот-вот придут в себя и тогда начнется... Поэтому пробирались по улицам медленно, соблюдая все меры безопасности.

Некоторые подразделения свернули вправо, охватывая с севера район Эйхкамп. Тем, кто продолжал двигаться по прямой, предстояло выскочить к крупным зданиям, завязать стычку с противником, смешаться с его боевыми порядками и этим лишить его возможности применить против нас тяжелые средства воздействия.

Великое дело - опыт, практика. Бои, проведенные в предместьях Берлина, на дальних и близких подступах к нему, научили нас действовать слаженно, сохранять надежный контакт всех сил и средств, которыми мы располагали, бить по одной цели всеми огневыми средствами, последовательно штурмовать объект за объектом, очищать каждый дом и только после этого продвигаться от улицы к улице. Впереди осторожно пробирались разведчики. За ними, развернувшись в цепочку и охватив всю улицу в ширину, следовали автоматчики. Танки шли в колонне метрах в ста друг от друга. Их сопровождали штурмовые группы и орудия. Рота за ротой продвигались вдоль улицы, готовые поддержать друг друга.

Обстановка, как я уже говорил, была неясна для нас. В этой ситуации командирам надо было находиться в центре боевого порядка, чтобы своими глазами видеть бой и немедленно влиять на его ход всеми имеющимися у них силами и средствами. Вот почему небольшая группа управления командира бригады выбрала место между двумя батальонами. Шли пешком, окруженные автоматчиками, разведчиками, саперами, готовые в любую секунду открыть огонь.

Большие силы были сосредоточены в руках начальника штаба бригады В. М. Шалунова, развернувшейся на ближайшей от нас западной окраине Берлина. У него были танки, вся артиллерийская группа, резерв пехоты. По первому требованию он должен был оказать нам помощь.

Лес, из которого мы вошли в Берлин, остался неприкрытым, и это беспокоило нас. Тревожила и северная часть Берлина с его районами Шпандау, Рулебен, примыкающими к Хеерштрассе.

Едва мы прошли несколько кварталов, как утреннюю тишину разорвала буря артиллерийских залпов. В нас полетели гранаты. Фаустпатроны стали высекать искры из брони танков. Улица, чердаки и подвалы вдруг ожили, начали изрыгать струи свинца.

Громко прозвучали команды "Огонь" на русском и немецком языках. Снова начался штурм переулков, домов, этажей. В дело были пущены зажигательные и фугасные снаряды, противотанковые и противопехотные гранаты, пулеметы всех калибров, все огневые средства, которыми располагала бригада. Тяжело надламываясь, кряхтели и рушились объятые пламенем дома. Апрельский ветерок перебрасывал языки пламени с крыши на крышу. А вскоре начала обстреливать западные районы Берлина дальнобойная артиллерия 1-го Украинского фронта. В небе появились бомбардировщики и штурмовики.

Наша атака в самой западной точке Берлина слилась со штурмом полков и дивизий, двигавшихся с востока, юга, севера. Дело шло к полному окружению врага. Справедливая месть настигла фашистских палачей в их собственной столице.

Бежать им было некуда, и выбора у них тоже не было. Им оставалось одно - сложить оружие, прекратить дальнейшее сопротивление, сдаться. Но гитлеровцы пуще всего на свете боялись этого: слишком велики были их кровавые преступления перед человечеством. С отчаянием обреченных они продолжали драться на подступах к Берлину и в самом городе, на улицах и в домах, в тоннелях метро и в канализационных трубах, на земле и под землей.

Проведя тотальную мобилизацию, обанкротившиеся главари третьего рейха бросили против нас свои последние резервы:

старых матерых нацистов, батальоны фольксштурма, юнцов из "Гитлерюгенда", женские команды и фаустников. Это была последняя ставка фашизма, последняя попытка хотя бы ненадолго оттянуть роковой миг.

Выкуривая гитлеровцев из каждого дома, мы продолжали продвигаться по Хеерштрассе и к ночи в конце концов овладели этой улицей полностью. Танки и пехота начали проникать на улицы, прилегающие к Хеерштрассе. И к утру 27 апреля какой-то путаный переулок вывел наш 2-й батальон в западную часть Вильгельмштрассе.

Как завороженный стоял я перед домом, только что очищенным от гитлеровцев. Глаза прилипли к табличке на стене. Я тогда не знал, что в Берлине насчитывается десяток улиц, носящих имя Вильгельма I и Вильгельма II. Но мне почему-то казалось, что это именно та улица, о которой слышал не раз, именно та, на которой командарм несколько дней назад шутя назначил мне встречу.

И еще одно воспоминание взволновало душу...

Вчитавшись вторично в название улицы, я от души расхохотался, чем поверг в немалое смущение своих боевых друзей. Десятки людей с недоумением глядели на меня, ожидая разъяснений: не будет же командир бригады без причины смеяться в такой момент. И они не ошиблись. Причина, конечно, была...

Эта история уходила своими корнями в предвоенные годы, и я поведал ее тем, кто был рядом в то раннее утро в Берлине, у дома № 76 на Вильгельмштрассе...

Когда я учился в Военной академии имени Фрунзе, немецкий язык в нашей группе преподавала Майя Забелина, молодая черноглазая женщина, красота которой привлекала нас куда сильнее, чем преподаваемый ею предмет. На уроках все мы больше глазели на преподавательницу, чем слушали объяснения. Прошло несколько месяцев, Забелина раскусила нас и резко изменила методику. Ласково и, добродушно улыбаясь, она стала тиранить слушателей бесконечными придирками.

Когда-то в школе я постоянно имел отличную оценку по немецкому языку. Попав в академию, разумеется, считал, что располагаю достаточным багажом и могу не утруждать себя занятиями.

Но с каждым месяцем наша преподавательница становилась все агрессивней, в моей зачетной книжке замелькали тройки. Та же участь постигла и остальных слушателей нашего курса.

И тут произошло чудо: самые верные поклонники Майи Забелиной стали находить в своем кумире одни только изъяны.

Было решено бойкотировать уроки немецкого языка, поскольку он, как считали многие, к основным предметам вообще не относится. А преподавательница становилась все строже.

Когда в очередной контрольной работе я сделал три ошибки в слове "Вильгельмштрассе", Забелина несколько минут так разносила меня, что я просто не знал, куда деваться.

Поставив на контрольной жирную двойку, преподавательница с укоризной сказала:

- Как же вы будете воевать, если вспыхнет война с Германией? Как будете допрашивать военнопленных?..

Вот какие воспоминания навеяло на меня слово "Вильгельмштрассе" в то апрельское утро 1945 года.

- Товарищ полковник, а какова судьба той двойки, исправили вы ее? спросил стоявший рядом Савельев.

- Нет, Борис. Некогда было. Началась война, с этим пятном так и ушел на фронт. А в общем, я думаю, наша преподавательница была не совсем права. Знать иностранный язык, конечно, необходимо. Но чтобы бить врага, мало знать его язык. И не в этом вовсе дело. Наш Андрей Серажимов, например, никогда не изучал немецкого, а первым добрался до Вильгельмштрассе...

Не могу не сообщить читателям, что с Майей Михайловной Забелиной мы встретились спустя несколько лет после войны, когда я отдыхал в Кисловодске.

Я напомнил своей преподавательнице историю со злополучной контрольной работой, поделился, какие испытал чувства в апреле сорок пятого, оказавшись на Вильгельмштрассе в Берлине, и как в минуту затишья рассказал боевым друзьям о причинах, вызвавших у меня неожиданный приступ бурного веселья.

Скользнув взглядом по двум золотым звездочкам на моей груди, Майя Михайловна смущенно сказала:

- Оценку за ту контрольную работу готова исправить с большим удовольствием. Считайте отныне, что вы получили пятерку. Три балла прибавляю за удачное практическое применение немецкого языка на немецкой земле.

* * *

...Второй день бригада воюет в самом Берлине. Очищен район Хеерштрассе, включающий свыше десятка улиц. Танки и автоматчики ведут бои на великолепном стадионе "Олимпия" и на прилегающих к нему улицах. Накануне эти районы обрабатывались бомбардировочной и штурмовой авиацией, доставала сюда и наша тяжелая артиллерия. Неудивительно, что все горело и рушилось кругом.

С большим трудом пробирались мы по горящим улицам среди обломков домов, обугленных машин, изуродованных трамваев и длинных двухэтажных автобусов.

Ожесточенно сопротивлялись прятавшиеся среди развалин нацисты. На каждом шагу давали знать о себе невидимые орудия, тщательно замаскированные фаустники, настырные немецкие автоматчики. Горели наши танки, выходили из строя люди. Чем дальше продвигались мы к Шарлотенбургу и на север, к реке Шпрее, тем ожесточеннее сопротивлялись гитлеровцы. Разведчики были бессильны разгадать, что творится в этом хаосе, кто находится в нагромождениях обломков и в разрушенных зданиях. Несмотря ни на что, мы с упорными боями пробивались к заветной цели.

Неожиданно комкор приказал повернуть нашу 55-ю бригаду строго на север. Начерченная рукой Василия Васильевича Новикова красная, заостренная кверху стрела протянулась к Шпандау, Рулебену и уткнулась в железнодорожную ветку, которая шла вдоль Шпрее и терялась где-то на пустыре большого танкоремонтного завода. Генерал требовал, чтобы мы сегодня же вышли на берег реки, разыскали войска 1-го Белорусского фронта, присоединились к ним и таким образом замкнули внутреннее кольцо окружения в самом Берлине.

С радостью узнали мы, что в бригаду прибыл резерв командира корпуса. В мое распоряжение поступили батальон мотопехоты 23-й бригады, дивизион "катюш", десять тяжелых танков и рота самоходных установок. Офицер штаба корпуса, сопровождавший эти подразделения в наш район, ознакомил нас с обстановкой, сложившейся в Берлине и вокруг него.

Мы узнали, что 3-я гвардейская танковая армия всеми тремя корпусами прочно осела в Берлине и ведет бой в южной и западной его части. Сюда же втягивалась и 28-я армия генерала А. А. Лучинского. Войска В. И. Чуйкова и М. Е. Катукова своими флангами сомкнулись с 1-м Украинским фронтом. На севере армии 1-го Белорусского фронта продвинулись к западной окраине немецкой столицы.

Теперь я понял, почему П. С. Рыбалко и В. В. Новиков повернули наши части на север. Стало крайне необходимо уже в ближайшие часы соединиться с войсками, двигавшимися по северной окраине Берлина. Это давало возможность захлопнуть гитлеровцев в Берлине, расчленить их силы и заставить сложить оружие.

"Соединиться сегодня же с войсками 1-го Белорусского фронта!" Как только этот приказ был передан по батальонам, ротам, экипажам - все вокруг завертелось.

Серажимов и его разведчики в неизменных маскхалатах, взяв направление на Рулебен, нырнули в огненную бездну. Вслед за ними выступил, повернув на Рейхштрассе, батальон Гулеватого, усиленный автоматчиками Старухина, тяжелыми танками и самоходками, оказавшимися у нас под руками. Рейхштрассе должна была вывести бригады к Шпрее, в наиболее вероятный район соединения с соседями, которые шли нам навстречу.

И в этой сутолоке, в этом бурлящем водовороте людей и техники все-таки выдалась свободная минута, которой мы воспользовались, чтобы хоть наспех позавтракать на лобовой броне танка, заменявшей стол. Неизменный котелок гречневой каши и кружка крепкого котлового чая утолили голод и жажду, разогнали сон, который начал одолевать нас.

Мы стояли с Дмитриевым, приткнувшись к корме танка. Теплый воздух, струившийся из-за жалюзи мотора, приятно обогревал нас в то прохладное утро. Шалунов, подкрепившись, уже возился неподалеку с радиостанцией. У этого неутомимого труженика было немало хлопот и забот: получить донесения от ушедших на север подразделений, докладывать в штаб корпуса о каждом нашем шаге, любой ценой найти 56-ю танковую бригаду, которая должна была находиться правее нас и вести бои западнее Шарлотенбурга.

Александр Павлович грел руки, протянув их к мотору, и мрачно молчал. Он был непривычно задумчив. Я, пожалуй, впервые видел начальника политотдела таким притихшим. Очевидно, и на нем сказались беспрерывные бои, которые вела бригада около двух недель подряд.

Осторожно потянул его за рукав:

- Спишь?

- Нет, думаю.

- О чем?

- Нашла на меня какая-то меланхолия. Никогда этого не бывало. А вот на финише, в самом Берлине, призадумался. - Дмитриев обернулся ко мне, провел ладонью по своему крупному лицу, вытащил кисет, не спеша отсыпал в кусочек газеты махорку, закрутил козью ножку и после небольшой паузы продолжал: Думаю о том, как нелегко дается нам победа. Сколько хороших ребят погибло!.. Шли они с нами через поля России, через степи Украины, через польские земли. Добрались до Германии, до Берлина. А на пороге победы выходят из строя один за другим. Пуля, известно, дура, она не разбирает, может задеть любого. А все-таки обидно. Только что мне доложили: погиб Вердиев...

Это известие потрясло меня. Несколько дней назад были

ранены заместитель командира бригады Герой Советского Союза Иван Емельянович Калеников, командир батальона Петр Еремеевич Федоров, мой земляк с Брянщины старшина Николай Никитович Новиков. Не избежал ранения под Берлином заместитель командира нашего корпуса дважды Герой Советского Союза генерал Иван Игнатьевич Якубовский и многие-многие другие, кого я хорошо знал по совместным боям, а потому еще больше переживал за них. И вот еще одна утрата - пал на поле боя Герой Советского Союза Авас Вердиев. Грустные мысли, одолевшие меня, видно, не давали покоя многим, если не всем фронтовикам. Вот и Дмитриев говорит о том же. Обидно терять самых храбрых воинов в последних боях на улицах вражеской столицы. Но и избежать этого невозможно. Кто лучше их, ветеранов, может выполнить любое задание?! Война без жертв не бывает. В наших силах лишь сделать так, чтобы жертвы эти были сведены до минимума.

- Вот что, Александр Павлович! Поговорил бы ты с командирами, политработниками, танкистами о необходимости проявлять осторожность, предусмотрительность. Война кончается. Это ясно всем. А в такой ситуации люди часто идут на необоснованный риск.

- Бесполезно, Давид Абрамович... Я уже с начальником штаба договаривался, чтобы Героев Советского Союза Новикова и Вердиева держать при штабе в комендантском взводе. Поручили им охрану Знамени. Только ничего из этой затеи не вышло. Новиков все равно подался к разведчикам, Вердиев ушел в свой батальон автоматчиков. А что касается наших политработников - сами знаете, разве их удержишь? Немченко убит, Маланушенко, получив тяжелое ранение, наотрез отказался ложиться в госпиталь.

- Выходит, мы с вами бессильны навести порядок в бригаде, остудить горячие головы?

- Выходит, так! - бодро откликнулся Дмитриев. - Ничего мы с вами не сделаем. Люди хотят любой ценой ускорить окончательный разгром врага и вернуться домой.

Это было действительно так. Храбрость и мужество советских воинов стали нормой поведения в бою, проявлялись ежеминутно. Многие в азарте боя пренебрегали опасностью и нередко расплачивались за это жизнью. Нам с Дмитриевым был понятен этот порыв, обоим было известно, что храбрость трудно ввести в рамки дисциплины. Да, мы это знали. Но каждый фронтовик отлично понимал: путь к победе, путь на Родину лежит через Берлин. И все же сообщение о гибели сержанта Вердиева очень взволновало меня. Я хорошо знал его, хотя в бригаде

насчитывалось около полутора тысяч человек и трудно было запомнить каждого. Люди приходили и уходили. Каждый бой, каждый отвоеванный у врага город, каждый прыжок через водный рубеж уносили немало человеческих жизней. Часто менялись командиры подразделений. Некоторым из них привелось командовать своими взводами и ротами совсем недолго... Вместо выбывших с маршевыми ротами приходили другие. Не мог я, конечно, запомнить всех сержантов и рядовых. И все-таки встречались люди, которых трудно было забыть даже спустя долгие годы. К их числу относился Авас Вердиев, спокойный парень с жгучими, черными глазами и нависшими над ними густыми бровями.

Старший сержант пулеметчик Авас-Гашим оглы Вердиев, которого мы называли Авасом Касимовичем, родился и вырос в Азербайджане, в далеком горном Лачинском районе, в селе Махсутму. В памятном сорок первом он воевал на Западном фронте под Смоленском, затем оборонял Москву, а зимой сорок второго участвовал в боях на Калининщине.

В нашу танковую бригаду Вердиев прибыл после ранения, в разгар битвы на Правобережной Украине.

Впервые я встретился с ним в июне 1944 года, когда вернулся после тяжелого ранения в родную 55-ю гвардейскую бригаду и мне представляли личный состав.

- Дельный пулеметчик. И смелости необыкновенной, - сказал тогда о Вердиеве командир мотобатальоиа.

Бои шли севернее Львова. В местечке Куликов засела большая группа гитлеровцев. Авас вывел свое отделение дворами и огородами им в тыл, разбил два пулемета, уничтожил всех солдат вражеской группы, захватил минометную батарею и обеспечил продвижение главных сил батальона...

Оставив Львов далеко позади, наши танки мчались к реке Санок, нам предстояло добраться до Вислы. Мой "виллис" то и дело проваливался в трясину и с большим трудом поспевал за танками. Оврагами, лесными тропами, по бездорожью мы подкрадывались к Висле и 30 июля 1944 года вышли на ее берег.

Переправочных средств для переброски танков не оказалось. А соблазн перепрыгнуть через Вислу был огромный, тем более что немцы совершенно не ожидали выхода наших войск у Мохува. Под руками у нас в первый момент была только залатанная рыбацкая лодка, и Вердиев с пятью солдатами пустился на ней через бурную, капризную Вислу. Покружив в волнах, лодка благополучно ударилась носом о берег. А там начиналась лощина, виднелись высокие холмы. Отделение Вердиева скрылось из глаз. Пулеметные очереди и дробь автоматов вскоре

возвестили о том, что Вердиев со своими людьми вступил в бой. Несколько часов дрались храбрецы, не подпуская немцев к реке. Этого времени было достаточно, чтобы на тот берег переправился весь батальон автоматчиков. Вслед за ними на крохотный плацдарм на паромах поплыли танки. Трогательной была встреча танкистов с отделением Вердиева. На западном берегу польской реки я расцеловал уже ставшего мне дорогим Аваса Касимовича.

Во время тяжелых боев на сандомирском плацдарме, оглушенный, контуженный, Авас сражался как пулеметчик и автоматчик, когда в его отделении осталось всего два человека.

Одним Указом Президиума Верховного Совета СССР пулеметчику Авасу Вердиеву, разведчику Николаю Новикову и мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Это было осенью сорок четвертого. Мы стояли в одном строю перед развернутым боевым гвардейским Знаменем, на широкой поляне недалеко от города Тарнобжег на Висле. Пулеметчик сержант Вердиев, разведчик старшина Новиков и я, полковник - командир бригады, по очереди подходили к командующему армией генерал-полковнику П. С. Рыбалко и получали свои высокие награды. Потом награжденные собрались в домике, стоявшем на опушке леса. В ту ночь много рассказывал мне А вас о своем родном Азербайджане, о его гостеприимном народе, приглашал обязательно побывать после войны в милых его сердцу краях...

Но не суждено было состояться нашей встрече...

* * *

Недалеко от нас разорвался снаряд - усилился артиллерийский и минометный огонь. Из района Шпандау и с северной части Вильгельмштрассе в нашу сторону полетели сотни снарядов и мин. Мы инстинктивно прижались к танку. Внезапно налетевший огненный буран побушевал несколько минут и столь же неожиданно смолк. Огненный смерч перенесся на соседнюю улицу.

Небольшая оперативная группа, находившаяся со мной, постепенно разрасталась. К ней примкнули штабы артиллерийских бригад и дивизионов, подходили и подъезжали командиры приданных подразделений. Вдобавок ко всему без вызова явился начальник тыла Леонов, за которым тут же потянулись обозы с продовольствием, санитарные машины, цистерны с горючим.

- Зачем явились? - вместо приветствия обрушился я на Леонова. - Вы же свяжете нас по рукам и ногам, создадите пробки, сутолоку!

Спокойствие и выдержка на сей раз тоже не оставили нашего

Ивана Михайловича.

- Не мог поступить иначе, товарищ комбриг, - невозмутимо произнес он. Целую ночь стоял с тылами на станции Рейхспортфельд. Видимости никакой, обстановка совершенно неясна. А тут еще из станции метро выскочила группа гитлеровцев и давай нас колошматить. Прут, сволочи, прямо из-под земли. Два часа мы отбивались. Насилу отогнали их. Теперь спасаю боеприпасы, горючее, продовольствие. Целую ночь до вас добирался...

Я понимал Леонова. Не сладкой жизни искал он, оставляя свой удаленный от передовых подразделений район. И примчался он к нам не в поисках защиты это был храбрый и опытный офицер, который сумел бы в обычной обстановке отбиться своими силами в случае нападения мелких групп противника. Леонов, вообще, был прав: мы не учли своеобразия обстановки в Берлине. Здесь тыловые подразделения на каждом шагу подстерегала опасность, они были уязвимы в любом месте и в любой момент. Взвесив все это, я оставил в распоряжении И. М. Леонова танк, взвод автоматчиков и крупнокалиберный зенитный пулемет...

Два часа мы безуспешно пытались установить связь с комбатом Гулеватым. Он как в воду канул. Пожалев, что потратил время на завтрак и разговоры с Леоновым, я решил двигаться по следам Гулеватого. Ориентироваться становилось все труднее. Улицы стали неузнаваемыми из-за завалов, по компасу определиться трудно - кругом металл, магнитная стрелка мечется, словно бешеная. Обходя разрушения и баррикады, мы невольно отклонились в сторону. К нашему счастью, довольно часто стали попадаться деревянные указки с обозначением эмблемы бригады. Два круга с двойкой в середине стали для нас надежным ориентиром.

Пробираясь по уцелевшим переулкам и улицам, обходя горящие дома, мы медленно ползли за главными силами бригады. Голос генерала Новикова, требовавшего через каждые 10-15 минут доложить обстановку, буквально преследовал меня.

"Продолжаю вести бой", - лаконично отвечал я на все запросы радиостанции командарма, хотя хорошо понимал, что этот ответ не может удовлетворить моих старших начальников, ведь в Берлине не мы одни вели бои. Внимание командира корпуса и командарма было приковано к действиям нашей танковой 55-й бригады, потому что в тот момент она оказалась как бы острием ударной группировки 3-й танковой армии и выполняла роль передового отряда, предназначенного для соединения с войсками 1-го Белорусского фронта.

Не удовлетворившись моими ответами, генерал Новиков

прислал офицера связи. Он сообщил, что комкор недоволен действиями бригады и требует форсировать наступление в сторону Шпрее. Вслед за этим командарм через офицера штаба категорически потребовал к полудню замкнуть кольцо окружения.

Внимательно выслушав начальников, я тоже не остался в долгу перед подчиненными: выразил свое неудовольствие начальнику штаба подполковнику Шалуновуза состояние связи с батальонами и сделал выговор начальнику связи майору Г. В. Засименко.

Непрекращающиеся запросы сверху и потеря связи с 1-м батальоном, решавшим главную задачу дня, - оба эти факта вынудили меня немедленно пересесть в танк, собрать в единый кулак свои резервы и двинуться вперед, не дожидаясь, пока Засименко установит радиосвязь с Гулеватым.

Шалунов попытался что-то мне посоветовать, но я впервые за эти дни не сдержался:

- Хватит, товарищ Шалунов, свертывайте штаб - и все за мной к Шпрее, к Рулебену. Там разберемся.

Наступление в тех условиях означало продвижение на несколько десятков метров в час. Но это все-таки было движение вперед, к цели, которой во что бы то ни стало надо было достигнуть сегодня.

Навстречу стали попадаться раненые - верный признак близости места боев. У горящего танка с распластанными перебитыми гусеницами лежал окровавленный лейтенант, возле него возились санитары. Чем дальше мы продвигались, тем чаще видели свежие следы боев.

Кто-то узнал меня и предупредил:

- Товарищ полковник, наши впереди.

Я облегченно вздохнул: значит, все в порядке, не заплутались.

Из-за поворота навстречу нам двигалась колонна пленных, сопровождаемая советскими автоматчиками. Обросшие, грязные, оборванные, полуголодные гитлеровцы, еле передвигая ноги, плелись на юг. Для них война уже закончилась навсегда. Жалким выглядел в те дни когда-то нарядный Берлин. Пленные с горечью озирались по сторонам. Их провожали в неведомый путь охваченные пламенем улицы, скелеты разрушенных домов, одиноко торчавшие обугленные деревья.

Время перевалило за полдень. День выдался по-весеннему теплым. Солнце стояло высоко над головой. Лучи его пробивались даже сквозь плотную завесу дыма. Солдаты и офицеры, стоявшие со мной на танке, сняли теплые куртки и меховые тужурки.

С трудом перевалив Рулебен, мы повернули вправо, пересекли железнодорожную ветку, идущую из Штрезова к вокзалу Шарлотенбург, и очутились на небольшой площади, куда выходили Рейхштрассе, Шпандауэр-Дамм и Сифо-Шарлотенштрассе. Здесь встретили обшарпанный броневичок.

- Получите "пленных", - радостно прокричал нам бригадный разведчик Борис Савельев.

Я оторопел, на лице Шалунова застыло изумление.

"Какие пленные? Зачем они нужны сейчас?" Я даже подумал, что разведчики захватили каких-то высокопоставленных особ - может, самого Гитлера или Геббельса. В те дни все могло быть. С волнением всматриваясь в людей, сидевших на бронетранспортере, я не заметил, однако, ни одного немца, ни в гражданском, ни в военной форме.

С машины спрыгнули два незнакомых советских офицера. Высокий подтянутый майор четко представился:

- Командир батальона тридцать пятой бригады первого Красноградского механизированного корпуса Первого Белорусского фронта майор Протасов. Представляюсь по случаю соединения с вверенной вам бригадой Первого Украинского фронта.

Майор сделал шаг в сторону, уступая место своему коллеге:

- Капитан Туровец из той же бригады первого мехкорпуса! - скороговоркой выпалил худощавый офицер и, переведя дыхание, закончил: - Соединились в двенадцать часов двадцать седьмого апреля в районе железнодорожной будки между станциями Сименсштадт и заводским районом Рулебен.

- Ох ты, мать честная! - вырвалось у меня. - Вот, значит, каких "пленных" захватили мои разведчики...

Никогда не ощущал я таких крепких солдатских объятий, не слышал таких радостных возгласов. Приказ был выполнен. Кольцо окружения, о котором говорил нага командарм, замкнулось. На западной окраине Берлина соединились танкисты генерал-полковника С. И. Богданова с 1-го Белорусского фронта с нами, танкистами генерал-полковника П. С. Рыбалко с 1-го Украинского фронта.

Кто-то крикнул:

- Надо отметить это событие!

- Обязательно надо, - поддержал Александр Павлович Дмитриев. - Такое больше не повторится.

Стол решили накрыть в стоявшем рядом угловом доме, изрешеченном снарядами. Пока шли приготовления, Протасов, Туровец и Савельев рассказывали в соседней комнате подробности этого волнующего события.

- Мой батальон имел задачу выйти в район Рулебена, - начал Протасов. Нас известили о подходе войск Рыбалко с юга. Целую ночь и все утро мы вели бои, с большим трудом выбили гитлеровцев из района Хазельхорст. Но на пути встал танковый завод в Сименсштадте, где засела большая группа немцев. Часа два пришлось выкуривать их. Подошли к Шпрее. Огонь стал стихать, наши разведчики преодолели реку без особого труда, приблизились к железнодорожной ветке и вдруг... заговорили пушки советских танков, послышалась знакомая мелодия наших автоматов. И тут все прояснилось...

- Вот-вот! Мы подошли сюда тоже часам к десяти-одиннадцати, - продолжил Савельев рассказ Протасова. - Гулеватый вначале отстал, а потом его танки, увлекшись боем, уклонились немного влево. Правда, они загнали большую группу немецких солдат на ипподром и прижали их к реке Шпрее и каналу Унтершпрее. Гитлеровцы потеряли там несколько сот человек убитыми, а остальные были разоружены и пленены. Мы с Серажимовым и ротой Хадзаракова ринулись к железнодорожной ветке. Немцев здесь не оказалось, но нас вдруг обстреляли с противоположного берега. Мы ответили тем же. Тогда и донеслось с той стороны родное русское "ура!". А потом увидели: навстречу, размахивая оружием, бегут автоматчики. Мы тоже кинулись к насыпи. Тут-то к нам и присоединились подоспевшие танкисты Гулеватого, автоматчики Старухина. И началось...

- Ох и братание было, товарищи! - на лету подхватил слова Савельева капитан Туровец. - Небо над Берлином чуть не раскололось от громкого "ура!". Вот это была встреча, доложу я вам...

Только было разошелся капитан Туровец, но тут командир хозяйственного взвода пригласил всех к столу, и разговор перешел в несколько иное русло...

Когда я доложил комкору о выполнении бригадой поставленной задачи, генерал Новиков потребовал, чтобы мы проводили до его штаба одного из офицеров 35-й мехбригады. К нему отправился капитан Туровец. А мы в свою очередь делегировали нашего представителя в штаб 1-го мехкорпуса.

Сознание того, что внутри Берлина соединились наконец два фронта и что на острие клина находилась 55-я бригада, очень радовало меня. Имелась еще и личная причина быть счастливым. 1-м Красноградским механизированным корпусом командовал хорошо знакомый мне генерал Семен Моисеевич Кривошеий, под началом которого я служил зимой и летом 1943 года и которому многим был обязан.

Генерала Кривошеина я считал своим учителем и гордился

тем, что 27 апреля 1945 года главное кольцо окружения внутри Берлина замкнули войска корпуса, которым командовал С. М. Кривошеий, и 55-я танковая бригада. Учитель встретился со своим учеником в столице фашистской Германии. О таком можно было только мечтать...

* * *

Остаток дня и всю ночь мы очищали район улицы Шпандауэр-Дамм. Бригада получила задачу наступать в направлении железнодорожного вокзала Шарлотенбург, станции Савиньиплац и далее на зоологический сад. Ночью бои немного стихли, но с утра возобновились с новой силой. Центр тяжести боевых действий переместился к западу от Тиргартена. Враг сопротивлялся с отчаянием обреченного.

Фронт напоминал слоеный пирог. Очень трудно стало ориентироваться. Не только на улицах или в домах, подчас даже на этажах нельзя было разобраться, где гитлеровцы, а где наши. Советская авиация висела в воздухе, с трудом выискивая цели. Наши целеуказания не всегда оказывались точными, и были случаи, когда приходилось по всем каналам просить летчиков не бомбить занятые нами районы. Артиллерия 1-го Белорусского фронта подтягивалась к центру Берлина, разрывы ее снарядов все приближались к нам. В городе становилось тесно от огромного количества наших сил и средств, а в небе Берлина было тесно советской авиации.

В разрушенном, изуродованном, заваленном обломками городе скопилось до десятка общевойсковых и танковых армий, большое количество стрелковых, механизированных, танковых и артиллерийских корпусов, сотни полков всех родов войск, свыше шести тысяч танков, около сорока тысяч орудий и минометов. Вся эта масса людей и техники заполняла подступы к фашистской столице, предместья города, его окраины и улицы. Назревала опасность смешения войск, ударов по своим частям. Этой сумятицей могли воспользоваться гитлеровцы, обстановка же требовала не ослаблять усилий и организовывать последние завершающие удары по врагу.

В западные районы Берлина хлынули группы гитлеровцев, бежавших с востока и севера под ударами армий 1-го Белорусского фронта и 1-го Украинского - с юга.

Ареной боев стали станции метрополитена, подземные пути, многие неведомые нам ходы сообщения. Зная хорошо свой город, немцы маневрировали по узким местам, выходили нам в тылы, нанося порой чувствительные удары.

Опять подвергся нападению тыл 55-й бригады. Несколько часов Леонову с его бойцами пришлось вести неравный бой с

большой группой противника, пытавшейся прорваться на запад к Хавельзее.

Главной нашей силой в этих сложных условиях являлись пехота, танки, артиллерия сопровождения, саперные части. Впервые за дни боев мы установили локтевую связь с бригадой моего старого боевого друга полковника З. К. Слюсаренко. А затем я и встретился на Курфюрстен-Дамм с Захаром Карповичем.

С момента соединения с 1-м Белорусским фронтом, с подходом его стрелковых дивизий наши атаки стали более мощными. Раньше мы постоянно опасались, сдержат ли напор отходящих гитлеровцев части нашего корпуса, вставшие на пути выхода немецкой группировки на запад. Теперь такие сомнения отпали. Рядом с нами находилась 55-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Адама Петровича Турчинского. Танкисты и пехота образовали крепкий заслон. И все же к утру следующего дня командование 3-й гвардейской танковой армии и 1-го Украинского фронта стало еще больше усиливать наше западное направление.

И вовремя.

Петля на шее гитлеровцев затягивалась все туже. Для обороняющихся настали критические дни. Теперь немцы окончательно поняли: чуда не будет. "Сверхмощное оружие", о котором трубил Геббельс, не появилось. Единственным спасением для осажденных нацистов было прорываться на запад, искать убежища за Хавельзее. Тысячи гитлеровских солдат и офицеров ринулись в нашу сторону. На всех улицах, прилегавших к нашему району, не умолкали бои. В западных районах усилились пожары. Не прекращалась пулеметная и автоматная стрельба в метро, подземных тоннелях, канализационных трубах. То тут, то там раздавались душераздирающие крики: "Помогите! Спасите!.." Но некому было спасать, никто не приходил на помощь: каждый гитлеровец действовал и спасался в одиночку...

Одна из крупных фашистских частей, в составе которой оказались артиллерия и танки, прорвалась к зоологическому саду, обошла железнодорожную станцию Савиньиплац и рванулась на запад - в направлении вокзала Шарлотенбург и станции Весткройц. К этой группе активно присоединились гитлеровцы, выбравшиеся из метро. Пытаясь вырваться из петли, они с остервенением набрасывались на наши передовые подразделения.

Остаток дня и всю ночь до утра шли ожесточенные стычки. На маленький участок фронта были брошены наши танки и вся артиллерия. Вот когда мы от всего сердца благодарили нашу пехоту за самоотверженность. Вот когда до конца поняли, как

кстати оказались рядом стрелковые дивизии из 28-й армии генерал-лейтенанта А. А. Лучинского. В те часы каждый танкист готов был стать на колени перед царицей полей - ведь пехотинцы являлись для нас настоящими ангелами-хранителями.

Гитлеровцам не удалось вырваться из Берлина, и они метались в этой мышеловке, чувствуя приближение конца. А между тем в район Потсдама уже вышли прорвавшиеся с юга войска 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко, а с севера - соединения 47-й армии генерала Ф. И. Перхоровича, входившие в состав 1-го Белорусского фронта. Это означало, что, если даже фашисты прорвутся на нашем участке, они все равно останутся в котле.

С группой автоматчиков, разведчиков, офицеров штаба я с трудом пробирался на танке к батальонам 55-й бригады. Именно тогда на одной из улиц мы увидели разлагающиеся трупы трех повешенных немецких солдат. Дощечка, прибитая к виселице, гласила:

"Повешены за трусость. Такая кара постигнет всех, кто не захочет защищать фатерланд. 25 апреля 1945 года".

Кто-то из танкистов хотел обрезать веревку. Я категорически запретил делать это. Пускай немцы увидят своих казненных соотечественников, пускай еще и еще раз задумаются над тем, куда девалось "единство немецкой нации", о котором на весь свет трубила нацистская пропаганда.

Мы двинулись дальше. На улицы фашистской столицы опускались тяжелые сумерки, пропитанные дымом, гарью и кровью...

В Берлине кончался очередной день войны. К вечеру мы получили сразу два довольно противоречивых распоряжения. Начальник штаба корпуса полковник Г. С. Пузанков приказывал приостановить наступление бригады в направлении зоологического сада. А командир корпуса генерал В. В. Новиков, наоборот, требовал по радио, чтобы мы решительно наступали в том же направлении.

На наше счастье, город окутала ночь. Мы решили воспользоваться ею: подтянули тылы, собрали разбросанные батальоны, расставили артиллерийские дивизионы.

Всю ночь проблуждал по Берлину офицер связи из штаба корпуса, который должен был доставить письменный приказ генерала Новикова, а распоряжение было срочное, важное. Мне было приказано оттянуть бригаду от железнодорожной станции Савиньиплац. Менялось направление действий, изменялись границы участков. Все это надо было осуществить еще в первой половине ночи. А что я мог предпринять теперь? Ночь была на

исходе. Выполнение приказа оказалось под угрозой срыва.

Я мог наказать офицера связи за несвоевременную доставку приказа. Но передо мной был человек, еле державшийся на ногах, хлебнувший немало горя за прошедшие сутки. Всю ночь он метался на броневичке по улицам и переулкам чужого города. Попадал в другие части, даже влетел в лапы к неприятелю, но чудом спасся и все-таки добрался до штаба бригады. Выслушав его одиссею, я велел накормить офицера, дать ему отоспаться.

Чтобы хоть в какой-то мере восполнить упущенное, требовались четкая распорядительность и решительность действий. Поэтому уже через несколько минут я, отдав необходимые указания штабу, направился в батальоны. Добирался до них, как говорят, на чем придется: сначала на "виллисе", потом пересел в танк, а в завершение пришлось даже пробираться вперед перебежками от дома к дому.

По карте передовые подразделения отделяло от штаба бригады расстояние немногим более километра. А преодолевать его пришлось свыше двух часов. Вот когда я посочувствовал офицеру связи, которого прислал командир корпуса: офицеру связи было еще труднее, чем мне. Думая об этом, я радовался, что поступил с ним по-человечески.

Начался рассвет, когда возле светлого трехэтажного особняка я увидел танки, артиллерию и скопление наших солдат. В огромной гостиной, куда привела меня винтовая лестница, находились все те, ради кого я попал сюда: Осадчий, Гулеватый, Старухин, командиры артдивизионов, саперы, разведчики.

Увидев меня, все поднялись.

- Чем занимаетесь, товарищи?

- Ждем вас, - прямо сказал Старухин.

- А откуда узнали, что я направился к вам?

- Об этом передал начальник штаба бригады, - вступил в разговор Гулеватый и вытащил из-за голенища измятую карту.

Я коротко изложил офицерам требования командира корпуса, поставил каждому подразделению боевую задачу, определил время, необходимое для ее выполнения.

Перловая каша и кружка чаю не только подкрепили мои силы, но и развеяли сон. Я готов был уже спуститься вниз, чтобы отправиться во 2-й батальон, когда неожиданно заметил, что в большой и людной комнате стоит непривычная тишина. Сумрачно молчал даже говорливый Николай Акимович Осадчий.

- Что случилось? - встревоженно спросил я Гулеватого.

- Вчера вечером погиб замполит первого батальона Андрей Маланушенко.

От этого известия мне стало не по себе.

В соседней комнате на полу у стены лежал, накрытый плащ-палаткой, вытянувшийся во весь свой огромный рост, Андрей Маланушенко. Смертельная бледность с синевой уже залила его лицо. Обнажив головы, мы молча постояли возле него и бесшумно направились вниз.

Спустившись по винтовой лестнице, я услышал немецкий говор, а вслед за тем увидел через открытые двери первого этажа нескольких мужчин, женщин и двух девчушек.

- Кто такие?

- Хозяева, - объяснил Осадчий. - Мы их в подвале обнаружили после того, как выбили фашистов.

Испуганным голосом хозяин дома рассказал о себе, представил нам всю семью. Сам он профессор, доктор теологии. С ним его жена и младший брат, тоже ученый. Молодые женщины - дочери профессора, прижавшиеся к ним девочки - его внучки.

Я рассеянно слушал сбивчивый рассказ немца-профессора, глядел на его семейство, а перед моим мысленным взором, как живые, стояли мои старики, мои сестры, расстрелянные врагом в 1942 году на Брянщине... На втором этаже этого дома лежал наш товарищ, убитый гитлеровцами. Как бы поступили на нашем месте фашисты - мы знали. Чувствовал это, очевидно, и доктор теологии, с мольбой глядевший на нас.

- Что вы сделаете с нами? - дрожащим голосом спросил он.

- Ничего мы с вами делать не будем. На всякий случай спуститесь со всем семейством вниз, там безопаснее...

Весь тот день меня не покидал образ Андрея Маланушенко: я не мог осознать, что его уже нет в живых.

Война без потерь не бывает. От этого никуда не денешься. Говорят даже, что и с потерями могут свыкнуться те, кто постоянно соприкасается со смертельной опасностью. Не знаю, может, это и так. Но за все годы войны, пройдя тысячи километров фронтовых дорог, я так и не смог привыкнуть к тому, что смерть безжалостно вырывала из наших рядов то одного, то другого товарища.

Смерть не раз витала над головой Андрея. Совсем незадолго до гибели он был тяжело ранен в бою за Целендорф, но наотрез отказался покинуть батальон. Мы о Дмитриевым так и не смогли убедить Андрея уйти в госпиталь.

- Убейте меня на месте, но я не оставлю свой батальон! - запальчиво крикнул он нам. - С ним я до Берлина дошел... И если мне оторвет ноги, буду ползти, но из батальона не уйду...

Андрей Маланушенко имел особый, "личный счет" к фашистам. До войны он учительствовал в Смоленске. Потом был назначен директором школы, но продолжал преподавать историю

и литературу.

Педагогом была и его жена, работавшая в той же школе. Семья сложилась крепкая, дружная. Жизнь супругов украшали двое детишек.

В первые дни войны Андрей Маланушенко ушел на фронт. Закончив курсы политработников, он попал в действующую армию. Я познакомился с Андреем в Польше. Высокий, стройный, красивый, он сразу обращал на себя внимание. Когда Маланушенко появлялся вместе со своим низкорослым и щуплым комбатом Федоровым, трудно было сдержать улыбку - уж очень это было контрастное зрелище. Но, несмотря на столь разительное внешнее несходство, оба были чудесные люди. Экспансивный, быстрый Федоров и спокойный, статный, чуть медлительный Малапушенко счастливо дополняли друг друга. И наверное, поэтому крепко дружили.

По боям мы хорошо знали волевые качества замполита, его мужество, решительность. Даже на фронте он остался учителем, к нему тянулись подчиненные, с ним было приятно общаться начальникам. При встрече с Андреем мне почему-то всегда казалось, что я вдруг становлюсь учеником.

В конце 1944 года, после окончания боев на Висле, нас вывели на отдых и пополнение в тарнобжегские леса. Здесь однажды я провел с Андреем Маланушенко целый вечер. Накануне он получил письмо из освобожденного Смоленска и был очень взволнован. Мать поведала сыну трагедию его семьи: гитлеровцы угнали в Германию жену и детей Андрея. В конце письма мать сообщала, что со случайной оказией получила весточку от своей невестки из Берлина, где та работает уборщицей на киностудии, а малолетние дети отбывают трудовую повинность, "голодают и холодают".

- Ох, товарищ комбриг, неужели ко мне не вернется счастье? - со стоном вырвалось у Маланушенко.

Помню, я спросил его, как он понимает счастье. И услыхал взволнованный ответ:

- Я вижу счастье в свободе моей Родины. Но сейчас хочу не абстрактной, а реальной свободы, чтоб самому оказаться в Берлине, дойти до этой проклятой киностудии, распахнуть широко двери и крикнуть: "Выходите, дети мои! Я принес вам свободу!"

И вот настало время, когда эта мечта Андрея становилась явью. Батальон Федорова шел головным. Маланушенко преобразился, стал нервничать, торопить танкистов, подстегивал себя, не спал ночами. Он был близок к заветной цели. Образы жены и детей будоражили его воображение. На своем танке он

нес им освобождение. Вот почему, будучи тяжело раненным, отказался уйти в госпиталь, в тыл.

Превозмогая острую боль, он, перевязанный, по-прежнему водил в атаку штурмовые группы, шел впереди, воодушевляя подчиненных. А к тому же кто-то из пленных обмолвился, что киностудия находится совсем рядом, всего в двух километрах.

Но Андрей не успел пройти эти два километра, не дошел до киностудии, не увидел своих родных. Как и каждый из нас, он мог найти смерть под Москвой, под Харьковом, на Днепре, в Польше, в Германии. Везде и всюду подстерегала она фронтовиков. Но погибнуть накануне победы, всего в одном-двух километрах от семьи, к которой он продолжал рваться, даже будучи раненным, - это было несправедливо и очень жестоко...

Штабу бригады было отдано распоряжение выделить людей для поисков семьи Маланушенко. С того момента, когда он получил письмо из Смоленска, прошло около года. За это время от киностудии могло не остаться и следа. Да и семью Андрея могли угнать куда угодно. И все же мы не теряли надежду найти жену и детей нашего друга. Пусть не сейчас, в разгар битвы за Берлин, пусть после окончания боев, но мы обязаны были найти ее, чтобы рассказать о муже-герое.

Поиски продолжались долго. В Европе смолкли последние выстрелы. Мирная жизнь вступала в свои права. И вот в конце мая в одном из лагерей неподалеку от Берлина мы разыскали семью Андрея Маланушенко. Случилось это в тот момент, когда эшелоны с советскими людьми, спасенными из фашистской неволи, готовились к отправке в Смоленск. Мы вовремя прислали в Берлин своих офицеров из Чехословакии, где в то время находилась 55-я бригада после освобождения Праги.

Вдова и дети нашего боевого друга Андрея Маланушенко получили возможность поклониться братской могиле, в которой вместе с Немченко, Лисуновым и сотнями других верных сынов России был похоронен самый родной для них человек...

* * *

Приказ командира корпуса о выходе в район Весткройц 55-я бригада до конца так и не выполнила. Офицер связи, доставивший накануне приказ, прибыл к нам только перед рассветом, и его опоздание сыграло свою отрицательную роль. Меры, принятые штабом бригады, ни к чему не привели: времени на подготовку наступления почти не оставалось. Ночь, которую мы могли использовать для выхода бригады в новый район, уже прошла. Мой выезд в батальоны также не изменил положения дела, к тому же во 2-м батальоне я застрял. Средств связи под руками не оказалось, а убийственный шквал огня противника

загнал нас в подвал.

Вслед за рассветом наступил ясный весенний день, и это вконец сорвало наши планы. Именно в ту ночь Ставка Верховного Главнокомандования изменила разграничительную линию между фронтами. Теперь нашему корпусу и 55-й бригаде было приказано оставить занимаемые районы и выйти к железнодорожным станциям Весткройц и Вицлебен, западнее вокзала Шарлотенбурга.

Роты и батальоны с утра возобновили боевые действия. И хотя Шалунов доложил, что бригада приступила к передислокации, двойная жирная красная линия, делившая на карте Берлин между двумя фронтами, на маленьком участке, отведенном бригаде, так и осталась только условной линией. Правее нас вели ожесточенные бои части и соединения 1-го Белорусского фронта. Боевые порядки наших автоматчиков и танкистов смешались с пехотой Турчинского, и все мы продолжали драться на прежних местах.

Сопротивление гитлеровцев, оказавшихся в пекле между двух фронтов, с каждым часом нарастало. И хотя берлинская группировка была уже почти полностью расчленена, противник продолжал еще отчаянно огрызаться.

Гонимые смертоносным огнем с востока, севера и юга фашисты ринулись к западным окраинам. С бешенством набрасывались они на наши войска в надежде прорваться, найти какой-нибудь выход из огненного кольца.

Впрочем, такое поведение врага нетрудно объяснить: берлинский гарнизон состоял из отборных, преданных Гитлеру войск. Для защиты и спасения правительства третьего рейха, его учреждений и органов, верховного командования и генштаба в городе были сконцентрированы различные охранные отряды, части СС и СД, личный состав военных учебных заведений. Кроме того, фашистские главари еще надеялись на помощь извне. Все это придавало гарнизону силы для сопротивления.

Весь день до самой ночи на улицах, примыкавших к железнодорожным станциям Савиньиплац и Шарлотенбург, не прекращались арттллерийская канонада и танковая дуэль. Каждый метр земли простреливали автоматчики. Но участь берлинского гарнизона была уже решена: советские войска окружили город несколькими плотными кольцами. И все-таки фашисты не только продолжали огрызаться, но и на отдельных участках даже переходили в контратаки, пытаясь ценой любых жертв пробиться на запад.

Только к ночи выдохлись истерзанные физически и обессиленные морально гитлеровцы, и нам удалось разобраться в

запутанных за день боевых порядках. А путаница произошла изрядная: на моем участке оказались танки 2-й гвардейской танковой армии генерала С. И. Богданова и пехота 55-й гвардейской стрелковой дивизии из 28-й армии генерала А. А. Лучинского. Наши танки застряли на участках 1-го Белорусского фронта, в разных местах пришлось собирать автоматчиков. На месте оказались только артиллерийские бригады и приданные нам корпусные части усиления: их чуть ли не на привязи держал подполковник Шалунов.

Ночью офицеры штаба, политотдела и тыла бригады были направлены на поиски наших подразделений. К утру все собрались вместе, вышли в свой район, заняли исходные позиции в знакомых уже нам местах между станцией Рейхспортфельд и улицей Рейхштрассе, примыкающей к наземной части берлинского метрополитена. Появилась возможность дозаправить машины и танки горючим и боеприпасами, а самим поесть и выпить чайку.

Шалунов и начальник связи Засименко были довольны: к нашему штабу подтягивали проводную связь. Это означало, что будет меньше мороки с радиостанциями. А кроме того, с приближением к нам штаба корпуса расширялась возможность личного контакта с генералом Новиковым.

Никто из нас не ожидал, что последний день апреля окажется самым напряженным. Наоборот, мы надеялись на некоторое ослабление боев: накануне удалось основательно потрепать гитлеровцев, а за ночь разведка не обнаружила больших перегруппировок противника.

День выдался теплый и солнечный - весна полностью вступила в свои права. В нашем секторе шла обычная перестрелка автоматчиков, артиллерия стреляла редко, притихли танки. Зато с центральных улиц Берлина, с Уптер-ден-Линден, Шарлотенбургштрассе, из района Тиргартена и рейхстага доносились мощные взрывы - там не стихал гул артиллерии крупных калибров. В небе хозяйничала наша авиация. Со стороны Ванзее и Потсдама также доносилась несмолкающая артиллерийская канонада. С южной и северной окраин города отчетливо слышались голоса зенитных орудий и танковых пушек. Относительно спокойно было лишь в районе, занимаемом нашим корпусом.

Но затишье, увы, длилось недолго. В середине дня разведчики донесли о большом скоплении немцев в районе улиц Шпандауэр-Дамм и Вестенд. Серажимов радировал о появлении крупной группы фашистов на Бисмаркштрассе. Суммировав полученные данные, мы пришли к выводу, что в ближайшие часы

надо ожидать контратак: гитлеровцы будут пробиваться через боевые порядки наших войск на запад.

И действительно, во второй половине дня немцы отдельными отрядами, небольшими группами и целыми колоннами начали выдвигаться на земле и под землей в направлении улиц Вицлебен и Хеерштрассе, а также железнодорожной станции Рейхспортфельд. Противник открыл беспорядочный огонь из всех видов оружия. Разноцветные ракеты исполосовали небо. Колонна гитлеровцев приближалась к нам с дикими воплями. Впереди бежали офицеры-эсэсовцы, сзади с автоматами наперевес двигались штурмовики. Окаймляли эту колонну несколько танков и самоходок.

Через двадцать лет, работая в архивах, я узнал, что это были отборные фашистские головорезы из личной гвардии Гитлера, эсэсовских отрядов и молодежной фашистской организации "Гитлерюгенд". Они пытались пробиться на запад Германии, чтобы там сдаться в плен нашим союзникам.

Из кратковременного замешательства нас вывел залп артиллерийского дивизиона, открывшего сосредоточенный огонь. Это послужило сигналом для остальных. Через несколько минут заговорила вся наша артиллерия. Минометчики, расположившиеся на стадионе "Олимпия", обрушились на противника, засевшего за стенами домов. Вступили в бой танкисты и автоматчики. С чердака трехэтажного дома я видел сотни убитых и раненых, заполнивших улицы. Наш огонь преградил фашистам путь к Хавельзес, но тем не менее по обочине дорог, по окраинам улиц они все еще пытались небольшими группами пробиваться на запад.

Бой не стихал до самого позднего вечера, когда мы успешно отразили последнюю атаку гитлеровцев, пытавшихся прорваться на запад. В тот же день ожесточенные атаки фашистов отбивали и 56-я гвардейская танковая бригада З. К. Слюсаренко, и 23-я мотострелковая бригада Е. П. Шаповалова, и весь 7-й танковый корпус, и части 55-й гвардейской стрелковой дивизии из 28-й армии генерала А. А. Лучинского.

Вечером я с группой офицеров спустился на первый этаж. Обменявшись мнениями о прошедшем дне со своими заместителями и офицерами штаба и посоветовавшись с ними, я отдал распоряжение о подготовке к ночным действиям и к боям следующего дня.

Крепкий чай быстро восстановил наши силы, но в ушах долго еще слышался гул артиллерии, а перед глазами стояли толпы обезумевших гитлеровцев.

- Немцы отходят на Бисмаркштрассе и в северную часть

Шарлотенбурга, усталым голосом докладывал Шалунов.

- Пусть отходят. Далеко не уйдут. Там их встретят танкисты генерала Богданова.

Подошел начмед Богуславский:

- Куда девать раненых?

- Отправьте в медсанбат, в госпиталь. Разве вы не знаете куда?

- Вы меня не поняли, товарищ полковник. Я говорю о немцах. В помощи нуждаются сотни немецких раненых...

Я смотрел на начмеда бригады, на его посеревшее от усталости лицо, на красные от бессонницы глаза. Привыкнув за годы войны ничему не удивляться, я с восторженным изумлением всегда глядел на наших фронтовых медиков, каждый раз поражаясь их неутомимости и гуманизму. Многие из них потеряли в этой войне родных и близких, ежечасно сталкивались медики с человеческими страданиями, вызванными войной, видели зверства гитлеровцев, среди жертв которых было немало советских солдат и офицеров, случайно попавших в лапы врага. Все это, казалось, было способно до крайности ожесточить любого. Но беспределен гуманизм советских людей. В этом я убеждался постоянно. Беспощадные к вооруженному врагу, наши солдаты проявляли подлинно человеческое милосердие к поверженному противнику - к пленным и раненым. И так было не только в дни нашего победного шествия на запад, но и в ту тяжкую пору, когда мы отходили под ударами неприятеля. Безгранично милосердны были наши солдаты. А что уж говорить о медиках...

Вот почему я удивился тогда словам начмеда. Я был абсолютно уверен, что Леонид Константинович Богуславский уже распорядился насчет раненых немцев и его вопрос был лишь данью формальности, необходимой для того, чтобы поставить комбрига в известность о проделанной работе...

Еще 26 апреля при вступлении бригады на западную окраину. Берлина в наших руках оказался немецкий военный госпиталь. 300 тяжелораненых офицеров размещались в просторном здании школы. Все эти дни мы не тревожили их, да и не до того было. Теперь Богуславский решил поместить в этом госпитале всех раненых немцев.

Через час после ухода начмеда бригады передо мной стояли взволнованные немецкие врачи. Переговоры вела женщина-врач, явно опасавшаяся, что раненым грозит беда.

- Ваши волнения напрасны, - с достоинством произнес начальник политотдела бригады Дмитриев, выслушав представителя немецких военных медиков. - Мы - советские люди,

коммунисты. Понимаете? Мы гуманны к пленным, а тем более к раненым.

В ту же ночь все немцы, раненные в районе действий бригады, были собраны в одном госпитале. Богуславский побывал там и выяснил, что в здании нет света и воды, а у раненых кончился хлеб. Мы не могли остаться к этому равнодушными и немедленно передали немецким раненым сто буханок хлеба, сахар и консервы из запасов бригады.

В ночь на 1 мая бои стихли, но все мы были готовы к любым случайностям. Штаб корпуса молчал, и я решил позвонить комкору. Генерал Новиков долго не подходил к телефону, потом послышался его тихий голос. Поздоровавшись, я начал бойко излагать свою просьбу:

- Товарищ генерал, помогите нам пехотой. Без нее дела плохи. Из-за нехватки автоматчиков горят танки, большие потери в офицерском составе. Дайте хотя бы один батальон автоматчиков...

Прошла минута, другая. Но телефонная трубка молчала. Переспросил, слышит ли меня комкор.

- Да, хорошо слышу... Пехотой помочь не могу, у меня ее нет. - Генерал опять умолк. В трубке раздавалось только его тяжелое дыхание. И вдруг: Давид Абрамович, у меня большое, очень большое горе. Вчера погиб мой Юра... сын мой. Убит в самом Берлине... - Ошарашенный услышанным, я замер у телефона. А командир корпуса продолжал: - Повел в атаку самоходный полк и... - Голос генерала задрожал. - Тело Юрия находится на командном пункте, рядом со мной...

- Василий Васильевич, мне трудно сейчас собраться с мыслями, нет у меня слов, чтобы утешить ваше отцовское сердце. Мужайтесь! Обещаю вам отомстить за вашего сына, за всех, кто сложил голову, защищая Родину!

В ответ раздалось только одно тихо произнесенное слово:

- Спасибо...

В последние дни смерть унесла в Берлине очень многих людей, с которыми я и мои товарищи прошагали не один год по дорогам войны. Вот почему каждая весть о потерях отдавалась в наших сердцах острой и сильной болью.

Василий Васильевич Новиков любил говорить, что он - истинно русская душа. И эти слова были не пустым звуком. Он отличался широтой натуры, благородством, добротой.

Родился Василий Васильевич в центре России, в Тверской губернии, в бедной крестьянской семье. С ранних лет с наступлением холодов уходил в Питер на заработки. В годы первой мировой войны он долгих три года провел в окопах. А как

только на фронт докатилась весть о революции, рядовой Василий Новиков стал ее верным и преданным солдатом.

Конармеец В. В. Новиков прославился беззаветным героизмом в Первой Конной. За мужество и отвагу в боях грудь его украсили два ордена боевого Красного Знамени. А когда отгремела гражданская война, лихой кавалерист стал красным командиром, навсегда связав свою жизнь с Красной Армией. Шли годы, Красная Армия набиралась сил, преображалась. На смену коннице пришел танк, и краском Новиков был одним из организаторов бронетанковых войск, одним из первых командиров танковых бригад. Неспокойная военная служба привела его из Белоруссии на Украину, а оттуда в Закавказье.

И повсюду ездила с ним хрупкая голубоглазая женщина, которую встретил красный командир на фронтовых дорогах и полюбил всем сердцем. А рядом с ними росли два мальчика: Димка и Юрка...

Война застала Новикова на юге, на самой границе. Командуя соединением, он в составе советских войск совершил марш в Иран. (Соглашение между правительствами СССР и Великобритании, с одной стороны, и правительством Ирана - с другой, предусматривало отвод иранских войск из ряда районов и размещение в этих районах советских и английских войск.)

Служба в Иране оказалась не по душе Василию Васильевичу. Он стал бомбить начальство заявлениями и рапортами с просьбой о переводе в действующую армию. Борьба была трудной, но победил все же упрямый Новиков.

Споры на этом, однако, не закончились. Правда, теперь они велись в ином масштабе. Противником на сей раз оказалась жена генерала, Анастасия Тимофеевна, которая наотрез отказывалась отпустить с ним на фронт двух сыновей.

Василий Васильевич напомнил жене, что их сыновья - дети солдатские и им негоже отсиживаться в тылу.

Тяжело было матери. Да, видно, вспомнились и ей военные пути-дороги, пройденные в юности. Благословила мужа и сыновей на священную войну...

Так втроем и ушли они на фронт. Потянулись годы войны. Бывало всякое. Танковые атаки их объединяли, госпитали и медсанбаты разлучали. Но каждый раз, подлечившись, отец и сыновья стремились соединиться, чтобы единым новиковским ударом бить врага.

Штурмовать Берлин довелось всем троим: генерал Василий Васильевич Новиков командовал корпусом, капитан Юрий Новиков был заместителем командира танкосамоходного полка, капитан Дмитрий Новиков командовал танковым батальоном.

Герой гражданской войны Новиков-старший стал Героем Советского Союза, героем Отечественной войны. Рядом с двумя потускневшими от времени орденами боевого Красного Знамени ярко сияли на его груди ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Золотая Звезда Героя.

Сыновья генерала не отставали от отца. Страна наградила обоих капитанов-танкистов Новиковых многими орденами и медалями.

Как-то на Шпрее, на подступах к Берлину, случайно встретились все трое. Время было горячее. Отец торопился, да и сыновья спешили в свои полки. Василий Васильевич успел только пожурить сыновей за то, что не пишут матери, и пообещал задать обоим трепку.

Дмитрий вскочил на броневик. Юрий забрался на свою самоходку. Машины тронулись на север. На перекрестке дорог остался стоять один генерал. Долго смотрел он вслед сыновьям. Сквозь очки блестели слезы радости. В ту минуту не было, пожалуй, человека счастливее его.

И право же, ему было чем гордиться: вырастил славных, честных, смелых богатырей, которые вместе с ним штурмуют вражескую столицу...

А к вечеру того же дня возле Тельтов-канала был тяжело ранен Новиков-младший - Дмитрий.

Молча, по-солдатски сурово воспринял Василий Васильевич это известие. Спокойным тоном распорядился эвакуировать сына в тыловой госпиталь, а сам в ту же ночь выехал на свой командный пункт, расположенный на берегу Тельтова.

Через несколько дней он узнал, что жизнь Дмитрия вне опасности. "Будет жить, будет жить". Эти слова целый день не сходили с его уст.

И вот, накануне самой счастливой минуты в жизни, накануне долгожданной победы, на генерала обрушился страшный удар судьбы - погиб Юрий.

Старый солдат, участник трех войн, наш комкор знал, что такое жизнь и смерть на войне. Он был готов ко всему, но весть о гибели сына в самом Берлине была невыносимой. Никогда не плакавший, закаленный, мужественный человек не выдержал.

- Что будет с Настасьей? Не переживет она гибели Юрки... - шептал он, сидя у изголовья мертвого сына.

* * *

После кровавого побоища 30 апреля и вчерашней попытки ценой любых жертв прорваться на запад противник притих. Умолкла артиллерия, не показывались танки, исчезли фаустники. Гитлеровские солдаты попрятались в подземелья, тоннели, подвалы и ждали приговора судьбы. Мы продолжали выкуривать их из укрытий и продвигались вперед, очищая квартал за кварталом. Посланная с утра в разведку рота автоматчиков во главе с молодым капитаном Хадзараковым напоролась на немецкую засаду на северной окраине Рейхштрассе и понесла большие потери. Погиб молодой черноглазый осетин Хадзараков. Не вернулся с задания разведчик Саша Тында - последний из трех харьковских комсомольцев-добровольцев. К счастью, тревога за него оказалась напрасной. Как выяснилось позднее, Саша был ранен и его подобрали наши соседи.

Уже с утра поползли слухи о самоубийстве Гитлера и капитуляции фашистских войск в Берлине. Но толком никто ничего не знал. Очевидным было одно: наступала развязка, капитуляция фашистских войск в Берлине стала неминуемой, ее можно ожидать в ближайшие часы.

К середине дня стал стихать огонь и с нашей стороны. Мы наступали, не встречая сопротивления. Батальон Гулеватого и автоматчики Старухина подходили к Штрезову. Берлин по-прежнему пылал, со страшным грохотом рушились дома, густой, едкий дым разъедал глаза, над городом стоял смрад от разлагающихся трупов.

Вдруг по радио, по телефону и всем другим средствам связи был передан приказ: усилить штурм. В восемнадцать часов тридцать минут вся наша артиллерия открыла мощный огонь. Поддерживавшие 55-ю бригаду дивизион "катюш" и шесть дивизионов артиллерийской дивизии прорыва примкнули к многотысячному артиллерийскому ансамблю. Этот мощный удар всей артиллерии носил символический характер: он предупреждал противника о необходимости быстрейшей безоговорочной капитуляции, давал понять, что советские войска

не остановятся ни перед чем во имя полного разгрома фашизма.

Весь вечер и всю ночь мы продвигались по улицам и кварталам севернее железнодорожной станции Пихельсберг. Напуганные, голодные, никем не управляемые гитлеровцы стали перед рассветом выползать из своих пор. Поодиночке, группами, толпами бросали они оружие и сдавались в плен. От пленных мы и узнали о капитуляции фашистских войск Берлинского гарнизона.

Все утро и весь день толпы немецких солдат двигались к сборным пунктам для военнопленных. В тот день я со многими разговаривал. Безжизненные глаза гитлеровцев выражали полную апатию ко всему на свете. Все их желания сводились к одному: попить, съесть кусок хлеба, избавиться от нечеловеческих страданий, вырваться из горящего, разбитого города, уснуть...

Пленные даже не спрашивали, как бывало раньше: "Что с нами будет?" Это было им безразлично. Наши автоматчики подвели ко мне большой отряд пленных.

- Куда их вести? - спросил шустрый сержант.

Я кивнул на табличку со стрелкой, указывавшей направление на сборный пункт.

- Как ведут себя пленные?

- Нормально, товарищ полковник, дисциплинированно.

Мне бросилось в глаза, что многие были без погон, без фуражек и пилоток.

- По пути срывают погоны, выбрасывают фуражки, отрывают кресты, ответил сержант, словно прочитав мои мысли. - Боятся, видно. Знает кошка...

- А вы не допускайте этого, товарищ сержант.

- Разве за ними уследишь, товарищ полковник! Их вон - тыщи, а нас всего пятеро...

Я подошел ближе к пленным и сразу увидел одного с оборванными погонами, без головного убора. По характерной выправке, от которой никуда не денешься, определил - офицер.

- Почему сорвали знаки различия? Вы же офицер. Не стыдно вам перед солдатами и подчиненными, жизнью и судьбами которых только что распоряжались? Где ваша честь, господин офицер?

Пленный молчал, опустив голову. Серые бесцветные глаза смотрели в одну точку.

- А это никакой не офицер, - раздалось из колонны, - это группенфюрер...

Эсэсовец?! Вот почему сорвал погоны - боялся, что придется расплачиваться за душегубство. Таких, как он, в толпе было немало. Но, сами того не подозревая, они выделялись из массы

пленных именно сорванными погонами, отсутствием орденов и головных уборов.

Разговаривать с этой мразью сразу расхотелось. Я махнул рукой сержанту: "Веди!" И тот, погладив короткие, пшеничного цвета, усы, неожиданно басом гаркнул:

- Шнель, вашу так! Вперед, фашистские выродки...

* * *

С полной победой в Берлине связывалось у всех нас и окончание войны, а вместе с ней - уничтожение фашизма.

Но трудно расстаться фронтовикам с привычками, приобретенными за долгие годы войны. Люди остаются людьми. Я видел, как уже в мирное время танки прижимались к толстым стенам домов, автоматчики по привычке перебежками преодолевали улицу и ныряли в подвалы, шоферы загоняли машины на теневую сторону. Никто уже не стрелял, никто не бомбил, никто никому не угрожал, и все же сознание еще срабатывало по инерции, но могло сразу перестроиться на новый лад, не могло сразу привыкнуть к наступившей мирной жизни.

Радио, телефон, человеческие голоса возвещали всем: свершилось! Не надо больше наступать, не надо стрелять. .. Невероятным казалось это, хотя без малого тысячу пятьсот дней мы стремились к этому моменту. По всем каналам связи летели команды: "Отбой!", "Конец!", "Прекратить огонь!".

По-разному переживают люди исторические события. Но почти всегда эти события накрепко остаются в памяти до мельчайших подробностей, хотя в минуты переживаний нам кажется, что мы ничего не видим вокруг.

Мы стояли в просторной гостиной чудом уцелевшего особняка. Со мной были те, кто пришел сюда через кровь и страдания. Мы стояли ошалевшие от счастья, хмельные от радости и не находили слов. Да и не нужны были слова. Каждый выражал свои чувства по-своему: бывший секретарь райкома партии, ставший начальником политотдела бригады, Дмитриев, не стесняясь, плакал; сильной воли человек, начальник штаба Шалунов, по-детски растирал кулаком слезы и бормотал что-то невнятное. Неуклюжий, обросший бурой щетиной Андрей Серажимов кричал во весь голос: "Ух какого зверюгу мы завалили" - и сыпал по адресу этого зверя отборные, не предназначенные для печати эпитеты. Кто-то кричал одно лишь слово: "Ребята... Ребята-а!.." И все это покрывало несмолкающее русское "ура-а!", которое волной перекатывалось по улицам и площадям Берлина.

Первым пришел в себя начальник штаба:

- Что будем делать?

Его вопрос оказался неожиданным для меня. Впервые за четыре года войны я совершенно не знал, что делать. В такой обстановке мы оказались впервые. А потому сказал первое, что пришло на ум:

- Василий Матвеевич, скомандуйте: стоять на месте, собраться в свои батальоны. Остальные подразделения подтяните к штабу.

Прошло несколько часов, а из штаба корпуса не поступало никаких распоряжений.

- Теперь мы никому не нужны, - острил Александр Павлович Дмитриев. - И знаете, это совсем неплохо: ни донесений от тебя не требуют, ни обстановки не запрашивают и даже не ругают, почему топчемся на месте. Благодать! Райская жизнь...

Райская жизнь, однако, длилась недолго. Вскоре из штаба корпуса посыпались приказания. Потребовали и донесения, и самые разнообразные сведения, которые в основном сводились к подсчету наличия людей, танков, артиллерии. Затем поступил приказ быть готовыми для дальнейших действий.

- Неужели еще воевать будем?.. - забеспокоился Шалунов.

И снова четко и ритмично заработал постоянно действующий штабной механизм. К вечеру в бригаду приехал начальник политотдела корпуса Андрей Владимирович Новиков. Мы обнялись со старым другом, побывали в одном из ближайших батальонов, поздравили бойцов с победой и вернулись на командный пункт в приподнятом настроении.

Адъютант и повара сервировали столы. Выложили все лучшее, что имелось в наших припасах. В особняке раздобыли даже скатерти и хрустальные фужеры.

Дмитриев включил радиоприемник. Знакомый, торжественный голос Левитана заполнил весь дом. Передавали приказ Верховного Главнокомандующего. При упоминании танкистов армии генерала Рыбалко, отличившихся при штурме Берлина, мы вскочили с мест и громким "ура" начисто заглушили голос диктора.

Все, волнуясь, ждали салюта Москвы, когда дом вдруг вздрогнул и зазвенели на столе фужеры. Бросились на улицу: не случилось ли что-нибудь? И тут увидели незабываемое. Вздернутые ввысь стволы танковых пушек, артиллерия всех калибров, зенитные крупнокалиберные пулеметы, автоматы, ракетницы посылали в берлинское небо трассирующие снаряды, снопы пуль, разноцветные ракеты. Это сыны России салютовали в Берлине в честь родной Москвы, в честь нашей партии, нашей Родины и великого советского народа...

* * *

Впервые за многие годы я спал безмятежным сном. Спал долго, на настоящей кровати, на мягкой постели. Раздевшись. Это ли не блаженство?!

Растормошил меня Дмитриев.

- Подъем! Подъем! - кричал он во все горло.

По привычке, выработанной годами, вскочил пулей. Стал быстро, по-солдатски, одеваться, с недоумением озираясь вокруг:

- Что случилось? Прорыв?..

- Ничего не случилось! Никакого прорыва... - хохотал, глядя на меня, Дмитриев. - Неужели забыл, что мы вчера договорились осмотреть город?

В соседней комнате уже собрались командиры батальонов, офицеры штаба. Петр Кожемяков шумно распределял на улице машины, давая "ценные" указания шоферам.

Миновав несколько улиц, мы выехали на широкую Бисмаркштрассе. Картина всюду одна и та же: догорающие дома, завалы из обломков рухнувших зданий, обугленные, перевернутые автобусы и целое море белых полотнищ. В окнах, на уцелевших балконах, на печных трубах, на остовах домов, на кучах обломков всюду, как после грандиозной тотальной стирки, шевелились на ветру флаги и простыни, скатерти и наволочки.

Машины проскочили Ландвер-канал, и мы очутились в дымящемся, оголенном Тиргартене. Этот чудесный уголок Берлина, бывший когда-то местом отдыха и прогулок, превратился в те дни в непроходимую свалку, в кладбище танков, орудий, автомашин. В глаза бросались поваленные деревья, высохшие пруды, разбитые мостики, воронки от тысячекилограммовых фугасок. Огонь войны добрался до широкой Аллеи побед Тиргартена. У постаментов валялись скульптурные изваяния вильгельмов и фридрихов, сиятельных особ и прусских генералов. Отчаянные вояки разных эпох лежали в грязи и глине с оторванными ногами, вывороченными руками, отбитыми головами. Они, как и фашистская Германия, были повержены в прах...

Геббельс до самой своей смерти вопил о неминуемой гибели всего живого с появлением русских. И как всегда, лгал. Только с приходом советских людей в разрушенном городе стали появляться признаки жизни. Первой покинула убежища ребятня: мальчишки всегда остаются мальчишками! Сперва робко, а потом все смелее стали подходить они к нашим солдатским кухням, большими испуганными глазами глядели на поваров. И конечно, советские люди не отказывали голодным детям, не издевались над ними, как это делали фашисты на нашей земле. Маленькие берлинцы не только сами кормились у наших солдатских кухонь,

но и уносили домой банки, миски, котелки с борщом и кашей. В десятках мест наблюдали мы эту картину, направляясь к рейхстагу.

А вот и рейхстаг. Так вот он каков - этот символ третьего рейха: серый, хмурый, побитый, обгоревший и изуродованный, как весь Берлин, как вся Германия. Вокруг рейхстага и в нем самом еще вчера шли упорные бои. Падение его возвестило о крахе фашистской империи.

Когда подошли ближе, мне показалось, что здание шатается. В ту минуту оно напомнило мне обреченный пиратский корабль, готовый вот-вот скрыться в волнах и опуститься на дно. Через оголенный разорванный купол пробивался неяркий свет, внутри было сумрачно, сыро, холодно. На полу - сплошная свалка из камня, стекла, штукатурки, щебня. Через пролом развороченной стены видны были сильно побитые Бранденбургские ворота.

Мы не одни приехали сюда. Сотни машин облепили рейхстаг, тысячи советских воинов осматривали и ощупывали изрешеченную колоннаду, изуродованные стены, вырванные двери.

На стенах, на полу, на колоннах, на каждом камне этого изуродованного здания тысячи надписей. Чего только не прочитаешь здесь! "Мы дошли!" "Мы пришли!" "Мы победили!" И тут же адреса, названия городов: "Мы из Москвы", "Мы из Ленинграда", "Я прошел от Сталинграда до Берлина", "Мы из Минска... Смоленска... Сибири... Хабаровска...".

Каждый из нас считал в те дни своим священным правом прийти в рейхстаг, оставить там свою подпись, как бы закрепляя этим нашу победу. Я и мои друзья тоже принялись за дело...

Одна надпись, выдолбленная на серой каменной стене, приковала мое внимание: "Москалев Петр. 2 мая 45 г.". Неужели это знакомый мне комсомолец из Батурино, который дал клятву еще в лесах Смоленщины: "Мы будем в Берлине!" Если это он, хорошо бы встретиться.

* * *

В штабе бригады с нетерпением ждали моего возвращения. В домике царило необычное оживление. Шалунов встретил меня новостью:

- В ваше отсутствие получен приказ: к ночи вывести бригаду из Берлина и сосредоточиться южнее Эйхкампа, у озера Тейфельзее.

На столе была развернута карта. Василий Матвеевич наметил маршруты движения к новому месту, ознакомил меня с отданными распоряжениями.

"К чему бы это?" - ломал я голову.

Не знал ничего и начальник штаба. Он строил всякие предположения, терялся в догадках.

Генералу Новикову я не звонил с тех пор, как узнал о гибели его сына. Прошло уже несколько дней. Вот почему, получив приказ о подготовке к маршу, я отважился побеспокоить командира корпуса телефонным звонком. Надо было решить ряд неотложных вопросов, и в первую очередь немедленно восполнить потери, которые мы понесли в последних боях.

Голос Василия Васильевича звучал спокойно и уверенно:

- О ваших заботах знаю. Положение, подобное вашему, и у Слюсаренко, и у Чугункова. Но враг уже не тот. Предстоит лишь добить зверя. А для этого сил у вас достаточно. К тому же кое-чем, разумеется, поможем...

- Позвольте узнать все-таки, товарищ генерал, к чему надо быть готовым?

- Выступать из нового района будем завтра.

- Куда?

- Приказа еще не имею, но следует готовиться к большому маршу. Предстоит сделать прыжок в несколько сот километров.

- На Рейн? - вырвалось у меня.

- А что нам там делать? Наши союзники давно обжили этот край. И вообще не вынуждайте меня говорить то, о чем не положено вести разговоры по телефону. Приказ получите завтра.

Однако уже через час писаря получили карты районов Виттенберга, Дрездена, Судетских гор, Праги. А спустя некоторое время к нам прибыла целая колонна бензоцистерн для заправки танков и автомашин.

- Смотрите, хлопцы, - угрожающим тоном предупреждал словоохотливый кладовщик, - больше горючего у меня не получите до самой Праги...

Темной ночью мы покидали тлеющий, изуродованный, поверженный Берлин. Колонна ощупью ползла по западной окраине, втягиваясь в Хеерштрассе. Восемь дней назад эта улица открыла нам ворота в Берлин, а теперь она безмолвно провожала нас.

Вперед, на Прагу!

В леса, расположенные южнее Берлина, мы вышли только к утру, и сразу вся бригада, словно по команде, расположилась на отдых. Солдаты спали в танках на разостланных брезентах, в кабинах и кузовах автомашин, там, где настиг и сморил сон. Спали сидя, лежа, устраивались кто как мог. Никто не потянулся к походным кухням. Люди отказались от пищи и от воды. Отоспаться за двадцать бессонных ночей - вот было единственное желание. Ведь с 16 апреля, когда началась Берлинская операция,

никто из нас нормально не спал.

Давно уже перевалило за полдень, а наш лагерь по-прежнему был погружен в сон, только несколько офицеров толпились у штабного автобуса, ожидая распоряжений.

Мы с начальником штаба засели за изучение приказа командира корпуса. Отмечали на карте пункты, прокладывали маршруты, прикидывали планы дальнейших действий. Обстановка постепенно прояснилась: наш 7-й танковый корпус входил в состав сильной танковой группировки, созданной по указанию командующего фронтом Ивана Степановича Конева. 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, несколько отдельных танковых и механизированных корпусов вся эта подвижная, ударная армада была нацелена маршалом И. С. Коневым на юг для разгрома миллионной армии гитлеровского генерал-фельдмаршала Шернера. Именно эта немецкая группа под кодовым названием "Центр" была той последней картой в руках гитлеровцев, на которую возлагали надежды обанкротившиеся фашистские игроки.

В конечном счете судьба этой группы была уже предрешена. Разгром гитлеровцев в Берлине и их капитуляция являлись убедительным свидетельством того, что советские войска успешно переломили хребет фашистскому зверю. Но мы отлично понимали, что может натворить миллион фашистских вояк в Чехословакии, знали, на что способны агонизирующие орды нацистов. Вот почему командующий фронтом требовал стремительных действий. Задача заключалась в том, чтобы ударить во фланг немецкой группировке, смять ее, уничтожить или заставить капитулировать до того, как гитлеровцы начнут расправляться с Прагой.

Генерал Новиков приказал нам продолжать движение с наступлением темноты.

Пронзительные звуки горна распороли тишину леса. Несколько часов сна ободрили людей. Заскрежетали танковые люки, застучали дверцы машин, заурчали моторы. Началась подготовка к маршу. Командиры и политработники доводили до каждого солдата боевую задачу, рассказывали о Чехословакии, о ее свободолюбивом народе.

И когда на землю опустился черный покров ночи, мы взяли курс на юг. Предстояло совершить бросок на двести километров. Я перекочевал из "виллиса" в легковую машину. Ко мне пересели Дмитриев и Осадчий. В разговорах и воспоминаниях незаметно пролетела ночь.

Регулировщики вывели нас из Лукенвальде, Ютербога, Даме, и к утру бригада вступила в леса севернее Эльбы. Только позднее

мы узнали, что шли параллельно линии фронта: Дрезден и его пригороды еще удерживал противник. Южнее Ризы по рубежу Нейда, Дершиня, Нишотц, Нигерода оборонялись 344-я пехотная и 2-я танковая дивизии, а также запасные и охранные части гитлеровцев.

Вечером перед выходом бригады в исходное положение, в район Мергендорф, к нам прибыли комкор и начальник политотдела корпуса.

Нам всем было приятно видеть Василия Васильевича бодрым, подтянутым. Мы зашли в автобус. Я доложил о состоянии бригады, о наших возможностях по выполнению боевой задачи и, конечно, не утерпел - стал жаловаться на нехватку пехоты, на большие потери в танках, на изношенность машин:

- Боюсь, не перевалят наши танки через Судетские горы. Многие дымят, нуждаются в замене двигателей, сроки их эксплуатации вышли.

Генерал удивленно посмотрел на меня:

- Не узнаю тебя, ты говоришь языком помпотеха. Если даже половина твоих танков не дойдет до Праги, и то не беда. Пойми, друг мой, война кончается, а ты расхныкался. Хватит паниковать. Пехотой помогу. Я уже распорядился: к тебе придет батальон мотопехоты из бригады Шаповалова.

Мне оставалось только поблагодарить В. В. Новикова за помощь. Пригласил комкора поужинать, но он отказался - спешил в бригаду З. К. Слюсаренко, которая должна была действовать в первом эшелоне в полосе армии генерала Гордова.

Все вышли из автобуса, направились вместе с генералом к опушке леса, где стоял его "виллис". У машины Василий Васильевич на минуту остановился, вытащил из бокового кармана аккуратно сложенную бумагу:

- Помните, как переживали танкисты, когда не услышали в приказе Верховного Главнокомандующего о разгроме берлинской группы немецких войск, переданном по радио, упоминания о нашем корпусе? Я был уверен, что произошла ошибка. И справедливость восстановлена{5}. Вот читайте телеграмму товарища Сталина.

Я взял листок, пробежал глазами текст, потом еще и еще раз, стараясь запомнить каждое слово...

- Андрей Владимирович, - обратился комкор к начальнику политотдела, ты все равно остаешься в бригаде. Расскажи личному составу о том, что произошло. И с телеграммой ознакомь людей тоже.

Василий Васильевич уперся рукой в ветровое стекло машины, как всегда, молодцевато подпрыгнул, удобно уселся на переднем

сиденье и на ходу крикнул:

- До встречи в Праге!

Вернувшись в штабной автобус, мы сели ужинать. За ужином Андрей Владимирович рассказал, как переживал Василий Васильевич эту обидную ошибку:

- Наш комкор - старый солдат. Ему хорошо известна воодушевляющая сила такого поощрения, как приказ Верховного Главнокомандующего. И когда генерал обратился к товарищу Сталину, то пекся не о себе... Я хочу прочитать вам текст телеграммы, которую Василий Васильевич отправил тогда товарищу Сталину. - Начальник политотдела внимательно оглядел каждого, кто сидел за столом, и торжественно произнес: - "Справедливость требует отметить действия корпуса, которым я командовал в Берлине, почтить память тех, кто погиб в этом городе, отдать должное живым, Я пишу вам, как генерал и как отец, потерявший при штурме столицы Германии сына, тело которого находится на моем командном пункте..." В тот день погиб сын нашего комкора Юрий... - Начальник политотдела корпуса сделал паузу и уже другим тоном закончил: - Рад сообщить присутствующим, что нашему седьмому гвардейскому Киевскому танковому корпусу присвоено почетное наименование Берлинский. Прошу довести эту новость до личного состава бригады.

- А все-таки, кто же в конце концов виноват в этой истории? - спросил я у начальника политотдела корпуса.

- Мы виноваты, Новиковы, - со смехом ответил Андрей Владимирович. - Уж больно много нас собралось на одном фронте. И к тому же, как нарочно, все танкисты. Это и ввело в заблуждение операторов, составлявших донесение в Ставку...

* * *

Утром мы не обнаружили наших соседей. Ночью бригады Слюсаренко и Чугункова переправились на западный берег Эльбы и заняли исходные позиции для наступления (обе эти бригады предназначались для действий в первом эшелоне, после того как армия Гордова прорубит ворота в обороне противника).

Наша бригада оставалась на месте - она составляла резерв командира корпуса. Овладев дрезденскими позициями, мы должны были выступить в направлении Судетских гор, перевалить их и в качестве передового отряда корпуса устремиться на Теплице-Шанов, обойти с запада Терезин, выйти в Кралупы и с ходу ворваться в Прагу.

Решение командарма и приказ командира корпуса были рассчитаны на стремительные безостановочные действия и мощные удары танковых войск во фланг группы "Центр" генерал-

фельдмаршала Шернера.

Утром мне доложили, что к переправе в самой Ризе не пройти: на подступах к городу смешались танки и кухни, пушки и цистерны, машины с боеприпасами и санитарные повозки: Обозы и тыловые подразделения двух армий обложили нас со всех сторон. Все стремились вперед, стараясь не опоздать к финишу. В создавшейся неразберихе трудно было управлять боевыми подразделениями и частями. А время подпирало. Штаб нашего корпуса еще накануне снялся с места и бросился догонять главные силы; теперь связь с ним и со штабом армии была потеряна.

В эфире творилось что-то невероятное, витал многоязычный гомон. Распоряжения отдавались открытым текстом.

И вдруг сквозь всю эту неразбериху пробился взволнованный голос. Человек, говоривший на чешском языке, сообщил о начавшемся в Праге восстании. Восставшие пражане захватили радиостанцию и обратились за помощью к советским войскам. Каждые пять минут в эфире набатом звучали слова: "Позор! Позор! Помозте!" - "Внимание! Внимание! На помощь!" Каждый такой призыв током ударял в сердце, обжигал, звал вперед. В памяти у всех была свежа варшавская трагедия. Вот почему волнение чехов и словаков передавалось нашим бойцам. Танкисты с нетерпением ждали сигнала ринуться на помощь восставшим.

На пути в Чехословакию был выставлен довольно прочный заслон, состоявший из танковых и пехотных дивизий, а также из многих отдельных частей, плотно прикрывавших юг Германии. Наши попытки с ходу смять эти войска не имели успеха. В 14 часов заговорила артиллерия нашего фронта. Она обрушила огонь на Дрезден, Радебейль, Вильсдруфф, круша очаги сопротивления, опорные пункты, перемалывая живую силу и технику врага. Боеприпасов не жалели: больше огня - меньше крови.

Во второй половине дня командующий фронтом бросил в бой корпуса и дивизии из армий генералов В. Н. Гордова и Н. П. Пухова, соединения из танковых армий П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко. Всю ночь и весь день 7 мая шли бои в районе Дрездена и в предгорьях Судет. Удар войск 1-го Украинского фронта слился с наступлением войск 4-го Украинского, войска которого, спустившись с карпатских круч, стали торопить всех остальных на запад.

7 мая с юга, из Австрии, вышли танковые бригады 6-й гвардейской танковой армии генерала А. Г. Кравченко и 7-я гвардейская армия генерала М. С, Шумилова из состава 2-го

Украинского фронта.

Концентрические удары трех наших фронтов раскалывали на части группу "Центр" генерал-фельдмаршала Шернера, являвшуюся последней надеждой фашистской Германии. И чтобы окончательно добить ее, предстояло сделать еще один бросок - оказаться в центре Чехословакии, плотно закрыть врагу ворота на запад и не выпустить его из западни.

Прошел день. Мы по-прежнему находились в лесу. Надвинулась ночь, в лесу она казалась темнее обычного. От командира корпуса не поступило никаких сигналов. Радиосвязь со штабом корпуса, потерянная еще днем, так и не была восстановлена. Начался холодный, пронизывающий дождь.

Меня очень тревожила одна мысль: что буду делать, если сегодня ночью или завтра утром бригада потребуется для боя, а мы торчим здесь? Разве может служить оправданием то, что нам приказали стоять на месте и ждать сигнала?.. Не мастер я выискивать подходящие причины. Конечно, легче всего свалить вину на штаб корпуса, но это не в моем характере. Взвесив все "за" и "против", решил: нечего ждать у моря погоды, через час будем выступать. Выслал вперед разведку, послал к переправе саперов.

Всю ночь ползла колонна. Дождь лил как из ведра. Вода пробивалась в танки, проникала в кабины машин. Не спасала броня, не помогали ни плащ-накидка, ни брезенты. Машины юзом сползали в кюветы, то и дело опрокидывались походные кухни. Танки, превратившись в буксиры, волокли все, что не могло самостоятельно двигаться по адской грязи.

И люди победили стихию.

К утру, совершив пятидесятикилометровый марш, растолкав на своем пути обозы, отцепившись от тылов, мы вплотную подошли к главным силам своего корпуса.

Дождь прекратился. Выплыло яркое солнце. Кончились наши ночные мытарства. А с появлением походных кухонь танкисты и вовсе повеселели. Горячий чай, каша с мясом и фронтовые сто граммов вызвали на лицах веселые улыбки. Наградой за нелегкий ночной труд явилась и похвала генерала за то, что проявили инициативу.

В то же утро бригада была введена в бой. Вместе со всем корпусом она содействовала западнее Дрездена успеху войск 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова, а также нашим братьям по оружию полякам в овладении Дрезденом и в разгроме сильной немецкой группировки.

Дальше наши пути проходили по отрогам и ущельям Рудных гор. Мы приближались к границе Чехословакии. Несколько часов

потребовалось, чтобы собрать бригаду в единый кулак. Подоспела и пехота. Генерал Новиков сдержал слово - прислал мотострелковый батальон Героя Советского Союза Антона Корнеевича Давыденко. Теперь нам предстояло взобраться на вершины Рудных гор, разгромить немецкие части прикрытия, отдельные узлы сопротивления и устремиться в Прагу, откуда все еще продолжали доноситься призывы о помощи.

Задержавшаяся на расчистке лесных завалов 56-я танковая бригада догнала нас. Размашистой, энергичной походкой ко мне подошел Захар Слюсаренко:

- Выручай, Дима.

- А что случилось?

- Танки мои стоят. Нет дизельного топлива. Дай хотя бы три-четыре цистерны, чтобы дотянуть до Праги.

Я обратился к тыловикам. Через несколько минут мне доложили, что осталось всего пять цистерн. А этого топлива едва хватит нам самим - до Праги оставалось 140-150 километров. Естественно, я не смог поделиться с другом.

- Это не по-братски!.. - вспылил Слюсаренко.

- Не могу, Захар, отдать последнее горючее. Получится, что и ты не выполнишь задачу, и я не дойду до цели.

- Интересы дела требуют, чтобы ты дал мне хотя бы две цистерны, настаивал Слюсаренко.

В наш разговор включился Дмитриев, но и его доводы не возымели действия. Слюсаренко продолжал упрашивать меня. И закон дружбы в конце концов победил. Я прекрасно понимал настроение боевого друга, его желание участвовать в последних завершающих боях. Я написал начальнику службы ГСМ Милину записку, чтобы отпустил горючее. Захар Карпович ушел довольный, но моя записка так и осталась нереализованной. Офицеры, посланные Слюсаренко на поиски наших цистерн, вернулись ни с чем. Колонна бензовозов проблуждала где-то всю ночь и догнала нас уже у самой Праги.

* * *

Путь наш на Прагу был труден. На узких, извилистых горных дорогах немцы нагромоздили сотни завалов из вековых сосен, перевили деревья колючей проволокой, нашпиговали минами.

В предгорьях Судет обходов не оказалось. Свернув с дороги, можно было завалиться в пропасть, очутиться на непроходимых горных кручах, заросших лесами. Приходилось расчищать завалы, обезвреживать минные поля, сбивать огнем вражеские подразделения, прикрывавшие эти узлы сопротивления.

Саперы в этом марше потрудились на славу, прокладывая нам дорогу. Тяжело поднимались танки на кручи Рудных гор.

Натужно работали моторы, перегретые машины делали частые остановки. Танки тянули на буксире артиллерию, за броневиками на прицепе тащились мотоциклы, а по обочинам дорог поднимались на вершины гор усталые автоматчики.

Радиосвязь с корпусом наладилась, и генерал Новиков требовал форсировать наше продвижение. Рыбалко не отставал от комкора, его радиограммы догоняли и подхлестывали нас: "Топчетесь! Быстрее - вперед! Вперед!"

Пражская радиостанция взывала о помощи. Мы понимали нетерпение восставших, сами заражались им. И все же последние километры горного хребта удалось преодолеть с большим трудом. Не выдерживали тормоза, вода в радиаторах кипела, машины порою пятились назад. Мы толкали их плечами, тащили на руках пушки и минометы, механики-водители танков, используя все свое мастерство, делали порой почти невозможное.

И наши старания были вознаграждены: мы успешно преодолели подъем на главный хребет Рудных гор. Перед нами открылись живописные долины и лесистые пригорки чехословацкой земли. Удивительно красивыми казались издали белые домики с красными черепичными крышами.

И тут вдоль колонны сквозь рев моторов, сквозь скрип и лязг гусениц понеслась команда:

- Командира бригады в голову колонны...

Добираясь до батальона Гулеватого, я думал: "Зачем это меня?" Ведь сделано как будто все: только что уточнил задачу авангардному подразделению, проинструктировал его, выслал разведку.

Еще издали заметил на дороге легковые машины, на обочине стоял бронетранспортер с автоматчиками. А когда подъехал вплотную, увидел П. С. Рыбалко в окружении генералов и офицеров штаба армии. Соскочив с машины, я подтянулся и приготовился доложить о трудном ночном броске и о готовности бригады к дальнейшему маршу. Но командарм не дал мне и слова сказать.

- Почему стоите на месте? - строго спросил он. - Калинин и Попов уже на подходе к Праге.

- Через несколько минут выступаю.

- Хорошо, - уже более мягко сказал Павел Семенович. - Сегодня ночью надо вступить в Прагу. В бои не ввязывайтесь. Противник уже обречен, но мы должны спасти столицу Чехословакии от разрушения.

Командарм расспросил о состоянии бригады, о запасах продовольствия, наличии горючего.

- Дотянем, товарищ генерал, - заверил я.

- "Дотянем" не то слово, - заметил Рыбалко. - Мы идем к нашим друзьям, братьям. Они должны увидеть нас, гвардейцев, подтянутыми, во всей красе и силе.

Вокруг нас толпились офицеры и солдаты: к Рыбалко всегда тянулись люди.

- За Берлин мы вас крепко благодарим, - обратился к ним командарм. Молодцы, не подкачали. Многие будут по достоинству отмечены.

Я осмелел:

- А помните, товарищ генерал, вы обещали прибыть к нам на Вильгельмштрассе. Но мы не дождались вас.

- Разве за вами угонишься? - лукаво улыбнулся Павел Семенович. Забрались к черту на кулички, и ищи вас. Это я, конечно, шучу... Не одни вы воевали в Берлине. Прошу извинить меня, не успел. Зато теперь обязательно воспользуюсь вашим приглашением и завтра буду в Праге. Но не дай бог, если я окажусь там раньше! Смотрите, вам тогда несдобровать.

- Мы постараемся быть в Праге раньше вас, - заметил молчавший все это время Дмитриев.

Бригада спустилась с Рудных гор, и вскоре мы уже подходили к Теплице-Шанов - пограничному городу, расположенному на чехословацкой земле.

Город был украшен транспарантами. Над ратушей развевались советский и чехословацкий флаги. Все население вышло нам навстречу. Возгласы "Ура!", "Победа!", "Наздар Советская Россия!" оглушили нас. В люки танков, в кузова машин полетели цветы. Радостные улыбки и добрые напутствия сопровождали нас, когда мы проезжали через Теплице-Шанов. И так было повсюду, в каждом городе, в каждом селе Чехословакии.

Чем ближе мы подходили к Праге, тем больше охватывала паника солдат и офицеров вражеской группировки "Центр", зажатой в стальные тиски советскими танковыми армиями. На дорогах в беспорядке стояли орудия без расчетов, танки без экипажей, машины без шоферов. Неуправляемые, деморализованные гитлеровцы, побросав оружие и технику, убегали в леса и горы. По лесным дорогам и тропам они пытались уйти в Карловы Вары, Пльзень, Ческе-Будеёвице. Но на их пути стеной вставали советские части и соединения.

Покинув командирский танк, я пересел на "виллис", поставил машины штаба в голову колонны и повел бригаду на больших скоростях в направлении Праги.

...По горячим следам отходящего врага мы ворвались в небольшое село Джинов возле Праги. Фашисты успели проявить здесь свой звериный нрав, и селяне встречали нас с особой

радостью. Облепив наши танки, они засыпали люки розами, обнимали танкистов. К моему танку подошла молодая женщина с маленькой девочкой на руках.

Малышка трогательно протянула мне алые розы. Я взял девочку на руки, поцеловал и подарил ей на прощание звездочку со своей фуражки.

Вокруг нас щелкали затворами фотоаппаратов солдаты и местные парни. Особенно усердствовал наш повар: он по совместительству был и бригадным фотографом. А несколько дней спустя, уже после победы, солдат принес мне фотографию, которая и до сих пор хранится в моем фронтовом альбоме. С этим снимком у меня связаны очень теплые, сердечные воспоминания...

* * *

Медленно уходила последняя ночь войны. Мы провели ее в движении. Рассвет застал нас на окраине Праги: цель была достигнута. Подождав час-другой и не получив распоряжений от командира корпуса, я развернул карту Праги, нашел центральную часть города и решил на свой страх и риск выйти на Вацлавскую площадь.

Из города доносились глухие раскаты артиллерийской стрельбы, где-то совсем близко трещали автоматные очереди. Еще шли бои с остатками гитлеровских войск, а на улицы уже высыпали празднично одетые пражане.

Перестроил бригаду таким образом, чтобы в голове колонны шли автоматчики батальона А. К. Давыденко на случай встречи с фаустниками, а следом за ними - танковые батальоны, потом штаб и тылы. Замыкал колонну батальон Николая Дмитриевича Старухина.

Мы двинулись к Вацлавской площади, обошли несколько баррикад из поваленных трамваев и вступили в узкие улочки. И тут нам неожиданно встретилось непредвиденное препятствие: на тротуарах вдоль улиц и на самой проезжей части толпились тысячи ликующих пражан. Вырваться из их дружеских объятий было просто невозможно.

А в город со всех сторон уже входили бригады из армий П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко. Все стремились первыми ворваться в центр и, завершив освобождение Праги, как бы поставить последнюю точку в истории Великой Отечественной войны.

За сутки 55-я бригада проскочила сотню километров, и тем не менее командарм упрекал нас в топтании на месте. Теперь я с ужасом думал, что будет, если Рыбалко узнает, сколько времени мы преодолевали считанные километры до центра Праги.

Бурная радость пражан передалась танкистам. Мы были

счастливы, что успели вовремя, не дали врагу осквернить красавицу Прагу, уничтожить ее славных жителей.

Бои закончились очень скоро. Люди заполнили все улицы и площади города. Особенно шумно было в центре и на прилегающих к нему улицах. Пражане хлынули к танкам. Вверх полетели фуражки и танковые шлемы. Качали танкистов и пехотинцев. Чешское "наздар" и русское "ура" разрывали воздух. Еле вырвавшись из объятий, я прислонился к броне танка, чтоб отдышаться. От всего пережитого я словно бы опьянел.

Подбежал раскрасневшийся, взволнованный начальник связи бригады. Долго пытался что-то сказать и не мог преодолеть волнение.

- Засименко, что случилось? - стал допытываться начальник штаба.

- Радио! Радио из Москвы сообщило... Война окончена! Безоговорочная капитуляция!.. Ура!..

Ошеломленные этим известием, мы в первую минуту молча глядели друг на друга. Улыбка сошла с лица начальника политотдела. Посерьезнел вечно улыбающийся Осадчий. Все мы стали в ту минуту как будто старше. И вдруг, не сговариваясь, разом закричали "ура!", бросились обниматься...

Такое же радостное сумасшествие бушевало вокруг. Сообщение Москвы докатилось до берегов Влтавы. Свершилось! Войне наступил конец! Кончились долгие страдания!

Уставший, охрипший, я стоял на Вацлавской площади возле моего верного фронтового друга, возле моей двухсотки, которая не только пронесла меня по тысячекилометровому пути сквозь огонь, но и десятки раз заслоняла своей могучей броней от смерти. Рядом со мною стоял командир этого танка Евгений Белов. Нет ничего удивительного в том, что фронтовики-танкисты очень часто обращались к танку как к живому существу, ласково называли его "моя тридцатьчетверочка", "моя Танечка"...

От двигателя танка еще исходило едва ощутимое тепло. Боевая машина, утомленная многодневными боями и трудным маршем, казалось, отдыхала. Взобравшись на корму, я сел на излучавшую тепло сетку над мотором, облокотился о скатанный в рулон брезент и задумался.

Над Прагой синело весеннее небо, и я думал о том, что вот таким же безоблачным будет оно вечно и никогда больше людям не придется смотреть на него со страхом. Тогда, в сорок пятом году, так думал не один я...

Рыбалко сдержал свое слово. В сопровождении двух генералов Новиковых он пробился через забитые народом улицы и добрался до Вацлавской площади. Встреча с командармом была

теплая, он по-отцовски обнял меня:

- С победой, дорогие мои боевые друзья! Вот мы и дождались ее. Жаль, не всем довелось отпраздновать этот день.

Павел Семенович волновался, глаза его были влажны. Василий Васильевич Новиков машинально то и дело снимал и протирал очки дрожащими руками. Спазмы перехватили мое горло.

И командарм и комкор пережили в войну большое отцовское горе. Павел Семенович в 1942 году потерял единственного сына, 20-летнего лейтенанта танкиста Виллика, а командир корпуса совсем недавно лишился сына Юрия.

Война принесла каждому из нас немало личного горя. Вот почему первый день мира был одновременно и радостным, и грустным...

Всю ночь не спала взбудораженная Прага. На улицах и площадях, у подъездов домов и на балконах толпился народ. Ярко сияли огни в окнах, сбросивших светомаскировку.

В ту ночь 55-я бригада была выведена из центра города. Мы расположились недалеко от аэродрома Саталице. Когда-то эта тихая окраинная улочка не привлекала внимания горожан и считалась укромным местом для влюбленных. Теперь она ожила, забурлила. На зовущие аккорды гармошек и гитар бежали ребята и девушки, все кружились в вихре общего танца.

А наутро на нас обрушились новые заботы. Кончилась война, и сверху посыпались бумаги. От нас требовали отчеты о боевых действиях, докладные о наличии танков, акты потерь. У хозяйственников не стыковалось наличие запасов с нормами расходов. Я составлял наградные материалы. Дмитриев готовил отчет о политико-моральном состоянии личного состава.

И лишь солдаты почти все отдыхали, праздновали "отбой войне".

Под окнами вовсю разрывался трофейный аккордеон.

Под эту музыку наши танкисты пели с чешской молодежью "Катюшу", "Землянку", танцевали вальс, лихо отплясывали русскую барыню и чешскую польку.

Быстро облетела бригаду весть о футбольном матче между советской и чешской командами. 12 мая на большой пригородный стадион пришли тысячи болельщиков. После тщательного отбора, тренировки и соответствующей экипировки мы выставили свою команду. В нее вошли командир взвода Усков, начальник артснабжения Соколюк, танкисты Щедрин, Шишкин и другие воины.

Судил матч разведчик Борис Савельев. Командование бригады и представители чешской общественности, как это

принято во время международных встреч, восседали в специальной ложе.

Играли азартно. С каждым забитым мячом (а летели они чаще в наши ворота) атмосфера накалялась. Чехи, мои соседи по ложе, ерзали и о чем-то шептались.

Наши ребята суматошно метались по полю, били по воротам неточно, взаимодействие между игроками было слабое. Но надо отдать им должное играли исключительно корректно. Матч закончился со счетом 5 : 2 в пользу хозяев поля. Я был смущен. Но еще большее смущение было написано на лицах наших друзей чехов.

А к центру поля со всех сторон бежали люди. Наших футболистов обнимали, подбрасывали в воздух. Симпатии болельщиков были явно на стороне проигравших.

Тут же на стадионе стихийно возник митинг. Выступавшие чехи благодарили Советскую Армию. По трибунам стадиона волнами перекатывалось: "Наздар Советская Россия!" Потом слово предоставили мне.

- Наша команда проиграла с крупным счетом, - сказал я. - Но проиграть вам - это не поражение. Сегодняшний матч закончился в пользу дружбы наших народов. Поэтому проигрыш футболистов нас не огорчает...

А потом мы сидели у наших друзей за чашкой кофе, вели задушевный разговор. И когда прощались, хозяин дома, пожилой инженер, виновато произнес:

- Вы уж извините наших футболистов, они проявили большую бестактность.

- В чем?

- Перед игрой мы их собрали и обо всем договорились. А они, черти, разошлись и...

Все мы от души хохотали...

Утром в гости к танкистам приехал постоянный корреспондент фронтовой газеты поэт Александр Безыменский.

Вот уже несколько лет мы встречали его на дорогах войны в частях и подразделениях 1-го Украинского фронта. На Украине и в Польше, в Берлине и Праге - везде он был с нами, своим оптимизмом и юмором согревал наши солдатские души. Все, кто имел счастье общаться с Александром Ильичом, заражались его юношеским задором, хотя поэт давно уже вышел из комсомольского возраста.

С появлением Безыменского в моей комнате сразу все ожило, все пришло в движение.

- Приехал поздравить с победой. Хотел нагнать вас в Берлине, да разве за танкистами угонишься! Друзья мои, пройдемся по

улице. Я написал стихотворение, которое посвящаю вам, танкистам, и хочу прочитать его.

На улице к нам присоединились чехи, круг слушателей расширился. Кто-то притащил стол. Александр Ильич взобрался на него. И вот зазвучали стихи:

Победой закончены годы войны,
Жестокие страдные годы.
Невиданно были длинны и трудны
Мои боевые походы.
Вперед устремляясь, я немцев громил,
Назад не ступивши ни шагу...
Берлин штурмовал я. Я в Дрездене был,
Вошел победителем в Прагу.
Под сводом победы, под стягом святым,
Душою солдатской ликуя,
Любимой Отчизне и детям своим
Открыто и гордо скажу я,
Что выполнил честно из всех моих сил
Великую нашу присягу.
Берлин штурмовал я. Я в Дрездене был,
Вошел победителем в Прагу...

Как завороженные слушали мы поэта. Он нашел простые, душевные слова, чтобы излить чувства, волновавшие каждого из нас.

Целый день потом мы с Александром Ильичом бродили по Праге. Еще в тридцатые годы он несколько раз бывал в Чехословакии, выступал на литературных диспутах. Поэтому о лучшем гиде нельзя было и мечтать. Мы услышали от него о Карловом мосте, о Градчанах, о Златоуличке и средневековых алхимиках. Мы осмотрели театр Народное Дивадло, побродили по набережной Влтавы. На одной из улиц наше внимание привлекло страшное зрелище, вернувшее нас к недавним дням войны. На машинах подвозили истощенных, оборванных людей, едва державшихся на ногах. На изможденных лицах несчастных лихорадочно горели огромные темные глаза, из-за худобы сильно выдавались заостренные носы. Все они были на одно лицо - наголо стриженные, одинаково исхудавшие и оборванные. Невозможно было даже отличить мужчин от женщин. Мы подошли ближе. Оказалось - это бывшие узники концентрационного лагеря Терезин.

Советские войска, наступая на Прагу, спасли узников этого лагеря, в котором доживали последние дни около двадцати тысяч евреев. В большинстве своем это были, оказывается, девушки. Я не мог спокойно смотреть на них, мне казалось, что среди этих

людей находятся и мои сестры...

Разволновался так, что не мог уснуть. Всю ночь думал о фашистских людоедах, о страшной угрозе дикого средневековья, которая совсем недавно висела над миром. Какое это счастье для человечества, что победила Советская Армия и что с фашизмом покончено навсегда. Я, как все фронтовики, искренне верил тогда в это...

Спустя несколько дней советским и чехословацким воинам вручались в пражском кремле ордена Чехословацкой республики. После церемонии все награжденные дружно шагали по Градчанам, по Вацлавской площади. Прага по-прежнему ликовала. Повсюду нас встречали и провожали радостные возгласы: "Наздар Червона Армия!" Город преображался на глазах: исчезали баррикады и кучи мусора, дома глядели на улицу чистыми, промытыми окнами.

На пути то и дело попадались группы военных: наши и чехи, русская речь, смешавшись с певучей чешской, слилась в неповторимый язык дружбы. Бросалось в глаза, что на груди у офицеров и солдат чехословацкой армия нередко сверкали ордена Ленина и Красного Знамени, а у многих советских воинов можно было увидеть чехословацкие боевые награды.

Я не верю в чудеса, но верю в могущество случая. Сколько раз за годы войны мне доводилось быть свидетелем самых невероятных встреч! Сам я в тот день шел по улицам Праги с предчувствием радостной встречи.

И она произошла, правда, значительно позднее. Но прежде расскажу предысторию.

Я уже говорил, что в 1943 году видел неподалеку от Киева воинов из бригады генерала Людвика Свободы и что мы договорились тогда о встрече в Златой Праге.

Бои и походы отодвинули в памяти на задний план этот эпизод и разговор с чешским офицером. И вот, шагая из пражского кремля с чешским орденом Военного креста на груди, я вдруг все вспомнил, а вспомнив, стал с надеждой озираться по сторонам: не встречу ли человека, который тогда крикнул мне вдогонку:

- До свидания в Праге...

В мае 1945 года мы не увидели друг друга, но все-таки наша встреча состоялась...

Миновали годы. В составе делегации ветеранов войны я снова побывал в Праге. Целыми днями бродил но знакомым улицам и не узнавал их, так похорошела красавица Прага. Дни пребывания в Чехословакии подходили к концу, а мне все не хотелось уезжать. В боковом кармане моего костюма лежала слегка уже

выцветшая фронтовая карточка, сделанная когда-то в селе Джинов. Хотелось побывать там, узнать о судьбах людей, по-братски встречавших нас в мае сорок пятого.

Знакомый чешский генерал, узнав о моем желании, пообещал организовать поездку в это село. Утром в гостиницу явился статный военный:

- Полковник Петрась, к вашим услугам.

От моего внимания не ускользнуло правильное русское произношение полковника. Нельзя было не заметить на его мундире и сверкающий золотом орден Ленина, прикрепленный выше многочисленных орденских планок, среди которых я увидел ленточки орденов Красного Знамени и Красной Звезды.

Мы познакомились, разговорились, и в конце концов я не вытерпел, задал вопрос, который вертелся на языке с первого момента:

- Вы русский?

- Я чех, но дети мои - русские. - Полковник заметил мое недоумение и тут же пояснил: - Жена у меня русская, а так как мать - основа семьи, то мы и порешили определить национальную принадлежность детей по матери.

Я показал полковнику фотографию, сделанную в 1945 году, рассказал ее историю и попросил помочь разыскать изображенную на снимке девочку, узнать о ее судьбе.

- Попробуем, - охотно сказал он.

Вначале мы попали не в тот Джинов. Мой уважаемый гид в суматохе забыл, что у них два села носят одно и то же название. Но ошибку оказалось довольно легко исправить: не прошло и часу, как машина доставила нас в Джинов-восточный.

Шофер затормозил на небольшой, обсаженной высокими деревьями площади. Между деревьями колыхалось белое полотнище. "Добро пожаловать!" - было четко написано на нем. Площадь быстро заполнили празднично одетые люди. У каждого в руках были букеты роз - красных, белых, желтых, - как и двадцать лет назад.

Полковник Петрась представил меня джиновцам. Сам по себе возник митинг. В ответ на добрые приветствия я поблагодарил дорогих друзей за теплую встречу и передал им привет от советских людей.

И вдруг... Нет, я не верю в чудеса, но то, что произошло, буквально сбило меня с толку. У меня на руках оказалась двухлетняя белокурая девчушка с букетиком алых роз - та самая, что обнимала меня в день освобождения Джинова. Та же улыбка, тот же прищур ясных глазенок. Я достал фотографию. Она!

Все молчали, с улыбкой наблюдая за мной. А я не знал, что и

сказать. В этот момент полная моложавая женщина лет пятидесяти, стоявшая рядом, протянула мне фотографию. Я взглянул и обомлел - это был тот же снимок, что у меня.

- Здесь снята моя доченька Славка, - сказала женщина приятным грудным голосом. - А у вас на руках моя внученька Аленка.

Мы, как родные, расцеловались. Радостный гул прокатился по площади, когда подошла и крепко обняла меня белокурая красивая женщина. Конечно, трудно было узнать в молодой мамаше, Славке Козубовской, того ребенка, образ которого запал мне в душу. Зато маленькая Аленка обнимала меня сейчас так же крепко, как и ее мать двадцать лет назад...

А когда мы попали в дом Славки Козубовской, она показала мне ту самую пятиконечную солдатскую звездочку, которую в 1945 году я подарил маленькой чешской девочке.

Вскоре нас попросили посетить Народный дом. Разговор о минувших боях, о былых встречах, о новой радостной мирной жизни затянулся до поздней ночи. Я сидел со Славкой, ее мужем и матерью, рядом с Петрасем и другими чешскими друзьями. С моих колен не сходила Аленка. Вдруг Славка повернулась к Петрасю и спросила, тронув орден Ленина на его груди:

- Это за что?

- За освобождение Киева.

Потом обратилась ко мне:

- А у вас есть чехословацкие ордена?

- Есть. За освобождение Праги.

Славка удовлетворенно кивнула. И она, и все, кто слышал этот разговор, отнеслись к нему как к чему-то обычному, само собой разумеющемуся.

Провожали нас всем селом. Машина тащилась где-то сзади. А мы, взявшись за руки, шли, пели песни, и было так хорошо, что не передать словами.

Оставив позади Джинов, наша "Татра" плыла в темноте по асфальту в сторону Праги. Радостное возбуждение не покидало меня. А чудеса, как выяснилось, на этом не кончились. Сидя на заднем сиденье, мы с Петрасем продолжали беседу.

- А все-таки за что, полковник, вы получили орден Ленина?

- За Киев, за Днепр.

И тут меня словно озарило:

- А не привелось ли вам быть в Ново-Петровцах, на командном пункте генерала Ватутина, 30 октября 1943 года?

- Ну как же! Был. Сопровождал нашего командира бригады генерала Свободу...

- И помните колодец посреди села?

- Не только помню - я пил из него воду...

Я крепко обнял Петрася, чем немало смутил его. Так вот она, счастливая случайная встреча! Это с ним и его друзьями повстречались мы тогда у колодца. Это с ними, с чешскими парнями, входили мы в освобожденный Киев в ночь на 6 ноября 1943 года. Это они тогда говорили, что путь на их родину лежит через Киев...

Есть события, которым суждено не стареть, не выветриваться из памяти. Поблекли многие фотографии в моем фронтовом альбоме, но живые краски тех времен все так же ярки в моем сознании. Они не потускнеют никогда...

Идут победители

Май 1945 года был на исходе. Берлинские бои постепенно становились историей. Отшумело половодье радостных дней освобождения. Европейские страны, освобожденные от фашизма, налаживали жизнь по-новому, каждая на свой лад. Чехословакия переживала дни своего обновления и становления.

Для 55-й бригады, выведенной в район временной дислокации на север от Праги, также началась мирная жизнь, если этот термин вообще применим к солдатам. Зазвенели пилы, застучали топоры: в лесу вырастал солдатский лагерь.

Пока решались вопросы, связанные с дальнейшим пребыванием бригады в этой дружественной стране, мы продолжали заниматься своим нелегким трудом: солдат всегда и везде остается солдатом. Проводились политические занятия, велась строевая подготовка, солдаты несли внутреннюю службу, ремонтировали технику и вооружение. А по вечерам из окрестных деревень и поселков к нам стекалась молодежь: чешские парни и девчата плясали, пели, смотрели кинофильмы вместе с советскими воинами.

В один из субботних дней, когда я собирался поехать в Пражский оперный театр, раздался звонок:

- Тебя вызывают к Рыбалко, - сказал командир корпуса.

- По какому поводу? - встревожился я.

- Подробностей не знаю, - замялся Василий Васильевич. - Скажу одно: тебе предстоит сдать бригаду и выехать в Москву.

- Как я оставлю бригаду? Прошу вас, не делайте этого.

- Да ненадолго, - смягчился генерал Новиков. - В такую командировку я бы пошел даже пешком... Так не забудь: быть у командарма в десять утра.

Утро, когда я ехал в штаб армии, было каким-то сказочным. Сквозь кроны деревьев виднелась узкая полоска голубого неба, солнечные зайчики прыгали по траве и сухим прошлогодним листьям. Проскочив лес, мы оказались на огромной аллее, по

сторонам которой цвели фруктовые деревья. Лучи солнца ласкали лицо. Кругом стояла звонкая тишина. Машина, послушная моей воле, будто плыла по сверкающему асфальту.

На подходе к Мельнику, где размещался штаб армии, я передал руль шоферу: Рыбалко не прощал офицерам малейшего ухарства. Регулировщик указал нам дорогу к особняку, утопавшему в зелени и цветах. Через минуту мы были у цели. Командарм встретил меня радушно. В гостиной я увидел Мельникова, Бахметьева, Капника, Никольского и многих других.

Церемония вручения ордена Суворова длилась недолго. Я был смущен и вместо уставных слов "Служу Советскому Союзу!" выпалил: "В следующий раз буду воевать лучше". В комнате раздался басистый хохот члена Военного совета Семена Ивановича Мельникова:

- Драгунскому, видно, хочется воевать еще, - заметил он. - Мало ему, наверное, досталось в этой войне.

Вместе с орденом командарм вручил мне письмо Михаила Ивановича Калинина - такой порядок был заведен в годы войны при вручении полководческих орденов.

- Это еще не все, - пожав мне руку, сказал Рыбалко. - Военный совет решил направить вас в Москву на Парад Победы. Будете возглавлять танкистов нашей армии. Как смотрите на это?

Не зря, видимо, говорят, что люди глупеют от неожиданного счастья, свалившегося на них. Так, по крайней мере, случилось тогда со мной. Только этим могу я объяснить то, что в ответ на слова командарма произнес несусветную чушь:

- Боюсь, без меня в бригаде такое начнется... Рыбалко укоризненно поглядел на меня и сказал:

- Не набивайте себе цену. А вы, Дмитрий Дмитриевич, вызовите на всякий случай Слюсаренко, Шаповалова и Архипова... Может, и вправду оставим Драгунского, а то еще развалится пятьдесят пятая бригада...

Я стоял перед командармом, не смея поднять глаз, и чувствовал себя как нашкодивший школьник.

Выручил Мельников, который понял мое состояние, понял, что я, не подумавши, брякнул глупость.

- Павел Семенович, - сказал он командарму, - что же тут худого, если командир о людях печется? Дел у них сейчас много, солдаты после войны трудно переживают переход на новые условия. Мне кажется, не стоит менять кандидатуру...

Мельникова поддержал Бахметьев:

- Разрешите, Павел Семенович, я пойду с Драгунским в штаб. Там и решим все вопросы.

Я воспрянул духом.

- Ну как? - спросил Рыбалко, вплотную приблизившись ко мне.

- Извините, товарищ командующий... Сам не знаю, как это у меня вырвалось... Даю слово, что не посрамим славы танкистов...

- Вот это настоящий разговор. - Генерал положил мне руку на плечо: Идите с Дмитрием Дмитриевичем, готовьтесь. Завтра к вечеру с сотней молодцов быть в Дрездене. Да смотрите перед маршалом Коневым не подкачайте!

* * *

В одном из уцелевших военных городков Дрездена на огромном плацу бывшего юнкерского училища застыли батальоны сводного полка 1-го Украинского фронта. Ожидали прибытия на генеральный смотр командующего фронтом. Волновались. И больше всех, пожалуй, три полковника - Зайцев, Демидов и я.

Накануне, производя разбивку по батальонам и ротам, определяя наши места в общем строю, генерал армии Иван Ефимович Петров заметил, что мы все трое не подходим для участия в параде из-за малого роста.

Теперь мы с другом командиром танковой бригады Василием Ивановичем Зайцевым и товарищем по несчастью кавалеристом Демидовым, расстроенные, ждали решения маршала Конева.

А рост у всех троих действительно подкачал, это было особенно заметно при сравнении с другими кандидатами на участие в параде. Сводным полком командовал высокий, стройный, изящный и подтянутый генерал Глеб Владимирович Бакланов. Батальон пехотинцев возглавлял рослый красавец генерал Иванов. Артиллеристов вел генерал Сергей Сергеевич Волкенштейн, отличавшийся и ростом, и выправкой. Внешность Александра Ивановича Покрышкина, стоявшего на правом фланге сводного батальона летчиков, также отвечала всем необходимым требованиям. И только мы выглядели какими-то недомерками...

Протяжная команда "Смирно!" вернула меня к действительности. Командующий фронтом в сопровождении начальника штаба и командира сводного полка медленно проходил вдоль фронта. Маршал останавливался перед каждым батальоном, здоровался, пристально всматривался в лица солдат и офицеров, многих узнавал.

Очередь дошла до нас. Сердце мое билось учащенно, когда я представлял танкистов сводного батальона. У Конева было приподнятое настроение: он улыбался, шутил и остался доволен внешним видом танкистов. Тут я и услышал, как генерал армии Петров спросил у Ивана Степановича:

- Товарищ маршал, каково будет ваше решение?

Я сразу понял, что Конева уже проинформировали по поводу нас. И действительно, командующий в упор посмотрел на меня, перевел взгляд на моего соседа Зайцева и вдруг широко улыбнулся:

- Иван Ефимович, оставим их командовать. Ребята подтянутые, стройные, а что ростом не вышли, так это не их вина... Когда эти командиры бригад первыми входили в Берлин и Прагу, мы не измеряли их рост. К тому же им не в строю стоять, а идти впереди. Поглядите на их награды - не мундиры, а иконостасы...

Ночью меня вызвал начальник штаба фронта генерал армии И. Е. Петров:

- Командующий назначил вас начальником эшелона. На вас возлагается задача доставить подразделения сводного полка в Москву организованно и без всяких происшествий.

* * *

Длинный железнодорожный состав, погромыхивая на стрелках, увозил наш полк в Москву, на Парад Победы. Часами простаивал я у окна вагона: передо мной мелькали в обратном порядке те места, по которым совсем недавно мы шли с боями на запад.

Кончался май, вокруг все зеленело и цвело. Пробуждалась жизнь. Наша страна поднималась из руин. Поезд мчал нас по Украине.

На станцию Львов мы прибыли в первом часу ночи. Несмотря на позднее время, из всех вагонов высыпала люди: те, кто в прошлом году освобождал этот город, ринулись на привокзальную площадь. Десять месяцев назад я тоже участвовал в боях на Львовщине, а потому с удовольствием влился в людской поток. Привокзальная площадь и прилегающие к ней улицы были залиты огнями. Город показался мне необычайно прекрасным.

- Какая красота! Веришь, впервые за годы войны вижу освещенные улицы... - с восторгом произнес рядом какой-то летчик.

Времени до отхода поезда было еще много. Я заглянул в военную комендатуру станции, предъявил документы. Мне сделали соответствующие отметки.

Войдя в ярко освещенный зал ожидания и оглядевшись по сторонам, увидел надпись: "Телеграф". Захотелось, как бывало до войны, дать традиционную телеграмму: "Встречайте, еду..."

Но кому? Для отца с матерью такая телеграмма была бы вершиной счастья. Да нет их, ни отца, ни матери. Нет ни братьев, ни сестер - вся моя большая и дружная семья уничтожена войной...

С грустью вспомнилось, как я возвращался в родное село после боев на Хасане. Так же, как сейчас, стоял у окошка телеграфа и писал: "Еду домой, жив, здоров..."

На станции Новозыбков земляки устроили мне тогда теплую встречу. Народу было много. Со ступеньки вагона я увидел мать, вытиравшую слезы радости...

С тех пор прошло всего семь лет. Но какие это были годы!

Подошла моя очередь. Миловидная девушка протянула мне телеграфный бланк:

- Товарищ военный, поторопитесь. За вами выстроилась целая очередь.

Оглянулся: позади меня действительно уже образовался хвост. Отойдя от окошка, я не задумываясь написал на бланке: "Железноводск. Санаторий "Дом инвалидов". Моим лечащим врачам. Ура! Возвращаюсь на Родину. Ваш наказ выполнил: в Берлине был, следую на Парад Победы. Спасибо за возвращение к жизни. С победой вас, мои дорогие друзья..." - и поставил свою подпись.

Девушка пробежала глазами телеграмму, покачала головой:

- Не знаю, дойдет ли. Вы не указали, кому адресовано...

- Добрым людям. Не беспокойтесь, милая девушка, дойдет.

Телеграфистка понимающе улыбнулась.

- В последние дни вообще часто стали попадаться такие вот странные телеграммы: без адресов, без фамилий, - доверительно сказала она и, подавая мне квитанцию, попросила разборчиво написать мою фамилию под текстом телеграммы. Я так и сделал.

- Значит, ваша фамилия Драгунский? А как раз сегодня я видела в газете Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении какого-то Драгунского второй медалью "Золотая Звезда".

- Вот бы заглянуть в ту газету...

- Так я вам ее подарю.

Стоявшие в очереди люди притихли, явно прислушиваясь к нашему разговору. Я смущенно взял газету, невнятно поблагодарил девушку и быстро зашагал к своему вагону.

Газета прыгала в моих руках. И все же при тусклом свете вагонной лампочки я увидел свою фамилию, а рядом с ней фамилию Слюсаренко и радостно улыбнулся.

Война соединила нас с Захаром на Днепре. С тех пор мы были неразлучны и воевали на одном фронте, в одной армии, в одном корпусе. Даже номера наших бригад стояли рядом: 55-я и 56-я. Бок о бок форсировали мы Вислу и Одер, вместе брали многие города, освобождали Украину и Польшу, плечом к плечу штурмовали Берлин.

В сентябре 1944 года нам со Слюсаренко одним указом было присвоено звание Героя Советского Союза. И теперь вот - тоже. Бывают же такие совпадения!

Приятные для нас с Захаром совпадения продолжались и после войны. Мы вместе учились в Москве, потом оба были направлены на Дальний Восток, оба командовали танковыми дивизиями. Генеральские звания нам были присвоены опять-таки в один и тот же день...

Наш эшелон прибывал в Киев утром. Волнение киевлян, ехавших с нами, передалось всем остальным. В вагонах поднялась невероятная суета. Все брились, чистились, прихорашивались, готовились к этой остановке, как готовятся к встрече с любимой. И вот уже поплыл мимо окон вагона киевский перрон. Не ожидая полной остановки поезда, солдаты и офицеры на ходу прыгали на платформу перрона, где сразу попадали в объятия родных, близких и просто незнакомых, но тем не менее радовавшихся им людей.

Киев встречал нас счастливыми улыбками жителей, морем цветов и солнцем.

Тут же, на вокзале, стихийно возник короткий митинг - ведь через столицу Украины следовали воины 1-го Украинского фронта, освободившего когда-то Киев. На знаменах, которые мы везли с собой, были наименования Киевских, Львовских, Васильковских, Фастовских частей и соединений... И нет ничего удивительного в том что киевляне хотели высказать горячие слова любви тем, кто принес им освобождение от фашистской оккупации.

После митинга мы вышли с вокзала. Город еще лежал в развалинах. Сотни людей трудились на развороченных войной улицах и площадях. Повсюду вздымались могучие руки строительных кранов, росли фундаменты будущих зданий. И было ясно: пройдет немного времени - и Киев восстанет из руин.

Быстро пролетели минуты стоянки. Поезд уже мчался по Левобережью Украины. И всюду, на всем нашем пути следования, зияли незажившие раны войны. За окном вагона мелькали разрушенные станции, изуродованные водокачки, сожженные деревни и поселки. Нередко только печные трубы напоминали, что здесь были населенные пункты.

И все же жизнь возрождалась. На колхозных полях работали женщины и ребятишки, обгоревшие коробки зданий оплетались строительными лесами. Люди делали все возможное, чтобы быстрее ликвидировать страшные следы войны.

В тесном купе рядом со мной сидели командир танка Василий Усков, механик-водитель танка Клим Мокров, шофер

Георгий Гасишвили, разведчик Заблудаев, наводчик орудия Банников. Под стук колес мои однополчане вспоминали былые походы, бои и своих фронтовых друзей. Мы вспоминали тех, кого не было в эти минуты с нами, кто не дожил до победы, но навсегда остался в памяти сердца, тех, от чьего имени нам предстояло участвовать в Параде Победы и зорко оберегать мир, завоеванный столь дорогой ценой.

Так и сказал в нашем тесном кругу старший лейтенант Василий Усков. Я был приятно удивлен, что он наконец вымолвил слово. Обычно командир танка был молчаливым и даже угрюмым. И это в какой-то мере вредило ему.

Однажды перед отъездом начальник политотдела несколько раз напомнил, чтобы мы не забыли взять в Москву Ускова. Каюсь, я не очень хотел этого, и только из-за того, что Василий Усков выглядел бирюком.

- Александр Павлович, - убеждал я Дмитриева, - это же парад, понимаешь? Там необходимо и видом блеснуть, а Усков, сам видишь, какой строевик. Боюсь, его все равно не пропустят на фронтовом смотре.

- А ты не бойся, Давид Абрамович... Восемь боевых орденов Ускова - это ли не свидетельство человеческой красоты?

С Дмитриевым трудно было не согласиться.

Держался Усков отлично. И мне даже стыдно было своих сомнений. Затянутый в синий комбинезон, с множеством орденов на груди, он ничем не выделялся среди остальных участников парада.

Командир танка Василий Усков был из числа тех людей, чей характер раскрывается не сразу. Такие натуры проявляют себя обычно в трудных обстоятельствах, но проявляют так, что раз и навсегда завоевывают огромное уважение окружающих.

Человек удивительной скромности, Усков ничего не требовал для себя. Помнится, ему достался старый танк № 223, проживший большую жизнь: на нем ходили в бои на Западном фронте в 1942 году, участвовали в сражениях под Орлом и на Днепре. Менялись экипажи, а танк продолжал жить. Двигатель его уже давно отработал норму отведенных мото-часов, пообносились и стали похожими на стоптанные башмаки траки, облезла краска, чадил он так, что издали казалось, будто горит. И при всем том эта "чертова машина" была удивительно везучей. Трижды подбивали гитлеровцы танк № 223 и все же не добили. Дважды он горел, но не сгорел. А воевал Усков не только храбро, но и с большим умом. Он любил свой "заколдованный" танк и не собирался менять его.

Как-то возле Львова, догоняя танковую колонну, я еще

издали заметил "дымовую завесу", поставленную мотором танка № 223.

- Вот что, Усков, - сказал я лейтенанту, - доведешь танк до Вислы и топи его в реке. Уж больно он страшен!

- До Вислы доведу, - ухмыльнувшись, ответил командир танка. - А топить погожу, товарищ полковник. Я на нем еще и до победы доеду. А там уж можно будет сдавать хоть в музей. Как-никак заслуженная машина...

Довести свою машину до Берлина Усков не сумел, а до сандомирского плацдарма довел. И не только довел, а еще вывел на ней из строя три фашистских танка. В те дни исполнилось заветное желание лейтенанта - его "черт" подбил немецкого "тигра". А вскоре командир и механик-водитель получили ордена не только за боевые дела, но и за умелое сохранение материальной части. Их танк прошел с боями 2800 километров, превысив вдвое положенную норму мото-часов.

Правда, в музей машина Василия Ускова не попала: немецкая фугаска доконала ее. Лейтенант пересел на новый танк. По сравнению с "чертом" - это был танк-красавец, вооруженный 85-миллиметровой пушкой. Но в тот же день в одной из атак новый танк сгорел, а лейтенант Усков был ранен.

Встретились мы с ним уже в Берлине. Василий и тогда все еще жалел о своем танке № 223, на котором воевал два с лишним года.

Сказав свое слово тогда, в вагоне поезда, командир танка снова умолк, думая о чем-то. А я, глядя на него, еще и еще раз мысленно благодарил Александра Павловича, который настоял, чтобы Усков поехал на Парад Победы. Конечно же, без него наш строй был бы неполным.

В купе рядом с Усковым сидел механик-водитель Клим Антонович Мокров. Не одну тысячу километров прошел он на своем танке, стремясь к единственной точке земного шара - к Берлину. Одним из первых в бригаде Мокрое воплотил в жизнь лозунг "Удвоить нормы пробега танка!". И он не только удваивал, но даже утраивал эти нормы. Он так умело поддерживал и омолаживал свою машину, что многие в бригаде считали его чуть ли не волшебником.

Клим Мокров сражался лихо. В атаку ходил на предельной скорости, виртуозно управлял машиной, искусно маневрировал на поле боя, выбирал неожиданные позиции, помогая наводчику метко поражать врага. Страшен был в своей мести этот внешне спокойный человек. Однажды он смело таранил немецкий танк. А как радовался старший сержант Мокров, когда оказался в Берлине!

Совсем другим, не похожим ни на молчаливого Василия Ускова, ни на спокойного Клима Мокрова, был Георгий Гасишвили - наш всеобщий любимец. Все мы, а фронтовики в особенности, питаем слабость к людям горячим и смелым. У Георгия же оба эти качества проявлялись очень ярко. Нам порой казалось, что не знающий страха юноша-грузин нарочно искал самые сложные ситуации, чтобы дать выход кипевшей в нем энергии.

Всей своей пламенной душой любил Георгий свой чудесный край, свою солнечную, ласковую Грузию.

Это был настоящий друг, готовый на все ради товарища. Однажды он спас мне жизнь, набросившись с автоматом на гитлеровцев в тот момент, когда мне казалось, что смерть неотвратима...

Этот талантливый юноша был на все руки мастер: он и механик-водитель танка, и наводчик орудия. А в свободное от боев время Георгий осваивал специальности электрика, шофера, ремонтника.

Бархатный голос Георгия Гасишвили, говорившего с характерным гортанным акцентом, казалось, заполнял все купе. Мы понимали состояние нашего друга: как и каждый из нас, он был беспредельно счастлив.

Со свойственным его землякам гостеприимством Георгий приглашал нас приехать в свое родное село. К сожалению, долгие годы я не мог воспользоваться этим приглашением. И все-таки наша встреча состоялась.

Шел 1967 год. В День танкистов я выступал по телевидению в Тбилиси, где в это время служил. Свое выступление закончил словами: "Георгий Гасишвили! Где ты, откликнись!" Двадцать человек по фамилии Гасишвили, и все Георгии, откликнулись. Среди полученных писем была и маленькая записка: "Товарищ генерал, это я, живу в селе Проми, Хашурского района".

Мы встретились в Тбилиси 7 ноября 1967 года, в день 50-летия Великого Октября, на параде, которым я командовал.

Мне не стыдно признаться, что мы оба, постаревшие, убеленные сединами старые фронтовые друзья, не сдержали слез радости.

Вместе с нами мечтал о будущей мирной жизни и работе разведчик Саша Заблудаев. И его мечты сбылись. После демобилизации в 1947 году Александр Заблудаев 12 лет водил железнодорожные составы, а затем перешел на Горьковскую ГРЭС машинистом котельной. В 1966 году Александру Петровичу Заблудаеву, кавалеру нескольких боевых орденов и медалей, было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Не зря, видно, говорится: из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд.

* * *

Ранним июньским утром эшелон прибыл в Москву. В Лефортовском тупике, куда поставили наш состав, было полно народа. Москвичи встречали своих родных, близких, знакомых: смешались шум, радостные крики, крепкие объятия, горячие поцелуи, смех, слезы.

Выделенные для наведения порядка патрули бессильно разводили руками: кто мог удержать эту лавину людей? Да и нужно ли это было? "Папочка!" "Сыночек дорогой!" "Милые мои!" - неслось над толпой.

Почему-то ни у кого из встречавших не было в руках обычных в таких случаях цветов. Этот штрих так же, как слезы радости и горя, придавал встрече ту суровость и величественность, которая всегда вызывает душевный трепет, особенно у тех, кого никто не встречает. Я не мог совладать с собой - на глаза набежали слезы, и я отошел в сторону.

Мое внимание привлекла небольшая группа молчаливо стоявших людей.

- Отчего не подходите ближе? - спросил я. Старик в солдатской гимнастерке с расстегнутым воротом сокрушенно махнул рукой и тихо ответил:

- Ближе и некуда... Второй день приходим, все смотрим, не появится ли наш сынок.

- А что, он должен быть с нами?

- Да как сказать... все может быть... Только вряд ли... Вот у нас извещение, что он пропал без вести. А все думаем - не ошибка ли? Люди говорят, такие случаи бывали...

Эти слова старика растравили душу и в то же время помогли мне взять себя в руки. Все мы в тайниках души питаем надежду на возвращение тех, кого давно нет в живых...

В те дни в Москву прибывали сводные полки от всех фронтов.

Наш сводный полк 1-го Украинского фронта разместился в Лефортово. Начальник училища имени Президиума Верховного Совета РСФСР, мой однокашник, дважды Герой Советского Союза Иван Иванович Фесин гостеприимно распахнул для нас двери казарм. Огромный строевой плац с трудом вмещал всех участников парада от нашего фронта. А занимались мы много. Маршал Конев потребовал от нас безупречной строевой выучки.

- Пройти не хуже московских академий - вот мое к вам требование, сказал он перед строем.

Людей надо было подготовить в кратчайшие сроки по самым высоким требованиям. Мы, кадровые офицеры, невольно

вспоминали предвоенные годы, когда к Октябрьским и Первомайским парадам наша академия готовилась не менее двух месяцев. А ведь до академии за плечами у нас были полковые школы, военные училища, командование взводом, ротой. Большинство же участников парада до войны не служили в армии, а на войне им, конечно, некогда было заниматься строевой подготовкой.

Над Лефортово стоял барабанный бой, гремели оркестры, не умолкали многоголосые команды. На первых порах дело не клеилось. Однако упорство участников парада, ежедневные многочасовые тренировки, большой опыт кадровых офицеров, занимавшихся с нами, принесли свои плоды. Наш шаг становился тверже, взмах руки четче, держались мы прямо, равнение в шеренгах и коробках достигло совершенства. Не легко было заслужить похвалу такого требовательного человека, каким являлся наш командующий фронтом. И тем не менее на одном из смотров он высоко оценил строевую выучку будущих участников Парада Победы и даже выделил при этом летчиков и танкистов.

- Немного отшлифуйте шаг и вы достигнете уровня московских академий, сказал нам маршал Конев в конце разбора очередной тренировки.

После этих ободряющих слов мы стали стараться еще больше и к дню парада шагали не хуже слушателей любой военной академии.

...В один из теплых июньских дней, когда зной еще не обесцветил яркую зелень на газонах и в скверах, а цветы по-весеннему пестрели на клумбах, я, волнуясь, направлялся в Кремль, чтобы получить вторую Золотую Звезду Героя.

Задолго до назначенного времени все приглашенные уже сидели в просторном фойе, ожидая торжественной церемонии. Здесь были генералы и солдаты, офицеры и рабочие, инженеры и директора заводов. Были люди, уже отмеченные многими орденами и медалями, и те, кого наградили впервые. И все одинаково волновались.

Нас пригласили в Свердловский зал.

Мягкой, еле слышной походкой в зал вошел Михаил Иванович Калинин. Встретили его бурной овацией. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР огласил указ о награждениях. Первой почему-то назвали мою фамилию. Сопровождаемый сотнями глаз, я смущенно подошел к Михаилу Ивановичу и получил награду. Когда в зале прозвучали слова "Служу Советскому Союзу", я не узнал своего голоса. Волнение мое было настолько сильным, что я начисто забыл о краткой речи, с которой мне поручили выступить.

* * *

Тренировка на плацу была в полном разгаре, когда запыхавшийся дежурный по нашему сводному полку сообщил мне о вызове к начальнику Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Для меня это было полной неожиданностью.

С замирающим сердцем приближался я к академии: волновала встреча со знакомыми и уже неузнаваемыми местами. Война наложила свой отпечаток и на внешний облик нашей Фрунзевки. С высокого постамента был убран огромный макет танка, по-военному строго выглядели камуфлированные стены здания и серые корпуса.

По ступенькам широкой лестницы вошел в вестибюль. Все осталось здесь таким, каким было в начале войны.

Дежурный по академии охотно провел меня по классам, аудиториям. Вот и лекционный зал, откуда в июле 1941 года мы были вызваны по тревоге в отдел кадров. Больше я не возвращался сюда. Старенький автобус отвез тогда меня в ржевские леса...

Ничего не изменилось и в канцелярии факультета. Секретарша Ольга, наш добрый гений, была все такой же приветливой.

Не изменился и начальник учебного отдела Фоминский, прозванный слушателями Наро-Фоминским.

Полковник Фоминский остался все таким же худым, а вот строгости у него явно поубавилось. Мы по-дружески обнялись, и я впервые увидел его улыбающимся.

Дежурный напомнил, что нас ждут.

В кабинете начальника академии я увидел много незнакомых генералов и офицеров. Представился. Стал искать глазами своего начальника академии Веревкина-Рахальского. И не нашел. Не увидел и комиссара академии Батракова.

С удивительной четкостью вспомнилось, как в этом кабинете генерал Веревкин-Рахальский напутствовал нас, провожая на фронт:

- Желаю вам хорошо воевать... А насчет дипломов не беспокойтесь. Дипломы получите после войны.

Кто из нас думал тогда о дипломах! Кто надеялся, что мы вновь окажемся в стенах родной академии!

Мысли мои прервал голос генерал-полковника Н. Е. Чибисова, нового начальника академии:

- Товарищ полковник! Нам известно, что вы в связи с войной не успели защитить перед государственной комиссией свою дипломную работу. Учитывая ваши успехи в боях, командование академии решило вручить вам диплом об окончании академии

без защиты.

Генерал подкрутил пышные усы, подошел ближе и протянул мне синенькую книжечку диплома...

Я был счастлив, что через столько лет снова побывал в родной академии и встретился со своими профессорами. А как приятно было сознавать, что тебя не забыли, о тебе думают, за твоими успехами следят.

Долго стоял я у скверика, держа в руках диплом и любуясь своей родной Фрунзевкой, которая дала мне путевку в жизнь...

* * *

Наступило наконец долгожданное утро 24 июня. Оно было пасмурным. Небо затянули тучи, моросил мелкий дождь. Со всех концов Москвы к Красной площади потянулись сводные полки фронтов, флотов и части Московского гарнизона. Улицы и площади были запружены народом. Мы шли, провожаемые улыбками тысяч и тысяч людей.

На мокрой брусчатке Красной площади застыли четкие квадраты парадных рот. Стояли по фронтам. Во главе - командующие и фронтовые штандарты Карельского, Ленинградского, Прибалтийского, Белорусских, Украинских фронтов...

Капли теплого июньского дождя блестели на стальных касках солдат, на лакированных козырьках офицерских фуражек, алмазами сверкали в усах ветеранов...

А мне казалось - это капли ратного солдатского пота, который просолил наши гимнастерки на том нелегком пути, по которому мы шагали с боями почти четыре года.

Не все пришли на Красную площадь. Многие - самые отважные, самые лучшие сыны Родины - никогда уже не смогут прийти сюда. Но они не забыты. Мы, живые, навсегда в долгу перед ними и вечно будем помнить, чем обязаны им.

Наша 55-я бригада многим обязана своему бывшему командиру Герою Советского Союза полковнику Леониду Сергеевичу Чигину, сраженному в боях на Курской дуге.

Мы, танкисты 3-й гвардейской танковой армии, всегда будем помнить комбата капитана Лордкипанидзе, безудержно храброго человека, о мужестве и геройстве которого у нас ходили легенды. Этот двадцатидвухлетний капитан из Кахетии погиб на моих глазах в неравном бою на западном берегу Днепра, у стен Киева.

Никогда не забуду декабрьское морозное утро сорок третьего года. Река Тетерев еще не замерзла, и от воды поднимался белесый туман. Мы стояли на КП командира бригады, и капитан Лордкипанидзе на все мои распоряжения коротко отвечал: "Есть!"

С часу на час мы ждали контрудара фашистов, стремившихся

любой ценой взять инициативу в свои руки. И как раз в тот момент вышел из строя комбат Ковалев. Вместо него я назначил капитана Лордкипанидзе и сразу поставил ему задачу не допустить прорыва немецких танков через реку Тетерев.

Ничейная полоса определялась шириной реки. Когда началась эта неравная танковая дуэль, страшно было смотреть, как с дистанции восемьдесят - сто метров бронированные машины посылали снаряды одна в другую. Казалось, гитлеровцы вот-вот сомнут наших, расстреляют батальон, раздавят его своим численным превосходством. Все новые и новые немецкие танки выползали из леса. У нас же в тот момент не было никакой надежды на подкрепление. Накал боя достиг своего предела, когда из леса вдруг вынырнула еще группа танков. Мы похолодели, увидев, как эти машины, словно допотопные чудовища, неумолимо приближались к урезу воды. Было яснее ясного: Лордкипанидзе не сможет выделить хотя бы часть сил для борьбы с ними. Неужели враг форсирует реку?

Говорят, отчаянным везет в бою. Когда-то я не верил в это. Но после того боя мой скептицизм был сильно поколеблен. Вновь назначенный комбат поступал вопреки всем правилам и даже математическим расчетам. Он вдруг бросился на своем танке к месту предполагаемой переправы и стал в упор расстреливать гитлеровцев. Два их танка сразу зачадили, остальные, не задерживаясь, повернули вспять.

С трудом добрался я спустя некоторое время до танка Лордкипанидзе, постучал по броне. Из открытого люка высунулась голова капитана.

- Удержишься?

- Конечно удержимся, товарищ комбриг! - уверенно ответил он, и глаза его заблестели по-озорному.

Да, батальон тогда удержался, а капитана Лордкипанидзе не стало...

Не пришли с нами на Красную площадь и командиры батальонов Стальненко, Коротков, Савченков, сложившие головы в Польше.. Не дожили до Дня Победы замполиты Немченко и Маланушенко, похороненные в самом Берлине. И еще много-много таких, как они...

Приняв рапорт начальника гарнизона, величественно застыл на коне командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: он ожидал выезда принимавшего парад Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Сознание не поспевало за событиями, а так хотелось все осмыслить, охватить взором, сохранить в памяти навсегда! По площади сновали многочисленные фоторепортеры и

кинооператоры. Я с надеждой глядел на них: вот кто сумеет запечатлеть и сохранить все на века!

Над колоннами нашего сводного полка гордо развевалось Боевое Знамя, овеянное ветрами многих европейских стран. Его крепко держал бесстрашный сокол, трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин. А рядом с ним стояли ассистенты, одним из которых был солдат 55-й гвардейской танковой бригады, простой советский парень Клим Мокров.

Возглавлял сводный полк командующий 1-м Украинским фронтом Иван Степанович Конев. Его лицо было строгим и торжественным. Прославленный полководец был взволнован в тот день, пожалуй, не меньше, чем перед самой сложной боевой операцией. Плечом к плечу с ним шагали его соратники: командармы Рыбалко, Жадов, Лелюшенко, Курочкин, Красовский, Коровников, Коротеев, Гордов, Гусев, Пухов.

В завершение торжественного марша воины-победители под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея двести захваченных в боях знамен разгромленной немецко-фашистской армии.

Вечером я снова пришел на Красную площадь. У подножия Мавзолея еще валялись фашистские знамена. Их брезгливо рассматривали москвичи.

Столица нашей Родины ликовала. То тут, то там качали солдат и офицеров, и тогда мелодично звенели их боевые награды. Качали в тот вечер и меня.

На всю жизнь запомнился мне салют из тысячи орудий, осветивший московское небо...

Вечер я провел в дружной, веселой и совсем незнакомой компании, в которой меня приняли, как родного. А через несколько дней железнодорожный эшелон мчал нас, участников Парада Победы, на запад, в наши полки, бригады, дивизии.

Мы ехали, чтобы встать на вахту мира.

* * *

Жизнь моя и по сей день связана с Советской Армией. За эти долгие годы мне довелось командовать танковой дивизией, затем быть первым заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. А в 1969 году меня назначили начальником курсов "Выстрел"{6}.

Ритм жизни резко изменился. Да и дела, которыми предстояло теперь заниматься, были не совсем обычными для меня. В общем, для начала надо было многому учиться. Этим и занялся без промедления. А одновременно стал присматриваться к новому коллективу, знакомиться с людьми.

На моем рабочем столе появились десятки программ и

лекций. Как же все это было ново и непривычно! Пришлось на каждом шагу сдерживать свой характер. Меньше говорить, а больше слушать. Одним словом, это была для меня коренная ломка привычной активной армейской практики. И "обкатка" в новых условиях оказалась, прямо скажу, нелегкой...

Объездив многие училища, учебные поля различных частей и соединений, побывав в большинстве лабораторий наших прославленных академий, посетив МГУ, Высшее техническое училище имени Баумана, я постарался перенять все лучшее и применить это лучшее в учебном процессе. Опираясь на огромный опыт работоспособного, дружного, высококвалифицированного коллектива, я постиг специфику педагогической деятельности. Это позволило нам внести в работу все то новое, чего требовали современная обстановка, задачи, стоявшие перед Вооруженными Силами.

Курсы "Выстрел" не случайно называют в армии "полевой академией". Большую часть времени офицеры-слушатели занимаются в поле, на полигонах, танкодроме, в парках. Это вовсе не означает, что у нас уделяется мало внимания учебе в классах и лабораториях. Классно-лабораторные занятия проводятся на курсах с учетом последних достижений военной педагогики, с широким применением технических средств обучения, кино, радио, телевидения, видеомагнитофонных записей, тренажерной системы.

Вместе с советскими офицерами на курсах "Выстрел" совершенствуют свое ратное мастерство и наши зарубежные друзья - офицеры армий стран Варшавского Договора. Тепло отзываясь об учебе, они называют курсы "Выстрел" еще и интернациональной школой.

* * *

Время летит неудержимо. В круговороте событий незаметно промелькнули почти четыре десятилетия. Уже более десяти лет я возглавляю курсы "Выстрел", освоился с нелегким педагогическим делом, близко узнал своих подчиненных, работаю с ними в полном согласии и взаимопонимании. Все это приносит огромную радость. Но есть еще одна сторона моей послевоенной жизни, которая требует немало сил и времени, - это работа в Советском комитете ветеранов войны и в Союзе советских обществ дружбы с народами зарубежных стран.

Как представитель этих общественных организаций, я исколесил многие страны Европы, побывал в Северной и Южной Америке. Горячее желание принять участие в борьбе с черными силами реакции и с сионизмом, донести до людей правду о моей стране заставляло меня, отложив все дела, ехать в Брюссель и

Нью-Йорк, Вену и Лос-Анджелес, Париж и Лиму, чтобы выступать там перед самой разнообразной аудиторией. И хотя не всегда удавалось достичь взаимопонимания, такие контакты, по моему глубокому убеждению, приносят пользу, так как помогают нам отстаивать мир, завоеванный столь дорогой ценой...

Чем дальше отодвигались годы моей боевой юности, тем больше хотелось встретиться с боевыми друзьями-однополчанами, вспомнить прекрасное незабываемое прошлое. Долго мечтал я о такой встрече и был счастлив, когда желание мое наконец сбылось. Встреча состоялась и в Москве, и на курсах "Выстрел". В Москве, в просторном Концертном зале собрались после многолетней разлуки ветераны 3-й гвардейской танковой армии, в том числе и танкисты моей родной 55-й бригады. Тогда-то наконец довелось мне увидеть Героя Советского Союза комбата-1 Петра Еремеевича Федорова и его боевую подругу Анну Никитичну, комбата-3 - по-прежнему шумливого Николая Акимовича Осадчего, начальника тыла бригады Ивана Михайловича Леонова, многих бывших разведчиков во главе с Андреем Серажимовым, Александра Заблудаева, получившего в послевоенные годы звание Героя Социалистического Труда. Прилетел кавалер ордена Славы трех степеней Халмат Джалалов. Прилетел, несмотря на то что из родного аула ему пришлось добираться двое суток только до Ташкента. Люда Савельева, живущая в Курске, привезла с собой внучку. А в центре нашего круга находился, конечно, любимец бригады Вася Пономарев. Он и сейчас красив и статен, хотя трижды стал дедом. Не изменил традициям дружбы и водитель моего танка Георгий Гасишвили, с которым мы вместе участвовали в Параде Победы. Правда, с ним мне уже приходилось встречаться, когда я служил в Грузии...

На десяти автобусах двинулись мы в Солнечногорск, на курсы "Выстрел". Засиделись до поздней ночи. Каждый рассказывал о себе, о своих сокровенных думах. Здесь я и услышал, что супруги Федоровы работают в Тюмени, что трудятся в Киеве Леонов и Осадчий, Джалалов - в родном ауле в Узбекистане, а Серажимов - механиком в оренбургской степи. Не ушли на пенсию мои боевые друзья Лида Савельева, Вася Пономарев, Александр Гаврилов, Раиса Искакова, Черкез Оразмухамедов.

Не было с нами в те радостные часы Героев Советского Союза Леонида Сергеевича Чигина, Афанасия Тихоновича Шурупова и Аваса Вердиева, погибших в боях за Родину. Не дожили до встречи начальник политического отдела бригады Александр Павлович Дмитриев, ставший после войны членом Военного совета округа, и безвременно ушедший от нас Иван Емельянович Калеников.

Не удалось нам повидать героя-разведчика Николая Новикова из Пинска и комбата Старченко из Полтавы. Оба ветерана в результате многочисленных ран и контузий прикованы к постели.

А сколько близких и дорогих нам однополчан погибло на пути к победе! Помянули мы их добрым словом и дали клятву помнить всегда...

Проводив друзей, я в тот же день поехал в дорогой моему сердцу Святск. Туда, где по сей день стоит мой отчий дом, где в братской могиле в центре села под мраморными плитами памятника-мемориала вместе с другими односельчанами, погибшими от рук фашистских убийц, вечным сном спят 70 моих родственников - однофамильцев.

Здесь же на площади установлен и мой бронзовый бюст...

Отчий дом, осиротевший в годы войны, бережно сохраняют мои земляки. В нем живут две колхозницы-пенсионерки, поддерживающие идеальную чистоту и порядок. Мне очень дорого это. Не случайно меня постоянно тянет побывать в Святске, причем с каждым годом это чувство все острей и острей...

Около четырех десятилетий живем мы под мирным небом. Все дальше отодвигаются в прошлое события, связанные с периодом Великой Отечественной войны. Но для тех, кто прошел через ее испытания, никогда не изгладится из памяти пережитое в те грозные годы. Особенно - у людей военных. Мы отлично понимаем, как нужен людям мир, и делаем все возможное, чтобы крепить оборонное могущество нашей прекрасной Родины.

Примечания

{1} Северо-Кавказское направление было создано Ставкой ВГК 21 апреля 1942 г. (главнокомандующий Маршал Советского Союза С. М. Буденный). В состав Северо-Кавказского направления вошли: Крымский фронт, Северо-Кавказский военный округ, Севастопольский оборонительный район, Черноморский флот и Азовская военная флотилия. - Прим. ред.

{2} 19 мая 1942 г. после расформирования Крымского фронта Северо-Кавказское направление было преобразовано в Северо-Кавказский фронт (командующий Маршал Советского Союза С. М. Буденный). Командующему войсками фронта были подчинены войска Севастопольского оборонительного района, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Северо-Кавказский военный округ. - Прим. ред.

{3} Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., Воениздат, 1970, с. 47.

{4} Меллентин Ф. В. Танковые сражения 1939-1945 гг. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, с. 212, 213, 214.

{5} Об этом же случае подробно рассказал в своих мемуарах генерал армии С. М. Штеменко. См. "Генеральный штаб в годы войны". М., Воениздат, 1981, кн. 1, с. 456. - Прим. ред.

{6} Курсы "Выстрел" - Высшие офицерские курсы имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Это военно-учебное заведение Советских Вооруженных Сил предназначено для переподготовки командного и политического состава Сухопутных войск, а также преподавателей военных училищ. - Прим. ред.